Н.А. Троицкий

БЕЗУМСТВО ХРАБРЫХ

Русские революционеры и карательная политика царизма

1866-1882 гг.

Несомненно, эти жертвы
пали не напрасно,
несомненно, они
способствовали — прямо
или косвенно — последующему
революционному воспитанию
русского народа.
Но своей непосредственной
цели,
пробуждения
народной революции,
они не достигли
и не могли достигнуть.

В. И. Ленин

Н.А. Троицкий

БЕЗУМСТВО ХРАБРЫХ

Русские революционеры и карательная политика царизма 1866–1882 гг.

МОСКВА «МЫСЛЬ» 1978

9(С)16
Т70

Редакции исторической литературы

На форзацах —
картина «Петр Алексеев на суде»
(худ. Г. Ивановский)
и рисунок «Казнь А. К. Соловьева»
(журнал «Illustration», Paris, 1879)

Т $\frac{10604\text{-}111}{004(01)\text{-}78}$ 105-78

© Издательство «Мысль». 1978

Памяти моего отца
гвардии рядового Советской Армии
Алексея Васильевича Троицкого
(1908—1942)

Введение

Тема исследования охватывает важнейшие проблемы освободительной борьбы в России почти на всем протяжении ее разночинского этапа — с 60-х до 90-х годов XIX в. То было время грандиозных социально-экономических перемен — от падения крепостного права до вступления России в эпоху империализма. Страна пережила тогда две революционные ситуации, невиданный ранее подъем крестьянского движения, начало классовой борьбы пролетариата, развитие социализма от народнической утопии к марксистско-ленинской науке. Революционный натиск на самодержавие отличался небывалым до тех пор в России размахом и многообразием форм — от массового, общероссийского «хождения в народ», захватившего более 50 губерний, до индивидуального террора (только на царя Александра II — 11 покушений).

Тем временем — в связи с демократическим подъемом, который переживала тогда вся Россия,— осуществлялись величайшие свершения науки (И. М. Сеченов, Д. И. Менделеев) и техники (П. Н. Яблочков, А. С. Попов), блистали, как никогда, литература (Л. Н. Толстой, Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев), живопись (И. Е. Репин, В. И. Суриков, В. В. Верещагин), музыка (П. И. Чайковский, М. П. Мусоргский, Н. А. Римский-Корсаков), театр (М. Н. Ермолова, М. Г. Савина, А. П. Ленский).

Многозначащей приметой того времени были и политические процессы, среди которых оказались тогда и самый крупный за всю историю царской России («193-х»), и самый громкий процесс (по делу 1 марта 1881 г.). Они занимают в книге центральное место.

Собственно, тема исследования объединяет два взаимосвязанных сюжета, каждый из которых имеет и самостоятельное значение: с одной стороны, рево-

люционное движение в России 60—90-х годов XIX в., с другой — карательная политика царизма. Вторая сторона темы позволяет оценить не только все разнообразие сил и способов подавления, которые применял царизм, но также (в сравнении с ним) и силу революционного натиска. Такое сравнение тем более уместно, что единоборство революционного лагеря с царизмом отличалось исключительным, небывалым прежде размахом и ожесточением. С 1866 по 1895 г. прошло более 220 политических процессов, причем многие («нечаевцев», «50-ти», «193-х», Веры Засулич, «16-ти», первомартовцев 1881 и 1887 гг., «20-ти», «14-ти» и др.) вызвали громкий международный резонанс. Политические процессы как бы фокусируют в себе два главных сюжета нашей темы, ибо в них «отражались ярко и сильно оба врага — революция и старый порядок — в их взаимной борьбе, отражались в самые критические, в самые драматические для них моменты» [1].

Понятие «политический процесс» верно, по-моему, формулирует, например, Н. Т. Медведь: «К политическим судебным процессам следует относить те процессы, на которых рассматривались дела о действиях, направленных прямо или косвенно на уничтожение, подрыв, ослабление, изменение существовавшего строя или образа правления» [2].

В предлагаемой работе исследуются политические процессы на территории России [3] от вступления в силу пореформенных судебных уставов 1864 г. до 1895 г. Первым из них был процесс ишутинцев в Петербурге 18 августа — 24 сентября 1866 г., последним — дело А. А. Зороастровой и других в Якутске 28 сентября 1894 г. Таким образом, кроме процессов начала 60-х годов, описанных М. К. Лемке [4], рассматриваются процессы на протяжении всего разночинского этапа освободительной борьбы в России.

Каждый из политических процессов 1866—1895 гг. интересен для историка не только и даже не столько как свидетельство жестокости, беззакония и тщетности расправы царизма с «крамолой», сколько (в первую очередь) как своеобразная революционная акция подсудимых — акция итоговая и потому чрезвычайно ответственная, которая заставляла борцов, оказавшихся в плену у врага, проявлять макси-

мум идейной убежденности и силы духа. Русские революционеры хорошо понимали это. «Политический процесс,— отмечала «Народная воля»,— является всегда актом революционной борьбы, в котором проявляется деятельность не только правительства, но и революционеров. Вот почему анализ политических процессов составляет хороший способ ознакомления с характером самого революционного движения» [5].

Цель данной работы и состоит в том, чтобы исследовать политические процессы 60—90-х годов, с одной стороны, как орудие карательной политики царизма, а с другой — и это главное — как арену, своего рода второй фронт революционной борьбы с царизмом. Само революционное движение предполагается характеризовать лишь в общих чертах, выделяя в нем наиболее значимые для понимания судебных процессов, а также дискуссионные моменты (общее и особенное в революционных ситуациях 1859—1861 и 1879—1881 гг., революционные демократы и народники, народническое и рабочее движение, марксизм и народничество). Поскольку важное место в данном исследовании занимает период, переходный от народничества к марксизму, в работе будут специально рассмотрены в связи с политическими процессами особенности этого перехода, т. е., во-первых, непрерывность и преемственность революционного процесса, а во-вторых, различия между его разночинским и пролетарским этапами, количественное накопление их внутри разночинского этапа и переход в новое качество — к пролетарскому этапу.

Все вообще политические процессы 60—90-х годов рассматриваются не только в связи с ходом революционной борьбы, со всеми ее поворотами, динамикой и диалектикой, но также и с учетом русской (отчасти и зарубежной) политической, общественной и культурной жизни.

Назову основные аспекты исследования.

Политические процессы 1866—1895 гг. в России и царизм (законодательные основы царского судопроизводства; цели, которыми руководствовался царизм, устраивая политические процессы, и самая техника их проведения; зависимость процессов от политической конъюнктуры и влияние их на

политическую конъюнктуру в стране, их роль в осуществлении судебной контрреформы с начала 70-х годов).

Поведение революционеров на процессах (требования революционных организаций к поведению своих членов перед царским судом, в тюрьме и ссылке, на каторге и эшафоте), развитие революционной этики и тактики.

Отклики русского общества и народных масс на судебную расправу с революционерами, позиция и роль адвокатуры; влияние процессов на идейную дифференциацию внутри русского общества, и главным образом на его отношение к революционному лагерю.

Политические процессы 1866—1895 гг. в России и мировая общественность, их роль в привлечении интереса и сочувствия к русскому освободительному движению за рубежом.

Наконец, в задачи исследования входит попытка определить смысл и значимость уроков, которые были извлечены из политических процессов 1866—1895 гг. русскими революционерами следующих поколений.

Литература

До последнего времени политические процессы в России 1866—1895 гг. как специальная проблема не исследовались. Лишь об отдельных процессах написано несколько статей[6], из которых, на мой взгляд, наиболее удачна по охвату темы и по сумме источников статья Н. Б. Панухиной. Обобщающего исследования пока нет. Как правило, и русские дореволюционные, и советские историки в трудах широкого плана — об освободительном движении или карательной политике царизма — касались только ряда процессов, причем наиболее громких (чаще всего «50-ти», «193-х», Веры Засулич и по делу 1 марта 1881 г.).

Первыми историками революционного движения разночинцев, народников были не «сами участники движения», как принято считать[7], а их враги и каратели. Известный «Обзор» агента департамента полиции А. П. Мальшинского появился уже в 1880 г.[8] Тогда же прокурор Петербургской судебной палаты (будущий министр юстиции) Н. В. Муравьев подго-

товил «Очерк исторического развития и деятельности русской социально-революционной партии» с 1863 г. по 5 февраля 1880 г., оставшийся неопубликованным [9]. В 1882 г. была напечатана «судебно-полицейская хроника» (как определял ее сам автор) графа С. С. Татищева [10], написанная по заданию и в деловом контакте с директором департамента полиции В. К. Плеве [11]. До конца XIX в. с тех же охранительных позиций обозрели народническое движение публицист-катковец Ф. А. Гиляров, князь Н. Н. Голицын и жандармский генерал Н. И. Шебеко [12]. Все они проводили свои «исследования» главным образом для нужд политического сыска и, естественно, опирались на сыскные, в частности судебные, материалы, но в разбор судебных процессов не вдавались, а только упоминали их как орудие заслуженного возмездия революционерам, которые, кстати, выглядели под пером охранителей скопищем невежд и злодеев.

Что касается участников революционно-народнического движения, то их материалы (статьи П. Л. Лаврова, воспоминания С. М. Кравчинского и О. В. Аптекмана, подследственный «Отчет» А. Д. Михайлова, публицистика «Народной воли»), которые рассматриваются иногда в историографическом плане, я использую как источники.

Буржуазно-либеральная историография (В. Я. Богучарский, А. А. Корнилов, Б. Б. Глинский), как и дворянско-охранительная, усматривала в политических процессах лишь карательное орудие и анализом их специально не занималась, но часто использовала материалы процессов в качестве иллюстраций к своим взглядам. В противоположность охранителям либералы считали процессы выражением чрезмерной, неоправданной жестокости царизма, которая, мол, и превращала в закоренелых революционеров даже таких безобидных мечтателей, каковыми будто бы до конца 70-х годов являлись народники. Суть этой буржуазно-либеральной концепции сформулировал еще в 1883 г. М. П. Драгоманов: «Если бы знаменитое «хождение в народ» русских социалистов 1874—1875 гг. совершилось при условиях западноевропейских, т. е. осталось безнаказанным, или было даже судимо и наказано по европейским законам, то значительная часть людей, которые погибли в России

или перешли к террористическим теориям и действиям, сами собою обратились бы в «постепеновцев»» [13].

Только в советской историографии политические процессы стали истолковываться как многозначащие акты революционной борьбы. Такой подход к ним, диктуемый всей совокупностью источников, опирается в методологическом отношении на идеи К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. В. Плеханова, В. И. Ленина. Маркс и Энгельс первыми научно оценили революционное движение в России, отметив его мировую значимость и национальное своеобразие, а в качестве сфер действия, целесообразных для революционеров любой страны, рассматривали и политические процессы, в частности немецкие («Новой Рейнской газеты» в 1849 г., Союза коммунистов в 1852 г.) [14], французские (суммарно) [15] и русские («нечаевцев», «50-ти», 1 марта 1881 г.) [16]. Плеханов также интересовался политическими процессами как ареной революционной борьбы, высказав на этот счет ценные для нас суждения по поводу дел «50-ти», «193-х», 1 марта 1881 г., Софьи Гинсбург [17].

В. И. Ленин, создавший законченную научную концепцию революционного движения в России, часто обращался к истории политических процессов. С одной стороны, он разъяснял их карательное назначение, вскрывая классово корыстный, контрреволюционный смысл судебного законодательства в целом и Положения 14 августа 1881 г. как «основного русского полицейского закона» в особенности, а также всех судебных установлений царизма [18]. С другой стороны, Владимир Ильич указывал на возможность и необходимость использовать неправедный суд для борьбы с теми, кому он служит, приветствовал образцы активности, идейной стойкости, героизма подсудимых революционеров, настоятельно рекомендовал воспитывать на таких образцах революционную массу, сформулировал даже примерный кодекс поведения революционеров на суде [19].

Базируясь на марксистско-ленинской концепции, советская историография посвятила революционному движению России 1860—1890-х годов много исследований. В некоторых из них наряду с прямыми актами революционной борьбы рассматриваются и политиче-

ские процессы, правда, как уже отмечено, лишь единичные, избранные. Так, А. А. Шилов и М. М. Клевенский описали процесс ишутинцев [20]. А. А. Кункль исследовал долгушинский процесс. Б. С. Итенберг в одной книге дал подробную характеристику процесса «193-х» и краткую дела «нечаевцев», в другой — осветил процесс «Южнороссийского союза рабочих». Обзорный параграф отвел процессам «50-ти» и «193-х» В. Ф. Антонов. Те же процессы и дело Веры Засулич характеризовал в общих чертах Ш. М. Левин [21]. Все это помогло мне в работе над темой.

Меньше внимания уделено политическим процессам в советских монографиях о «Народной воле». В. О. Левицкий только перечислил некоторые из крупных процессов [22]. С. С. Волк вкратце обрисовал лишь один из них (первомартовцев), ничего не сказав об остальных восьмидесяти [23]. Только в книге М. Г. Седова [24] оценены как важная сторона революционной борьбы «Народной воли» ее процессы: сравнительно подробно (стр. 311—315) рассмотрен процесс «20-ти», есть интересные суждения о процессах по делу 1 марта 1881 г. и «21-го». М. Г. Седов напоминает читателю и о процессах конца 70-х годов («50-ти», «193-х», Веры Засулич).

Исследователи карательной политики царизма юристы М. Н. Гернет и Б. В. Виленский касались процессов шире, но тоже недостаточно (у Гернета коротко очерчены 22 процесса, у Виленского — 6), причем Гернет рассматривал процессы только как иллюстрации к истории царской тюрьмы [25], а Виленский интересовался ими постольку, поскольку они имели отношение к судебной реформе [26]: так как судебная реформа не коснулась военной юстиции, Виленский обошел дела военных судов, а между тем именно в военных судах с 1878 г. большей частью и шли политические процессы (за 1878—1895 гг. — 99 дел).

Как побочный сюжет, выборочно и обзорно, рассматривали ряд процессов и другие исследователи царской тюрьмы, ссылки, каторги. Из них некоторые (Е. Е. Колосов, П. Е. Щеголев, Д. Г. Венедиктов, И. А. Сенченко, Н. Е. Дворниченко) [27] освещали в процессах, по архивным данным, подробности, ранее неизвестные.

Отдельные процессы (опять-таки, по преимуществу, «50-ти», «193-х», первомартовцев) обозреваются в биографиях революционеров, но очень редко с привлечением новых материалов, как это сделали Я. Д. Баум, Н. С. Каржанский, В. С. Антонов, Э. С. Виленская, А. В. Уроева [28].

Еще меньше, естественно, касается нашей темы иностранная литература. В ней сосуществуют одновременно все те концепции, которые сменились в отечественной историографии. С марксистских позиций исследуют революционное движение в России 60—80-х годов историки социалистической Польши — Людвик Базылёв, Мария Ваврыкова, Леон Баумгартен [29]. В их капитальных монографиях показаны как арена революционной борьбы и политические процессы, но лишь на единичных примерах (все тех же дел «50-ти», «193-х», Веры Засулич, 1 марта 1881 г.) и по узкому кругу традиционных источников.

Итальянский ученый Франко Вентури, автор двухтомного труда о народничестве [30], рассматривает народническое движение в русле буржуазно-либеральной концепции, сочувственно, обстоятельно, но без должного проникновения в его социальную сущность (по старой традиции русской литературы он сближает народничество со славянофильством). Политические процессы, в оценке Вентури, были не столько ареной борьбы, сколько актами расправы, крайним выражением «белого террора», который лишь озлоблял революционеров, толкал их к мщению и тем самым как бы стимулировал «красный террор» [31]. Таковы же в принципе точки зрения английских историков Дэвида Футмена, еще в 1945 г. выступившего с книгой о А. И. Желябове [32], и Рональда Сета, который недавно в очерках «Русские террористы» (от Д. В. Каракозова до эсеров) отвел специальные разделы процессам 1 марта 1881 г. и «14-ти» [33]. Наконец, выходят на Западе и такие опусы по русской истории (преимущественно белоэмигрантов — М. Флоринского, А. Тарсаидзе, С. Пушкарева), где развивается взгляд царских охранителей на героев народничества как на головорезов, вполне заслуживших и каторгу, и виселицу [34].

Разумеется, поскольку политические процессы исследуются не сами по себе, а в широком, общерос-

сийском и международном аспекте, мною использованы наряду со специальной литературой также и работы на смежные темы — от монографий по истории России до жизнеописаний деятелей мировой культуры, откликавшихся так или иначе на процессы.

Необходимые ссылки на всю использованную литературу, а также полемику по частным вопросам читатель найдет в соответствующих разделах. Здесь же, заключая историографический обзор, приходится констатировать не просто отсутствие обобщающего исследования о политических процессах в России 1866—1895 гг. (а без него отдельные, даже самые известные процессы выглядят словно цитаты, вырванные из контекста). Не получила должного освещения ни одна из основных проблем нашей темы в отдельности, хотя многие авторы попутно касались той или другой проблемы. Остаются невыясненными принципы и тактические (в зависимости от ситуации на «воле», обвинения, характера суда) особенности поведения подсудимых, новое, что вносили они и в принципы, и в тактику, и даже в революционную этику сравнительно с предшественниками. Такие же проблемы, как процессы и русское общество, процессы и мировая общественность, адвокатура на процессах, совсем не разрабатывались.

Нет ясности и в чисто количественной стороне дела. Общее число процессов за 1866—1895 гг. не подсчитывалось и выглядит в литературе сильно заниженным. Так, принято считать, что «всего было 17 народовольческих процессов» [35]. По моим, возможно не исчерпывающим, подсчетам, их было 82. С другой стороны, фигурируют в литературе «лишние» процессы: например, юнкера А. А. Михайлова в Рижском военно-окружном суде (январь 1885 г.) [36], О. А. Варенцовой (позднее видной деятельницы Коммунистической партии) в московском окружном суде 30 декабря 1887 г. [37], одного из первых украинских марксистов Ю. Д. Мельникова в Харькове 11 июля 1890 г. [38] Документы следственного производства удостоверяют, что дела и Михайлова, и Варенцовой, и Мельникова были решены в административном порядке, без суда [39].

Источники

В основу исследования положен большой круг разнообразных источников — печатных и архивных. Рассмотрим вначале опубликованные источники. Их можно подразделить на шесть основных групп: судебно-следственные материалы, документы официального делопроизводства, письма и дневники, воспоминания, публицистика, художественные произведения, в которых нашла отражение героика поведения революционеров на процессах.

Самой обширной и важной для нас является первая группа, хотя главный источник — стенографические отчеты о процессах, эта, как выразился на суде А. И. Желябов, «открытая книга бытия» русских народолюбцев [10],— представлен в ней как раз бедно. В. Л. Бурцев в 1906 г. сетовал: «До сих пор у нас очень мало еще издано политических процессов, а к изучению их почти и не приступлено вовсе» [11]. Остается только повторить эти слова. К тем пятнадцати отчетам о процессах 1866—1900 гг., которые были изданы отдельными книгами или в сборниках уже к 1906 г.[12], за истекшие десятилетия прибавились только два [13]. Именно эти два отчета, опубликованных в советское время, и являются действительно полными стенографическими отчетами. Все остальные печатались с цензурными купюрами [14] либо (как нелегальные отчеты о процессах В. А. Осинского и «21-го») в пересказе очевидца.

Эти семнадцать отчетов отчасти уже были использованы исследователями. Совсем нетронуты поныне газетные отчеты, которые с 1871 по 1881 г. публиковались почти обо всех крупных процессах. Однако и в те годы более чем о пятидесяти делах не было даже какой-либо официальной информации. С 1881 г. стенографические отчеты в легальной печати не появлялись совсем.

Наряду с отчетами ценнейшим источником являются для нас подлинные судебные речи и заявления подсудимых, которые не вошли в отчеты и печатались в разное время особо. Большей частью они опубликованы уже в нелегальных изданиях 70—80-х годов: «Вперед!», «Община», «Набат», «Земля и воля», «Народная воля», «Общее дело». В 1906 г. изданы

речи героев процесса «17-ти» (М. Ф. Грачевского, П. А. Теллалова, С. С. Златопольского, А. П. Корба и Х. Г. Гринберг) [45], в 1932 г. — собственноручные записи речей А. А. Квятковского и С. Г. Ширяева на процессе «16-ти», позволяющие восполнить купюры официального отчета [46], в 1970 г. — последнее слово Г. А. Лопатина на процессе «21-го» [47].

Некоторые судебные речи и следственные показания революционеров-народников включены в сборник документов и материалов «Революционное народничество 70-х годов XIX в.» (т. I—II. М. — Л., 1964—1965).

К судебным документам примыкают по смыслу и ценности материалы дознаний и следствий, особенно показания обвиняемых. Специальные тома таких материалов изданы в советское время о делах «нечаевцев», 1 марта 1881 г. и «Второго 1 марта» [48]. Вообще почти все публикации следственных показаний революционеров 60—90-х годов (крайне малочисленные сравнительно с тем, что остается достойным печати в архивах) относятся к первым полутора десятилетиям Советской власти, причем как публикатор больше всех сделал С. Н. Валк. Он извлек из царских хранилищ, напечатал и снабдил первоклассными комментариями бесценные автобиографические показания народовольцев А. А. Квятковского (дело «16-ти»), Н. Н. Колодкевича (дело «20-ти»), М. Ф. Грачевского, Ю. Н. Богдановича, С. С. Златопольского (дело «17-ти»), П. Ф. Якубовича (дело «21-го»), подследственную переписку рабочего-народовольца П. Л. Антонова [49]. Столь же значимы опубликованные в разных изданиях следственные показания П. А. Алексеева, В. П. Обнорского, И. Н. Мышкина, С. Г. Ширяева, А. Д. Михайлова, Н. М. Рогачева, В. Н. Фигнер. Все они в той же мере, что и выступления со скамьи подсудимых, являют собой удивительные по своей цельности, как бы спрессованные (каждое — резюме целой жизни), итоговые свидетельства и образа мыслей, и нравственного склада, и меры стойкости русских революционеров 70—80-х годов XIX в.

То же надо сказать и о тюремных письмах обвиняемых, которые я отношу к первой (судебно-следственной) группе источников, выделяя их из обычной

эпистолярии. По словам Герцена, «письма — больше, чем воспоминания, на них запеклась кровь событий, это — само прошедшее, как оно было, задержанное и нетленное» [50]. На предсмертных письмах В. А. Осинского, Д. А. Лизогуба, С. Я. Виттенберга, А. А. Квятковского, А. К. Преснякова, С. Л. Перовской, К. Г. Неустроева, Н. Л. Зотова «кровь событий» запеклась почти в буквальном смысле. «Само прошедшее, как оно было» запечатлели в себе и письма-завещания 24 героев процесса «193-х», В. Д. Дубровина, И. И. Гриневицкого, А. Д. Михайлова, А. И. Баранникова, тюремные письма судившихся на процессах «50-ти», «16-ти», «20-ти» [51].

Вторую группу печатных источников по нашей теме составляют документы внесудебного официального делопроизводства (законодательные акты, высочайшие резолюции, межведомственные и дипломатические справки, жандармские циркуляры, доклады, обзоры, агентурные сообщения). Они опубликованы сравнительно в небольшом числе и ценны в двояком отношении: с одной стороны, как реальные факты карательной политики царизма, с другой — как удостоверения взглядов карателей на смысл, ход и перспективы революционной борьбы. Официальные акты, которые определяли в 60—90-е годы политическую конъюнктуру в стране, устройство, состав и функции карательных органов, соотношение администрации и суда, помогают нам уяснить подспудную «механику» политических процессов, особенности поведения судей, подсудимых и адвокатов.

Очень обширна третья группа печатных источников — письма и дневники. Хотя дневники часто относят к источникам мемуарного типа, наряду с воспоминаниями, думается, что в отображении исторических событий у них больше общего с письмами. В дневниках, как и в письмах (в отличие от воспоминаний), современники откликались на политические процессы по свежим следам, как на злобу дня, «натуральнее» и откровеннее, чем это делается обычно в воспоминаниях, более зависимых от публики и цензуры, а главное, ретроспективных. Разумеется, граф П. А. Валуев, к примеру, и в дневнике местами писал «на публику», но чаще — для себя, сокровенно разоблачая «безуспешность борьбы с революционной

крамолой» («все крушится и рушится»), загнивание «правящей камарильи», никчемность царских министров, похожих на «смесь Тохтамышей с герцогами Альба», и самой «коронованной полуразвалины» — царя [52]. Выразительно и, как правило, начистоту свидетельствуют об условиях, в которых шли политические процессы, и о самих процессах также дневники и письма других кроме Валуева царских министров (М. Т. Лорис-Меликова, Д. А. Милютина, Е. А. Перетца, К. П. Победоносцева, А. А. Половцова) и прочих лиц всех направлений—реакционных (А. А. Бобринского, Я. Г. Есиповича, А. В. Богданович), консервативных (А. В. Никитенко, А. С. Суворина, А. Ф. Тютчевой), либеральных (А. Л. Боровиковского, В. П. Гаевского, Е. А. Штакеншнейдер) и революционных (С. М. Кравчинского, Л. Н. Гартмана, П. Л. Лаврова). Особый интерес представляют отклики на политические процессы в письмах корифеев отечественной культуры: Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, П. И. Чайковского, В. Г. Короленко, Ф. И. Тютчева, С. В. Ковалевской, В. В. Стасова, Н. С. Лескова.

Еще обширнее четвертая группа печатных источников по нашей теме — воспоминания. Наиболее ценны для нас, естественно, мемуары революционеров, особенно тех, кто судился на политических процессах. Специально о некоторых процессах написали воспоминания В. Н. Фигнер [53], С. С. Глаголь, Н. А. Виташевский, В. С. Ефремов, Н. К. Бух, А. В. Прибылев, М. И. Дрей, П. И. Торгашов, А. И. Бычков, В. С. Панкратов, Г. Н. Добрускина, А. А. Спандони, В. И. Чуйко, И. Л. Манучаров, Р. А. Шмидова. Кроме того, попутно вспоминали о процессах десятки других мемуаристов: И. А. Худяков, И. С. Джабадари, Н. А. Чарушин, М. П. Сквери, М. Р. Попов, Е. Н. Ковальская, М. П. Шебалин и многие другие. Жизнь и борьба осужденных на каторге запечатлены в известных воспоминаниях Н. А. Морозова, В. Н. Фигнер, М. Ф. Фроленко, П. С. Поливанова, М. Н. Тригони, Л. А. Волкенштейн, И. П. Ювачева, М. В. Новорусского, Л. Г. Дейча, Ф. Я. Кона.

Воспоминания как исторический источник всегда в той или иной мере субъективны и тенденциоз-

ны. «Личные, групповые, классовые, национальные пристрастия, симпатии и антипатии,— отмечал академик Е. В. Тарле,— самым могущественным образом влияют на содержание мемуарной литературы, даже если автору воспоминаний кажется, будто он говорит чистейшую правду, не лжет и не рисуется» [54]. Такого рода пристрастия, симпатии и антипатии налицо и в мемуарах русских революционеров 60—90-х годов— пропагандистов, бунтарей, террористов, народников и социал-демократов, дворян, разночинцев, рабочих. Есть в них неизбежные ошибки памяти и ретроспективные наслоения (особенно у Л. Г. Дейча и Н. А. Морозова). Но большей частью они замечательны по обстоятельности и достоверности. Иные мемуаристы-народники (О. В. Аптекман, Н. С. Тютчев, М. И. Дрей, А. И. Бычков, С. Е. Лион, М. П. Шебалин), не полагаясь на свою память, но заботясь о точности, использовали в воспоминаниях даже архивные документы.

В этой связи выделяется сводный обзор одиннадцати процессов «Народной воли», подготовленный в 1930—1931 гг. группой бывших народовольцев [55]. Статьи для обзора писали люди, которые в свое время судились на этих процессах. В основу статей были положены личные воспоминания. Вместе с тем иные авторы использовали печатные источники, а М. И. Дрей (для статьи о процессе «23-х») — архивный материал. Все это придает обзору полуисследовательский характер и делает его ценным подспорьем в разработке нашей темы.

По-иному тенденциозны сочинения мемуаристов либерального и особенно правительственного лагеря, интересные именно своей оригинальностью как с фактической стороны, так и с идейной. Из них наиболее значимы для нас «История моего современника» В. Г. Короленко, а также воспоминания юристов А. Ф. Кони, Д. В. Стасова, Н. С. Таганцева, Н. П. Карабчевского, ученых и публицистов Б. Н. Чичерина, В. А. Поссе, Г. К. Градовского, Д. М. Герценштейна, писателей С. Я. Елпатьевского, П. П. Гнедича, В. И. Дмитриевой, И. И. Ясинского, некоторых чиновников (С. Ю. Витте, К. Ф. Головина, Е. М. Феоктистова), жандармов (В. Д. Новицкого,

П. А. Черевина, А. И. Дворжицкого), военных (графа фон Пфейля, Льва Плансона), тюремщика М. А. Федорова.

Пятую группу печатных источников составила публицистика. Главным образом использована русская нелегальная пресса 60—90-х годов, в которой печатались не только материалы процессов, но и политические разъяснения к ним [56]. Подцензурную информацию о процессах с частыми комментариями давала вся легальная печать: «Правительственный вестник», столичные газеты и журналы реакционного направления («Московские ведомости», «Русь», «Современные известия», «Берег», с конца 70-х годов «окопавшееся» в этом стане «Новое время»), либеральные («Голос», «Русские ведомости», «Вестник Европы», «Порядок», «Молва») и радикально-демократические органы («Отечественные записки», «Дело», до середины 70-х годов — «Неделя»), а также провинциальная пресса («Киевлянин», «Одесский вестник», иркутская «Сибирь» и др.).

Использован ряд английских, французских, немецких газет («The Times», «Le Figaro», «La Lanterne», «Der Sozialdemocrat», «Allgemeine Zeitung») и журналов («Revue des deux Mondes», «The Fortnightly Review», «The Graphic»), которые часто откликались на политические процессы в России 70—80-х годов с разных (консервативных [57], либеральных [58], революционных [59]) позиций. Обильную информацию о зарубежных откликах на русские (в частности, судебные) дела содержит газета П. А. Кропоткина «Бунтарь», выходившая на французском языке в Женеве с начала 1879 до середины 1881 г. Чрезвычайно интересны материалы иностранной печати о международных кампаниях протеста против царских карателей с участием Джузеппе Гарибальди, Вильгельма Либкнехта, Лео Франкеля, Огюста Бланки, Луизы Мишель, Виктора Гюго, Марка Твена.

Кроме прессы использованы отдельные книги, брошюры, сборники статей публицистов из всех лагерей. Самый ценный для нас памятник революционной публицистики — три книги С. М. Степняка-Кравчинского: «Россия под властью царей», «Подпольная Россия», «Царь-чурбан, царь-цапля». Либеральная публицистика лучше всего представлена по нашей

теме сочинениями К. К. Арсеньева, К. Д. Кавелина, С. А. Муромцева, А. И. Кошелева; охранительная — М. Н. Каткова, К. Н. Леонтьева, А. А. Киреева, Р. А. Фадеева. Привлечены и зарубежные публицистические очерки 70—80-х годов о русском «нигилизме» [60]. Разумеется, публицистика с ее политической заостренностью и сугубой тенденциозностью более, чем какой-либо другой род источников, требует строго критического подхода к любому документу с учетом классовой, идейной и партийной позиции автора.

Наконец, к шестой группе печатных источников отнесено прямое или иносказательное отражение героики политических процессов 1866—90-х годов в художественном творчестве таких ее русских и зарубежных свидетелей, как Л. Н. Толстой и И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов и С. Я. Надсон, Леся Украинка и Акакий Церетели, Эмиль Золя и Оскар Уайльд.

Масса материалов о политических процессах 60—90-х годов хранится в архивах. Они восполняют недостаток печатных источников, а в ряде случаев и целиком заменяют их. Коротко рассмотрим использованные архивные материалы в той же последовательности (по шести группам), в которой речь шла о печатных источниках.

К сожалению, из неопубликованных отчетов о процессах до сих пор разысканы только два: полный, официальный по делу «193-х» [61] и краткий, нелегально гектографированный, по делу «17-ти» [62]. Но недостающие отчеты в известной степени компенсируют ежедневные агентурные донесения о ходе процессов (Н. П. Гончарова, «50-ти», центра «Земли и воли», кружка М. Р. Попова — Д. Т. Буцинского, типографии «Черного передела» и др.), протоколы судебных заседаний, гектографированные оттиски и списки речей адвокатов (Г. В. Бардовского на процессе участников Казанской демонстрации, В. Н. Герарда на процессе «50-ти», П. А. Александрова и Е. Ф. Королева по делу «20-ти») и особенно подсудимых Ю. Н. Богдановича, Б. Д. Оржиха, Я. В. Стефановича, Г. П. Исаева (гектографированное издание, несколько отличное от публикации в газете «Вольное слово»), А. Д. Михайлова (собственноручная запись, более полная, чем в отчете по делу «20-

ти»), А. И. Желябова (запись В. А. Тихоцкого с подробностями, которых нет в официальном отчете).

Материалы дознания и следствия по делам революционеров 60—90-х годов доныне, за малым исключением, остаются в архивах [63]. Практически все они просмотрены, причем кроме показаний использованы различные заявления обвиняемых (В. В. Берви-Флеровского — об инквизиционных методах царских следователей [64], Г. А. Лопатина — о тенденциозности процесса «21-го» [65], П. Ф. Лобанева [66] и И. Л. Манучарова [67] — против судейского «снисхождения» к ним и др.), а также изъятые у них документы (например, записка А. Д. Михайлова об уроках судебных процессов «Народной воли» [68]).

Показания и заявления революционеров, собственноручно написанные ими, заслуживают доверия как источник, хотя в силу специфики их происхождения нуждаются в сопоставлении с другими документами. Сугубо критический подход требуется к показателям предателей (А. В. Низовкина, Н. И. Рысакова, П. А. Елько, И. И. Гейера). В них — видимо, от готовности выдать все, лишь бы спасти себя или хотя бы облегчить собственную участь,— много иезуитства в тоне, путаницы в фактах, домыслов и беспардонной лжи. Особенно грешат этим показания агентов-провокаторов вроде Ф. Е. Курицына, В. Г. Веледницкого, Л. И. Забрамского, В. А. Меркулова.

Весьма ненадежен и такой источник, как показания свидетелей, поскольку сами свидетели на процессах зачастую (особенно с 80-х годов) подбирались, а их показания «редактировались» либо попросту выдумывались чинами жандармерии и прокуратуры, после чего тот или иной «свидетель» подписывал угодное властям «показание».

Впрочем, подтасовывались показания не только свидетелей, но и обвиняемых. Поэтому протоколы допросов, оформленные целиком, включая прямую речь обвиняемого, жандармами и следователями, нуждаются в проверке, сравнении с собственноручными текстами показаний обвиняемых и т. п.

Архивные изыскания значительно пополнили круг ценных для нас тюремных писем. Обнаружены письма В. Н. Черкезова, Л. А. Дмоховского, Е. С. Семя-

новского, В. А. Данилова, Н. Е. Суханова, П. А. Теллалова, А. П. Корба, П. Ф. Якубовича, письмо М. Ф. Грачевского к Д. В. Стасову из ссылки. Все эти документы, написанные героями политических процессов перед судом или после суда, впечатляюще раскрывают перед нами драматизм жизни и борьбы русских революционеров в царском плену.

Гораздо шире, чем публикациями, представлена архивными находками вторая группа источников по нашей теме — материалы внесудебного официального делопроизводства. Среди них обнаружены документы чрезвычайной значимости: журнал правительственной комиссии 1878 г. по пересмотру законодательства о государственных преступлениях [69], высочайшее повеление 14 ноября 1881 г. об экстраординарном, сверх узаконенного, ограничении публичности судебно-политических дел [70], Положение об устройстве секретной полиции в империи от 3 декабря 1882 г.[71], доклад министра внутренних дел Д. А. Толстого Александру III от 20 марта 1887 г. с обобщением зарубежных откликов на «Второе 1 марта»[72], совершенно секретная «жалоба» начальника киевского ГЖУ В. Д. Новицкого в департамент полиции на судебно-инквизиторские излишества проконсула Юга России В. С. Стрельникова [73], ряд донесений заграничной агентуры царизма о кампаниях солидарности с русскими революционерами в Европе и Америке и др. Учтены поступавшие в III отделение, департамент полиции и лично к царю многочисленные проекты искоренения «крамолы», которые изобличают тенденциозный и, главное, поверхностный взгляд реакционеров на судьбы социализма в России — явления будто бы случайного, наносного (с Запада), не имеющего корней в русской почве и противопоказанного русскому национальному характеру.

Особого внимания заслуживают жандармские «Обзоры важнейших дознаний» и прилагавшиеся к ним «Ведомости дознаниям» по делам о государственных преступлениях [74]. Они суммируют дознания по всем ГЖУ империи начиная с 1881 г. и, таким образом, наглядно показывают, с одной стороны, размах политических преследований в России 1881—1895 гг., а с другой стороны, приблизительный круг участников освободительного движения за те годы. Стати-

стику жандармских обзоров и ведомостей дополняет составленная министерством юстиции «Ведомость общему количеству лиц, привлеченных к делам по государственным преступлениям» в 1871—1876 гг.[75] Учитывая, что аналогичные подсчеты за 1877—1879 гг. опубликованы[76], можно считать почти весь интересующий нас период 1866—1895 гг. отраженным в статистике дознаний.

Третью группу источников — письма и дневники — тоже большей частью составили извлечения из архивов. Это главным образом обширная переписка, хранящаяся в личных фондах П. Л. Лаврова, П. А. Кропоткина, С. М. Кравчинского, В. Н. Фигнер, Н. А. Морозова, М. Ф. Фроленко и других революционеров с ценными сведениями о политических процессах и о событиях или проблемах, связанных с ними. Таковы, например, призыв П. А. Кропоткина к швейцарским гражданам от 2 апреля 1881 г. протестовать против смертных казней в России, письменное заявление Н. А. Морозова для третейского суда по делу В. Л. Бурцева и Н. П. Стародворского 10 октября 1908 г. о принципах поведения народовольцев после ареста[77].

Богата фактами и оценками также переписка официозных публицистов (М. Н. Каткова, Г. П. Данилевского, Б. М. Маркевича) и властей предержащих (К. И. Палена, М. Т. Лорис-Меликова, Н. П. Игнатьева, В. К. Плеве, М. И. Черткова). В частности, из переписки министра иностранных дел Н. К. Гирса и министра внутренних дел И. Н. Дурново за 1890 г. можно почерпнуть интересные сведения о кампании солидарности с «Народной волей» во Франции при участии Ж. Геда, Ж. Жореса, Ж. Клемансо, А. Мильерана и других социалистов и республиканцев[78]. Колоритно дополняют картину политических процессов индивидуальные и коллективные письма из-за границы в защиту осужденных народовольцев[79], очень пестрая, многоязыкая и разнотипная (то серьезная, то курьезная) перлюстрация.

Любопытные свидетельства о перепадах между «белым» и «красным» террором 70—80-х годов и о том, как реагировали на них двор, правительство, общество, почерпнуты из дневниковых записей М. И. Семевского и ряда дневников, известных по

отдельным извлечениям (Александра II, вел. кн. Константина Константиновича, начальника Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистова, ген. А. А. Киреева, проф. А. Ф. Кистяковского).

И в четвертой — мемуарной — группе источников по нашей теме количественно преобладают архивные. Только в ЦГАЛИ хранятся два больших собрания воспоминаний революционеров 60—90-х годов (ф. 1337 и 1744), не считая множества документов из личных фондов. Но самые ценные воспоминания уже опубликованы. Только некоторые из них по своей значимости давно и вполне заслуживают печати. Так, член-учредитель «Земли и воли» Н. И. Сергеев сообщает много нового о землевольческом движении (в частности, описывает забытый судебный процесс по делу о саратовском поселении землевольцев), рабочий-революционер Михаил Орлов — об откликах рабочих на судебную расправу с народовольцами, адвокаты С. А. Андреевский и К. К. Арсеньев — о корифеях русской буржуазной адвокатуры. Развернутую, местами остро критическую характеристику карательной политики царизма 60—80-х годов содержат неопубликованные мемуары царских министров, полулибералов-полуконсерваторов А. В. Головнина и И. А. Шестакова [80].

Пятая группа источников — публицистика — дополнена из архивов немногими, но важными документами. Это — призывно-революционные статьи П. Л. Лаврова «Б. Д. Оржих» (об известном народовольце) и Ф. В. Волховского «Царская Бастилия» (о самосожжении героя процесса «17-ти» М. Ф. Грачевского). Это — и верноподданнические записки против карательного террора, которые адресовали правительству во избежание революционного взрыва именитые либералы и консерваторы (Б. Н. Чичерин и Г. К. Градовский — в 1878 г., А. В. Головнин и Р. А. Фадеев — в 1880 г.). Интересны в этой группе источников также извлечения (переводы и вырезки) из редких иностранных изданий вроде венской «Neue Freue Presse» и бухарестского «Romanulu», с откликами на политические процессы в России. Особенно ценен гектографированный оттиск выдержки из газеты «Presse» с изложением смелых, не допущенных к печати защитительных речей адвокатов В. Д. Спа-

совича, Е. И. Кедрина, Е. Ф. Королева и С. С. Соколова на процессе «20-ти» [81].

Что касается шестой группы источников по нашей теме — художественных произведений,— то в архивах обнаружены лишь цикл тираноборческих стихов К. М. Фофанова, сложенный под впечатлением расправы царизма с народовольцами в 1881—1883 гг.[82], и стихотворение С. А. Андреевского «Петропавловская крепость» («о подвиге, задавленном впотьмах», и о других ее тайнах), написанное под тем же впечатлением в августе 1881 г. [83]

Таков в общих чертах круг использованных печатных и архивных источников.

Предлагаемое исследование — плод многолетнего труда. Часть его публиковалась ранее в цикле статей и в двух книгах, одна из которых посвящена процессам 1871—1879 гг., а другая — процессам «Народной воли» до 1891 г.[84] Поэтому фактическая сторона процессов 70—80-х годов, которая в предыдущих книгах рассмотрена подробно, будет освещена короче, а вопросы, изложенные ранее бегло (например, о принципах поведения подсудимых с 60-х до 90-х годов, о рабочих на процессах, об агитационной роли процессов),— подробнее. Главное же — заново подготовлены разделы, которые в названных книгах отсутствуют: политические процессы в России 1866—1870 гг. и после 1891 г., динамика освободительного движения от первой революционной ситуации до второй и на пути от народничества к марксизму, политические процессы 80 — 90-х годов и русское общество, процессы 80—90-х годов и мировая общественность, русская адвокатура на политических процессах 1866—1895 гг.

Этот замысел предполагается реализовать в двух книгах, сочетая хронологический и тематический принципы. В первой книге исследуются политические процессы 1866—1882 гг., т. е. условно от первой революционной ситуации до второй включительно, когда главной силой освободительного движения были разночинцы. Во второй книге будут рассмотрены процессы с 1883 до 1895 г., т. е. времени упадка народничества и роста социал-демократии, когда на смену разночинцам выдвигался в авангард революционного движения пролетариат. Кроме того, вторую

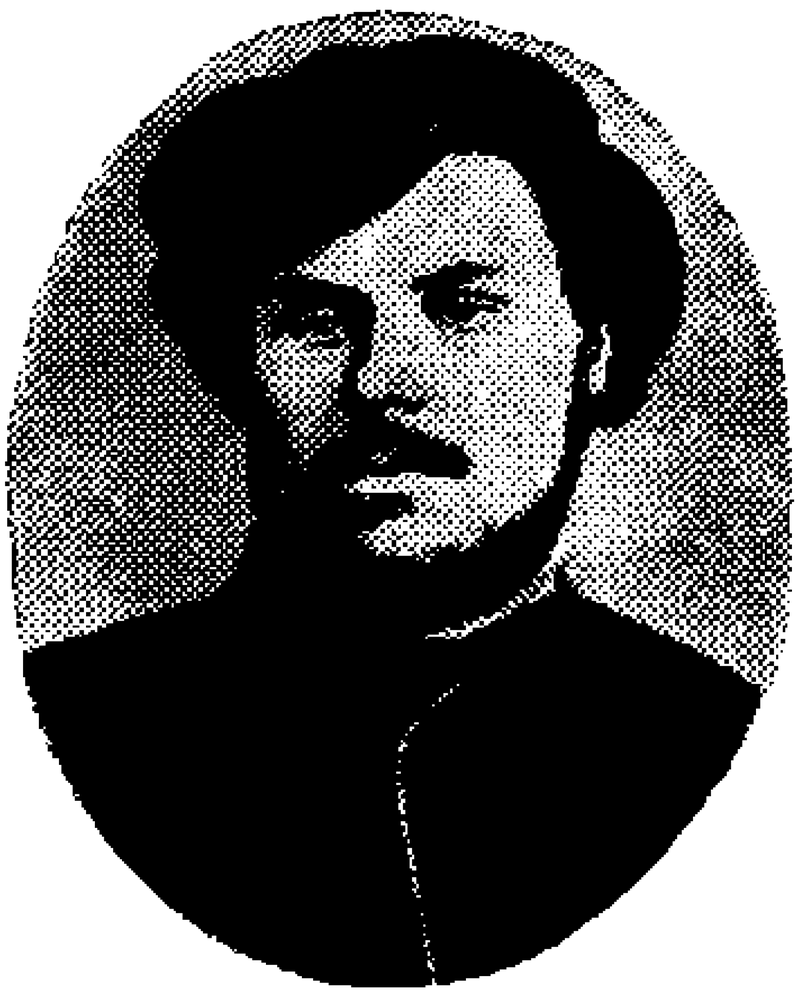
книгу составят материалы об откликах русской и мировой общественности (включая классиков литературы, науки, живописи, музыки, театра) на все политические процессы в России 1866—1895 гг.

Выражаю глубокую благодарность за ценные сведения о героях моего исследования внучке члена Генерального совета I Интернационала и Распорядительной комиссии «Народной воли» Г. А. Лопатина Елене Бруновне Лопатиной, сыну землевольца А. Ф. Михайлова и народоволки Г. Н. Добрускиной Федору Адриановичу Михайлову, его сестре Надежде Адриановне Бассиновой, сыну члена Исполнительного комитета «Народной воли» А. В. Якимовой и народовольца М. А. Диковского Андрею Моисеевичу Диковскому.

Часть первая

Политические процессы 1866—1878 гг.

Н. Г. Чернышевский
П. А. Алексеев
И. Н. Мышкин
А. В. Долгушин
С. И. Бардина
В. И. Засулич



Но чтоб вал пришел девятый,
Вал последний, роковой,—
Нужны первые усилья,
Нужен первый вал... второй...

П. Ф. Якубович

I

Царизм и революционное движение 1866—1878 гг.

От первой революционной ситуации ко второй

Революционная ситуация на рубеже 1850—1860-х годов завершила дворянский и открыла новый, разночинский этап освободительного движения в России. Разночинец выдвинулся на первый план как главный, массовый деятель движения, а «господствующим направлением, соответствующим точке зрения разночинца, стало народничество»[1]. Родоначальниками народничества считаются А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский[2]. Уточняя это (в принципе верное) мнение, В. И. Ленин показал, что, собственно, основоположником народничества был Герцен, а Чернышевский развил «вслед за Герценом народнические взгляды, сделал громадный шаг вперед против Герцена»[3].

Доктрина Герцена и Чернышевского заключала в себе и «реальное содержание» народничества как «идеология... крестьянской демократии»[4], и оба главных признака его внешнего облачения, две определяющие черты, которые образуют «*народничество* в специфическом значении этого понятия, т. е. в отличие от демократизма, в добавление к демократизму»: во-первых, социалистические мечты, надежду миновать путь капитализма, предупредить капитализм (иными словами, «учение о возможности *некапиталистической* эволюции» для России, опиравшееся на глубокую веру в особый уклад, в общинный строй русской жизни) и, во-вторых, план и проповедь «радикальной аграрной реформы». Вторая черта здесь неразрывно связана с первой, в частности с надеждами на общину. У революционных народников, начиная с Герцена и Чернышевского, она выражалась в идее крестьянской социалистической революции

«против основ современного общества», а по мере вырождения народничества (с 80-х годов) тускнела и видоизменялась в идеологию «буржуазного реформаторства» при сохранении основ существующего строя[5].

Основные идеи доктрины Герцена — Чернышевского служили теоретическим руководством для русских революционеров-народников и 60-х и 70-х (отчасти даже 80-х) годов. И «шестидесятники», и «семидесятники» решали отдельные вопросы теории (о капитализме, о роли рабочего класса в грядущей революции, о государстве) лишь в добавление к доктрине Герцена — Чернышевского, больше были заняты поисками самой целесообразной (применительно к этой доктрине) тактики, а главным образом старались воплотить доктрину в жизнь. При этом они в постановке и решении новых вопросов не только шли вперед, но и отступали назад, исправляли старые ошибки и допускали новые.

В условиях первой революционной ситуации народническая доктрина оформилась и прошла первую всестороннюю проверку опытом освободительной борьбы. Именно идея крестьянской социалистической революции — эта генеральная идея революционного народничества — воодушевляла и сплачивала все силы революционно-демократического лагеря и на восходящей (1859—1861 гг.), и на нисходящей (1862—1863 гг.) стадиях революционной ситуации[6]. Однако в 1863 г. русские революционеры пережили сильнейшее разочарование. Не оправдался их главный расчет, проистекавший из самой сути народничества,— расчет на всеобщее крестьянское восстание. Крестьяне повсеместно сочли, что воля, дарованная им 19 февраля 1861 г., не настоящая, не «мужицкая», а поддельная, «барская» (общий говор был: «Нас надули, воли без земли не бывает»[7]), надо, мол, ждать настоящую волю и не подписывать уставные грамоты. Поэтому революционеры надеялись, что весной 1863 г., когда истечет срок ввода в действие уставных грамот и крестьяне увидят, сколь тщетны их ожидания подлинной воли, вся Россия будет охвачена взрывом крестьянского возмущения, который можно перевести в победоносную революцию[8]. Наступила весна 1863 г., миновал весь год, но крестьян-

ского восстания в Центральной России не произошло. Восстания же в Белоруссии, Литве и Польше были подавлены.

1863 год стал последним годом первой революционной ситуации. С 1864 г. началась полоса временного спада освободительной борьбы по 1868 г. включительно. Массовое движение резко пошло на убыль: если в 1861 г. насчитывалось 1859 крестьянских волнений, в 1862 г. — 844, а в 1863 г. — 509, то в 1864 г. их оказалось всего 156, в 1865 г. — 135, в 1866 г. — 91, в 1867 г. — 68 и в 1868 г. — 60[9]. Всероссийская организация революционеров «Земля и воля», строившаяся в расчете на крестьянское восстание 1863 г., лишилась перспективы и прибегла к самороспуску. Ведущие деятели первой революционной ситуации были тогда уже в могиле (Н. А. Добролюбов, Т. Г. Шевченко, А. А. Потебня), за тюремной решеткой (Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев, Н. В. Шелгунов, Н. А. Серно-Соловьевич, М. Л. Михайлов, В. А. Обручев, С. С. Рымаренко), в эмиграции (наряду с Герценом, Огаревым, Бакуниным, которые эмигрировали ранее, Н. И. Утин, А. А. Слепцов, А. А. Серно-Соловьевич, М. К. Элпидин). Были закрыты в 1866 г. «Современник» и «Русское слово», прекратилось с 1867 г. издание «Колокола». Либералы удовольствовались дарованными реформами и пошли на сделку с правительством.

Спад освободительной борьбы повлек за собой первый в России кризис революционно-демократической идеологии. Б. П. Козьмин справедливо подметил, что если раньше, до 1863 г., русский революционер твердо знал, на что ему рассчитывать и надеяться, то «теперь, после 1863 г., положение дел изменилось коренным образом. Там, где раньше все было ясно и определенно, теперь все стало темно и неопределенно. Приходилось пересматривать установившиеся оценки и перерабатывать все тактические построения»[10]. Теоретические основы народничества Герцена и Чернышевского, установка на крестьянскую революцию остались в силе, но конкретные вопросы тактики дискуссировались с горячностью. Примером тому — «раскол в нигилистах» между «Современником» и «Русским словом» в 1864—1865 гг., когда из-под пера одних революционных демократов

так и сыпались по адресу других: «ракалья», «хавронья», «гнилой бутерброд» и другие столь же энергичные выражения[11]. Впрочем, как верно замечает Р. В. Филиппов, «после поражения первого натиска революционно-демократических сил на самодержавие основную, определяющую роль в их теоретических и программно-тактических исканиях играла уже не подцензурная литература и журналистика, а многообразная деятельность революционного подполья»[12].

Главным из спорных вопросов был вопрос о роли народа в грядущей революции. Опыт 1859—1863 гг. убедил революционеров в том, что народу недостает сознания, инициативы и организованности. Поэтому они, не отказываясь в принципе от понимания народа как решающей силы, задумывались над тем, что́ рациональнее: будить ли в народе революционную инициативу или взять ее на себя. Так в народничестве стало расти особое тактическое направление, которое сомневалось в революционных возможностях масс и не верило в их инициативу. Симптомы его были заметны уже в листках «Великорусса» (1861 г.)[13] и в прокламации «Молодая Россия» (1862 г.)[14]. С 1863 г. оно утверждалось в статьях В. А. Зайцева («Белинский и Добролюбов», рецензия на книгу Д. Сориа «Общая история Италии») и Д. И. Писарева («Реалисты», «Мотивы русской драмы», «Цветы невинного юмора»), в «Письмах о провинции» М. Е. Салтыкова-Щедрина, обозрениях Г. З. Елисеева[15]. Вторая по значению (после «Земли и воли») революционная организация 60-х годов — Н. А. Ишутина и И. А. Худякова — готовилась взять на себя почин переворота для пробуждения революционной самодеятельности масс, предвосхищая в этом «Народную волю»[16].

Такие взгляды усилили сползание части революционного лагеря на бланкистские позиции, к тактике заговора и террора. Элементы этой тактики были уже налицо в прокламации «Молодая Россия»[17], но гораздо сильнее проявились они после 1863 г. Заговорщические, террористические мотивы играли очень важную роль в «Организации» ишутинцев. Не случайно член ее Каракозов совершил первую в истории русской революции попытку цареубийства.

К терроризму склонялась «Сморгонская академия» 1867—1869 гг.[19]

Распространившиеся в революционном лагере еще до середины 60-х годов взгляды на народ как на «пассивный материал» в руках активных революционеров[20]; намерения революционных демократов (группы П. Г. Заичневского, ишутинцев, деятелей «Сморгонской академии») искусственно, посредством заговорщицких, террористических и прочих акций, возбудить активность масс, не вникая (в отличие от Чернышевского) в объективные причины пассивности народа,— все это говорило о начавшемся отступлении части революционеров от «социологического реализма»[21] Чернышевского к субъективному методу в социологии, который и был оформлен усилиями П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского к началу 70-х годов[22].

Субъективный метод заключал в себе известные предпосылки для теории «героев и толпы», но сама теория, хотя ее вписывают иногда в пассив 70-х годов[23], разрабатывалась Н. К. Михайловским позднее, с 1882 г., когда появилась его статья под названием «Герои и толпа»[24]. В 70-е годы такой теории не было. Думается, укоренившееся в литературе мнение о том, что «непосредственно из народнической теории «героев и толпы» вытекала теория «исторического прогресса» и что именно «теория «героев и толпы» служила обоснованием неправильной и вредной народнической тактики индивидуального террора»[25], ошибочно. Формула «исторического прогресса», выработанная Н. К. Михайловским еще в 1869 г. (в знаменитой статье «Что такое прогресс?»), не вытекала из теории «героев и толпы», а, напротив, привела Михайловского к этой теории. Что же касается тактики индивидуального террора, то она возобладала с 1879 г. вследствие разных (как мы увидим) причин, но независимо от теории «героев и толпы», которая появилась уже после того, как народнический террор пережил пору расцвета.

Разумеется, не все «шестидесятники» отступали к субъективному методу. Но противники этого метода после 1863 г. сочли вынужденным и еще более глубокое отступление. М. Е. Салтыков-Щедрин в январе 1864 г. со страниц «Современника» наставлял

радикальную молодежь («всех стучащих и ни до чего не достукивающихся») на синхронное «понижение тона», расценил ее противоборство торжествующей реакции как «пустую деятельность» и объявил, что «вся суть человеческой мудрости» — «в прекрасном слове «со временем»»[26].

Начавшийся в 60-е годы идейный кризис выразился и в усилении анархизма, особенно же аполитизма, вообще свойственного народничеству. Герцен, как явствует из его статей «Россия и Польша», «Мясо освобождения». «Журналисты и террористы» и др., явно недооценивал значение политической борьбы и считал малосущественным вопрос о формах власти[27]. Грешили этим же недостатком «Ответ «Великоруссу»» Н. А. Серно-Соловьевича (1861 г.)[28] и Обращение Центрального комитета «Земли и воли» (февраль 1863 г.)[29]. В середине десятилетия ишутинцы начали уже весьма решительно отодвигать «политику», предпочитая ей социальный переворот[30]. Проповедь некапиталистической эволюции логически неизбежно толкала революционеров к такому аполитизму, поскольку, во-первых, они считали вслед за Герценом, что буржуазные политические перевороты на Западе ничего не дали трудящимся, а во-вторых, опасались усиления буржуазии после реформы 1861 г. Отсюда народники 60—70-х годов заключали, что политический переворот в России был бы выгоден только буржуазии, а для социалистов оказался бы «пирровой победой»[31]. Поэтому они и «фыркали», как выразился В. И. Ленин, «на свободу ради ее буржуазности»[32].

Таким образом, после того как была исчерпана первая революционная ситуация, еще до середины 60-х годов, теоретический уровень освободительной борьбы временно снизился по сравнению с Герценом и Чернышевским. Народническая доктрина, которая уже «при самом своем возникновении, в своем первоначальном виде... обладала достаточной стройностью»[33], стала претерпевать изменения; к основам революционного народничества добавлялись некоторые социологические и тактические новшества, хотя сами основы оставались неизменными. Более того, хотя по некоторым вопросам теории революционеры от-

ступили от позиции Чернышевского назад, в других вопросах они шли вперед.

Возьмем для примера вопрос о капитализме и сопряженный с ним рабочий вопрос. В 60-е годы эти вопросы считались абстрактно-теоретическими и не были увязаны с практикой революционной борьбы. Герцен, Добролюбов, Огарев, Писарев, М. Л. Михайлов, Н. В. Шелгунов и в особенности Чернышевский были замечательными критиками западного капитализма, но никто из них (если не считать работ Шелгунова, написанных в конце 60-х годов[34]) не изучал капиталистические процессы в России. «Семидесятники» же внимательно следят за развитием русского капитализма, вполне сознают буржуазный характер реформы 1861 г.[35] и озабоченно отмечают в своих программах, что капитализм уже проник в «народную жизнь» и грозит разрушением общины[36]. Правда, они истолковали все это неудовлетворительно, односторонне (только «в смысле реакционности капитализма»[37]), но тем не менее попытались использовать социальные сдвиги, обусловленные капитализмом.

Так в идеологии народничества появляется на рубеже 60—70-х годов комплекс планов, рассчитанных на то, чтобы мобилизовать наряду с крестьянством еще и «городских рабочих» в качестве второго, вспомогательного эшелона революции. Программные документы обществ так называемых «чайковцев» и землевольцев отводили особое место разносторонней (пропагандистской, агитационной, организаторской) деятельности среди рабочих[38], а группа В. М. Дьякова (1875 г.) и «Народная воля» адресовали рабочим специальные программы[39]. С 1880 г. народовольцы и чернопередельцы издавали для рабочих особые газеты («Рабочая газета», «Зерно»). Все это делалось под народническим углом зрения, т. е. с расчетом подчинить рабочее движение интересам крестьянской революции. Но постепенно рост числа и мощи рабочих выступлений, а также организованности и сознательности рабочего класса толкал народников, даже против их воли, к уразумению активной роли рабочих в революции. Уже в № 3—4 «Земли и воли» за 1879 г. Плеханов заявил, что «вопрос о городском рабочем принадлежит

к числу тех, которые, можно сказать, самою жизнью выдвигаются вперед, на подобающее им место, вопреки априорным теоретическим решениям революционных деятелей», и рекомендовал относиться к рабочим «как к целому, имеющему самостоятельное значение» [40]. Эта рекомендация звучала симптоматично, предвещая назревший переход от народничества к марксизму.

Другими примерами завоеваний политической мысли «семидесятников» могут служить их решения проблем государства, личности, прогресса, нравственного сознания, социальной революции, подробно исследованные в монографиях В. А. Твардовской, М. Г. Седова, В. А. Малинина[41].

Иначе говоря, «шаг назад» революционеров-народников от Чернышевского выражал собой поиски правильной революционной теории в условиях, изменившихся сравнительно с теми, когда действовал Чернышевский. Деятели народнического подполья 60—70-х годов не складывали оружия после неудачи первого демократического натиска, не отступали к либерализму, а изыскивали все новые и новые пути к социалистической революции, выстрадав при этом анархизм и аполитизм, заговорщичество и терроризм. Внимательный анализ этих поисков убеждает в том, что, несмотря на срыв в субъективизм и другие зигзаги, русская революционная мысль и в 70-х годах продолжала развиваться по восходящей линии, в конечном счете идейно подготавливая почву для распространения марксизма. Эта сторона дела весьма обстоятельно исследована в монографии И. К. Пантина [42].

Все сказанное, по-моему, подтверждает точку зрения тех исследователей (Б. П. Козьмина, Б. С. Итенберга, М. Г. Седова, В. А. Твардовской, Э. С. Виленской, В. Ф. Антонова, Р. В. Филиппова и др.), которые признают народническое единство разночинского этапа и разделяют его на два периода: господства революционного народничества (с начала 60-х по начало 80-х годов, т. е. от первой революционной ситуации до второй включительно) и преобладания либерального народничества (с начала 80-х до середины 90-х годов). Другая же точка зрения (Ш. М. Левина, А. Ф. Смирнова, Я. Е. Эльсберга, Р. А. Таубина и др.), согласно которой разночин-

ский этап подразделен на три периода: революционного просветительства (иначе — революционного демократизма) 60-х годов, революционного народничества 70-х и либерального народничества 80—90-х годов, выглядит менее обоснованной[43].

Здесь уместно подчеркнуть, что Ленин никогда не делил разночинский этап на три периода. Зато он всегда различал две разновидности народничества: революционное («старое», «классическое»), т. е. народничество 60—70-х годов, и либеральное («современное»), т. е. народничество 80—90-х годов[44]. О 60-х и 70-х годах он писал как об одной, революционно-народнической эпохе[45].

Тщательный анализ вопроса показывает, что «революционные демократы» 60-х и «народники» 70-х годов исповедовали одну и ту же идеологию — народничество, утопический крестьянский социализм. Следовательно, и те и другие были одновременно и революционными демократами, и народниками. Подобно «шестидесятникам» «семидесятники» боролись за уничтожение самодержавия и остатков крепостничества (в этом выражался их революционный демократизм). Подобно «семидесятникам» «шестидесятники» верили в особый уклад, в общинный строй русской жизни и выступали за переход полукрепостной России непосредственно к социализму, минуя капитализм, через общину (в этом выражалось их народничество).

Посмотрим теперь, какова была динамика освободительного движения в России на пути от первой революционной ситуации ко второй. Спад движения с 1864 до 1868 г. не означал полного его затишья. «Оно только въелось глубже и дальше пустило корни»[46],— писал о нем в 1866 г. А. И. Герцен. Реформы 60-х годов лишь затронули, но далеко не завершили буржуазного преобразования России. Поэтому сохранились коренные противоречия феодализма, обусловившие первую революционную ситуацию. Главным из них был конфликт между помещиками и крестьянами. Суть конфликта заключалась в том, что 22 827 000 крестьян Европейской России, по данным за 70-е годы, владели 120,6 млн. десятин земли (меньше 5,3 десятины на владельца), тогда как 15 тыс. помещиков имели 70 млн. десятин, т. е. по

4666 десятин на каждого[47]. Извечная социальная война между крестьянами и помещиками продолжалась.

К старым противоречиям добавились новые — противоречия растущего капитализма: «*поскольку* крестьянин вырывался из-под власти крепостника, *постольку* он становился под власть денег...»[48] После 1861 г. началась и постепенно стала выдвигаться на первый план новая социальная война — рабочих против капиталистов. Между тем над рабочими, как и над крестьянами, довлели (помимо капиталистических форм эксплуатации) нетерпимые пережитки феодализма: политическое бесправие, отсутствие трудового законодательства, самоуправство хозяев, повседневные издевательства (вплоть до телесных наказаний) и пр. Достаточно сказать, что рабочий день на промышленных предприятиях в 60—70-е годы не регламентировался законом и тянулся обычно не меньше 12—14 часов, а чаще достигал 16—18 часов[49]. Трудящиеся России страдали тогда, говоря словами К. Маркса, «не только от развития капиталистического производства, но и от недостатка его развития»[50].

Таким образом, новый революционный подъем был неизбежен, причем на расширенной социально-экономической базе. Его питал собой неистребимый стихийный протест эксплуатируемых «низов». Началом подъема явились студенческие волнения зимой 1868—1869 гг., а далее он неуклонно из года в год нарастал, пока к 1879 г. в стране не сложилась вторая революционная ситуация. Особенность его была в том, что все это время, с 1870 до 1879 г., массовое движение оставалось примерно на одном, довольно низком, уровне. Опубликованные недавно под общей редакцией акад. Н. М. Дружинина сборники документов позволяют определить размах крестьянского движения 1870—1879 гг. За этот период по всей России произошли волнения:

1870 г. — 56	1875 г. — 22
1871 г. — 40	1876 г. — 32
1872 г. — 31	1877 г. — 21
1873 г. — 38	1878 г. — 34
1874 г. — 65	1879 г. — 43[51].

Сравнив эти данные с данными о числе крестьянских «бунтов» за 1859—1869 гг.[52], увидим, что крестьянское движение 70-х годов количественно

было гораздо слабее не только подъема 1859—1861 гг., но и спада 1862—1869 гг. Разумеется, о крестьянском движении нельзя судить только по числу «бунтов». «Необходимо иметь в виду также и ту напряженную обстановку, которая складывается в деревне в 1878—1879 гг. под влиянием массовых слухов о «черном переделе». Эти слухи вызывали у властей бо́льшую тревогу, чем те или иные локальные крестьянские волнения»[53]. Однако повлиять на размах крестьянского движения существенным образом слухи о «черном переделе» (распространившиеся к тому же лишь в последние годы десятилетия) не могли.

Правда, сравнительно с 60-ми годами в 70-е годы усилилось рабочее движение. Если за 1861—1869 гг. по всей России насчитано 51 выступление (стачек и волнений) рабочих, то за 1871—1879 гг.— 326[54]. Погодно за время, интересующее нас в данном случае, число рабочих волнений и стачек составляло:

1870 г. — 20	1875 г. — 26
1871 г. — 21	1876 г. — 32
1872 г. — 29	1877 г. — 22
1873 г. — 29	1878 г. — 53
1874 г. — 34	1879 г. — 60.

Отсюда видно, что и рабочее движение в 70-е годы было еще очень слабым, причем, так же как и движение крестьян, все десятилетие держалось примерно на одном уровне и лишь к 1878 г. заметно поднялось.

Рабочее движение росло тем сильнее и опаснее для царизма, что оно в отличие от крестьянского было сравнительно организованным. В 70-е годы возникли уже первые рабочие союзы — «Южнороссийский» (1875 г.) и «Северный» (1878 г.). Они засвидетельствовали симптомы грядущего выделения пролетарской струи из общего потока народничества. Оба союза не только вели пропаганду и агитацию среди передовых рабочих, но и руководили стачками («Южнороссийский» — на одесских заводах Беллино-Фендериха и Гулье-Бланшарда, а также в типографии Бирукова[55], «Северный» — на Новой бумагопрядильне дважды и фабрике Шау в Петербурге[56]), вносили в стихийное рабочее движение организующее, сознательное, политическое начало. Однако эти союзы, вместе взятые, объединяли всего три-че-

тыре сотни распропагандированных рабочих на всю Россию, поэтому их деятельность затронула «совсем ничтожные верхушки рабочего класса»[57]. Накопленный за последние десятилетия фактический материал лишь подтверждает ленинскую оценку рабочего движения 70-х годов: «Его передовики уже тогда показали себя, как великие деятели рабочей демократии, но масса еще спала»[58].

Итак, революционный подъем в России 70-х годов был результатом не столько непосредственно массового движения (тогда еще раздробленного и незрелого), сколько — опосредствованно — движения революционных демократов, народников. Так как массы не были готовы в то время к сознательному участию в революционной борьбе, их чаяния отстаивала разночинская, народническая интеллигенция — эта, по словам современника, «поднимающаяся кверху часть народа, имеющая в нем свои корни»[59]. «Идейное движение, происходящее сейчас в России,— писал К. Маркс в 1871 г.,— свидетельствует о том, что глубоко в низах идет брожение. Умы всегда связаны невидимыми нитями с телом народа»[60]. Сами народники хорошо это понимали. И. Н. Мышкин на процессе «193-х» подчеркнул: «каждое революционное движение интеллигенции соответствует параллельному движению в народе и составляет только отголосок последнего»[61].

Само понятие «народ» в 60—70-е годы отождествлялось с понятием «крестьянство», ибо крестьяне составляли громадное большинство (на взгляд современников, $^{9}/_{10}$[62]) населения страны, а рабочий класс, который тогда еще только формировался, был, на тот же взгляд, всего лишь частью крестьянства. Поэтому народники не видели в России более революционной силы, чем крестьянство. Правда, в крестьянстве после 1861 г. шел процесс разложения, который сами крестьяне метко определили как «раскрестьянивание»[63]. Однако ни в 60-е, ни в 70-е годы этот процесс еще не стал достаточно заметным для современников. Тогда народники об антагонизме внутри самого крестьянства ясного представления не имели. Крестьянство казалось им единым обездоленным и протестующим классом[64], который они стремились поднять на социалистическую революцию.

В. И. Ленин и называл идеологию народников 60—70-х годов «крестьянским социализмом»[65].

Вместе с тем революционные народники, идеология которых была по своей природе мелкобуржуазной, до тех пор пока классовые отношения, характерные для капитализма, в России были еще незрелыми, пытались отражать интересы и нарождавшегося российского пролетариата. Народники из-за своей исторической и классовой ограниченности неверно понимали роль пролетариата. Но они посредством социалистической пропаганды в известной мере революционизировали рабочую среду, используя при этом опыт международного рабочего движения (включая документы I Интернационала) и пролетарскую критику капитализма (в частности, «Капитал» Маркса)[66], поднимали идейный уровень, расширяли политический кругозор рабочих, втягивали их в освободительную борьбу и тем самым даже, «вопреки своим непосредственным намерениям, способствовали пробуждению и развитию классового сознания рабочих»[67]. Получив от народников революционный и социалистический заряд, рабочие скорее и больше задумывались над исторической миссией своего класса и приходили в конце концов к осознанию этой миссии, правда уже через преодоление мелкобуржуазной ограниченности народничества, с помощью социал-демократов.

Таким образом, разночинная народническая революционно-демократическая интеллигенция силой обстоятельств выдвигалась в то время на роль идеолога и вождя освободительной борьбы в России, выразителя интересов и воли всего эксплуатируемого народа. Ее самоотверженность и энергия (не сами по себе, а на фоне стихийной активности масс и в сочетании с ней) обеспечивали поступательный ход русского революционного процесса с начала 60-х до конца 70-х годов.

В 60-е годы революционное движение оставалось еще очень слабым. Правда, уже к началу десятилетия усилиями великих революционеров-демократов (Герцена, Чернышевского, Добролюбова) были разработаны основы теории, которая служила для «шестидесятников» знаменем борьбы. Теоретическая сторона движения вообще была в 60-е годы на пер-

вом плане, но, как свидетельствуют упоминавшиеся выступления Писарева, Салтыкова-Щедрина, Зайцева, Елисеева, программы «Великорусса», «Молодой России», первой «Земли и воли», ишутинцев, она не удерживалась на уровне Герцена и Чернышевского. Что же касается революционной практики 60-х годов, то в ней делались лишь первые, самые трудные шаги к тому, что было достигнуто позднее, в 70-е годы. Попытка создать в 60-е годы общероссийскую организацию не удалась: «Земля и воля» летом 1862 г. полностью еще не сложилась, а к весне 1864 г. самоликвидировалась[68]. Предпринять задуманную подготовку крестьянского восстания она не успела. Погибла, не успев развернуть далеко рассчитанную деятельность, и организация ишутинцев, которая, по меткому наблюдению М. Н. Покровского, предваряла в себе миниатюрно и схематично «все признаки всех этапов народнической революции — от хождения в народ и попыток кустарной реализации социализма до заговорщической тактики, террора, подготовки вооруженного восстания и цареубийства»[69]. Другие организации 60-х годов были, как правило, маломощны и недолговечны, а главное, все они наперечет. Слабой была в 60-е годы подпольная печать (за все десятилетие — ни одного периодического органа). Связь революционеров с народными массами на практике почти не осуществлялась. Клич Герцена «В народ!», обращенный к передовой молодежи со страниц «Колокола» осенью 1861 г., с тех пор и до конца 70-х годов оставался генеральным лозунгом народнического движения, но в 60-е годы, пока шел процесс накопления сил, лишь отдельные народники-энтузиасты (П. Г. Заичневский, А. А. Красовский, М. К. Элпидин) предпринимали время от времени «рекогносцировочные» пропагандистские рейды в деревню. Наконец, зарубежные связи русского революционного лагеря и его авторитет в Европе хотя и росли в течение десятилетия, но были еще недостаточны.

Слабость революционного движения 60-х годов была исторически обусловлена. Революционеры-разночинцы в то время только начинали свою «тридцатилетнюю войну» с царизмом. Но все сделанное за те годы и в теории и на практике обогатило дви-

жение, укрепило его, подготовило крутой революционный подъем 70-х годов в такой мере, что «семидесятники», можно сказать, пошли вперед на плечах «шестидесятников».

В 70-е годы вопросы революционной теории тоже занимали видное место (примерами могут служить труды Бакунина, Лаврова, Ткачева, Плеханова, а также программы «чайковцев», землевольцев, народовольцев, чернопередельцев). Основные положения доктрины Герцена — Чернышевского оставались знаменем борьбы и в 70-е годы.

Благодаря усилиям великих революционных демократов 60-х годов к 70-м годам были уже ясны в главных чертах теоретические воззрения народничества, зато конкретные программы и тактика борьбы требовали обобщений и проверки опытом. Поэтому в 70-е годы в отличие от 60-х на первый план выдвигается практическая сторона движения, что в свою очередь стимулировало и дальнейшие поиски правильной революционной теории. Практику «семидесятники» считали высшим критерием своих теоретических воззрений. Б. С. Итенберг первым обратил внимание на то, что «всякий раз, когда назревала необходимость пересмотра программы действий, решения принципиальных вопросов, собирался, как правило, съезд революционеров» (в Петербурге — в 1874 г., в Москве — в 1875 г., в Париже — в 1876 г., Липецке и Воронеже — в 1879 г.), где подытоживались практические шаги движения[70].

Революционная практика 70-х годов стремительно прогрессировала. Многократно выросли размах движения и связь его с массами: тысячи людей объединились в сотни революционных кружков[71], «хождение в народ» захватило больше 50 губерний[72], сложились одна за другой семь организаций всероссийского значения («чайковцы», «москвичи», «Южнороссийский» и «Северный» союзы рабочих, «Земля и воля», «Черный передел», «Народная воля»). Приумножилась эффективность освободительной борьбы. Организации 70-х годов возникали на революционном подъеме и потому оказывались гораздо боеспособнее, чем «Земля и воля» 60-х годов, которая выросла в обстановке начавшегося спада революционной активности и жила лишь перспективой

нового подъема. В актив «семидесятников» можно отнести кроме «хождения в народ» значительно более действенную, чем в 60-е годы, пропаганду, агитацию и организацию среди интеллигенции и рабочих, а также в армии; ««устрашающий» и действительно устрашавший террор»[73], отмеченный казнью шефа жандармов и царя; самую богатую и боевую за всю историю XIX в. в России подпольную печать (журналы «Земля и воля», «Черный передел», «Народная воля» с приложениями, газеты «Начало», «Рабочая заря», «Рабочая газета», «Зерно», не считая десятков тысяч экземпляров прокламаций и отдельных изданий революционных программ); такие акты, как первая в России открытая политическая («Казанская») демонстрация с участием рабочих или функционирование постоянной революционной агентуры в недрах царского сыска.

Революционеры 70-х годов далеко раздвинули национальные границы освободительного движения, придав ему общероссийский характер. Средоточием множества революционных кружков и одним из центров массового «хождения в народ» стала Украина. Рабочее движение на Украине в 70-е годы значительно выросло по сравнению с 60-ми годами и количественно (за 60-е годы — 8 стачек и волнений, за 70-е — 64)[74], и качественно: «Южнороссийский союз рабочих» представил собой первую в истории всей России политическую организацию рабочего класса[75]. Кроме Центральной России и Украины народники 70-х годов создавали свои организации и шли «в народ» также на землях Белоруссии, Грузии, Азербайджана, Армении, Казахстана, Литвы, Латвии, Эстонии и Бессарабии[76]. У народов национальных окраин появились не только свои практики, но и теоретики революционного народничества: Нико Николадзе и Антон Пурцеладзе в Грузии, Мирза Фатали Ахундов и Гасан-бек Зардаби в Азербайджане, Микаэл Налбандян в Армении и т. д.

Преодолевая националистические заблуждения местной демократии, революционеры нерусских народов объединялись с русскими революционерами в общем деле борьбы за социализм. Свое гораздо более широкое, чем в 60-е годы, движение они скрепляли унаследованным от 60-х годов интернациональ-

ным сознанием, которое сын поляка и грузинки Г. Ф. Зданович мотивировал так: «Новейшая постановка социального вопроса делит человечество не на национальности, а на притесняемых и притесняющих»[77].

Несравненно большими, чем когда-либо ранее, стали в 70-е годы международные связи русского освободительного движения. «Семидесятники» участвовали в I Интернационале и Парижской коммуне. Помимо особой Русской секции (1870—1872 гг.), представителем которой в Генеральном совете Интернационала являлся, как известно, сам К. Маркс, членами Интернационала были еще по крайней мере 25—30 русских революционеров, а Г. А. Лопатин входил в Генеральный совет. С Парижской коммуной сотрудничали П. Л. Лавров, А. В. Корвин-Круковская, Е. Г. Бартенева; сражались за Коммуну на баррикадах Е. Л. Дмитриева, А. Т. Пустовойтова, М. П. Сажин, В. А. Потапенко, В. Б. Арендт, К. М. Турский, Н. А. Шевелев, Елецкий и др.[78] Ряд русских социалистов (Лавров, Лопатин, Дмитриева, Н. И. Утин, В. И. Танеев, С. А. Подолинский, Н. Ф. Даниельсон) уже в начале 70-х годов вошел в круг друзей Маркса и Энгельса. Выросшее в России новое, разночинское поколение революционеров, «выходцев из *народа*», очень импонировало Марксу и Энгельсу. Энгельс писал в июне 1872 г. И. Ф. Беккеру: «Среди последних есть люди, которые по своим дарованиям и характеру безусловно принадлежат к лучшим людям нашей партии; парни, у которых выдержка, твердость характера и в то же время теоретическое понимание прямо поразительны»[79].

Со второй половины 60-х годов в России начали распространяться сочинения Маркса и Энгельса в русском переводе. Первым иностранным переводом «Капитала» стал, как известно, русский перевод Лопатина и Даниельсона, который сам Маркс считал «превосходным», «мастерским»[80]. Он появился на книжных прилавках Петербурга 27 марта 1872 г. Хотя марксизм как систему народники считали неприменимым к русским условиям, они ценили разящую силу Марксовой критики капитализма и охотно использовали отдельные труды Маркса

(в особенности «Капитал») для социалистической пропаганды. К началу 80-х годов Маркс уже констатировал: «В России... «Капитал» больше читают и ценят, чем где бы то ни было...» [81]

Интернациональные связи «семидесятников» охватывали почти всю Европу. Окреп сложившийся еще в 60-е годы русско-польский революционный союз. По данным царского сыска, к народническому движению 70-х годов в России были причастны свыше тысячи поляков [82]. Устанавливались и крепли в 70-е годы связи революционной России с болгарскими, чешскими, сербскими, венгерскими, румынскими революционерами [83].

Невиданные ранее масштабы и влияние приобрела в 70-е годы русская политическая эмиграция. Ее очаги действовали в Женеве, Цюрихе, Париже, Лондоне, Бухаресте, различных городах Германии, Австро-Венгрии, Бельгии, Италии, Болгарии, Сербии, США [84]. Она издавала ряд периодических органов («Народное дело», «Вперед!», «Набат!», «Работник», «Община», «Общее дело»), была в курсе мирового революционного процесса и уже тогда могла служить яркой иллюстрацией к известному высказыванию В. И. Ленина: «Благодаря вынужденной царизмом эмигрантщине революционная Россия обладала во второй половине XIX века таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире» [85].

Итак, революционное движение в России после временного спада 1864—1868 гг. на всем протяжении следующего десятилетия развивалось по восходящей линии. Под знаменем народничества неуклонно возрастала мощь освободительной борьбы от разрозненных студенческих волнений 1869 г. через «хождение в народ» к революционной ситуации 1879—1881 гг. Отсюда следует, что «ход идей» революционного народничества тогда отвечал «ходу вещей», т. е. объективным потребностям страны. До тех пор пока в России не созрели условия для распространения марксизма, именно народнические программы служили обоснованием самых насущных общероссийских задач (свержения царизма, искоренения крепостничества, обеспечения равенства всех народов и др.) [86].

Здесь важно учитывать, что В. И. Ленин судил о революционном движении в пореформенной России как о процессе необратимого нарастания, хотя и не по прямой, а зигзагами, через приливы и отливы. В 1911 г. он писал, что в течение полувека после 1861 г. «росли силы демократии и социализма — сначала смешанных воедино в утопической идеологии и в интеллигентской борьбе народовольцев и революционных народников, а с 90-х годов прошлого века начавших расходиться...»[87]. Ту же мысль — о нарастании революционной борьбы от 60-х к 80-м годам — Ленин высказывал многократно: например, в статьях «Памяти Герцена», «Поездка царя в Европу и некоторых депутатов черносотенной Думы в Англию», «Предисловии к брошюре «Докладная записка директора Департамента полиции Лопухина»»[88]. В частности, Владимир Ильич указывал на значительный прогресс движения 70-х годов, деятели которого создали «превосходную организацию... которая нам всем должна бы была служить образцом»[89], по сравнению с 60-ми годами, когда «революционное *движение* в России было... слабо до ничтожества...»[90].

Точно так же оценивали русский революционный процесс 60—80-х годов его великие современники К. Маркс и Ф. Энгельс. Оба они единодушно подчеркивали, что Россия именно в 70-е годы выдвигалась на первый план мирового революционного процесса, поскольку в ней созревала и близилась «грандиознейшая социальная революция»[91], которая должна была не только разрушить царизм и в конечном счете привести «к созданию российской Коммуны»[92], но и сыграть роль катализатора новых революций на Западе («...Россия первая пустится в пляс», «революция начнется на этот раз на Востоке...»[93]), а тем самым изменить «облик всей Европы»[94] и стать «поворотным пунктом во всемирной истории»[95]. В знаменитом предисловии ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» (январь 1882 г.) Маркс и Энгельс прямо заявили: «...Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе»[96].

Реакция против революции

Первая революционная ситуация была исчерпана в 1863 г. с подавлением восстаний в Белоруссии, Литве и Польше. Но массовое движение, хотя и шло на спад, еще пугало «верхи» и в 1864, и в 1865 гг., тем более что определить глубину и возможную продолжительность его спада было трудно. Поэтому царизм не сразу повернул к открытой реакции. Некоторое время после 1863 г. он продолжал реформы, вырванные силой революционного натиска[97], стремясь таким образом «откупиться от конституции»[98]. «Кризис верхов» до конца еще не был изжит. Запись в дневнике министра внутренних дел П. А. Валуева от 29 октября 1865 г. свидетельствует об этом красноречиво: «Что и кто теперь Россия? Все сословия разъединены. Внутри них разлад и колебания. Все законы в переделке. Все основы в движении... Половина государства в исключительном положении»[99].

Лишь с 1866 г., когда спад освободительной борьбы стал вполне очевидным, царизм открыто перешел от «либерализма» в «полицейском футляре»[100], который он вкрапливал в политику первой половины десятилетия, к драконовской реакции. Поводом к этому послужил неудачный выстрел Д. В. Каракозова в Александра II 4 апреля 1866 г. «Верхи» принялись искоренять «крамолу» с мстительным ожесточением. Созданная по делу Каракозова чрезвычайная следственная комиссия была наделена почти неограниченными полномочиями. Во главе ее встал 70-летний граф Михаил Николаевич Муравьев.

Родной брат одного из первых декабристов, основателя «Союза спасения» Александра Муравьева, и троюродный — повешенного Сергея Муравьева-Апостола, сам бывший декабрист, член «Союза спасения» и соавтор устава «Союза благоденствия», Михаил Муравьев, отвергнув и прокляв собственное прошлое, любил говорить, что он не из тех Муравьевых, которых вешают, а из тех, которые вешают. На вопрос, каких врагов он считает наименее опасными, он отвечал без околичностей: «Тех, которые повешены»[101]. За образцовое подавление польского восстания 1863 г. он и получил прозвище «Веша-

тель», оказавшееся настолько ему к лицу — по убеждениям, делам и даже внешне, что Герцен сказал о нем: «Такого художественного соответствия между зверем и его наружностью мы не видали ни в статуях Бонарроти, ни в бронзах Бенвенуто Челлини, ни в клетках зоологического сада» [102]. Всей своей жизнью этот исторический оборотень свидетельствовал в пользу народной мудрости, гласящей, что «нет худших чертей, чем падшие ангелы».

Инквизиция Муравьева прежде всего учинила расправу над «Организацией» ишутинцев, из которой вышел Каракозов. Муравьев клялся «скорее лечь костьми, чем оставить не открытым это зло» [103], не предполагая, конечно, что его клятва окажется пророческой. Арестованными из числа участников «Организации», прикосновенных к ней и заподозренных в прикосновенности заполнили тюрьмы обеих столиц, 36 человек предали суду. Каракозова повесили без церемоний. Кстати, его допрашивал перед казнью сам Муравьев, допрашивал и грозил: «Я тебя живого в землю закопаю!» [104] Но, не успев открыть все «зло», он скоропостижно умер, и его закопали раньше, чем Каракозова. «Задохнулся отвалившийся от груди России вампир» [105],— облегченно сообщил об этом Герцен. Над Ишутиным проделали церемонию повешения, но не повесили (продержали его на эшафоте в саване и с веревкой на шее 10 минут, а потом объявили о замене виселицы каторгой) [106]. На каторгу, в сибирскую ссылку, за решетку в Петропавловскую крепость были упрятаны и десятки других «соумышленников» Каракозова. Вершилось, по словам Герцена, «уничтожение, гонение, срытие с лица земли, приравнивание к нулю Каракозовых» [107].

Но реакция преследовала не только Каракозовых. Она обрушивалась на любое свободное слово, любую живую мысль. Были закрыты самые передовые органы легальной прессы «Современник» и «Русское слово», вину которых цензурное ведомство определило таким образом: «Да ведь это на бумаге напечатанные Каракозовы своего рода, и их любит публика» [108]. По признанию П. А. Валуева, всю вообще печать власти «кроили, как вицмундир» [109].

Изобретательность реакции в борьбе против крамольного «нигилизма» не знала границ. Высочайше запрещено было носить мужчинам длинные волосы, а женщинам — короткие; нарушение этого запрета влекло на первый случай подписку в том, что виновные впредь «сих отличительных признаков нигилизма носить не будут», а в повторном случае — арест и ссылку[110]. Будущий идеолог народничества Н. К. Михайловский был выдворен из Горного института «за либеральные,— как он сам об этом вспоминал,— и даже, можно сказать, за якобинские убеждения, которые выразились преимущественно тем, что я носил длинные волосы и зачесывал их назад. Оказывается, что я Марат, Робеспьер...»[111].

Впрочем, писал о том времени Щедрин, «обвинялся всякий... Вся табель о рангах была заподозрена... Как бы ни тщился человек быть «благонамеренным», не было убежища, в котором бы не настигала его «благонамеренность», еще более благонамеренная»[112]. То была вакханалия, победное гульбище реакции.

Ее своеобразным profession de foi надолго стал рескрипт Александра II председателю Комитета министров П. П. Гагарину от 13 мая 1866 г., нацеливший правительство «охранять русский народ от зародышей вредных лжеучений»[113], т. е., иными словами, душить в зародыше демократические идеи. Рескрипт удостоверил ставку царизма на палаческий способ управления, сообразно с которым и был перетасован состав правительства.

Крайними реакционерами, крепостниками верховодил при дворе шеф жандармов граф Петр Андреевич Шувалов. Друг царя и «верховный наушник» при нем[114], Шувалов подчинил его своей воле, эксплуатируя страх самодержца перед «крамолой» после выстрелов Каракозова и (6 июня 1867 г. в Париже) польского эмигранта Антона Березовского. Такие авторитеты, как Д. А. Милютин и А. В. Головнин, прямо свидетельствовали, что Шувалов «запугал государя ежедневными своими докладами о страшных опасностях, которым будто бы подвергаются и государство, и лично сам государь. Вся сила Шувалова опирается на это пугало»[115]. Пользуясь этим, Шувалов прибрал к рукам почти всю внутреннюю политику, а ее сердцевиной сделал гонения на «крамолу»

и вообще на всякое инакомыслие. Уже в 1867 Ф. И. Тютчев написал о нем:

Над Россией распростертой
Встал внезапною грозой
Петр по прозвищу четвертый,
Аракчеев же второй [116].

Под стать Шувалову (и, как правило, по его указаниям) подбирались с 1866 г. все министры, ответственные за борьбу с «крамолой»: и оборотливый, мудрено сочетавший в себе палача, холопа и сибарита, знаток разных искусств, от амурного до сыскного, министр внутренних дел Александр Егорович Тимашев; и по-шуваловски «грозный», хотя настолько тупой, что глупость его, по уверению сенатора А. А. Половцова, «ежедневно принимала поразительные размеры» [117], бедный познаниями и в русских законах, и даже в русском языке министр юстиции граф Константин Иванович Пален, о котором «только и было известно, что он по министерству юстиции никогда не служил» [118]; и наделенный природным умом, образованием, силой характера, но патологически злобный, то и дело терявший в карательном усердии чувство реальности министр просвещения и обер-прокурор Синода граф Дмитрий Андреевич Толстой; и придворный флюгер Петр Александрович Валуев («Виляев», как прозвали его недруги [119]), который умел быть одинаково полезным для царизма на высоких постах (министр внутренних дел, министр государственных имуществ, председатель Особых совещаний при царе, председатель Комитета министров) до Шувалова, при Шувалове и после Шувалова. Все они (исключая Валуева) были «не в состоянии подняться выше точки зрения полицмейстера или даже городового» [120], но для палаческого способа управления иной точки зрения и не требовалось. Шувалов ею довольствовался, царь ему верил, а министры (включая даже Валуева) следовали за Шуваловым, «как оркестр по знаку капельмейстера» [121].

Разумеется, тем более не поднимались над «точкой зрения полицмейстера или даже городового» чиновники рангов ниже министра: все они, за ред-

кими исключениями, старались угодить своим министрам, как министры угождали Шувалову, а Шувалов — царю. Это относится не только к провинциальным властям, для которых в 70—90-е годы типичным был такой «сыщик по страсти», хотя и «без всякого сыщицкого таланта», а «еще более палач по страсти», как начальник киевского ГЖУ В. Д. Новицкий [122]. Такова же была целая вереница петербургских градоначальников 60—80-х годов: ставленник Шувалова сановный башибузук Федор Трепов (побочный сын Николая I, друг Александра II, отец двух сатрапов Николая II [123]) — тот самый Трепов, который, по свидетельству А. Ф. Кони, с трудом мог написать несколько строк, делая в слове из трех букв четыре ошибки («исчо» вместо «еще»), а в литературе признавал только «Полицейские ведомости», но все-таки «в смысле ума, таланта и понимания своих задач» был на голову выше своих преемников — «злобно-бездарного Зурова, глупого Федорова, трагикомического шарлатана Баранова и развратного солдафона Козлова» [124].

Естественно, и о природе революционного движения царские каратели судили с узкополицейской точки зрения, полагая, как это формулировал в 1878 г. начальник сыскной части III отделения Г. Г. Кириллов, будто «не народ и не целые сословия являются представителями недовольства, а сообщество отдельных индивидуумов, отколовшихся от своих сословных организмов» [125]. Более того, каратели считали, что русский социализм заимствован с Запада («У нас ему неоткуда было взяться» [126]), в программе социалистов выпячивали разрушительную сторону, утрируя ее («Упразднить религию, государство, общество, семью, собственность, самого человека! — вот их цели. А потом что? Ничего! Nihile! — от того они и нигилисты») [127]. Созидательная же сторона революционной программы вообще не принималась всерьез как «бред фанатического воображения» [128].

При таком взгляде на происхождение и смысл «крамолы» реакционные силы надеялись, что она не проникнет в толщу «религиозного и царелюбивого» русского народа, не найдет себе опоры на русской почве и не поколеблет самодержавных устоев.

Недреманное око III отделения рано выявило симптомы «хождения в народ», но вначале царизм не усмотрел в нем большой опасности и попытался было предотвратить его бесхитростной «профилактикой». 31 мая 1869 г. П. А. Шувалов и 4 июня А. Е. Тимашев циркулярно обязали все местные власти брать под «усиленный надзор» студентов, отъезжающих в разные места на каникулы, поскольку, мол, там они «намереваются распространять ложные понятия между фабричными рабочими и бывшими помещичьими крестьянами» [129].

Однако «профилактика» не удалась, и с весны 1874 г. «хождение в народ» неожиданно для правительства разлилось по всей стране. Жандармские власти, застигнутые врасплох, поначалу даже растерялись перед фактом революционной пропаганды, одновременно развернутой более чем двумя сотнями кружков в пяти десятках губерний. «Отсутствие внешней (т. е. централизованной. — *Н. Т.*) организации пропаганды,— сетовал помощник Шувалова гр. Н. В. Левашов в докладе Тимашеву от 7 мая 1874 г.,— крайне затрудняет ее преследование и искоренение, и направленная к тому деятельность полицейской, следственной и судебной властей обрывается в каждом отдельном случае на относительно малой группе лиц...» [130]

Карателям помог случай. 31 мая 1874 г. в Саратове нечаянно (при обыске на авось) была раскрыта явка пропагандистов, кое-как законспирированная под башмачную мастерскую, причем жандармской добычей стали десятки адресов и шифров [131]. Так власти напали на след большого числа кружков, рассеянных по разным губерниям. По высочайшему повелению от 4 июля 1874 г. дознание по делу «О пропаганде в империи», уже начатое повсеместно, было централизовано в руках начальника московского ГЖУ генерала И. Л. Слезкина и прокурора саратовской судебной палаты С. С. Жихарева. Юридически ответственным распорядителем дознания стал именно Жихарев — этот, по мнению известного рупора реакции кн. В. П. Мещерского, «настоящий Баярд без страха и упрека» и «гениальный обличитель» [132], а в оценке А. Ф. Кони — палач, «для которого де-

сять Сахалинов, вместе взятых, не были бы достаточным наказанием за совершенное им в середине 70-х годов злодейство по отношению к молодому поколению»[133].

Действительно, под управлением Жихарева и Слезкина Россию захлестнула такая волна арестов («следственный потоп», как выразился знаменитый криминалист Н. С. Таганцев[134]), какой страна еще не знала. «Слушая названия городов и местечек, в которых хватают, я повергаюсь просто в изумление,— писал в октябре 1874 г. А. А. Кропоткин П. Л. Лаврову. — Буквально: надо знать географию России, чтобы понять, как велика масса арестов»[135].

Общее число арестованных было гораздо больше тех цифр, которые приводятся в современных исследованиях: около тысячи, свыше полутора тысяч, 1600 человек[136]. Заслуживают внимания сведения старшего помощника И. Л. Слезкина В. Д. Новицкого, который осуществлял «проверку числа всех арестованных лиц по 26 губерниям» и насчитал под арестом за 1874 г. больше 4 тыс. человек (А. И. Кошелев — даже до 8 тыс.)[137].

Однако репрессии 1874 г. не задушили революционную пропаганду. «Движение не только не уменьшается, но идет crescendo,— писал Д. А. Клеменц Лаврову после арестов 1874 г. — Вместо паники вы встречаете энтузиазм, люди вырастают словно из-под земли»[138]. В 1875 г. «хождение в народ» продолжалось, хотя и несравненно слабее, чем в 1874 г. (как бы по инерции), но сильнее, чем в любом из предыдущих лет[139]. Царизм вынужден был искать в дополнение к репрессиям какие-то новые средства борьбы с «крамолой».

Важным (хотя и побочным) результатом «хождения в народ» явилось падение Шувалова. В самый разгар «хождения», когда стала очевидной тщетность восьми лет диктатуры «Петра IV», царь разжаловал его из диктаторов в дипломаты, сказав ему однажды за карточным столом будто бы между прочим: «А знаешь, я тебя назначил послом в Лондон»[140]. О причине столь сенсационного «перемещения» Шувалова современники толковали по-разному. «Предусмотрительные люди» заподозрили здесь «хитрый расчет» временщика: «...попасть в министры иностран-

ных дел, в государственные канцлеры и сделаться открыто, официально первым министром, к чему он давно стремится. Il recule pour mieux sauter» (он отступает, чтобы лучше прыгнуть)[141]. Нет определенного мнения на этот счет и в литературе. Советский исследователь В. Г. Чернуха полагает, что Шувалова погубила его попытка созвать комиссию сословных и общественных представителей для обсуждения правил о найме рабочих и прислуги. Трудно согласиться с таким объяснением. Ведь комиссия, о которой идет речь, вскоре после отставки Шувалова была созвана под председательством шуваловского единомышленника П. А. Валуева[142]. Думается, Шувалов пал именно вследствие банкротства его чересчур прямолинейного инквизиторства. Об этом свидетельствует не только хронологическое совпадение его отставки с разгаром «хождения в народ», но и тот элемент гибкости, который был привнесен в карательную политику сразу после Шувалова.

22 июля 1874 г. пост шефа жандармов занял Александр Львович Потапов, не столь грозный, как Шувалов, совсем не умный (современники находили в нем лишь «канареечный ум»[143]), но во всем, даже в собственном неразумии, последовательный и злопамятный. Царь заменил Шувалова именно Потаповым скорее всего потому, что Потапов, во-первых, по своему ничтожеству лучше других позволял царю отдохнуть от тяжелой опеки со стороны Шувалова, а во-вторых, на жандармском поприще все-таки проявил отменную сноровку, подтасовав в свое время так называемое «дело Чернышевского»[144]. Можно было надеяться, что теперь, когда требовалось не только «давить» à la Шувалов, но и лавировать, ловчить, сноровистый Потапов окажется удобным шефом жандармов.

С конца 1874 г. царизм начал собирать одно за другим представительные совещания, чтобы исследовать причины «быстрого распространения разрушительных учений» и «обсудить, не представляется ли необходимым принять какие-либо другие (помимо репрессий. — *Н. Т.*) меры с целью уменьшения влияния обнаружившейся деятельной пропаганды»[145]. Поисками таких мер занимались в декабре 1874 г. совещание шефа жандармов и семи министров, вклю-

чая военного, в марте 1875 г.— полный состав Комитета министров, а в марте 1877 г.—специальная Комиссия от министерств и III отделения. При этом Комитет министров подчеркнул, что с 1866 г., «несмотря на все принимавшиеся в течение девяти лет меры, разветвления революционной партии захватили более чем 30 губерний»; такой результат «неоспоримо доказывает недостаточность означенных мер» и «необходимость более систематического противодействия анархическим стремлениям» [146].

Документы совещаний 1874—1877 гг., а также майский 1875 г. циркуляр гр. Д. А. Толстого и записка гр. К. И. Палена под выразительным названием «Успехи революционной пропаганды в России» (1875 г.) одной из причин успехов пропаганды объявляли равнодушие, а то и сочувствие к ней со стороны общественного мнения и требовали мобилизовать «все благомыслящие элементы общества» на борьбу с пропагандой [147]. III отделение в обзорном докладе царю от 21 января 1878 г. предлагало развернуть по всей стране правительственную контрпропаганду: в простонародье — книжным путем, а в обществе — даже через «кружки, имеющие целью препятствовать дальнейшему развитию революционных замыслов» [148].

Но практически извлечь что-нибудь из такого рода обсуждений и предложений царизм не мог: общество большей частью сторонилось не только «крамолы», но и реакции, а затея III отделения вышибать клин клином (против книг и кружков — книги же и кружки) показалась опасной и не была даже принята всерьез. Не находя иных средств борьбы с «крамолой», царизм вновь и вновь делал ставку на палаческий способ, которым так долго пользовался и так мало добился Шувалов.

Повсеместно насаждался жандармский произвол. В течение 1877 г. неоднократно (14 мая, 7 июня, дважды в июле) III отделение и министерство внутренних дел секретными циркулярами обязывали все местные власти «усугубить бдительность по наблюдению за действием пропаганды» [149] и приумножить усилия «к ограждению общества от вредных элементов» [150]. Разрастался полицейский надзор. По данным нелегальной печати, весной 1874 г. число

поднадзорных в России простиралось до 35 тыс.[151] Обыски и аресты по малейшему поводу, доносу или подозрению терроризировали все слои общества. Ночные вторжения жандармов в частные квартиры были как бы узаконены с николаевского времени[152].

Много усилий прилагал царизм в 70-е годы к тому, чтобы ослабить и обезвредить русскую политэмиграцию, но безуспешно. Заграничная агентура самодержавия тогда, как это признал в докладе царю от 20 августа 1878 г. и. д. шефа жандармов Н. Д. Селиверстов, была «во всех отношениях слабой»[153], а попытки административного воздействия на эмигрантов не удались. Так, 21 мая 1873 г. через «Правительственный вестник» царизм обязал всех русских женщин, учившихся тогда в Цюрихе, вернуться до 1 января следующего года в Россию, дабы «коноводы нашей эмиграции» не вовлекли их «в вихрь политической агитации», а 5 мая 1874 г. вызвал на родину и самих «коноводов» (М. А. Бакунина, П. Л. Лаврова, П. Н. Ткачева, Н. П. Огарева, Г. А. Лопатина, Н. И. Утина и др., всего 19 человек) с угрозой наказать их за неявку «по всей строгости законов»[154]. Но женщины, хоть и вернулись, успели пройти сквозь «вихрь политической агитации» и на родине почти все подключились к «хождению в народ»[155]. «Коноводы» же на царский зов не откликнулись.

Учитывая, что с середины 60-х годов русские революционеры стали заводить более обширные интернациональные связи, царизм пытался привлечь к борьбе против них иностранные правительства. С этой целью он за 10 лет (1867—1877 гг.) заключил 9 карательных конвенций с 8 державами, надеясь максимально стеснить право политического убежища для русских революционеров[156]. К досаде царских властей, до 1881 г. в числе общепризнанных норм международного права значился и принцип невыдачи политических преступников[157]. Впервые царизм был вынужден оговорить его в русско-голландской конвенции о взаимной выдаче преступников от 7 апреля 1867 г. и затем подтверждал эту оговорку в аналогичных конвенциях, которые он согласовывал с Баварией (14 февраля 1869 г.), Гессеном (3 ноября 1869 г.), Италией (14 мая 1871 г.),

Швейцарией (5 ноября 1873 г.)[158]. Но царские дипломаты упорно старались включить в текст каждой из них так называемую бельгийскую поправку, т. е. закон, принятый 22 марта 1856 г. в Бельгии, о праве выдачи любого преступника за «посягательство на жизнь главы государства и членов его семейства» как преступление уголовное, а не политическое[159]. До конца 70-х годов в трех случаях, а именно в соглашениях с Бельгией (25 августа 1872 г.), Австро-Венгрией (3 октября 1874 г.) и Испанией (9 марта 1877 г.), царизм сумел это сделать.

Царское правительство пыталось вытребовать из-за границы особо опасных для него русских эмигрантов и по тем соглашениям, в которые не включалась «бельгийская поправка», либо вообще без соглашения, в частном порядке — как якобы уголовных преступников. Однажды это ему удалось. 2(14) августа 1872 г. в Цюрихе при дипломатическом содействии агентам III отделения со стороны русского посланника в Швейцарии кн. М. А. Горчакова (сына государственного канцлера) был арестован Сергей Нечаев[160]. Правительство Швейцарии согласилось выдать Нечаева при условии, что в России его будут судить не за государственное, а за уголовное преступление (т. е. за убийство студента И. И. Иванова), и царские власти, для которых важен был не мотив, а сам факт расправы с Нечаевым, охотно приняли это условие[161]. Но в 60—70-е годы эта удача оказалась для царизма первой и последней. В частности, как явствует из переписки П. А. Черевина с А. Р. Дрентельном, царизм в 1878—1879 гг. тщетно пытался склонить ту же Швейцарию к выдаче С. М. Кравчинского (за убийство шефа жандармов) и В. И. Засулич (за покушение на петербургского градоначальника)[162].

Итак, устранив П. А. Шувалова, царизм после некоторых колебаний вновь свел борьбу с деятелями освободительного движения к шуваловскому способу всеобъемлющих репрессий. А. Л. Потапов для такого способа не подходил. К тому же у него открылось «разжижение мозга», которое вскоре перешло в «буйное помешательство»[163]. 30 декабря 1876 г. новым шефом жандармов был назначен Николай Владимирович Мезенцов — каратель шуваловского склада,

который даже на близких к нему людей производил впечатление «сонного тигра»[164]. Он не только усугубил репрессии, но и по-своему упорядочил их: например, вычеркнул из списка поднадзорных А. С. Пушкина и возобновил снятый было официально 9 июля 1875 г. надзор за Ф. М. Достоевским[165]. По-шуваловски утилизируя страх царя перед «крамолой», Мезенцов в июле 1878 г. получил высочайший кредит в 400 тыс. руб. на усиление жандармского корпуса и сыскной части[166]. Однако он даже не успел раскрыть в полной мере свой палаческий дар: 4 августа 1878 г. кинжал Сергея Кравчинского умертвил «сонного тигра».

В целом все попытки царизма с 1866 до 1878 г. задушить революционную пропаганду в России потерпели фиаско. Пропаганда росла и вглубь и вширь. Преемник Мезенцова Н. Д. Селиверстов во всеподданнейшем докладе от 30 сентября 1878 г. мог предложить царю только такое утешение: «Общее положение дел, относящихся до распространения пропаганды в России, отменно серьезно, но не безвыходно». Царь в тон своему и. д. шефа жандармов заметил на полях доклада: «Грустно было бы думать противное»[167].

Соотношение административной и судебной расправы в карательной политике царизма

Итак, царизм использовал в борьбе против освободительного движения средства всех разновидностей и масштабов от полицейского надзора за такими «отличительными признаками нигилизма», как длинные волосы у мужчин и короткие у женщин, до дипломатических трактатов с иностранными государствами о выдаче политических преступников. Каждое из этих средств в отдельности и все они в совокупности, хотя и преследовали разные задачи (оболгать идеологию революционного лагеря, расстроить его связи, вооружить против него общественное мнение и т. д.), имели одно общее для них и главное назначение: выслеживать и вылавливать деятелей освободительного движения, его революционные кадры. Когда же ули-

ченный или только заподозренный в «крамоле» попадался карателям, его ждала жестокая расправа. Вершилась она и в судебном и в административном порядке.

Административным (без привлечения к суду) наказаниям подвергались те из арестованных, против кого недоставало (а то и вовсе не было) улик. Такими наказаниями в 60—70-е годы служили, как правило, либо отдача под гласный полицейский надзор, либо ссылка «на родину» (т. е. по месту жительства), в северные губернии и в Сибирь, от мест «не столь отдаленных» до «отдаленнейших».

Отправить кого-либо в административную ссылку при царизме всегда было просто. Правда, судебные уставы 1864 г. создавали для карателей неудобство, поскольку специально об административной ссылке для государственных преступников в уставах не говорилось, а из контекста их следовало, что все политические дела должны разрешаться только по суду. Но уже в 1871 г. это неудобство было устранено. Закон 19 мая 1871 г. дал право министру юстиции по соглашению с шефом жандармов в тех случаях, когда арестованные оказывались неподсудными, испрашивать «высочайшее соизволение» или о прекращении дела, или же «о разрешении оного в административном порядке» [168].

Министр и шеф жандармов предпочитали административно «разрешать» дело, нежели прекращать его, а «высочайшее соизволение» об этом штамповалось практически безотказно. Поэтому число административно высланных, а соответственно и влияние их на разные слои местного общества стали расти так быстро, что уже в мае 1875 г. царь повелел специальной комиссии из министров внутренних дел, юстиции, финансов, государственных имуществ, а также главноуправляющего II отделением и шефа жандармов изыскать меры к «устранению тех вредных последствий, которые обнаруживаются в настоящее время вследствие высылки политически неблагонадежных лиц во внутренние губернии России, причем обсудить вопрос о том, не следует ли сосредоточить этих лиц в какой-либо одной местности» [169]. Последнее комиссия сочла нецелесообразным, поскольку-де «такая система доставила бы ссыльным

возможность сплотиться, организоваться и, быть может, составить со временем весьма опасную политическую силу». Министр юстиции предложил вообще «отрешиться от системы административной высылки, заменив ее установлением строгого надзора и запрещением жительства в известных пунктах». Царь воспротивился: «Я с этим никак не могу согласиться».

В результате комиссия 1875 г. признала необходимым «по возможности ограничить число городов, назначенных для ссылки, и притом выбирать города, которые имеют телеграфное сообщение, но не расположены на главных линиях железных дорог... не имеют учебных заведений выше уездных училищ, ибо учащиеся высших заведений были бы опасною почвою для восприятия вредных учений; вообще выбирать города, где население может считаться менее восприимчивым для какой бы то ни было революционной агитации; наконец, города, где постоянное местожительство не представляет больших жизненных удобств». Конкретно при этом были названы города (кроме губернских!) Архангельской, Олонецкой, Эстляндской, Курляндской, Витебской, Могилевской, Минской, Астраханской, Уфимской, Оренбургской и некоторых других губерний, а также крепости Свеаборг и Орск.

После этого поток административно высланных продолжал расти. В январе 1878 г. III отделение предложило царю отойти от закона 19 мая 1871 г. и уступить право ссылки (без «высочайшего соизволения») министрам, «дабы не поколебать вкоренившегося в народе убеждения, что царская власть есть постоянный источник для него одних только милостей» [170]. Это предложение было узаконено в так называемых Временных правилах 1 сентября 1878 г. [171] Теперь административная ссылка утверждалась или отменялась по соглашению шефа жандармов с министром внутренних дел. Проще стал и ее исходный порядок. Жандармские офицеры, а в их отсутствие полицмейстеры и уездные исправники получили право не только арестовывать всех «подозреваемых в совершении государственных преступлений или в прикосновенности к ним» (подозреваемых в прикосновенности!), но и определить любому из

них в качестве исправительной меры административную ссылку — все это «без участия чинов прокурорского надзора» (этим последним надо было лишь сообщать о том или ином определении «для сведения»). Мало того, чтобы отягчить ссылку, примерно в то же время (8 августа 1878 г.) на заседании Совета министров под председательством царя всех, подлежащих административной высылке, было «высочайше повелено ссылать преимущественно в Восточную Сибирь» [172].

Таким образом, царизм за 70-е годы сделал многое для того, чтобы извлечь из административной ссылки наибольший карательный эффект. Иные его воротилы предлагали тогда же и еще более драконовские меры, против которых, однако, поднимались в правительстве трезвые голоса. Так, в марте 1879 г. на Особом совещании при царе экс-диктатор П. П. Шувалов предложил «высылку разом из столицы всех подозрительных людей». Его поддержали министр внутренних дел Л. С. Маков и гр. Д. А. Толстой. Председатель совещания П. А. Валуев выступил уклончиво. Только противодействие военного министра Д. А. Милютина и шефа жандармов А. Р. Дрентельна, утверждавших в два голоса, что шуваловская мера «нисколько не достигнет цели и даже не уменьшит зла, а только восстановит окончательно общественное мнение против правительства», побудило участников совещания отклонить идею Шувалова [173].

Поскольку предлагали административно высылать то или иное лицо местные жандармские власти и на таком зыбком основании, как оговор либо подозрение [174], а министры обычно не вникали в подробности дела, то и выходило, что административная ссылка зависела от жандармского своеволия. Уникальный даже в анналах царской юстиции факт, когда 80 человек из 90 оправданных судом по делу «193-х» в январе 1878 г. III отделение с санкции царя отправило в административную ссылку, был продиктован желанием царя и шефа жандармов отомстить подсудимым за их неслыханно дерзкое поведение на процессе. В 70-е годы обычными стали редкие в прошлом случаи ссылки по недоразумению (например, по сходству фамилий — одного вместо

другого[175]) и просто без объяснения причин. «Вы хотите знать, почему я из Одессы очутился в Вологде и почему отправляюсь в Архангельск «под строжайший надзор полиции»? — писал в декабре 1878 г. Д. В. Стасову М. Ф. Грачевский. — Я могу сказать только то, что мне самому сообщено на такой же вопрос одесской администрацией, а именно: «Вас арестуем и отправляем в Архангельск по распоряжению III отделения, но за что и почему, нам самим неизвестно...»»[176] Так же были сосланы мало кому известный в то время студент В. Г. Короленко с двумя братьями и популярнейший адвокат А. А. Ольхин, редактор столичного журнала «Слово» И. А. Гольдсмит с женой и др.[177] «В Холмогорах,— писала в начале 1881 г. газета «Страна»,— двадцать процентов ссыльных не знают, за что их сюда упекли»[178].

Не мудрено, что в условиях такого вопиющего произвола административная ссылка «стала чумой, опустошавшей русскую землю»[179]. По официальным данным нельзя судить о ее масштабах. Так, сенатор М. Е. Ковалевский 22 июля 1880 г. доложил Верховной распорядительной комиссии, что число административных ссыльных по политическим делам составляет в России 1200 человек (из них в Сибири — лишь 230, включая сосланных по суду)[180]. Эти цифры очень занижены и намеренно, как подметил С. М. Кравчинский, «из нежелания правительства признать всю меру своего позора», и невольно, из-за того, что переизбыток властей, правомочных распоряжаться ссылкой, мешал правительству учесть все его жертвы. По подсчетам самого Кравчинского (со ссылкой на документы, имевшиеся в его распоряжении), в 1880 г. число лиц, административно высланных за «политику», достигало в России 3 тыс.[181] Газета «Порядок» 2 (14) февраля 1881 г. сообщала, что только в Сибирь ежегодно ссылается около 10 тыс. человек (и политических, и главным образом уголовных). «Это настоящее великое переселение народов»,— резонно заключала газета. Не зря М. Е. Салтыков-Щедрин в августе 1881 г. роптал на административную ссылку: «Сия яма так переполнена, что сто лет ее чисти — опять на сто лет останется»[182].

Вакханалия административной ссылки беспокоила даже царских министров. «Эта система административной высылки, доведенная в последние годы до крайности,— записывал 27 апреля 1880 г. в дневнике Д. А. Милютин,—всегда казалась мне какою-то несообразностью». В самом деле, «как будто с переменою места жительства,—рассуждал он об административных ссыльных,— они перестанут быть неблагонадежными!» [183]. Ту же мысль развивал губернатор Архангельского края (одного из центров административной ссылки) Н. М. Баранов в докладе министру об управлении краем за 1881 г.: «И из опыта прошлых лет, и из моих личных наблюдений я пришел к убеждению, что административная ссылка по политическим причинам гораздо скорее может еще более испортить и характер, и направление человека, чем поставить его на истинный путь... Не было еще случая, чтобы человек, заподозренный в политической неблагонадежности на основании действительно веских данных и сосланный административным порядком, вышел из нее примиренным с правительством, отказавшимся от своих заблуждений. Зато нередко случается, что человек, попавший в ссылку вследствие недоразумения или административной ошибки, уже здесь, на месте, частью под влиянием личного озлобления, частью вследствие столкновения с действительно противоправительственными деятелями и сам сделался неблагонадежным в политическом отношении. В человеке, зараженном антигосударственными идеями, ссылка всей своей обстановкой способна только усилить это заражение, обострить его, из идейного сделать практическим, т. е. крайне опасным; человеку же, неповинному в революционном движении, она в силу тех же обстоятельств прививает идеи революции, т. е. достигает цели, как раз противоположной тому, для чего она установлена» [184].

М. Т. Лорис-Меликов на первом же заседании Верховной распорядительной комиссии 4 марта 1880 г. признал: «Нельзя не отметить, что случаи административной высылки столь часты, что вскоре устройство быта и положение выселенных может сделаться вопросом государственным» [185]. Военно-морской министр адмирал И. А. Шестаков считал

тогда своевременным «объявить, что впредь административных ссылок не будет, что все политические преступления будут разбираться судами»[186]. По-видимому, такого мнения держался в правительстве не один Шестаков. Во всяком случае Лорис-Меликов попытался хотя бы ограничить и упорядочить административную ссылку. По его заданию сенатор М. Е. Ковалевский выработал проект, согласно которому были бы стеснены карательные полномочия местных властей и создано для решения вопроса об административной ссылке Особое присутствие в составе начальника Верховной распорядительной комиссии, министров внутренних дел и юстиции, двух членов Государственного совета и двух сенаторов. Однако Верховная распорядительная комиссии была упразднена, прежде чем успела обсудить проект Ковалевского. Тем дело и кончилось[187].

Если даже попытки лишь ограничить и упорядочить административную ссылку, предпринятые на столь высоком уровне, как Верховная распорядительная комиссия, не удались, то тем более нельзя было добиться ее отмены, несмотря на мотивированные возражения против нее отдельных министров вроде Милютина и Шестакова, губернаторов вроде Баранова и таких авторитетных трубадуров реакции, как В. П. Мещерский, который считал, что результатом административной ссылки является «зажигание революционной пропаганды в тех местах России, куда ссылались поднадзорные социалисты для жительства»[188]. Разумеется, в исправительный эффект административной ссылки царизм не верил. В этом смысле откровения архангельского губернатора звучали для правительства наивно. Но эффект карательный представлялся царизму бесспорным. Вот как определил позицию царского правительства по отношению к тому и другому эффекту С. М. Кравчинский: «Административная ссылка как исправительная мера — нелепость... Те, кто спаслись из ссылки, действительно превращаются в непримиримых врагов царизма. Но ведь еще вопрос, не стали ли бы они его врагами, если бы не были сосланы. Есть много революционеров и террористов, никогда не подвергавшихся этому испытанию. На каждого бежавшего из ссылки приходится сотня, которая остается и по-

гибает безвозвратно. Из этой сотни большинство совершенно невинны, но десять или пятнадцать, а может быть, и двадцать пять — несомненные враги правительства или в очень короткий срок становятся ими; и если они погибают вместе с другими, тем лучше, тем меньше врагов»[189].

Именно поэтому и в 80-е годы царизм продолжал расширять административную ссылку, упрощая ее процедуру и отягчая условия. Положение об охране 14 августа 1881 г. узаконило еще более удобный для карателей, чем прежде (кстати, сохранившийся до 1917 г.), порядок ссылки: решает вопрос особое совещание четырех чиновников (по два от министерств внутренних дел и юстиции) под председательством товарища министра, а утверждает решение министр внутренних дел[190]. Очаги ссылки отодвигались все далее на север и особенно на восток. По высочайшему повелению от 12 июня 1887 г. фактически была отменена ссылка «на родину», чтобы не допускать «весьма вредного с точки зрения борьбы с противоправительственным движением рассеяния поднадзорных в губерниях Европейской России»[191].

Судя по данным, которые ежегодно суммировал департамент полиции, поток людей, административно высланных за «политику», в 80—90-е годы последовательно возрастал: за 1885—1890 гг. — 1399, за 1895—1900 гг. — 3023 человека[192]. Главным средоточием политических ссыльных все в большей степени становилась Сибирь — эта, как назвал ее начальник Главного тюремного управления империи А. П. Соломон, «обширная тюрьма без крыши»[193]. Если в 1880 г., по официальным данным, здесь было 230 ссыльных, то уже в 1883 г. их число более чем удвоилось (537 человек), а к 1898 г. выросло еще вдвое (1050—1060 человек)[194]. Все эти цифры ниже действительных, верного представления о числе ссыльных они не дают, но динамику расширения ссылки характеризуют.

Таким образом, и после судебной реформы 1864 г. вплоть до конца XIX в. административный порядок оставался самым распространенным способом расправы царизма с политическими противниками. Самым распространенным. Но не главным.

Дело в том, что административная расправа чинилась над людьми, которые потому и были мало или совсем не уличены в революционных делах, что они чаще всего имели лишь косвенное, иногда случайное отношение к революционному движению, а то и вообще не имели к нему никакого отношения. Разумеется, были исключения, когда жандармские власти не находили улик, достаточных для предания суду, и против активных революционеров, ссылали их в административном порядке. Так, в числе административно сосланных с конца 60-х до начала 90-х годов оказались выдающиеся деятели «Земли и воли» М. А. Натансон и Д. А. Клеменц, один из лидеров «Черного передела», О. В. Аптекман, несколько видных народовольцев (В. А. Жебунев, В. Г. Богораз-Тан, И. И. Попов, Л. Я. Штернберг), руководители первых в России социал-демократических групп (Д. Н. Благоев, П. В. Точисский, Н. Е. Федосеев). Но, как правило, активные революционеры шли под суд. За время, о котором идет речь, перед царским судом прошли ведущие деятели «хождения в народ» и всех революционных организаций, действовавших до и после «хождения»: ишутинцев, «нечаевцев», долгушинцев, «москвичей» (фактически в полном составе), Большого общества пропаганды, «Южнороссийского» в Одессе, «Южнорусского» в Киеве и «Северного» рабочих союзов, «Земли и воли», «Черного передела», «Народной воли», множества отдельных кружков. Не только по составу подсудимых и общественной значимости судебных дел, но и в том отношении, как царизм готовил каждое судебное разбирательство, какое место в ряду возможных репрессий ему отводил и какие надежды с ним связывал, главную роль в карательной политике царизма играли тогда судебные процессы.

Итак, освободительное движение в России от первой революционной ситуации до второй развивалось — через приливы и отливы — по восходящей линии. Первая революционная ситуация открыла собой разночинский этап движения. В ее горниле сложилась доктрина русского крестьянского социализма, народничества, основы которого начал закладывать еще

с 40-х годов Герцен. Главным образом усилиями Герцена и Чернышевского эта доктрина уже в эпоху реформы 1861 г. обрела достаточную стройность и господствовала на всем протяжении разночинского этапа, став знаменем борьбы революционеров 60—70-х, а отчасти даже 80-х годов, пока в России не созрели условия для распространения марксизма и не началось «непрерывное рабочее движение в связи с социал-демократией...» [195].

На рубеже 50—60-х годов революционное движение в России было еще крайне («до ничтожества», по ленинскому выражению) слабым. Поэтому, несмотря на чрезвычайный, беспримерный за весь XIX в. размах антифеодальной борьбы крестьянских масс, первая революционная ситуация не переросла в революцию: не оказалось силы, способной политически просветить и организовать раздробленные, «темные» массы, возглавить их стихийный подъем. Тем не менее именно в условиях первой революционной ситуации были заложены наряду с теоретической базой и тактические, а также организационные основы для нового, еще более сильного натиска на самодержавие, в первую очередь призыв к «хождению в народ», т. е. к соединению революционного меньшинства с трудящимся большинством нации, к реализации идеи «не только для народа, но и посредством народа».

Царизм отразил революционный натиск 1859—1863 гг., но попытки реакции (особенно упорные с 1866 г., после выстрела Д. В. Каракозова) извести «крамолу», задушить ее в зародыше не удались и не могли удаться, ибо сохранялись и по мере развития капитализма усугублялись социально-экономические противоречия, обусловившие первую революционную ситуацию. Восемь лет жандармской диктатуры гр. П. А. Шувалова показали, что перед революционным процессом, который диктуется объективными потребностями развития страны, бессильны любые репрессии. С 1874 г. началось массовое «хождение в народ», которое охватило практически все 50 губерний Европейской России. Царизм подавил и это движение, но был так напуган им, что стал изыскивать другие, помимо репрессий, более гибкие средства обезвреживания «разрушительных идей», устра-

ния Шувалова, попытался мобилизовать на борьбу с «крамолой» «благомыслящие элементы общества». Поскольку же общество такой мобилизации не поддалось, а «разрушительные идеи» между тем множились, царизм начал метаться от комбинированных способов подавления к прямолинейному палаческому способу.

В таких условиях революционное движение претерпевало важные перемены. За время засилья реакции (1864—1868 гг.) в нем возникли субъективно-идеалистические иллюзии, сомнения в революционных возможностях масс. Теоретический уровень движения сравнительно с Герценом и Чернышевским временно снизился. Однако коренная идея основоположников народничества — идея народной (крестьянской) революции оставалась ведущей, определяющей. Руководствуясь ею, революционеры 70-х годов, хотя они и отступили по некоторым вопросам теории (философского материализма, «социологического реализма», политической борьбы) от позиции Герцена и Чернышевского назад, в других вопросах (о капитализме, рабочем классе, нравственном сознании) шли вперед, а главное, прилагали неизмеримо большие сравнительно с предшественниками усилия для того, чтобы практически реализовать, воплотить доктрину Герцена — Чернышевского в жизнь, и, таким образом, обеспечивали поступательный характер русского революционного процесса.

Тактика революционеров 1866—1878 гг. была разнообразной. Большое место заняли в ней бунтарские, обозначились заговорщические и террористические мотивы, но главным средством борьбы оставалась пропаганда среди интеллигенции, рабочих, крестьян, отчасти в армии. Царизм сосредоточивал тогда свои карательные усилия в основном именно против революционной пропаганды, а точнее, против самих пропагандистов, действительных, уличенных или мнимых, только заподозренных. Расправа с ними вершилась в судебном или административном порядке. Более распространенным был административный способ репрессий, при котором отдавались под полицейский надзор и ссылались в «медвежьи углы» империи сотни и тысячи людей, мало или даже вовсе не уличенных. Под суд шли сравнительно с admини-

стративно наказанными немногие, но, как правило, самые активные революционеры. Судебным процессам царизм отводил первую роль в стремлении устрашить «крамолу», дискредитировать ее перед общественным мнением и привлечь общество, поскольку оно будет шокировано ужасами «крамолы», на свою сторону. Поэтому судебный порядок расправы с революционерами, думается, надо считать главным в карательной политике царизма 1866—1878 гг., как, впрочем, и последующих годов. Менее распространенным, но главным.

Не тот, кто на землю упал,— побежден,
Не тот, кто разит,— победитель!

П. Ф. Якубович

II

Революционная Россия перед судом царизма

Царский суд и политические процессы 1866—1878 гг.

Судебные уставы 1864 г. предписывали рассматривать государственные преступления в общем порядке уголовного судопроизводства — либо судебными палатами, либо (в исключительных случаях, по высочайшему повелению) Верховным уголовным судом. Дознание (т. е. первоначальное расследование с целью установить самый факт преступления) и предварительное следствие возлагались на членов судебных палат и специально назначаемых следователей под присмотром лиц прокурорского надзора[1]. Уставы вносили состязательное начало как в уголовные, так и в политические процессы, декларировали, что все политические дела, кроме «оскорбления величества», рассматриваются судами публично и что «дозволяется печатать обо всем, происходившем в публичном заседании при рассмотрении дел»[2].

Однако, провозгласив реформу суда, царизм не спешил внедрить ее в практику судопроизводства, особенно по делам о «политике». Высочайше подписанные 20 ноября 1864 г. уставы вступили в силу лишь 17 апреля 1866 г., когда торжественно были открыты новые суды, но политические процессы и после этого почти пять лет вершились способом, более похожим на дореформенный. Первое после судебной реформы политическое дело — об ишутинцах — сочетало в себе дореформенные и пореформенные черты. С одной стороны, в нем были признаки состязательности (подсудимые лично участвовали в судоговорении, впервые в России выступала на политическом процессе защита, фигурировали и свидетели). С другой стороны, дело слушалось в исключительной инстанции, судившей ранее декабристов, при

закрытых дверях (в Петропавловской крепости) и с запрещением печатной огласки. Следствие по делу ишутинцев вела чрезвычайная комиссия Муравьева-вешателя, которая была создана и действовала вне всякой зависимости от судебных уставов, по аналогии с дореформенными комиссиями такого рода.

«Верхи» сразу насытили процесс ишутинцев мстительным пристрастием, тон которому задавал сам царь. Он склонялся даже к военно-полевой расправе с обвиняемыми и дал санкцию на Верховный уголовный суд только после заверений министра юстиции Д. Н. Замятнина в том, что «наказания, полагаемые за государственные преступления, по строгости своей совершенно одинаковы, ибо как по полевым уголовным законам, так и по Уложению о наказаниях определяются за них самые тяжкие уголовные кары и смертная казнь»[3]. Муравьев в угождение царю вел следствие так, чтобы подвести под смертную казнь возможно большее число обвиняемых. Солидарный с ним шеф жандармов В. А. Долгоруков перед первым допросом Каракозова пообещал царю: «Все средства будут употреблены, дабы раскрыть истину»[4]. Так и было. В ход шли лжесвидетельства, уговоры, разные приемы застращивания и даже пытки. Каракозов, естественно, был их главной жертвой. Ходившие тогда слухи о том, что его секли[5], едва ли достоверны. Но тот факт (известный в литературе из воспоминаний П. А. Кропоткина), что Каракозова пытали такой изощренной пыткой, как лишение сна, подтверждает верный оруженосец самого Муравьева П. А. Черевин: «Допросы продолжались безостановочно по 12—15 часов. В течение этого времени допрашиваемому не позволялось не то, чтобы сесть, но даже прислониться к стене. Ночь не была покоем, ибо в течение оной его будили раза три в час...»[6]

Истязали допросами и других обвиняемых: сажали их на хлеб и воду (как Н. А. Ишутина и Ф. А. Никифорова), угрожали им (как И. А. Худякову) от имени Муравьева «объявить вне законов, пытать и затем расстрелять через шесть дней военным судом»[7], разили таким лжедоводом: «Ваши товарищи уже все показали»[8]. Характерные для муравьевской комиссии ухищрения разоблачил перед судом 19-летний обви-

няемый Ф. П. Лапкин, «сознавшийся» на следствии в том, что ишутинцы будто бы стремились «перерезать всех дворян, государя и весь царствующий дом». «Мои показания вынужденны, я отвергаю их,— заявил Лапкин на суде.— Мне угрожали, что я сам себе затягиваю петлю на шее... говорили, что они меня отправят к Михайле Николаевичу Муравьеву, а между нами был слух, что Михайло Николаевич подвергает пытке Каракозова... Об этом я говорил комиссии — мне отвечали: «Может быть, Михайло Николаевич и подвергал Каракозова пытке, не знаем». Для меня это было положительным ответом. После всех этих угроз я решился было покончить с собой и хотел изойти кровью, но мне оставалась одна надежда, что в случае сознания мне обещали исходатайствовать милость от государя... Вот почему я принял на себя такое страшное обвинение в том, в чем я никогда не был виновен...» [9]

Всего по делу Каракозова были арестованы 197 человек [10], но бо́льшую часть их пришлось-таки за недостатком улик карать в административном порядке (преимущественно ссылкой под надзор полиции). Зато отданные под суд 36 человек «уличались» в тяжких преступлениях: 11 из них, выделенных в первую группу, Муравьев, по выражению председателя суда кн. П. П. Гагарина, «всех обвинил на смерть» [11].

Суд в большинстве своем готов был идти за Муравьевым. Из шести членов суда по крайней мере четверо были настроены палачески. Девяностолетний сенатор М. М. Корниолин-Пинский, едва увидел 11 подсудимых первой группы, сказал секретарю суда: «Все это—добыча виселицы». Граф В. Н. Панин следовал правилу: «Конечно, двух казнить лучше, нежели одного, а трех — лучше, нежели двух». Побольше смертных приговоров жаждали и принц П. Г. Ольденбургский, и сенатор А. Д. Башуцкий [12]. Только твердая позиция кн. П. П. Гагарина и выступавшего на суде в качестве обвинителя Д. Н. Замятнина, которые старались следовать новым судебным уставам, несколько сдерживала суд от беззакония и чрезмерной жестокости. Гагарин даже записал особое мнение против смертного приговора Ишутину [13]. Шокировала его и безгласность процесса. Как бы оправдываясь,

он на вопрос своего обер-секретаря, почему дело лишено гласности, прямо ответил: «Государю не угодно» [14].

Царь со своей стороны был недоволен карательной умеренностью суда, и особенно малым числом смертных приговоров (только Каракозову и Ишутину). «Вы постановили такой приговор,— упрекнул он Гагарина по окончании процесса,— что не оставили места моему милосердию» [15]. Судя по рассказу П. А. Валуева, бывшего тогда министром внутренних дел, Александр II, как и Муравьев, хотел бы и ожидал смертных приговоров всем обвиняемым первой группы без исключения. Вот что записано в дневнике Валуева от 20 августа 1866 г., за 11 дней до вынесения приговора по первой группе: «Утром был у меня Трепов. Он занят приготовлением 11 виселиц, повозок, палачей и пр. Все это по высочайшему повелению. Непостижимо! Суд еще судит...» [16] Суд не решился на первом же политическом процессе по новым уставам воздвигать частокол из смертных приговоров, но определил подсудимым максимальные наказания: наряду с двумя виселицами еще для семи человек — каторгу на 8, 12, 20 лет и без срока, для одного — ссылку в отдаленнейшие места Сибири. Оправдан был лишь А. А. Кобылин, поскольку сам прокурор отказался от его обвинения за полным отсутствием улик [17].

В тех же случаях, когда царь прямо высказывал свою волю, суд, конечно, не смел ослушаться. Торопясь осудить Каракозова до приезда невесты цесаревича датской принцессы Дагмары, как этого потребовал царь [18], суд стал комкать главное дело всего процесса, вынес Каракозову смертный приговор 31 августа, дал возможность казнить его 3 сентября, а сопроцессников его по первой группе (Ишутина, Худякова и др.) продолжал допрашивать до 1 октября, когда наконец и они услышали приговор по тому же обвинению.

Примерно так же, как дело ишутинцев, т. е. с элементами состязательности, при участии защиты, но в закрытом порядке и с грубыми нарушениями процессуальных прав подсудимых, прошли до начала 70-х годов еще шесть мелких политических процессов: три дела (поручика В. П. Нечмирова, солдат

Николая Неведомского и Дядина) о «преступном сочувствии» к покушению Каракозова, два (А. С. Суворина и Н. В. Соколова) — о «дерзостном порицании» существующего строя в печати и одно (подпоручика В. С. Кувязева) — об «умышленном распространении» запрещенных сочинений. Дознание и следствие по четырем из этих дел (о военнослужащих) проводились военным начальством, а по двум остальным — чиновниками той же следственной комиссии, которая вела каракозовское дело.

По новым судебным уставам дознание и следствие впервые были предприняты с ноября 1869 г., о «нечаевцах». Царизм устраивал суд над «нечаевцами» с видимым расчетом опорочить своих противников перед общественным мнением. Владея такими козырями, как юридически доказанный факт злодейского убийства С. Г. Нечаевым студента И. И. Иванова, одиозный текст нечаевского «Катехизиса революционера», нечаевский (фальшивый) мандат члена Интернационала, каратели надеялись обесславить как русскую революцию, так и международное революционное движение, в особенности Интернационал, именем которого прикрывался Нечаев. Уверенные в успехе дела, еще ни на одном из политических процессов не обманувшиеся, царские юристы расследовали дело «нечаевцев» в строгих рамках только что прокламированной законности. В результате дознание и следствие по этому делу затянулись на полтора года и, главное, показались властям слишком демократичными с процессуальной точки зрения. Поэтому еще до начала суда над «нечаевцами», 19 мая 1871 г., вышел закон, по которому производство дознаний о политических делах отныне передавалось жандармам [19]. Этот закон, призванный сделать дознание более оперативным и менее церемонным, стал ширмой для прикрытия традиционного жандармского беззакония. Дело даже не только в том, что жандармы намеренно попирали и законность, и процессуальный регламент, и элементарный такт. Важно и другое: квалифицированно исследовать признаки, и тем более мотивы государственных преступлений они, как правило, не могли ни по разумению своему, ни по образованию. «Преследуется нечто неуловимое — известное направление ума,— писала об этом

либеральная газета «Порядок»,— а судьями и решителями подобных тонких психологических вопросов об образе мыслей являются низшие полицейские агенты, по образованию пригодные в деле наблюдения за чистотою улиц»[20], субъекты, о которых сам П. А. Шувалов не стеснялся говорить при людях: «Мои скоты»[21].

Закон 19 мая стал первым шагом судебной контрреформы, которая, таким образом, началась, когда уставы 1864 г. только получили ход и даже еще не были полностью проведены в жизнь. Усмотрев в них «излишек» ограничений карательного произвола, власти уже с 1871 г. «под предлогом ремонта предприняли их разрушение»[22].

Спустя три недели после обнародования закона 19 мая 1871 г. в Петрозаводске состоялся судебный процесс над четырьмя народниками (С. В. Зосимским, В. В. Рейнгардтом, Л. Б. Гольденбергом, В. П. Ружевским) по обвинению их в революционной пропаганде среди крестьян Каргопольского уезда Олонецкой губернии. Олонецкая судебная палата вела его точно по уставам 1864 г. при открытых дверях. Это и был первый в России гласный политический процесс[23]. Он прошел 23 июня, за неделю до начала суда над «нечаевцами», прошел негромко в сравнении с грандиозным нечаевским делом, скоро потерялся в длинном ряду других процессов и был забыт. Так и считается поныне (несправедливо) первым гласным политическим процессом в России процесс «нечаевцев»[24].

Петрозаводское дело разгневало «верхи» непривычно гуманным приговором: все четверо обвиняемых за недостатком улик были оправданы. Прокурор опротестовал приговор суда, III отделение квалифицировало его как «неправильное, несообразное с обстоятельствами дела, решение», и сам царь «высочайше повелеть соизволил обратить на это дело особенное внимание» министра юстиции К. И. Палена[25]. Когда же и по делу «нечаевцев» Петербургская судебная палата, следуя духу и букве новых уставов, вынесла умеренный приговор, царь, вдвойне раздосадованный, потребовал от министра юстиции представить «свои соображения о том, какие следует принять меры для предупреждения повторения по-

добных, ни с чем не сообразных приговоров»[26]. Пален рассудил, что гарантировать правительство от подобных приговоров может лишь специальное, на уровне высших органов власти, судилище по всем серьезным политическим делам (критерий серьезности дела усматривался в том, чтобы наказание, предусмотренное за него по закону, было сопряжено с лишением или ограничением прав состояния). Такое судилище Пален предложил учредить в лице Особого присутствия правительствующего Сената. Проект Палена 7 июня 1872 г. был утвержден царем, получив силу закона[27].

Так был сделан второй и очень важный шаг в судебной контрреформе. Уже к 1873 г. политические дела большей частью были изъяты из общего порядка судопроизводства. Только узкий круг дел, не чреватых лишением и ограничением прав, был оставлен в компетенции судебных палат. Все прочие дела, если не считать исключительных случаев, когда полагалось назначать Верховный уголовный суд, перешли в ведение ОППС. Здесь слушались 37 из 52 политических процессов 1873—1878 гг.

Составляли ОППС первоприсутствующий и пять сенаторов, которых назначал сам царь по своему усмотрению[28], разумеется, из числа наиболее одаренных карательными способностями,— «судьи-лакеи» и «судьи-палачи», как назвал их П. Л. Лавров[29], а А. Ф. Кони колоритно описал в своих мемуарах. Здесь и болезненный, страдавший припадками патологической злобы, «маленький, с шаткой походкой и трясущейся головой», палач и холоп П. А. Дейер, который «приобрел привычку после каждого дела со смертными приговорами получать из министерства юстиции крупную сумму для поправления своего драгоценного здоровья» и поэтому буквально «лез на стену», чтобы засудить обвиняемого[30]. Здесь и внешне корректный, но не уступавший Дейеру ни в холопской услужливости перед властями, ни в палаческой хватке Э. Я. Фукс (будущий председатель суда по делу 1 марта 1881 г.). Еще до конца 70-х годов он «погрузился в тину слепого усердия по политическим дознаниям» и понукал к тому же своих коллег, взывая «лишить пропаганду почвы, вырвать с корнем ее побеги, погасить ее очаг»[31]. Здесь, наконец, и гале-

рея менее именитых сенаторов, различных по умственным ресурсам, нравственным качествам, даже по образу мыслей, но одинаково подходящих под титло «судья-лакей» и «судья-палач»,— таких, например, как подхалим Б. Н. Хвостов или хамелеон Н. О. Тизенгаузен, который в молодости успел прослыть «красным» (говорили даже, что он сотрудничал в «Колоколе), но «ввиду красного сенаторского мундира радикально переменил окраску» [32].

Под стать сенаторам были и сословные представители, которых присоединяли к ОППС как делегатов от общества в таком составе: один из губернских и один из уездных предводителей дворянства, городской голова одного из губернских городов Европейской России и один из волостных старшин Петербургской губернии. Все они тоже назначались на каждый год царем по спискам, которые с максимальной строгостью отбора готовили министр внутренних дел (по дворянским предводителям и городским головам) и петербургский губернатор (по волостным старшинам), а представлял на высочайшее усмотрение министр юстиции [33]. «Как известно,— писал в 1901 г. В. И. Ленин,— эти сословные представители, слитые в одну коллегию с судьями-чиновниками, представляют из себя безгласных статистов, играют жалкую роль понятых, рукоприкладствующих то, что́ угодно будет постановить чиновникам судебного ведомства» [34].

В одном из выступлений адвокат Л. А. Куперник подчеркнул, что среди остальных особенно печальна роль волостного старшины, «она вовсе не дает ему возможности не только проводить какие-либо воззрения, но и просто пикнуть» [35].

Таковы были судьи. Соответственно подбирались для ОППС и прокуроры. Выступавшие обвинителями на самых крупных процессах К. Н. Жуков, К. И. Поскочин, А. А. Стадольский и особенно В. А. Желеховский («судебный наездник», «воплощенная желчь» [36]) не только не уступали судьям, но, напротив, превосходили их и в жестокости, и в пристрастии к подсудимым, предъявляя такие обвинения и требуя таких наказаний, которые даже Э. Я. Фукс и П. А. Дейер иной раз умеряли.

ОППС вело политические дела с большими отступлениями от судебных уставов 1864 г. Закон 7 июня 1872 г. разрешил ему судить обвиняемых «в публичном или закрытом заседании, по усмотрению суда»[37], а 4 февраля 1875 г. высочайший указ предписал «по делам, производящимся при закрытых дверях присутствия», печатать «только постановленные судом резолюции»[38].

Таким образом, гласность политических дел, прокламированная уставами 1864 г. и широко дозволенная на первых процессах 70-х годов, вновь была существенно ограничена. Приговоры ОППС не подлежали обжалованию по существу, на них допускались лишь кассационные жалобы в случае «нарушения закона» или «неправильного его толкования» при разборе дела[39]. Главное же, сенаторский ареопаг судил революционеров с крайним (порой даже демонстративным) пристрастием, являя собой живописную иллюстрацию к народной пословице: «Вершено уставом, да верчено неправо».

Впрочем, сенаторов поощряли, а то и понукали к произволу административные власти. П. Л. Лавров передавал слух из Петербурга о том, что по делу долгушинцев, с которого начал свою многолетнюю карательную вахту суд ОППС, министр юстиции «призывал судей до начала процесса и требовал немилосердного приговора»[40]. Слух этот очень похож на правду, ибо документально засвидетельствована боязнь членов ОППС, как бы не прогневать министра именно милосердием. Один из них, Б. Н. Хвостов, в дни процесса «50-ти» откровенничал перед А. Ф. Кони: «Я сижу в составе присутствия, и мы просто не знаем, что делать: ведь против многих нет никаких улик. Как тут быть? А? Что вы скажете? — «Коли нет улик, так оправдать, вот что я скажу...»— «Да, хорошо вам так, вчуже-то говорить, а что скажет он?.. Что скажет граф Пален?!»[41]

В особых случаях давление на сенаторов оказывал не только министр, но и сам царь. Так, процесс «193-х» проходил под негласным контролем Александра II. Царь даже на фронте, в Болгарии, получал агентурные сводки о каждом заседании суда, вмешивался в ход процесса, поощрял беззакония сенаторов и журил их за соблюдение законности. Когда, напри-

мер, первоприсутствующий позволил обвиняемому М. Г. Соловцовскому высказаться до конца, не прерывая его, сразу последовало высочайшее внушение: «Государь император не одобрил этот способ действия» [42]. Перед началом процесса по делу о Казанской демонстрации Пален созвал экстренное совещание с участием товарища министра Э. В. Фриша, прокурора петербургской судебной палаты Э. Я. Фукса, градоначальника Ф. Ф. Трепова и др., чтобы предрешить ход судебного разбирательства. Процесс вызывал затруднение, потому что в российском Уложении о наказаниях не было даже статьи, карающей за демонстрацию. «Составители его,— вспоминал один из «казанцев»,— по-видимому, не подозревали о возможностях такого явления» [43]. Александр II вывел карателей из этого затруднения просто, «высочайше дозволив» применить здесь ст. 250 Уложения («бунт против власти верховной, т. е. восстание скопом» [44]). Более того, торопясь наказать демонстрантов как можно оперативнее и жестче в назидание и устрашение своим подданным, царь 17 декабря 1876 г. предписал судить их по материалам только жандармского дознания, без предварительного следствия [45].

В зависимости от характера предстоявшего процесса суд получал «сверху» разные наставления. Если процесс о Казанской демонстрации заведомо форсировался, то делу «193-х», напротив, был задан медленный ход, чтобы смонтировать возможно более широкое обвинение и припугнуть общество невиданными ранее масштабами «злодейского заговора» (больше 4 тыс. арестованных в 37 губерниях). Жандармские власти, к негодованию даже К. П. Победоносцева, и «повели это страшное дело по целой России, запутывали, раздували, разветвляли, нахватали по невежеству, по самовластию, по низкому усердию множество людей совершенно даром» [46]. В результате следствие по делу «193-х» затянулось на три года. А тем временем арестованные томились в жутких условиях одиночных казематов, теряли здоровье и умирали (к началу процесса власти насчитали 93 случая самоубийства, умопомешательства и смерти) [47].

Вопрос о подготовке процесса «193-х» специально обсуждался на заседаниях Комитета министров 18 и 26 марта 1875 г. Посчитав, что ни революционные теории, которые, мол, суть всего лишь «бред фанатического воображения», ни нравственный облик революционеров, проникнутый будто бы «неимоверным цинизмом», «не могут возбудить к себе сочувствия», министры решили сделать процесс гласным, в некотором роде даже показательным, так, чтобы на нем была вскрыта «вся тлетворность изъясненных теорий и степень угрожающей от них опасности» [48].

Зато процесс «Южнороссийского союза рабочих» тоже заранее решено было вести негласно. «Настоящее общество,— докладывал шефу жандармов по ходу дознания о «Союзе», начальник одесского ГЖУ К. Г. Кноп,— имеет, по крайней мере на Юге, совершенно новый и весьма серьезный характер... Если дознания, произведенные до настоящего времени, преследовали сеятелей революционной пропаганды, преимущественно людей интеллигентных... ныне обнаруженное общество, состоящее преимущественно из мастеровых и вполне организованное, является созревшим плодом революционных и социальных учений... *Пропаганда проникла в народ* (курсив мой.— *Н. Т.*)» [49]. Уразумев «совершенно новый и весьма серьезный характер» политического дела, возникшего среди рабочих, т. е. уже в толще народа, власти попытались приглушить, затушевать его остроту и значимость. Они старались представить его как заурядное дело о попытке народников устроить свое очередное «преступное сообщество», но вовсе не дело о политической организации рабочего класса.

Такой подход к делу «Южнороссийского союза» со стороны властей определялся их стремлением противопоставить крамольников-интеллигентов как национальных отщепенцев верноподданнической массе народа. Это стремление было заметно и на предыдущих процессах (долгушинцев, участников Казанской демонстрации, «50-ти»), где обвинители всячески подчеркивали, что «большинство рабочих относится несочувственно к идеям пропагандистов» и к ним самим, стараясь «как можно скорее от них отделаться», и лишь очень немногих пропагандисты-интеллигенты коварно завлекают в свои «сети» и губят,

ввергая их в «состояние нравственного падения» (это-де служит «страшной уликой против всех обвиняемых из интеллигенции»)[50].

На процессе «Южнороссийского союза» при 13 рабочих из 15 обвиняемых развивать такую версию было труднее, но, пользуясь безгласностью дела, суд и здесь вслед за обвинителем гнул ту же линию: рабочие будто бы, как и весь простой люд,— это не субъект, а объект социалистической пропаганды, субъектом же ее являются, мол, все те же подстрекатели из нигилистов-интеллигентов, которые теперь «кинулись в народ, составляют целые шайки, привлекая в них даже крестьян и рабочих»[51]. В мотивированном тексте приговора муссировалась подстрекательская роль интеллигента Е. О. Заславского как «составителя сообщества, склонявшего к поступлению в оное других, и главного руководителя действий прочих членов», а к рабочим (даже таким деятельным, как И. О. Ребицкий и Ф. И. Кравченко) была приложена оговорка, что они «совершили преступление по легкомыслию и неведению важных последствий противозаконного их деяния»[52].

Судьбы политических дел в ОППС часто решались не в прямой последовательности (доказательства — обвинение — приговор), а в обратной: согласно заданному приговору, формулировалось обвинение, а под обвинительную формулировку подгонялись «доказательства». Обвинители, как правило, утрировали «злодейский» смысл революционных программ, винили революционеров в намерении «возбудить кровожадные инстинкты нашего народа»[53], пролить во имя анархии «моря крови»[54], «перерезать всех чиновников» (включая, разумеется, и судей)[55] и даже «уничтожить все классы общества путем поголовного избиения всего, что выше простого, и притом бедного, крестьянина»[56]. Каратели надеялись, что такое обвинение (если суд поддержит его, в чем они не сомневались) ужаснет общество и побудит его из страха и отвращения перед «крамолой» пасть в объятия к правительству. И действительно, суд почти на каждом процессе шел за обвинением. Между тем доказательств для обвинения чаще всего недоставало, их либо домысливали, либо целиком измышляли.

Конечно, в каждом деле оказывались какие-то вещественные доказательства: запрещенная литература, изъятые при обысках программные и уставные документы, политические рефераты, письма, адреса, фальшивые виды на жительство и пр. Но, во-первых, не каждый обвиняемый был к ним причастен, а во-вторых, они далеко не всегда соответствовали тяжести обвинения. Поэтому на следствии изыскивались дополнительные или же, если не было никаких, хоть какие-нибудь улики против заведомо неблагонадежных и «опасных», но юридически не изобличенных людей. Произвол в таких «изысканиях» не знал границ. В. В. Берви-Флеровский, привлеченный к делу долгушинцев, был арестован 30 сентября 1873 г. по одному подозрению и пять месяцев томился в тюрьме, а «в течение этого времени,— читаем мы в заявлении Берви следственным властям,— делались розыски и употреблялись все усилия, чтобы найти против меня какое-нибудь обвинение» [57].

Во всех случаях, когда недоставало вещественных доказательств, главным козырем обвинения становились свидетели. С первого же дела в ОППС (о долгушинцах) стала входить в обычай заблаговременная «обработка» свидетелей. У них не только выпытывали показания (пуская при этом в ход разные способы «внушения» и «воздействия»), но и, по всей видимости, специально наставляли тому, что именно и как надо говорить на суде. Во всяком случае на процессе долгушинцев, кроме Кирилла Курдаева, который заявил, что ему «ничего не известно», и Журавлева, не сумевшего опознать никого из подсудимых [58], остальные 20 свидетелей, большей частью неграмотные крестьяне, довольно бойко и, главное, утвердительно отвечали на вопросы обвинения и точно опознавали подсудимых (даже тех, кого не смогли узнать ранее на следствии) [59].

На следующем из крупных процессов (В. М. Дьякова *) главными свидетелями обвинения были вы-

---

* Дело о революционной пропаганде группы народников (В. М. Дьякова, А. И. Сирякова, рабочего В. Г. Герасимова и др., всего 8 человек) среди фабрично-заводских рабочих и солдат лейб-гвардии Московского полка в Петербурге. Слушалось в ОППС 16—17 июля 1875 г.

ставлены агенты сыскной полиции Матвей Тарасов, Никифор Кондратьев, Антон Андреев (в ходе суда все они были разоблачены как доносчики)[60], а по делу участников Казанской демонстрации в роли свидетелей фигурировали сами полицейские, которые говорили то, чего ждал от них суд, и что, по-видимому, было подсказано им на дознании. Восемнадцатилетний знаменосец демонстрации Яков Потапов с мальчишеской непосредственностью заявил на суде, что «все свидетели врут»[61]. И подсудимые и защитники без труда уличали полицейских «свидетелей» в пристрастии и лжи[62], но суд безоговорочно принял все их «свидетельства» на веру как юридическое обоснование процесса, подтвердив тем самым афоризм К. Маркса: «Непогрешимость папы — детская игрушка по сравнению с непогрешимостью политической полиции»[63].

Самым выигрышным материалом для обвинения царский суд считал «свидетельства» или «признания» раскаявшихся революционеров, оговорщиков и предателей. В первых же делах ОППС проявилось, а затем усиливалось, росло и старание, и умение царских юристов найти подходящую жертву, склонить ее к раскаянию или «сознанию», получить «чистосердечные» показания и смонтировать из них нужное обвинение. Правда, удавалось это карателям не часто, но при удаче существенно (иногда решающе) подкрепляло фактическую базу обвинения. Показания оговорщиков и предателей составили важную часть доказательств по делам долгушинцев (оговор Анания Васильева), «50-ти» (оговоры В. О. Ковалева и И. В. Баринова), «193-х» (предательские показания А. В. Низовкина, П. Ф. Ларионова, Н. Е. Гориновича), а в особенности по делу «Южнороссийского союза рабочих». Здесь обвинение почти целиком основывалось на предательских показаниях лиц, которые не входили в «Союз», но были связаны с ним: П. Г. Толстоносова, П. С. Тисельского, И. К. Незабитовского, Я. Н. Пантелеймонова. С их помощью были подобраны и вещественные доказательства: кипа революционных изданий (журналы «Вперед!», «Работник», пропагандистские брошюры народников), список членов «Союза» и устав[64]. Пока-

зания предателей всегда грешили преувеличениями, домыслами, наветами, но такие грехи лишь усиливали обвинение и поэтому оказывались выгодными для властей.

Итак, с 1873 по 1878 г. почти все политические процессы в России вершил суд ОППС. Из 52 дел тех лет только 15 слушалось в других инстанциях: 6 — в окружных судах, 4 — в военных, 1 — в губернском, 1 — в мировом суде[65]. Судебные палаты за те шесть лет рассматривали всего три политических дела.

Военным судам политические дела были подчинены лишь по закону от 9 августа 1878 г., и о них пойдет речь особо. Что же касается губернского и окружных судов, то семь дел о революционерах за 1873—1878 гг. были доверены им как уголовные, а не политические. Разумеется, власти отлично сознавали политический смысл дел Сергея Нечаева или Веры Засулич, но умышленно выставляли их уголовными, спекулируя в одном из них на факте, а в другом на попытке убийства, чтобы скомпрометировать перед обществом самих революционеров и способ их действий. Ради этого царизм рискнул передать столь громкие дела на суд с присяжными заседателями. Вообще же суд присяжных по уставам 1864 г. был отстранен от разбирательства политических дел.

«Преступления государственные гораздо важнее и опаснее всех других преступлений,— читаем в официальном «рассуждении» к ст. 1032 Устава уголовного судопроизводства,— но по особому своему свойству они не всегда и не во всех членах общества возбуждают такое отвращение, какое возбуждают другие преступления», более того — «для многих людей, вместо строгого, вполне заслуженного осуждения, встречают сочувствие»; поэтому «предоставить присяжным разрешение вопроса о преступности или непреступности учений и действий» революционеров «значило бы оставить государство, общество и власть без всякой защиты»[66]. М. Е. Салтыков-Щедрин язвил по этому поводу при описании судебного процесса в «Современной идиллии»: «Присяжных заседателей не было никого, потому что процесс был политический, а у присяжных заседателей политического смысла не полагается»[67].

Окружные суды и судебные палаты в общем решали политические дела на более законных основаниях, чем такая исключительная инстанция, как ОППС. Но и обычные суды имели ту же, что и ОПСС, классовую природу, так же были предубеждены против всяческой «крамолы», а в особых случаях и понукались к жестокости «верхами». Так проходил процесс С. Г. Нечаева в московском окружном суде с присяжными заседателями 8 января 1873 г. Инсценированный внешне как рядовое уголовное дело, он фактически от начала и до конца был подтасован властями. По авторитетному свидетельству Е. М. Феоктистова, перед началом процесса гр. К. И. Пален «вызвал в Петербург председателя Дейера и прокурора Жукова... и объявил им (с грустью), что если присяжные допустят облегчающие обстоятельства в пользу Нечаева, то на другой же день судебная реформа подвергнется коренному разгрому» [68].

Суд сделал все, что власти от него ждали *. Прокурор изобразил подсудимого отъявленным уголовником, который, мол, не только убил «из личной ненависти» своего товарища (И. И. Иванова), но и ограбил его. Председатель суда в напутствии присяжным (состав которых, по мнению М. Н. Гернета, был специально подобран) подчеркивал, что факт преступления Нечаева «достаточно удостоверен» и что присяжные «не имеют права давать произвольно снисхождение» обвиняемому. Адвокатов на процессе вообще не было, а из свидетелей выступил только один — Дмитрий Мухортов, товарищ Иванова, живший с ним вместе и, естественно, предубежденный против Нечаева. Нечаев был приговорен как уголовник к высшей мере наказания за предумышленное убийство при отягчающих обстоятельствах: 20 лет каторги с последующим поселением в Сибири. Декорум был соблюден. Теперь царизм мог помыкать Нечаевым без притворства. «Заключить его навсегда в крепость»,— так переиначил Александр II вердикт суда, причем слово «навсегда» подчеркнул [69]. Вместо положенной, как уголовнику, общей каторжной тюрьмы Нечаев был замурован в одиночный склеп Алек-

---

* Подробно о деле С. Нечаева см. *Троицкий Н. А.* Царские суды против революционной России. Саратов, 1976.

сеевского равелина (т. е. главного политического застенка империи), и не на 20 лет, а навечно. Учитывая, что по закону и традиции царь не мог изменить приговор суда в сторону его отягчения (даже Николай I смягчил приговор декабристам), следует особо выделить резолюцию Александра II по делу Нечаева как первую (но не последнюю) в своем роде.

Совершенно по-иному завершился процесс в петербургском окружном суде с присяжными заседателями над Верой Засулич 31 марта 1878 г. Расчет царизма здесь был тот же, что и в деле Нечаева: осудить не только и не столько самого обвиняемого, сколько (в его лице) злодейство революционных умыслов и поступков, заклеймить их печатью уголовщины. Вновь, как и в деле Нечаева, перед началом процесса гр. Пален оказал давление на председателя суда, требуя гарантировать обвинительный приговор. Председатель (А. Ф. Кони) отказался дать такую гарантию, но не поколебал уверенности «верхов» в том, что обвинение восторжествует, поскольку теперь ситуация представлялась им еще более выгодной, чем в деле Нечаева. Во-первых, революционное движение вступало в новый фазис: пропаганда сменялась террором, а террор легче было осудить перед обществом, чем пропаганду. Во-вторых, если Нечаев убивал себе ровню, то Засулич стреляла в должностное, и притом высокопоставленное, лицо (в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова) при исполнении им служебных обязанностей, что по закону усугубляло и преступление, и соответственно наказание. Бывшие в зале суда первоприсутствующий кассационного департамента Сената М. Е. Ковалевский и прокурор петербургской судебной палаты А. А. Лопухин, уже после того как присяжные ушли в совещательную комнату согласовать приговор, не сомневались: «Обвинят!» [70]

Понятно, что каратели шли на дело Засулич, по выражению К. П. Победоносцева, «с легким сердцем, как министры Наполеона III объявляли войну Германии» [71]. В противоположность делу Нечаева здесь были соблюдены все нормы гласного состязательного процесса, суд заседал в присутствии публики, обвиняемая пользовалась всеми процессуальными гарантиями, ее защищал адвокат, выступали свидетели не

только обвинения, но и защиты. Все это, по мысли устроителей процесса, должно было подчеркнуть законность расправы с террористкой. С тем большим разочарованием и озлоблением встретили власти оправдательный вердикт присяжных. Граф П. А. Валуев в Совете министров «при всех» заявил царю, что теперь «остается по выходе из дворца идти купить револьвер для своей защиты»[72]. Разгневанный столь неожиданным и неприятным для себя оборотом дела царизм прибег к исправительно-репрессивным мерам, уже не считаясь ни с какой законностью. В первую очередь было высочайше повелено вновь арестовать и посадить в тюрьму оправданную судом Засулич, но ее надежно укрыли товарищи. Тогда управляющий домом предварительного заключения М. А. Федоров «за несвоевременное освобождение» Засулич был подвергнут аресту на гауптвахте и затем спроважен в отставку[73]. 30 мая 1878 г. «за небрежное ведение дела Засулич» был уволен с поста министра юстиции гр. Пален[74].

Царь, видимо, был бы рад уволить весь петербургский окружной суд во главе с его председателем Кони, но по закону ни один судья не мог быть сменен иначе как вследствие уголовного приговора. Все же Сенат, выполняя волю царя, вынес петербургскому окружному суду замечание и отменил его приговор[75]. Сам Кони надолго оказался в опале. Главное же, по высочайшему указу от 9 мая 1878 г. — с оговоркой «временно», но оказалось навсегда — все дела о преступлениях (хотя бы и не политических) против должностных лиц были изъяты из ведения суда присяжных и переданы усиленным составам судебных палат с сословными представителями[76]. Более того, первое же после оправдания Засулич дело народников-террористов (группы И. М. Ковальского)* царизм направил в военный суд, хотя закон о подчинении политических дел военным судам, как уже отмечалось, появился лишь 9 августа 1878 г.,

---

* Дело о вооруженном сопротивлении при аресте И. М. Ковальского и членов его кружка (В. С. Илича-Свитыча, Н. А. Виташевского, рабочего В. Д. Кленова и др., всего 8 человек) слушалось в одесском военно-окружном суде 19—27 июля 1878 г.

через неделю после казни Ковальского, а до тех пор все дела такого рода оставались подсудными «штатским» инстанциям (ОППС и судебным палатам). Фактически именно с процесса Ковальского и началась в России более чем десятилетняя непрерывная оргия военных судов по политическим делам.

Наряду с изменением подсудности и порядка судопроизводства царизм после дела «нечаевцев» пересматривал и шкалу наказаний за государственные преступления. С этой целью был образован ряд комиссий при министерствах внутренних дел и юстиции и Государственном совете (под председательством Э. В. Фриша — в 1872 г., Д. Н. Набокова — в 1879 г. и др.)[77]. Учитывался карательный опыт европейских правительств. Иностранные уложения служили царскому правительству своеобразным ориентиром, по которому (но с обязательным превышением!) следовало определять наказания. В архиве комиссии Э. В. Фриша сохранилось тщательно подобранное «Извлечение из законоположений России и некоторых иностранных государств (Англии, Франции, Германии, Австро-Венгрии, Италии, Испании. — *Н. Т.*) о преступлениях против верховной власти и образа правления и о тайных обществах». Из этого документа видно, что за «насильственное посягательство, имеющее целью изменить государственное устройство, форму правления или порядок наследования престола»[78], которое в России по статьям 241 и 249 Уложения о наказаниях каралось смертной казнью, в Германии полагалось пожизненное (а при смягчающих обстоятельствах — и срочное, «не менее пяти лет») заключение, в Италии — заточение в крепость на 21—23 года, в Англии — ссылка на семь лет, во Франции — «ссылка в укрепленную местность» без указания срока[79].

Понятно, что приговоры на политических процессах в России 1866—1878 гг. были жестокими, хотя и далеко не в такой мере, как позднее, с 1879 г. Смертных казней с 3 сентября 1866 г., когда был повешен Дмитрий Каракозов, и до 2 августа 1878 г. (дня расстрела Ивана Ковальского) не было, третий за те годы смертный приговор (Николаю Ишутину) царь заменил вечной каторгой. Но 92 революционеров суд отправил на каторгу, 104— в сибирскую ссылку, 72—

в тюрьмы, а каторжные рудники и тюремные застенки нередко губили тогда людей, которым удалось по суду избежать виселицы. Только в двух каторжных централах — Новобелгородском и Новоборисоглебском—за пять лет их существования (1875—1880 гг.) из 35 узников сошли с ума семь и умерли восемь [80]. «Политические процессы следуют одни за другими... и кончаются сплошь каторгою — excusez, du peu (извините, что так мало)»,—озабоченно писал 1 ноября 1876 г. из Петербурга в Баден-Баден П. В. Анненкову Щедрин [81].

Правда, на 63 политических процессах 1866—1878 гг. суд признал невиновными 165 человек — больше, чем за все 160 последующих процессов с 1879 г. до конца века. Но из них 130 человек были оправданы по двум делам («нечаевцев» и «193-х»), в этом роде беспрецедентным. Не зря именно с целью «предупреждения подобных, ни с чем не сообразных приговоров» царизм после дела «нечаевцев» учредил ОППС, а когда и сенаторы оправдали по делу «193-х» 90 человек, царь своей властью изменил приговор, отправив 80 человек из оправданных судом в административную ссылку [82]. Как правило же (мы это видели), царский суд выше закона ставил волю карательных «верхов» и послушно следовал ей, определяя подсудимым тяжелые наказания не столько по доказанности, сколько по нацеленности обвинения.

Принципы поведения революционеров после ареста

В дореформенной России согласованных принципов поведения перед царским судом революционные организации не имели. Революционеры после ареста выступали тогда не от имени своих организаций, а каждый сам по себе — в меру стойкости личных убеждений и силы характера. Каратели же, используя разобщенность обвиняемых, как правило, вырывали у них нужные показания, а часто и склоняли к раскаянию. На процессе декабристов почти все руководители движения — П. И. Пестель и К. Ф. Рылеев, Никита Муравьев и Сергей Муравьев-Апостол, А. П. Юшневский и Е. П. Оболенский, А. А. Бестужев и С. Г. Волконский, М. П. Бестужев-Рюмин и П. Г. Каховский (не говоря уже о С. П. Трубец-

ком) — в показаниях, письмах к царю и на очных ставках раскаивались и оговаривали друг друга с такой откровенностью[83], которая, по-моему, больше подходит под определение М. Н. Покровского («моральная катастрофа»[84]), чем М. В. Нечкиной («верноподданническая поза» для сокрытия следов революционной деятельности от карателей[85]).

Убедительное объяснение этой откровенности (хотя, вероятно, не исчерпывающее) дает М. В. Нечкина: «*Хрупкая* (курсив мой. — *Н. Т.*) дворянская революционность легко надламывалась перед лицом явной победы царизма, общего разгрома движения, полной гибели планов и массовых арестов участников»[86]. Думается, к этому надо добавить и то «обаяние власти», «гипнотизирующее обаяние самодержавного строя», которое, как подметил В. Г. Короленко, давило на сознание дворянских революционеров[87]. Восстав против самодержавия и потерпев поражение, декабристы в большинстве своем посчитали долгом дворянской чести принести повинную венценосному победителю, первому дворянину нации. В этой связи молодой советский исследователь Л. Я. Лурье указал и на «психологическую раздвоенность» декабристов, поскольку они, с одной стороны, формировались и зрели как заговорщики против царизма, а с другой — продвигались по службе как его присягнувшие на верность охранители. Этот «двойной статус» морально разоружал декабристов перед следствием, рождая в них психологический комплекс вины за нарушение не только классового долга, но и воинской присяги: «Часто они видели в следователях не столько политических врагов, что характерно для революционеров поздних поколений, сколько старших по чину офицеров», которым надлежит повиноваться[88].

Те же обстоятельства в разных сочетаниях, хотя и с меньшей силой деморализовывали перед царским судом революционеров следующего за декабристами поколения. На процессе петрашевцев покаялся (правда, после долгого упорства) сам М. В. Буташевич-Петрашевский, а также его ближайшие соратники А. В. Ханыков, Н. А. Момбелли, Ф. Н. Львов, Н. П. Григорьев, Д. Д. Ахшарумов; откровенные показания дал Н. А. Спешнев[89]. «Мы все были отважны и смелы только в области мысли,— писал о

поколении 30—40-х годов Герцен.— В практических сферах, в столкновениях с властью являлась большей частью несостоятельность, шаткость, уступчивость... Не знаю, что скажут другие бывшие по крепостям и призываемые в III отделение, но мне кажется, что после декабристов до петрашевцев все линяли».

Выделив на этом фоне стойкость революционеров 60-х годов В. В. Трувеллера, П. М. Сливицкого, М. Д. Муравского, которые подтвердили свои революционные убеждения перед судом, а также М. Л. Михайлова, В. А. Обручева и Н. Г. Чернышевского («ушли на каторгу с святою нераскаянностью»), Герцен заключал: «Я ни в тридцатых, ни в сороковых годах не помню ничего подобного» [90].

Справедливость, однако, заставляет признать, что и революционеры 60-х годов часто не проявляли стойкости. На одном из самых крупных за 60-е годы в количественном отношении процессе — «32-х» *— почти все подсудимые откровенничали и раскаивались [91]. И. С. Тургенев, судившийся в числе «32-х», был ознакомлен с показаниями о нем других обвиняемых. «И я,— рассказывал писатель Г. А. Лопатину,— читая эти показания и объяснения, часто слышал в них тот «заячий крик», который так хорошо знаком нам, охотникам» [92]. Впрочем, среди «32-х» больше судилось случайных лиц, чем революционеров. Такой знаток политических дел «шестидесятников», как Б. П. Козьмин, утверждал, что вообще «в эпоху 60-х годов... обычно большинство арестованных по политическим делам спешило рассказать своим следователям все, что им было известно по делу, и иногда и больше этого» [93].

Революционные круги (как и все русское общество) своевременно узнавали о «заячьих криках» борцов, плененных царизмом, ибо власти по обыкновению печатно оповещали об этом страну. В донесении следственной комиссии по делу декабристов, в приговорах петрашевцам и «32-м» особо оговорены случаи,

---

* Дело о сношениях братьев Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичей, М. Л. Налбандяна, В. И. Кельсиева, В. П. Гаевского и других с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым слушалось (дореформенным судебным порядком) в Сенате с 7 июля 1862 г. по 27 апреля 1865 г.

когда обвиняемые раскаивались и выдавали друг друга [94]. Это обстоятельство, по-видимому, явилось одной из главных причин, которые заставили русских революционеров заняться выработкой обязательных принципов поведения после ареста.

Первые документально засвидетельствованные попытки такого рода относятся к 60-м годам [95]. «Ответ «Великоруссу»» Н. А. Серно-Соловьевича (1861 г.) наставлял революционеров быть стойкими и верными своему делу везде — при составлении «тайных союзов», в заточении, ссылке и на эшафоте [96]. Ишутинцы пытались уже согласовать конкретные правила поведения. По данным следствия, между ними на одной из сходок «было положено в случае ареста не делать сознания и при этом условлено, как и что говорить; некоторые же из главных и ближайших сообщников преступления согласились между собою запастись ядом стрихнином для отравления себя, если бы от них при допросах стали вымогать признание» [97]. На суде выяснилось, что у ишутинцев также «существовало правило: кто выдаст, того выдавать» [98]. Но дальше предварительной договоренности дело не пошло; согласовать обязательные для всех принципы и закрепить их каким-либо уставным документом ишутинцы не успели. В 1868 г. орган Русской секции I Интернационала «Народное дело» все еще мечтал о такой революционной организации, в которой «будет пресечена возможность не только историй, подобных истории Андрущенко, Ветошникова, Кельсиева и многих других, где болтливость пред следственной комиссией и совершенно невынужденное выдавание лиц доходило до позорного цинизма, но и вообще самая возможность выдачи даже двух лиц, хотя бы под пыткою» [99].

Только в 70-е годы, когда, с одной стороны, росла и разнообразилась революционная практика, требуя все более гибкого руководства, а с другой стороны, участились политические процессы с новыми, невиданными ранее чертами гласности, публичности, состязательности, революционеры настойчиво стали вырабатывать обязательные принципы поведения после ареста. Необходимость в этом стала особенно жгучей в результате разгрома «хождения в народ» летом 1874 г., когда по всей России разом были арестованы

4 тыс. человек и началась подготовка грандиозного политического процесса («193-х»).

Больше всех старались согласовать тактику обвиняемых на предстоящем суде журнал «Вперед!» и его редактор П. Л. Лавров. В ряде статей 1874—1876 гг. («Готовящийся процесс», «Процесс», «Новый разгул сыщиков», «Государство в опасности») Лавров внушал революционерам, что законность царского судопроизводства фиктивна («Закон не защитит вас. Судьи-палачи не пощадят вас»), и советовал меньше думать о «юридических уловках», а заботиться исключительно о чистоте революционного знамени: «Стойте крепко, держите свое знамя высоко, не выдавайте никого, отказывайтесь отвечать» [100]. Редактор «Вперед!» не считал возможным использовать в интересах революции какие-либо процессуальные достоинства реформированного суда и поэтому вдохновлял подсудимых не столько на борьбу, сколько на мученичество: «Ваш мартиролог есть, может быть, ваше последнее оружие. Выковывайте его крепче и чище. Ваша энергия может воодушевить многих. Ваше слабодушие может ослабить еще большее число» [101].

Точно так же наставляла деятелей «хождения в народ» газета «Работник» в статье «Как отзовется в народе последний суд!» по поводу процесса В. М. Дьякова (№ 9 за 1875 г.): «От суда нечего ждать ни правды, ни милости... Конец все равно один, так лучше уж не унижаться, не вывертываться, как будто и в самом деле думаешь, что судьям есть дело до правды: лучше прямо плюнуть в глаза этим судьям и молчать» [102]. Но при недостатке улик «Работник» советовал подсудимым использовать декларированную уставами 1864 г. возможность защиты и «вывертываться» в меру этой возможности: «Пока судьи не признали еще в тебе кровного врага своего, пока еще можно тебе отвести им глаза, не запутав никого, до тех пор вывертывайся; может быть, и удастся уйти из их лап».

Такая тактика — отпирательства — диктовалась логикой самого судопроизводства как наиболее целесообразная. Ей, в частности, следовали на процессах 60-х годов Н. Г. Чернышевский, Н. А. Серно-Соловьевич, В. А. Обручев. Но год от года опыт политических процессов ломал привычные представления о воз-

можностях подсудимых. Процессы 70-х годов («нечаевцев» и С. Г. Нечаева, особенно же «50-ти» и «193-х») показали, что подсудимые способны не только пассивно страдать, но и активно бороться на суде, причем не вывертываться из лап судей, а судить их самих. Так именно строились знаменитые речи Петра Алексеева и Софьи Бардиной на процессе «50-ти», Ипполита Мышкина на процессе «193-х».

Активность подсудимых на политических процессах росла в зависимости от роста и стойкости, требовательности к себе. По мере того как демократизировался после реформы 1861 г. социальный состав движения, зрела его идеология, обогащался революционный опыт (в частности, опыт противоборства карателям на политических процессах), крепло и нравственное сознание борцов. В 70-е годы народники (особенно П. Л. Лавров в «Исторических письмах») высоко подняли знамя нравственности, революционного долга; начались, по выражению Г. И. Успенского, «повальные заболевания мыслью и совестью» [103]. «При отсутствии массового революционного движения,— пишет об этом В. А. Зайцев,— личность находила опору в самой себе, в своей нравственной крепости; это давало ей мужество бороться в самых неблагоприятных условиях» [104]. Революционеры-семидесятники уже вполне прониклись чувством презрения к власти» [105]. О важности этого чувства хорошо сказал Г. В. Плеханов: «Чувство гордости, презрения к врагам доставляет высшее удовлетворение, превращает всякого человека в титана» [106].

Между тем политические процессы 70-х годов подсказывали революционерам, что формы активной борьбы на суде могут быть разные — не только программная речь, но, к примеру, и разоблачение юридической несостоятельности обвинения (как на процессе участников Казанской демонстрации) или организованный бойкот суда (как на процессе «193-х»). Очевидной стала возможность использовать в интересах подсудимых некоторые процессуальные гарантии (право делать суду заявления, относящиеся к порядку судебного разбирательства,— о нарушениях гласности, состязательности и т. д.; вмешиваться в допрос свидетелей, консультироваться с адвокатами,

самим выступать с защитительными речами в случаях отказа от адвокатов, произносить последнее слово). С другой стороны, на каждом процессе обнаруживалось, как предвзято, а то и мошеннически сфабрикованы из показаний обвиняемых материалы дознания и предварительного следствия. Поэтому землевольцы весной 1878 г. включили в текст своего устава следующий пункт: «Член основного кружка, попавший в руки правительства с явными уликами, должен на предварительном следствии и дознании отказаться от дачи показаний, а на суде руководиться интересами дела, а не личными» [107].

Тот факт, что устав революционной организации впервые в России особо формулировал принципы поведения на дознании, следствии и суде, показателен для конца 70-х годов. К тому времени политические процессы уже стали важным фронтом борьбы между революционерами и правительством, причем революционеры удостоверились, что на дознании и следствии любое их заявление может быть подделано в пользу обвинения, тогда как на суде при наличии (пусть весьма относительном) публичности, гласности, состязательности подсудимые отчасти уравниваются в процессуальных правах с обвинителями и получают кое-какие возможности для проповеди и защиты своих взглядов. Естественно, что «Земля и воля» обязала своих членов на дознании и следствии вообще не давать никаких показаний, зато предоставила им свободу действий на суде, предписав только «руководиться интересами дела, а не личными».

Интересно, что такого же правила еще с 30-х годов держались французские революционеры, и Ф. Энгельс, зная о нем, ставил его в пример немецким социал-демократам. Вот что писал он А. Бебелю 13—14 сентября 1886 г.: «Одному вы можете поучиться у французов. Уже 50 лет там у всех революционеров существует правило: обвиняемый *отказывается* давать следователю *какие бы то ни было показания*... Раз и навсегда принято, что всякий отход от этого правила рассматривается как полуизмена, и оно дает огромную выгоду во всех процессах. Зато потом, во время публичного разбирательства дела, руки развязаны. Ведь на предварительном следствии протоколы составляются так, что показания фальсифицируют,

а затем всяческими приемами подсовывают обвиняемым для подписи. Подумайте-ка об этом» [108].

Мы видели, что русские революционеры уже в 70-е годы старались руководствоваться правилом, которое так ценил Энгельс. Народовольцы в первом же (липецком) варианте устава Исполнительного комитета подтвердили «судебный» параграф устава «Земли и воли», но дополнили его: «Всякий член Исполнительного комитета, против которого существуют у правительства неопровержимые улики, обязан отказаться в случае ареста от всяких показаний и ни в каком случае не может назвать себя членом Комитета. Комитет должен быть невидим и недосягаем. Если же неопровержимых улик не существует, то арестованный член может и даже должен отрицать всякую свою связь с Комитетом и постараться выпутаться из дела, чтоб и далее служить целям общества» [109].

Правило не называть себя членом ИК соблюдалось неукоснительно. Народовольцы использовали его для того, чтобы внушить правительству, даже в тех случаях, когда оно судило вождей партии (Желябова, Александра Михайлова, Перовскую и др.), будто у него в плену лишь второстепенные деятели, а главные—все еще на свободе. И Желябов, и Перовская, и Михайлов, и другие члены ИК называли себя перед судом агентами Комитета. Это, по справедливому замечанию Г. В. Плеханова, «не умаляло, а увеличивало обаяние знаменитого Комитета» [110], ибо все непосвященные умы думали, что если даже такие люди, как Желябов и Перовская, всего лишь агенты ИК, то каковы же должны быть члены Комитета! «Когда мы (ярославские лицеисты. — *Н. Т.*) прочли заявление Желябова о том, что он является в организации «Народной воли» только агентом 3 степени,— вспоминал А. В. Гедеоновский,— то мы решили, что при такой силе революционной партии, при такой героической борьбе не может быть и речи о длительном существовании самодержавия» [111].

Правда, требование «отказаться в случае ареста от всяких показаний» и особенно «выпутываться» из дела, хотя бы и для того, чтобы «далее служить целям общества», часто не выполнялось, так как оно не гармонировало с героико-романтическим настроением народовольцев. «Мысль, что их могут принять

за испугавшихся или малодушных,— свидетельствовал Н. А. Морозов,— казалось им до того невыносимой, что они забывали в эту минуту обо всех руководящих правилах. Большинство объявляли себя по уставу агентами третьей степени, но затем излагали целиком всю свою революционную деятельность, не касаясь лишь деятельности товарищей»[112]. Впрочем, сам Морозов «не делал ничего подобного, так как ни на миг не забывал, что какие бы то ни было признания непоследовательны с точки зрения заговорщика, обязавшегося держать в тайне все дела своей организации»[113]. Вот полный текст его первого и последнего показания по делу «20-ти» от 24 апреля 1881 г.: «По убеждениям своим я террорист, но был ли террористом по практической деятельности, предоставляю судить правительству. Я не считаю для себя возможным дать какие-либо сведения по предмету обвинения меня в липецком съезде, в участии в покушении 19 ноября 1879 г. в г. Москве и вообще на все вопросы по существу дела, так как моя жизнь до ареста тесно связана с жизнью других лиц и мои разъяснения, хотя бы они и относились только лично ко мне, могли бы повлиять на судьбу моих знакомых и друзей, как уже арестованных, так и находящихся на свободе. Николай Морозов»[114].

Подобным же образом, точно по уставу, вели себя после ареста и некоторые другие члены ИК, в частности М. Ф. Фроленко и А. В. Якимова. Фроленко в одном из неопубликованных писем к Вере Фигнер (от 26 марта 1932 г.) так рассказывал о своем поведении на следствии по делу «20-ти»: «Меня только дважды вызывали из Трубецкого (бастиона.— *Н. Т.*) на следствие, и оба раза я заявил, что показаний до суда не буду давать, и они меня больше не тревожили и ни о чем не спрашивали, показав лишь Меркулову при втором вызове»[115]. Действительно, весь текст второго показания Фроленко занял три строки: «Зовут меня Михаил Федоров Фроленко. На вопросы об участии моем в деле Первого марта, а также о посылке денег Фердинанду Люстигу отвечать не желаю»[116].

Собственно, на процессах 1880—1882 гг. никто более из членов ИК, кроме Фроленко, Морозова и Якимовой, не отказывался на дознании и следствии

от показаний, если только личность его была установлена [117]. Вопреки уставному требованию они излагали все свои революционные дела (как, например, Желябов, Перовская, Суханов), а еще чаще писали обширные автобиографические заявления, каждое из которых можно озаглавить «Почему я стал революционером?». Такие показания и заявления безнадежно уличали их авторов, однако против кого-либо из «единомышленников» и «соучастников» никаких улик властям не давали.

Член ИК Н. Н. Колодкевич на первом же допросе по делу «20-ти» 10 февраля 1881 г. заявил: «Прежде чем приступить к ответам на вопросы по существу, я должен предварить, что буду показывать то, что касается лично меня, и не буду упоминать о тех лицах, с которыми приходил в соприкосновение в моей революционной деятельности» [118]. Этого правила Колодкевич и придерживался на всех допросах [119]—точно так же, как и другие члены ИК, которые, оказавшись в заключении, находили (в нарушение устава), что пленному революционеру перед лицом неизбежно жестокой (зачастую и смертной) кары более приличествует показать врагу, современнику и, возможно, будущему историку все, что он сделал, чем отказаться от всяких показаний. Н. Е. Суханов еще до ареста говорил товарищам по Военной организации «Народной воли»: «Наше дело, господа, чистое, и мы не должны давать [ни] малейшего повода думать, будто стыдимся своего дела или боимся ответственности; мы должны всегда с гордостью заявлять, кто мы и что мы делаем, а не вилять в разные стороны» [120]. П. А. Теллалов же на процессе «17-ти» заявил в лицо судьям: «В таких серьезных делах, как дела о государственных преступлениях, всякое укрывательство мы считаем по меньшей мере предосудительным» [121].

Поэтому, отдавая должное стойкости и дисциплинированности народовольцев типа Морозова или Фроленко, нельзя не признать согласными с революционной этикой и в конечном счете еще более выигрышными для революционной агитации судебно-следственные показания таких нарушителей устава ИК, как Желябов и Перовская, Александр Михайлов и Квятковский, Ширяев и Колодкевич.

Разумеется, с точки зрения элементарной целесообразности более правильным, практичным для народовольцев было следовать на допросах букве устава (как это делали Морозов и Фроленко), ибо таким путем они затрудняли властям сбор улик против обвиняемых, а стало быть, сохраняли надежду на смягчение приговора, сохранение жизни и продолжение борьбы, не теряя при этом революционного достоинства. Отказ обвиняемых от всяких показаний только и мешал обвинителям прибегнуть к методу кардинала А. Ришелье: «Напишите семь слов, каких хотите, я из этого выведу вам уголовный процесс, который должен кончиться смертной казнью»[122].

Итак, устав «Земли и воли», а затем и «Народной воли» регламентировал поведение революционеров после ареста лишь в принципе. Александр Михайлов в дни процесса «20-ти» передал из тюрьмы товарищам совет дополнить слишком общее уставное предписание «определенным планом единообразного поведения на дознании и суде»[123]. Выработать такой план народовольцы не успели. Однако революционная этика 70—80-х годов восполняла недосказанное в уставах столь же обязательными, хотя и неписаными правилами. Так, подать прошение о помиловании в 70-е годы уже «считалось позором»[124]. Н. С. Тютчев свидетельствовал, что, «начиная с долгушинцев, всякий, плохо державший себя на следствии, считался предателем и изгонялся из революционной среды»[125].

Сложившийся таким образом уже к началу 80-х годов кодекс поведения революционера перед карателями в главных чертах (хранить верность революционному знамени, не раскаиваться, не выдавать товарищей, не просить о помиловании) сохранял силу вплоть до победы Октября. Например, II съезд РСДРП в специальной резолюции «О показаниях на следствии» рекомендовал, как это делали в свое время «Земля и воля» и «Народная воля», «всем членам партии отказываться от каких бы то ни было показаний на жандармском следствии»[126]. Своеобразно канонизируя традицию, заложенную в 1870-е годы, Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, членами которого были наряду

с народовольцами Н. А. Морозовым, В. Н. Фигнер, М. Ф. Фроленко, А. В. Якимовой большевики-ленинцы К. Е. Ворошилов, М. И. Калинин, Г. К. Орджоникидзе, И. В. Сталин и другие, записало в своем уставе, что «не могут быть членами Общества: а) совершившие деяния, противоречащие революционно-социалистической этике; б) подавшие прошение о помиловании и заявление о раскаянии, выдаванцы и оговаривавшие товарищей»[127].

Русские революционеры на политических процессах 1866—1878 гг.

На процессе ишутинцев обвиняемые вели себя большей частью еще по старинке: из 19 выступавших с последним словом 13 заявили о раскаянии и просили милосердия[128]. Сам Н. А. Ишутин еще до суда в письме на имя кн. П. П. Гагарина открещивался от причастности к выстрелу Каракозова: «Во многом я виноват перед моим государем, но не виноват в преступлении моего брата... Я никогда ни за какие земные блага не согласился бы принять участие в преступлении против своего государя, даровавшего миллионам свободу»[129]. На суде же он не только оправдывался, но и оговаривал товарищей, преимущественно тех (О. А. Моткова, Н. П. Странден и др.), кто показывал против него, по принципу «кто выдает, того выдавать»[130]. Даже Каракозов, который и на следствии, и на суде вел себя героически, никого не выдавал (назвал только И. А. Худякова и А. А. Кобылина, но не по малодушию, а под тяжестью улик, и, как предполагает В. Г. Базанов, с расчетом «отвести удар» от московского центра «Организации»[131]), даже он после суда просил у царя «прощения, как христианин у христианина и как человек у человека»[132]. Особенно же грешили раскаянием и оговорами О. А. Мотков, К. Ф. Кичин, О. В. Малинин.

Н. С. Тютчев утверждал, будто все ишутинцы, кроме П. Ф. Николаева, «позорно вели себя в дни отчета за свою деятельность»[135]. Это неверно. С достоинством держались на процессе ишутинские лидеры И. А. Худяков, Н. П. Странден, Д. А. Юрасов. Исключительную стойкость проявил рядовой

член «Организации» П. П. Маевский. «Все способы, имевшиеся в Следственной комиссии, были ничтожны перед неслыханным упорством этой личности»[134],— свидетельствовал член комиссии ген. П. А. Черевин. И на суде каратели долго бились с Маевским, напуская на него словоохотливых свидетелей, но Маевский ни в чем не раскаялся и никого не оговорил[135]. Что касается Николаева, то, по свидетельству Д. В. Стасова, этот «очень пылкий, горячий, умный и развитой молодой (22 лет.— *Н. Т.*) человек... стал развивать социалистические теории и, между прочим, говорил, что вопрос о цареубийстве — вопрос философско-политический, что теорию об этом развивали очень многие знаменитые ученые уже в средние века, например знаменитый Кампанелла и еще такие-то и т. д. ... Гагарин насилу остановил его, стараясь замять его речь»[136]. В официальном отчете речь Николаева скомкана, «социалистические теории» опущены, все ссылки на «знаменитых ученых», на Кампанеллу и других изъяты. Но сохранились смелые рассуждения Николаева в защиту казни Людовика XVI («я не считаю членов Конвента кровожадными тиграми, а считаю, что они поступали так, как могли поступить») и даже цареубийства вообще (хотя и «не имеет смысла в большей части случаев», все же «иногда может послужить в пользу революции»)[137].

Вообще, к чести ишутинцев, надо отметить, что они в большинстве своем искусно сбивали карателей со следа, отрицая существование террористической группы «Ад», а наличие «Организации» хотя и признавали, но лишь с целью «перемены экономического быта», как объясняли Ишутин, Юрасов, Странден, М. Н. Загибалов, П. Д. Ермолов и др.[138] Главное же, они сумели утаить от следствия петербургское революционное подполье, которое было, как доказывают советские историки, весьма многолюдным[139]. Из его участников, арестованных по делу Каракозова, улик для предания суду хватило только против троих: Худякова, Кобылина и А. М. Никольского, причем последние двое были судом оправданы.

Тем не менее, на взгляд революционеров 1870-х годов, ишутинцы во многом (прежде всего в отно-

шении к власти) вели себя предосудительно. Резкий отзыв о них «семидесятника» Н. С. Тютчева нам понятен, хотя он и грешит некоторыми преувеличениями. Тютчев не просто выбранил ишутинцев, но и попытался объяснить их слабость, отметив две главные причины. Во-первых, ишутинцам «пришлось отвечать не за свою деятельность, а внезапно встать к ответу за деяние, не учитывавшееся ими (разве как возможное в отдаленном будущем!), но грозившее непосредственным лишением жизни. К этому они готовы не были (к каторге — да, но не к виселице!), и страх смерти обуял юношей в молчании их одиночек... Второе: новизна следствия, приемов его, отсутствие у тогдашней молодежи выработанных способов держать себя на следствии (что нашему поколению дал опыт предшественников!), отсутствие еще твердо установившегося общественного мнения в революционной среде, вполне отрицательно относящегося к лицам, выдавшим кого-либо на следствии, и т. д.» [140]

Можно добавить к этим объяснениям Тютчева еще два. С одной стороны, ишутинцы поддавались (хотя и меньше, чем их предшественники) «обаянию власти», а с другой стороны, за ними, как в свое время за декабристами и петрашевцами, не было революционного класса, который мог бы служить им опорой. Правда, ишутинцы были уже представителями нового, разночинского поколения революционеров. Они и по происхождению, и по убеждениям были дальше от господствующего класса и ближе к народу, чем декабристы или петрашевцы. Но тот факт, что действовать им довелось в обстановке глубокого спада революционной борьбы, когда стала ясной иллюзорность надежд «революционеров 61-го года» на крестьянское восстание,— этот факт, конечно, деморализовал их «в молчании одиночек» перед угрозой судебной расправы с ними.

Следующий крупный процесс — «нечаевцев»* — отделяют от процесса ишутинцев всего пять лет, но

* Суд над участниками организации С. Г. Нечаева «Народная расправа» (79 обвиняемых) проходил в петербургской судебной палате с 1 июля по 11 сентября 1871 г. Сам Нечаев был арестован позднее и судился отдельно (в московском окружном суде) 8 января 1873 г.

за это время в революционной этике, и главным образом в отношении революционеров к власти, произошел существенный сдвиг. Послекаракозовская реакция не столько запугала, сколько ожесточила недовольных, особенно разночинную молодежь, которая все решительнее пополняла кадры освободительного движения, оттесняя дворян с первого плана на второй. К началу 70-х годов в революционную борьбу вступило уже новое поколение, более демократичное по составу и боевое по духу, чем все предыдущие. На процессе «нечаевцев» из 79 подсудимых 42 родились в 1847—1854 гг. (это годы рождения основного ядра «чайковцев», «москвичей», второй «Земли и воли», «Народной воли», «Черного передела»), тогда как из 36 подсудимых-ишутинцев был только один, родившийся в 1847 г. (Ф. П. Лапкин), а все остальные — старше. Начавшийся в исходе 60-х годов новый революционный подъем окрылял борцов даже под арестом, в неволе, а разрешенная с 1871 г. впервые в России состязательность, печатная гласность, публичность политических дел дополнительно стимулировала их стойкость («На людях и смерть красна!») и активность.

Процесс «нечаевцев» стал первым в стране многолюдным политическим процессом, на котором подавляющее большинство подсудимых выступило, с точки зрения революционной этики, безупречно[141]. Если не считать В. В. Александровской, которая играла в деле «нечаевцев» особую, до конца не ясную, но, вероятно, провокационную роль, ни один из них не погрешил на суде против товарищей, не раскаялся и не просил снисхождения. Напротив, со скамьи подсудимых они обвиняли тот режим, именем которого судились, положив таким образом начало традиции, развитой после них деятелями «хождения в народ» и особенно народовольцами.

В то время как суд пытался заострить общее внимание на убийстве И. И. Иванова и цинизме нечаевского «Катехизиса революционера», подсудимые выдвигали на первый план глубокие общественные вопросы, давая понять, что в России при существующих условиях революционная борьба неизбежна и неистребима. Программных речей они не произносили, но в объяснениях и на следствии, и на су-

лс подчеркивали, что их толкает в революцию «любовь к народу» и «благодатная злоба» к его угнетателям (П. М. Кошкин) [142], что цель их тайного общества — «улучшение народного благосостояния» (Д. А. Енкуватов) [143], «возможное благосостояние всех и каждого» (В. И. Лунин) [144] и что ради этого никто из них, как выразился П. Г. Успенский, «никогда и не задумался бы пожертвовать своей жизнью» [145].

С той же страстью подсудимые обличали жандармский произвол, усилия властей «задавить проблески мысли» [146], неоправданные, наугад, репрессии, которые «только сильнее раздражают и сближают тех, против кого они направлены» [147]. Юная Александра Дементьева политически зрело выступила по «женскому вопросу», указав на бесправие женщин как на фактор, непрестанно вооружающий их против правительства [148]. В 1886 г. газета «Общее дело» заслуженно помянула эту речь как «первое свободное и мужественное слово, публично обращенное русской женщиной к ее политическим судьям» [149].

Перепечатанные почти всеми русскими газетами судебные выступления «нечаевцев» сильно пошатнули тот взгляд на них (как на головорезов, для которых нет ничего святого), что вдалбливали в сознание общества власти и реакционная пресса. Что же касается дел и документов самого Нечаева, то в ходе процесса из объяснений подсудимых и адвокатов стала очевидной глубокая пропасть между Нечаевым и «нечаевцами».

Выяснилось, что «нечаевцы» шли за Нечаевым единственно с целью посвятить себя делу освобождения народа, т. е. из «прекрасных, преблагородных» (как сказал на процессе адвокат В. Д. Спасович [150]) побуждений. О мистификации, иезуитстве, безнравственности они, как правило, даже не знали (в одном Нечаев их обманул, другое скрыл). В частности, на суде было установлено, что пресловутый «Катехизис революционера» вообще не читался в организации именно потому, что «если бы читался, то произвел бы самое гадкое впечатление»; сам Нечаев никому не внушал, «что людей нужно надувать (§ 14 и 19 «Катехизиса». — *Н. Т.*), потому что в таком случае кто же бы согласился, чтобы его заве-

домо надули?»[151]. Кроме Спасовича, все это разъясняли на суде сами подсудимые: И. Г. Прыжов, И. И. Флоринский, В. Ф. Орлов, Е. Х. Томилова, Ф. Ф. Рипман, Е. И. Беляева и др. П. Г. Успенский категорически заявил, что газета Нечаева «Народная расправа» «своими нелитературными формами произвела самое отвратительное впечатление» на «нечаевцев», «с нею никто не соглашался»[152].

Именно на процессе «нечаевцев» обнаружилась вся предосудительность нечаевщины и ее чуждость исконным началам революционной этики. Гласно вскрыв коренное различие между идеалами «нечаевцев» и методами нечаевщины, процесс, таким образом, «не утопил революционеров в нечаевской грязи, как надеялось правительство, затевая публичный процесс, напротив, он смыл с них эту грязь»[153].

Но революционеры не просто отвергли макиавеллизм нечаевщины, они извлекли из ее опыта практический урок («ни в коем случае не строить революционную организацию по типу нечаевской»[154]) и еще больше прежнего стали заботиться о нравственной чистоте движения. Принцип «цель оправдывает средства», находивший одобрение у ишутинцев[155], а Нечаевым возведенный в абсолют, теперь был ограничен «весьма простым трюизмом: кроме тех средств, которые подрывают самую цель»[156]. Первые три-четыре года после процесса «нечаевцев» русские революционеры во избежание рецидива нечаевщины даже перегибали палку; под флагом борьбы с «генеральством», подобным нечаевскому, доходили до анархистского отрицания всех и всяких авторитетов, поскольку, мол, власть вообще портит людей так, что если бы ею распоряжались ангелы, «у них довольно скоро выросли бы рога»[157].

Впрочем, и мнивший себя революционным «генералом» С. Г. Нечаев к официальной власти относился с презрением, что он и доказал в характерной для него нарочито грубой, аффективной манере на суде по его делу. Официальный отчет гласит: «Спрошенный по обстоятельствам настоящего дела обвиняемый Нечаев заявил, что он не желает давать никаких показаний и не отвечал ни на один из предложенных ему вопросов»[158]. Когда его приводили в зал, он, по наблюдению генерала И. Л. Слезкина,

«сидел большею частью задом к судейскому столу»[159]; в ответ на вопрос председателя, что́ он скажет в свое оправдание, подчеркнул: «Я считаю унизительным для своего имени защищаться от клеветы, очевидной для всех»[160]; после оглашения приговора заметил: «Это шемякин суд»[161], а когда его в последний раз выводили из зала, крикнул: «Да здравствует Земский Собор! Долой деспотизм!»[162] Председатель суда в напутствии присяжным вынужден был признать: «Еще ни разу безумец не дозволил себе на суде высказывать того, что высказал этот человек»[163].

С той же дерзостью Нечаев вел себя и на эшафоте при исполнении над ним обряда гражданской казни, и в склепе Алексеевского равелина, где он собственной кровью писал на стене заявления-протесты; шефу жандармов А. Л. Потапову, который пригрозил было ему телесным наказанием, дал пощечину; кончил же тем, что распропагандировал стражу и только вследствие предательства (Л. Ф. Мирского) власти помешали ему осуществить то, что не удалось никому ни до, ни после Нечаева — побег из Алексеевского равелина[164].

Мужественное поведение Нечаева на суде и в заключении дало повод некоторым исследователям (П. Е. Щеголев, А. И. Гамбаров, Людвик Базылёв) попытаться реабилитировать его как историческую личность. Такая реабилитация была бы неправомерной, ибо нечаевщина остается нечаевщиной, и ответственность за нее лежит на Нечаеве.

Стойко держались почти все подсудимые на политических процессах 1871—1876 гг., которые можно назвать условно малыми процессами. Дело в том, что революционное движение с 1871 до 1874 г., будучи в стадии накопления сил, не проявлялось так открыто и не давало властям повода судить столько людей, как в 1869—1871 гг., а участники массового «хождения в народ» 1874 г. после долгого дознания и следствия пошли под суд главным образом лишь в 1877—1878 гг. Поэтому за 1871—1876 гг. царизм устроил сравнительно немного политических процессов (24), причем, как правило, малолюдных: самым крупным из них оказался долгушинский (12 подсудимых), а на 18 процессах судилось по одному чело-

веку. Всего за 24 процесса прошел перед судом 51 человек, т. е. меньше, чем по одному делу «нечаевцев». Общей чертой их поведения перед карателями была верность утверждавшейся в практике политических процессов традиции непримиримого, без малодушия и раскаяния, противоборства врагу.

На процессе долгушинцев только 18-летний Ананий Васильев после двухмесячного запирательства был сломлен моральными (возможно, и физическими) пытками и дал «вполне чистосердечные показания», стоившие ему тяжелого нервного припадка и умопомешательства [165]. Все остальные долгушинцы на дознании и следствии от всего отпирались («с доходящею до дерзости, так сказать, фанатическою стойкостью совершенно отказываются давать какие-либо показания»,— доносил о них в III отделение начальник московского ГЖУ [166]), а на суде, после того как были пущены в ход признания Васильева и свидетельницы Аграфены Долгушиной, ограничивались малозначащими уклончивыми объяснениями.

Правда, шестеро долгушинцев (сам А. В. Долгушин, а также Л. А. Дмоховский, Н. А. Плотников, И. И. Папин, Д. И. Гамов и тот же Ананий Васильев) после суда подали на высочайшее имя прошения «о смягчении наказания» [167], но, если не считать Васильева, который и здесь повел себя «вполне чистосердечно», они сделали это из чисто юридических соображений, лишь отчасти поступившись своей революционной совестью. Во-первых, прошения были составлены не по форме — без достаточных верноподданнических заверений: Долгушин, Дмоховский и Плотников вообще не выразили ни слова раскаяния, а Папин и Гамов неопределенно посетовали на «преступность мечты» и «легкомысленность поступка». Понятно, почему царь смягчил наказание только Васильеву, а все остальные прошения оставил без последствий [168].

Во-вторых, и это главное, после приговора в окончательной форме, на эшафоте при исполнении обряда гражданской казни и затем в каторжном централе все долгушинцы вели себя мужественно. Шеф жандармов А. Л. Потапов в специальном докладе царю о гражданской казни долгушинцев сообщал, что Папин и Гамов отказались целовать крест, Дмоховский

«все время улыбался», а Плотников, пока стоял у позорного столба, не переставал восклицать: «Долой царя, долой аристократов, мы все равны, да здравствует свобода!» «Приказано было бить барабанам, которые мало заглушали его голос» [169].

Так же смело держались на эшафоте гражданской казни осужденные по делу В. М. Дьякова. Сам Дьяков, когда сходил с эшафота, крикнул, перекрывая грохот четырех барабанов: «Долой деспотизм! Да здравствует свобода!» [170] Кстати, и на суде Дьяков, а также его товарищ А. И. Сиряков не давали никаких объяснений, заявили, что не желают отвечать на вопрос о виновности, отказались от защиты (на том основании, что «в числе свидетелей выступили три агента сыскной полиции») и от последнего слова [171]. Шеф жандармов доносил царю, что Дьяков и Сиряков «во все время заседания суда держали себя дерзко и неприлично» [172]. Из восьми подсудимых на процессе Дьякова — Сирякова только двое распропагандированных солдат (Трофим Зайцев и Юрий Янсон) дали откровенные показания.

Не пасовали обвиняемые перед карателями и на других процессах 1871—1876 гг. Помощнику присяжного поверенного Е. С. Семяновскому и военному писарю Степану Богданову за революционную пропаганду среди «нижних чинов» Главного штаба и за стойкость на суде ОППС вынесло жесточайший приговор — 12 лет каторги, а после суда тюремные власти «усердно предлагали» осужденным подать прошение о помиловании, заверяя, что у них «очень много шансов» быть «помилованными совершенно» [173]. И Семяновский и Богданов отказались просить о помиловании наотрез и ушли на каторгу, как сказал бы Герцен, «с святою нераскаянностью». «Храбро и с достоинством», по выражению корреспондента «Вперед!», вел себя на суде народник-пропагандист лесничий Александр Альбов [174]. Ни в чем не сознавались и никого не выдавали студент Михаил Державин (родной внук поэта Г. Р. Державина) [175], сельский учитель Иван Розанов, выпускники гимназий Михаил Терентьев и Александра Бутовская, железнодорожный служащий Никифор Аникеев.

В дополнение к трагедии Анания Васильева можно отметить как исключения лишь три-четыре случая,

когда осужденные на процессах 1871—1876 гг. раскаивались и просили о монаршем милосердии. Так поступили пропагандист-народник Виктор Телье [176] и солдат Трофим Зайцев. При неясных обстоятельствах подал всеподданнейшее прошение о помиловании (заклиная царя «простить заблудшего») рабочий-революционер Марк Малиновский, который и на следствии и на суде держался героически. Наконец, о «снисхождении» (без раскаяния, со ссылкой на болезнь родителей) просил царя студент Николай Гончаров [177]. На суде он вел себя странно: объяснял, что был удручен личными неурядицами (развод с молодой женой и пр.) и напечатал-де революционную прокламацию только ради того, чтобы навлечь на себя кару властей и «пойти на каторгу в Сибирь» [178]. С. Н. Валк не без оснований предположил, что Гончаров придерживался такой тактики из конспиративных соображений [179]. Действительно, хотя Гончаров был уличен в сношениях с «чайковцами» (М. А. Натансоном, С. Л. Перовской, А. И. Корниловой и др.), он никого не выдал. Товарищ министра юстиции, резюмируя дело, доложил министру: «Пособников Гончарова не открыто» [180].

Итак, на процессах 1871—1876 гг. подсудимые, как правило, держались стойко при всех обстоятельствах, будь то тюрьма, скамья подсудимых, эшафот гражданской казни или каторжный централ. Вместе с ростом силы освободительного движения росло у его борцов сознание революционного достоинства, более гордыми и непримиримыми становились их отношение к власти и взгляд на то, как вести себя в царском плену. Начиная с процесса «нечаевцев», русские революционеры стали превращать политические процессы в арену борьбы против существующего строя, а скамью подсудимых — в революционную трибуну. Однако на малых процессах 1871—1876 гг. пример «нечаевцев», хотя он и был воспринят и поддержан, не получил дальнейшего развития. Стойкость революционеров перед царским судом выражалась тогда большей частью еще в пассивных формах (отказ от показаний и защитительных речей, а также от услуг адвокатов, бойкот суда, протесты против беззакония). Принцип открыто провозглашать со скамьи подсудимых свою принадлежность к революционной

партии и выступать от ее имени с программными речами в 1871—1876 гг. еще не был принят обвиняемыми на вооружение. В этом смысле не представлял исключения и процесс «нечаевцев», где весьма развернутые объяснения подсудимых все же не являлись программными, а сознание в принадлежности к обществу «Народная расправа» было вынужденным (под тяжестью улик) и не имело характера вызова, революционной демонстрации.

Значительно дальше в противоборстве карателям пошли обвиняемые на больших процессах 1877—1878 гг. Всего за те годы политических процессов в России было 31. Кроме двух дел о «террористах» (В. И. Засулич и И. М. Ковальского), на всех остальных судились пропагандисты, а из 29 дел о пропагандистах 25 продолжали ряд столь характерных для 1871—1876 гг. малых процессов и по числу подсудимых, и по значимости дел. Малые процессы 1877—1878 гг. имели те же особенности, что и дела 1871—1876 гг., но были менее заметны, поскольку терялись рядом с большими по масштабам и значению политическими процессами, которые заслуженно сосредоточивали на себе внимание современников.

Таких процессов за 1877—1878 гг. прошло всего четыре (участников Казанской демонстрации, «50-ти», «Южнороссийского союза рабочих» и «193-х»), но судились на них 282 человека, тогда как на всех 25 малых процессах — 65 человек. Каждый из больших процессов вызывал столь живые отклики (а два из них—«50-ти» и «193-х»—к тому же так долго длились), что едва переставал быть злобой дня один процесс, как начинался другой. Эти процессы воздействовали на политическую жизнь страны вообще и на революционное движение в особенности сильнее, чем все, бывшие ранее. Именно на них и сложилась окончательно в активе русских революционеров традиция понимания и, главное, использования политических процессов как особого фронта революционной борьбы.

Правда, на первом из больших процессов (по делу о Казанской демонстрации) подсудимые еще не выделялись особой активностью. Процесс сам по себе был весьма значим. Царизм судил на нем «первую социально-революционную демонстрацию в России» [181]. Но состав подсудимых оказался здесь почти

целиком случайным. Хотя в демонстрации участвовали все руководители «Земли и воли» (в частности, М. А. Натансон, Александр Михайлов, Г. В. Плеханов, Вера Фигнер) и передовые рабочие (Степан Халтурин, Петр Моисеенко, Алексей Петерсон), никого из них арестовать не удалось. Полиция принялась бить и задерживать всех попадавшихся ей на Казанской площади под руку, ориентируясь главным образом на студенческие пледы и курсистские шапочки.

Было арестовано 20 мужчин и 11 женщин, в том числе благонамеренные обыватели и даже агенты сыска, загримированные «под студентов» (настолько удачно, что городовые избили их «жесточайшим образом в первую очередь») [182]. Когда выяснилось, кто они такие, пришлось их освободить. Суду было предано 17 мужчин и 4 женщины, все — революционно настроенные молодые люди (от 16 до 24 лет), но лишь один из них (А. С. Емельянов) входил в основной кружок «Земли и воли», и только пятеро (тот же Емельянов, Я. С. Потапов, Я. Е. Гурович, В. Я. Иванов, Ф. И. Шефтель) являлись участниками демонстрации.

При таком составе подсудимых нельзя было ждать от них на процессе боевых революционных выступлений. Все они держались на суде тактики запирательства. Юридическая шаткость обвинения побуждала их выбрать именно эту тактику как реальное средство «вывернуться» из дела. Поэтому они часто вмешивались в судебное разбирательство, опровергая путаницу и предвзятость обвинительного акта (особенно настойчивы были Емельянов, А. Н. Бибергаль, Н. Я. Фалин, М. Г. Григорьев), смонтированного большей частью из показаний тех, кто избивал и арестовывал обвиняемых. С той же целью 13 из них подали кассационные жалобы на приговор суда, отметив, что суд подвел обвиняемых под ст. 250 Уложения о наказаниях («восстание скопом») искусственно, в насилие над буквой и духом закона. Сенат основательно потрудился, чтобы выработать решение от 7 марта 1877 г. — мудреную эквилибристику статьями законов, которая позволяла оставить жалобу «казанцев» и впредь все подобные ей без последствий [183].

Главное, все «казанцы» держались стойко. Никто из них никого не выдавал. Шестнадцатилетняя Фелиция Шефтель признала, что в демонстрации участвовали ее знакомые, но на предложение первоприсутствующего «кого-нибудь назвать» ответила: «Не желаю» [184]. На оглашении приговора подсудимые, как явствует из агентурного донесения, «держали себя дерзко, причем особенно выделялись Чернавский и Бибергаль, почти все время не перестававшие смеяться» [185]. Вообще подсудимые относились к суду как бы свысока, оставив у «одной из русских наиболее известных знаменитостей», как писал об этом корреспондент «Вперед!», такое впечатление, «что они одни тут порядочные люди, суд же, прокуратура и прочие — все какое-то «жулье», сброд, с которым им по воле судьбы приходится разговаривать» [186].

После суда только один из обвиняемых (И. А. Гервасий) просил о смягчении наказания [187]. А между тем наказание было очень жестоким: шесть человек пошли на каторгу от 6 лет 8 месяцев (юная — несовершеннолетняя! — Шефтель) до 15 лет (Емельянов, Чернавский, Бибергаль). «Пятнадцать лет каторги за демонстрацию, мирную, невооруженную,— писал об этом в 1926 г. на страницах «Правды» М. Н. Покровский,— этому едва поверят даже люди, пережившие репрессии Столыпина, даже помнящие эпоху Плеве» [188].

Таким образом, «казанцы» хотя и не прибавили ничего нового к нормам поведения обвиняемых перед царским судом, все же, во-первых, достойно поддержали, сделали еще более устойчивой традицию противоборства карателям, а главное, показали на своем примере, что этой традиции стойко держатся даже рядовые борцы и что, стало быть, мужает нравственно движение в целом. Новыми гранями обогатили эту традицию герои следующего, еще более крупного процесса «50-ти», который начался через три недели после суда над «казанцами» [189].

В отличие от «казанцев» среди «50-ти» не было случайных лиц. Все они либо принадлежали к «Всероссийской социально-революционной организации» («москвичей») — 42 человека были ее членами, либо сотрудничали с ней, причем на скамье подсудимых оказался полный состав руководящего ядра

организации (С. И. Бардина, И. С. Джабадари, П. А. Алексеев, Г. Ф. Зданович, Л. Н. Фигнер, сестры Любатович и др.). Поэтому и выступали они на процессе так сплоченно и зрело.

Еще до начала суда, а затем уже на суде, «пока длился обычный опрос обвиняемых о летах, звании и прочем», подсудимые согласовали общую линию поведения и условились отрицать наличие между ними организации [190], чтобы не дать карателям лишнего шанса проникнуть в ее тайны и тем самым обнаружить ее слабость. По опыту прежних процессов и на собственном примере, как только прочли обвинительный акт, «москвичи» поняли, что суд над ними будет сугубо пристрастным, и применили против него тактику активного бойкота и разоблачения. Одиннадцать из них отказались от защиты и от каких бы то ни было показаний, подчеркнув, что они «считают самый суд одной комедией, так как приговор уже давно заранее готов» [191]. Но при этом они договорились выступить вместо защитительных с программными речами и даже согласовали между собой, чтобы не повторять друг друга, содержание речей [192].

9 марта 1877 г. после речей защитников слово на процессе «50-ти» получили обвиняемые, отказавшиеся от защиты. Первой выступила Софья Бардина [193]. Она провозглашала со скамьи подсудимых революционную программу, пункт за пунктом очищая их от клеветы обвинения: «право рабочего на полный продукт его труда»; «анархическое устройство общества», но не в смысле «беспорядка и произвола», а в смысле «отрицания той утесняющей власти, которая подавляет всякое свободное развитие общества»; «уничтожение привилегий, обусловливающих деление людей на классы»; «всеобщее счастье и равенство». «Это может показаться утопичным,— заявила Бардина,— но во всяком случае уж кровожадного-то и безнравственного (как представлял это обвинитель. — *Н. Т.*) здесь ничего нет».

Вся речь Бардиной была проникнута верой в правоту и неодолимость революционного движения. Вот ее заключительные слова: «Преследуйте нас — за вами пока материальная сила, господа, но за нами сила нравственная, сила исторического прогресса,

сила идеи, а идеи — увы! — на штыки не улавливаются!»

То была первая в стенах царского суда программная революционная речь. Знаменательно, что произнесла ее женщина.

Вслед за Бардиной выступили с революционными речами Г. Ф. Зданович, М. Н. Чекоидзе, В. П. Александров, А. К. Цицианов, А. Е. Гамкрелидзе, рабочие Семен Агапов и Филат Егоров. Все они демонстративно засвидетельствовали свою верность идеалам народнического социализма. Наиболее емко («полнейшая самостоятельность и автономия общин, владеющих землею и всеми орудиями производства сообща, при свободе труда и обязательности его для каждого индивидуума») формулировал эти идеалы Зданович. Он же по примеру Бардиной указал «на всю законность социально-революционного движения и на то в особенности, что одна народная партия имеет будущее как потому, что представляет интересы большинства, так и потому, что она стоит на высоте развития передовых идей нашего времени... Победа ее несомненна» [194].

Последним в памятный для русского освободительного движения день 9 марта 1877 г. на процессе «50-ти» выступил московский ткач Петр Алексеев. Его историческая, хорошо известная, неоднократно бывшая предметом специального изучения [195] речь по содержанию не являлась программной. Алексеев говорил о тяготах «первобытного положения» экономически закабаленной и политически бесправной, «всеми забитой, от всякой цивилизации изолированной» рабочей массы, несколько раз подчеркнув: «Мы крепостные!» Но революционный пафос всей речи и в особенности ее заключительное предсказание: «...подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!» [196] — придавали ей агитационно-программный характер.

Как идейный памятник эпохи речь Алексеева показательна в двояком отношении. С одной стороны, в ней выражен народнический взгляд на рабочий класс лишь как на часть «крестьянского народа» и оттенена роль народнической интеллигенции как

наставника и организатора рабочих («она одна, не опуская рук, ведет нас... пока не сделает самостоятельными проводниками к общему благу народа» [197]). Для 70-х годов, когда пролетарская струя еще не выделилась из общего потока народничества, такой взгляд был в порядке вещей.

С другой стороны, речь Алексеева как первое публичное политическое выступление представителя нарождавшегося российского пролетариата уже свидетельствовала, что передовые рабочие начинают сознавать историческое предназначение своего класса. Прямо говорят об этом заключительные слова речи, которые В. И. Ленин назвал «великим пророчеством русского рабочего-революционера...» [198]. Заметим, что речь Алексеева, а также выступления на процессе «50-ти» других рабочих прозвучали в то время, когда готовился суд уже над целой (первой в России) организацией революционного пролетариата — «Южноросийским союзом рабочих».

Сплоченность подсудимых на процессе «50-ти» во многом определяла ход процесса. Сильные увлекали тех, кто был послабее. Даже те из них, у кого следователи вырвали «откровенное сознание», здесь, на суде, воодушевившись поддержкой товарищей, «все,— как это признал прокурор,— отказались от прежних объяснений» [199]. Неграмотный рабочий Василий Ковалев при этом сообщил, что на следствии он «находился во время всех допросов всегда пьяным и поили его те, кто допрашивал» [200]. Мужество и стойкость товарищей по скамье подсудимых так потрясли Ковалева, что в последнем слове он заявил: «Я не был пропагандистом. Теперь, здесь, на суде, я сделался пропагандистом. И теперь, господа судьи, если вы меня взяли, то держите крепко, не выпускайте, потому что, если выпустите, я буду знать, что делать» [201].

В общем, хотя на следствии кое-кто из обвиняемых по делу «50-ти» отступил перед карателями до «откровенности», на скамье подсудимых все пятьдесят держались с точки зрения революционной этики безупречно. Приговор, еще более жестокий, чем по делу «казанцев» (15 человек, включая шесть женщин, были осуждены на каторгу), никого из них не сломил. Вера Фигнер правильно отметила в свое время, что

из всех многолюдных политических процессов в царской России «ни один процесс не был таким стройным, ни в одном не было такой идеалистической цельности, как в этом» [202]. Поданное через 2,5 месяца после суда единственное прошение о помиловании Николая Васильева [203], конечно, диссонирует с этой «идеалистической цельностью», но вполне объяснимо, поскольку Васильев в то время был поражен тяжелым душевным расстройством, которое уже на следующий год свело его в могилу.

Итак, на процессе «50-ти» революционеры впервые в России превратили скамью подсудимых в трибуну для провозглашения и обоснования революционной программы, хотя и выступали при этом в духе характерного для первой половины 70-х годов организационного анархизма, не от лица своей организации, а от имени «пропагандистов» вообще (Бардина), «народной партии», под которой явно подразумевались все борцы за интересы народа (Зданович), от имени всего «рабочего люда» (Алексеев, Агапов, Егоров). Все их речи несли на себе печать типичного для тех лет народнического аполитизма. Бардина и Зданович прямо указывали, что русские революционеры отнюдь не стремятся к «политическому coup d'etat» (государственному перевороту) [204], а другие ораторы, хотя и не сочли нужным афишировать свой аполитизм, политических требований тоже не выдвигали, делая упор на необходимости «социальной революции». Тем не менее безусловное осуждение и отрицание существующего режима каждым из них и в особенности «великое пророчество» Петра Алексеева давали всем выступлениям героев процесса «50-ти» объективно политическую направленность.

Еще активнее выступили подсудимые на процессе «193-х». По масштабам дела и числу обвиняемых то был самый крупный судебный процесс в царской России, «процесс-монстр», как назвали его современники. Царизм судил на нем массовое «хождение в народ» 1874 г. [205]

Бо́льшая часть подсудимых еще до начала процесса согласовала линию своего поведения, поставив ее в зависимость от характера суда. В том случае, если суд будет гласным, открытым, подсудимые намеревались использовать его как трибуну для

революционной агитации (62 из них отказались от услуг адвокатов, чтобы самим выступить с защитительными речами[206]). Если же суд будет закрытым, они решили бойкотировать его[207].

Власти со своей стороны, опасаясь под впечатлением процесса «50-ти» широкой гласности, нашли возможным сделать процесс «193-х» ни закрытым, ни открытым. Он был объявлен публичным, но для него избрали тесное помещение, в которое допускалась по именным билетам лишь проверенная «публика».

Подсудимые, как только процесс открылся, разоблачили эту профанацию гласности. Ипполит Мышкин от их имени протестовал: «За двойным рядом жандармов примостились три-четыре субъекта. Неужели это та самая хваленая публичность, которая дарована новому суду?..» Невзирая на окрики первоприсутствующего («Довольно! Довольно!»), Мышкин закончил свое заявление такими словами: «Мы глубоко убеждены в справедливости азбучной истины, что света гласности боятся только люди с нечистой совестью, старающиеся прикрыть свои грязные, подлые делишки, совершаемые келейным образом. Зная это и искренно веря в чистоту и правоту нашего дела... мы требуем полной публичности и гласности!»[208]

Судьям было высочайше приказано оставить это требование без внимания. Более того, чтобы облегчить расправу над подсудимыми, разобщить их, лишить сплоченности, столь опасной (как показал процесс «50-ти») для карателей, суд поделил их на 17 групп для раздельного разбирательства дела «ввиду недостаточности помещения»[209].

Подсудимые ответили на это юридическое шулерство самым энергичным протестом: 120 из них бойкотировали суд, т. е. заявили, что отказываются являться на его заседания (их назвали «протестантами»), и только 73 человека, прозванные в отличие от них «католиками», согласились участвовать в суде. Бойкот суда «протестанты» мотивировали так: «Останемся чисты в глазах России. Она видит, что не мы дрогнули перед гласностью... а враг наш. Она видит, что, убедившись в невозможности употребить суд как средство дать ей отчет в наших действиях и разоблачить перед нею действия нашего и ее врага, мы прямо и открыто плюнули на этот суд»[210]. При

этом каждый из 120 «протестантов» не только заявил о непризнании суда, но и сопроводил свое заявление смелыми обличительными репликами. Так, Сергей Синегуб сказал: «Мы не доверяем суду, не признаем его и требуем оставить нас в наших камерах, где мы по три и четыре года ждали с таким нетерпением хоть сколько-нибудь приличного суда и — не дождались!» [211] Софья Лешерн на вопрос о виновности отрезала: «Я не желаю отвечать суду, основанному на произволе и насилии» [212]. «Что же касается той наглой клеветы, которою наполнен обвинительный акт,— подчеркнула Екатерина Брешко-Брешковская,— то я заявляю, что она вполне достойна представителей подобного суда, и на нее я отвечаю полнейшим презрением!» [213] Александр Артамонов высказал догадку, что «приговоры Особого присутствия составляются в III отделении и что по этой причине Особое присутствие скрывается от лица всего мира» [214], а Феофан Лермонтов насмешливо предложил сенаторам «вместо всего другого лучше прочитать сегодня же окончательный приговор, который, вероятно, уже давно заготовлен у суда» [215].

Почти полторы сотни «протестантов» держались правила «один — за всех, все — за одного». Когда первоприсутствующий К. К. Петерс прервал вызывающе дерзкое заявление Ивана Чернявского окриком «Довольно!», обвиняемые с мест потребовали: «Слушайте, когда вам говорят!» Петерс дослушал Чернявского до конца и только потом распорядился вывести его из зала. Тогда все «протестанты» дружно поддержали своего товарища возгласами: «Всех уводите! Мы все не признаем суда! К черту суд!» [216] Первоприсутствующий вынужден был удалить всех подсудимых и закрыть заседание. Такие сцены продолжались до тех пор, пока «протестантов» вообще не перестали приводить в суд. Ничего подобного в истории царского суда не было ни до, ни после этого процесса.

Власти, озлобленные столь досадным для них оборотом дела, не решились печатать отчеты о ходе суда. «Известия о судебном следствии стали передаваться в совершенно бессмысленном по своей краткости виде» [217]. Подсудимые и эту уловку карателей

не оставили без протеста. «В «Правительственном вестнике»,— заявил от их имени Мышкин,— помещается отчет в крайне искаженном виде, и все наиболее важное и существенное для нас не имеет места... Например, в отчете о заседании 20 октября мы, подсудимые, представлены в очень непривлекательном виде, как будто мы выслушали в благоговейном молчании ваше нравоучение, как будто в нашей среде не нашлось ни одного голоса, который решился бы возразить на это нравоучение!» [218]

«Протестанты» с первых же дней процесса поставили суд в затруднительное положение. Расчет царизма дискредитировать революционеров перед Россией и Европой был сорван. Наступательная тактика активного бойкота, избранная подсудимыми, выбивала из рук судей их главное оружие — инициативу обвинения. Перед бойкотом они оказывались беспомощны. Мало того, ход суда над «католиками» тоже не оправдывал надежд властей. За исключением единиц, все подсудимые держались гордо и смело. Среди «католиков» были такие незаурядные личности, как И. Н. Мышкин, А. Я. Ободовская, В. А. Жебунев, Е. К. Судзиловская, О. Г. Алексеева. Они не примкнули к бойкоту по разным причинам: одни — по болезни, другие — из-за отсутствия улик против них, а Мышкин — потому, что должен был выступить от имени товарищей с программной речью. «Подсудимые... сговорились выставить одного оратора и поручить ему сказать революционную речь, выработанную сообща. Выбор пал на Мышкина» [219]. Это свидетельство Веры Фигнер подтверждают и другие источники [220].

Речь Мышкина 15 ноября 1877 г. — одна из самых замечательных в истории политических процессов и, в оценке С. М. Кравчинского, «наиболее революционная речь... которую когда-либо слышали стены русских судов» [221],— стала центральным событием процесса «193-х», его кульминацией.

Ипполит Никитич Мышкин — этот, как назвал его В. Г. Короленко, «страстотерпец революции» [222] и ее трибун,— «обладал всем, что делает великим оратора» [223]: силой убеждения, даром слова, воодушевлением, проникновенным голосом, который, по отзывам очевидцев, звучал, «как священный гром». Когда он

говорил, то магнетизировал слушателей и даже враги не могли не поддаться его обаянию [224]. После его речи на процессе «193-х» «профессиональные адвокаты прибегали в волнении к другим подсудимым, чтобы поделиться с ними потрясающими впечатлениями от красноречия Мышкина» [225].

Речь Мышкина специально и очень обстоятельно исследована В. Г. Базановым [226]. Здесь важно подчеркнуть, что Мышкин, как до него Бардина и Зданович, провозглашал идеалы народнического социализма («союз производительных, независимых общин», «право безусловного пользования продуктами труда» для каждого работника, «полнейшая веротерпимость» и пр. [227]), но не в этом сила его речи, а в революционном пафосе и прогнозе. «Строй этот,— говорил Мышкин о социализме,— может быть осуществлен не иначе, как путем социальной революции». Революция же «может быть совершена не иначе, как самим народом», а движение народнической интеллигенции, в котором власти усматривают искусственный рассадник «революционной заразы», является только «отголоском движения в народе». Разоблачив антинародную политику царизма после «мнимого освобождения» крестьян, Мышкин доказывал, что именно «невыносимо тяжелое положение народа» грозит революционным взрывом: «не нужно быть пророком, чтобы предвидеть неизбежность восстания».

Мышкин и его сопроцессники отрицали свою принадлежность к той или иной организации, но признавали, а некоторые (сам Мышкин, П. И. Войнаральский, Е. К. Брешко-Брешковская) и подчеркивали, что «имеют честь», считают «долгом чести» быть членами партии [228]. При этом Мышкин более точно и ясно, чем герои процесса «50-ти», определил само понятие партии. «Мы,— сказал он,— составляем не более как ничтожную частицу в настоящее время многочисленной в России социально-революционной партии, понимая под этими словами всю совокупность лиц одинаковых убеждений, лиц, между которыми хотя существует преимущественно только внутренняя связь, но эта связь достаточно тесная, обусловленная единством стремления, единством цели и большим или меньшим однообразием тактических действий» [229].

Председатель суда то и дело (60 раз!) прерывал Мышкина, одергивал его, грозил лишить слова. Тогда Мышкин бросил в лицо судьям убийственное обвинение: «Теперь я вижу, что у нас нет публичности, нет гласности, нет... даже возможности выяснить истинный характер дела, и где же? В стенах зала суда!.. Здесь не может раздаваться правдивая речь... за каждое откровенное слово здесь зажимают рот подсудимому. Теперь я имею полное право сказать, что это не суд, а пустая комедия, или... нечто худшее, более отвратительное, позорное, более позорное, чем дом терпимости: там женщина из-за нужды торгует своим телом, а здесь сенаторы из подлости, из холопства, из-за чинов и окладов торгуют чужой жизнью, истиной и справедливостью, торгуют всем, что есть наиболее дорогого для человечества!»

При словах «пустая комедия» первоприсутствующий закричал: «Уведите его!» Жандармский офицер рванулся к Мышкину. Подсудимый М. А. Рабинович задержал его. Офицер оттолкнул Рабиновича, набросился на Мышкина и пытался зажать ему рот, но Мышкин, вырываясь из рук офицера, продолжал все громче и громче начатую фразу.[230] Официальная стенограмма заседания 15 ноября прервана на словах Мышкина «пустая комедия». Далее следует приписка карандашом: «Затем произошел общий скандал, потребовавший вмешательства вооруженной силы»[231].

Друзья, защищая Мышкина от жандармов, дали ему возможность досказать речь до конца. В агентурном донесении сообщалось, что уже после того, как Мышкин умолк, вокруг него «более пяти минут происходила борьба с ужасным шумом, криком и бряцанием оружия. Наконец, Мышкин был вытащен со скамьи через головы других подсудимых, причем жандармы тащили его за волосы, руки и туловище несколько человек разом».[232] Когда Мышкина поволокли из зала, подсудимый Сергей Стопане бросился к судьям и в упор кричал на них: «Это не суд! Мерзавцы! Я вас презираю, негодяи, холопы!»[233] Другой подсудимый «подбежал к решетке, отделявшей сенаторов от подсудимых, и привел судей в ужас, с огромной силой сотрясая эту решетку, от которой его едва удалось оттащить жандармам»[234].

Очевидцы вспоминали, что в тот момент в зале царило величайшее смятение. Первоприсутствующий ретировался, забыв объявить о закрытии заседания, члены суда последовали за ним. Подсудимые выкрикивали проклятия, публика металась по залу, несколько женщин упали в обморок. Наконец, многочисленная свора жандармов с саблями наголо выпроводила и подсудимых и публику из зала. Прокурор Желеховский, который в замешательстве сновал между покинутыми судейскими креслами, мог только сказать: «Это настоящая революция».[235]

Речь Мышкина ударила по авторитету суда и всего существующего режима. С. М. Кравчинский передавал очень характерный отзыв о ней из уст царского генерала: «Сотни нигилистов за целый год не могли сделать нам столько вреда, сколько нанес этот человек за один-единственный день»[236].

Последующие дни на процессе «193-х» тоже не принесли лавров царизму. Процесс закончился так же бесславно для его устроителей, как и начался. Нацеленный на посрамление «крамолы», он дал прямо противоположные результаты. «Едва ли наше правительство когда-нибудь и чем-нибудь оскандалилось так, как настоящим процессом»[237],— справедливо отмечено в перлюстрированном письме из Москвы в Архангельск от 10 января 1878 г.

Дабы хоть как-то сгладить невыгодное впечатление от суда, Особое присутствие смягчило приговор по сравнению с тем, на что рассчитывали правящие «верхи», и дерзнуло оправдать 90 обвиняемых. Но все же 28 человек были приговорены к каторге на срок от 3,5 до 10 лет и 39 — к ссылке. Никто из них не просил о помиловании[238]. Напротив, 24 «протестанта», рискуя еще более ухудшить свою участь, 25 мая 1878 г. перед отправкой на каторгу и в ссылку обратились к «товарищам по убеждениям», оставшимся на воле, с революционным завещанием «идти с прежней энергией и удвоенною бодростью к той святой цели, из-за которой мы подверглись преследованиям и ради которой готовы бороться и страдать до последнего вздоха»[239].

Таким образом, герои процесса «193-х» дали суду и в его лице самодержавию настоящий бой, из которого вышли с честью. Их процесс превзошел даже

ту, «может быть, еще никогда не виданную, поразительную 22-дневную манифестацию в пользу социалистического движения»[240], которую устроили подсудимые по делу «50-ти». В результате же обоих этих процессов «кредит социалистов» в России (как выразился один из корреспондентов «Вперед!») «поднялся до небывалой прежде высоты»[241].

На фоне неслыханно громких дел «50-ти» и «193-х» тихо прошел между ними (в мае 1877 г.) процесс «Южнороссийского союза рабочих», которому, однако, П. Л. Лавров сразу отвел «особенно выдающееся положение» среди других процессов, поскольку шла речь о «попытке самостоятельной организации для революционных целей рабочих сил...»[242].

Разумеется, ни Лавров, ни кто-либо другой из народников не могли признать рабочий класс главной революционной силой. Они приветствовали выход пролетариата на политическую арену в качестве важного подспорья для крестьянской революции. Для нас же дело «Южнороссийского союза» значимо как первый в России политический процесс того класса, который тогда только еще формировался, но уже сделал заявку (пока неотчетливую, полусознательную) на роль гегемона грядущей революции.

Все 15 подсудимых на этом процессе держались твердо, хотя их стойкость выражалась в пассивных формах: главным образом, они отпирались и выверстывались из-под обвинения. Те из них, кто на дознании оговорил товарищей (В. Я. Мрачковский, М. Р. Короленко, П. М. Силенко, М. Ф. Курганский), на суде отказались от своих оговоров, пояснив, что жандармы вытребовали у них желательные для суда показания тюремными притеснениями (Мрачковского, например, содержали в отхожем месте), угрозами и провокациями[243]. Все подсудимые отрицали не только свою принадлежность к революционной организации (или партии), но и самый факт существования такой организации, ни в чем не признавали себя виновными (Григорий Тараненко при этом заявил: «Не имел счастья иметь такие книги, в распространении которых меня обвиняют»[244]). Подобная тактика позволила обвиняемым скрыть от карателей часть средств, планов и

связей «Южнороссийского союза», а также в какой-то мере облегчить свою судьбу, хотя, с другой стороны, она ослабила значение процесса как революционной акции.

Прошения о помиловании после суда подали только Курганский, Силенко и С. Д. Лущенко[245]. Все остальные участники процесса пошли на каторгу (Д. О. Заславский, И. О. Ребицкий, Ф. И. Кравченко), в тюрьму и ссылку с чистой совестью. Это делает честь рабочим-революционерам, которые не имели тогда ни такой идейной закалки, ни такого опыта борьбы, как разночинцы-народники, но в поединке с царским судом уже проявили знаменательную пролетарскую стойкость.

Всего на политических процессах 1866—1878 гг., а точнее, 1874—1878 гг., поскольку до 1874 г. ни один рабочий на скамью подсудимых по политическому обвинению не попадал, судились 52 фабричных, заводских, железнодорожных рабочих и три ремесленника. Процесс «Южнороссийского союза рабочих» был единственным, где рабочие представляли свою классовую организацию. На всех остальных процессах они фигурировали как участники различных народнических кружков. Кроме дела «Южнороссийского союза» (13 рабочих плюс интеллигенты Заславский и М. П. Сквери) еще по трем делам рабочие шли под суд сравнительно большими группами: «50-ти» (13 человек), «193-х» (девять) и участников Казанской демонстрации (пять), остальные 12 рабочих и три ремесленника судились по одному и (всего лишь дважды) по двое — как правило, вместе с интеллигентами-народниками, а в трех случаях отдельно.

Первым из русских рабочих был осужден за политическое преступление (по делу долгушинцев летом 1874 г.) жестянщик Васильев. Он оказался тогда единственным из обвиняемых, кого карателям удалось сломить. В том же 1874 г. судился за революционную пропаганду среди рабочих слесарь Марк Малиновский. Он держался на следствии и суде мужественно, открыто заявил перед властями о своих республиканских взглядах: «По моему убеждению, всякий народ в конце своего развития должен прийти к республиканскому образу правления»[246].

Это тем более примечательно, что Малиновский судился один и в отличие от Васильева не мог опереться на своих революционных наставников из народнического подполья. В дальнейшем до 1878 г. только ткачи Лука Иванов (Абраменков) и Александр Осипов в 1876 г. да слесарь Петр Кифоренко в 1878 г. предавались суду отдельно от народников, и все они поддержали революционную традицию 70-х годов достойно. Так, Осипов на вопрос суда, понимает ли он, о чем идет речь в нелегальных изданиях, которые он распространял среди рабочих, ответил, что «не только понимает, но и вполне согласен со всем, что говорится в них о страданиях народа, о грабительстве правительства, помещиков и кулаков и о необходимости изменить существующий несправедливый порядок вещей»[247]. Суд за это определил Осипову 9 лет каторги — только на год меньше, чем Алексееву и Мышкину.

Остальные рабочие на всех процессах выступали вместе с народниками и, как правило, солидарно с ними (например, «Завещание» 24 осужденных по делу «193-х» подписали и оба рабочих, которым суд определил каторгу,— Иван Союзов и Степан Зарубаев), но сравнительно с народниками рабочие тогда держались в тени, менее уверенно и активно. Зато Петр Алексеев на процессе «50-ти» стал центральной фигурой. Его речь потрясла слушателей не только потому, что она была революционной по содержанию и страстной по форме, но и потому, что произносил ее рабочий, как бы удостоверяя политическое пробуждение своего класса («Казалось, в лице его... говорит весь пролетариат»,— вспоминала очевидица процесса В. Н. Фигнер[248]). Заключительное пророчество Алексеева повергло судей и сановную публику в состояние, близкое к шоку. Даже жандармы «точно окаменели,— свидетельствовал один из адвокатов процесса.— Я уверен, что если бы Алексеев после речи повернулся и вышел, его бы в первую минуту никто не остановил — до того все растерялись»[249].

Словом, рабочие внесли большой вклад в ту героическую традицию, которая сложилась за 70-е годы,— использовать судебные процессы как особый фронт революционной борьбы. То же надо сказать и

о другой категории подсудимых, небывалой ранее (как и рабочие) на политических процессах в России,— о женщинах.

Русские женщины впервые оказались на скамье подсудимых за «политику» летом 1871 г. в деле «нечаевцев» и сразу же в немалом числе — восемь. Кстати, не только в России, но и в целой Европе после Великой французской революции XVIII в. процесс «нечаевцев» был первым политическим делом с участием женщин. Это обстоятельство отметил в речи на процессе адвокат Е. И. Утин[250]. На процессе «50-ти» женщин было уже вдвое больше (16), и И. С. Тургенев тогда же подчеркнул это как «знаменательный и ни в какой другой земле — решительно ни в какой — невозможный» факт[251], а на процессе «193-х» — почти впятеро (38 человек). Всего с 1871 по 1878 г. судились за революционную деятельность 75 женщин, причем трое из них (С. А. Иванова, А. Я. Ободовская, О. С. Любатович) по два раза.

Так политические процессы отразили только что приобретенную, исключительно важную особенность русского освободительного движения — участие в нем женщин. В крепостной России женщины в лучшем случае были для революционеров утешительницами (как декабристки). Самая же революционная борьба считалась не женским делом. Мужчины и женщины были тогда слишком разобщены тьмой выросших на почве бесправия предрассудков. Лишь в 60-е годы, по мере общественного подъема и благодаря усилиям «новых людей» — разночинцев с их радикальным в корне отрицанием всего дореформенного мира, стало возможным умственное и нравственное раскрепощение русской женщины. Она начала включаться в освободительное движение, но до конца десятилетия такие случаи были редки. Можно назвать всего несколько имен женщин, которые тогда боролись или (главным-то образом) содействовали революционной борьбе в России. Таковы имена Е. Л. Дмитриевой, А. В. Корвин-Круковской, Е. Г. Бартеневой, О. С. Левашовой, Н. И. Утиной (Корсини), М. П. Михаэлис. Не исключением из правила, а правилом участие женщин в русском освободительном движении стало со времени

революционного подъема на рубеже 60—70-х годов. Начиная с Большого общества пропаганды 1869—1874 гг., почти ни одна революционная организация и соответственно почти ни один крупный политический процесс в России уже не обходятся без участия женщин.

В поведении женщин на политических процессах 1871—1878 гг. прежде всего бросается в глаза их исключительная стойкость. Только трое из них погрешили против революционной этики, дав откровенные показания на предварительном следствии: В. В. Александровская — по делу «нечаевцев»[252], Т. П. Сахарова — по делу долгушинцев[253], И. О. Польгейм — по делу «193-х»[254]. Остальные 72 женщины держались перед карателями с достоинством и твердостью, нисколько не уступая в этом мужчинам. Правда, они, как правило, были менее активны, чем мужчины, предпочитая в большинстве случаев тактику отпирательства, но на пяти процессах женщины противоборствовали карателям наравне с самыми активными из подсудимых-мужчин. Читатель помнит, с каким подъемом и презрением к власти выступали женщины на процессах «нечаевцев» (Александра Дементьева), участников Казанской демонстрации (Фелиция Шефтель), «50-ти» (Софья Бардина), «193-х» (Екатерина Брешко-Брешковская и Софья Лешерн). Так же вела себя на процессе И. М. Ковальского Александра Афанасьева, которая самоотверженно защищала товарищей, дерзила судьям, а после оглашения смертного приговора Ковальскому воскликнула: «Шемякин суд! Убийцы!»[255]

На трех из процессов 1871—1878 гг. женщины судились поодиночке (упоминавшаяся ранее А. А. Бутовская — в 1876 г. за революционную пропаганду, О. С. Любатович и В. И. Засулич в 1878 г.: первая — за оскорбление полицейского исправника в сибирской ссылке, вторая — за покушение на петербургского градоначальника).

В каждом из этих дел обвиняемые поддержали героическую традицию 70-х годов, но если дела Бутовской и Любатович рассматривались келейно и не имели широкого отклика, то дело Засулич с его почти неограниченной гласностью вызвало об-

щероссийский и международный резонанс. Тем большую известность и значимость приобрело выступление Засулич на суде. Убежденно и обстоятельно она разъяснила, что ее выстрел в градоначальника Ф. Ф. Трепова был отмщением царскому сатрапу за надругательство над политическим узником[256] и в то же время попыткой вызвать общественный протест против административного произвола, который делает возможными подобные надругательства. «Мне казалось,— говорила Засулич,— что такое дело не может, не должно пройти бесследно. Я ждала, не отзовется ли оно хоть чем-нибудь, но все молчало... и ничто не мешало Трепову или кому другому, столь же сильному, опять и опять производить такие же расправы... Тогда... я решилась хоть ценою собственной гибели доказать, что нельзя быть уверенным в безнаказанности, так ругаясь над человеческою личностью. Я не нашла, не могла найти другого способа обратить внимание на это происшествие... Страшно поднять руку на человека, но я находила, что должна это сделать»[257].

Засулич представляла уже новое, выявившееся в народничестве с начала 1878 г. тактическое направление — терроризм. Его деятели большей частью пошли под суд в следующем 1879 г. Но уже на первых двух процессах террористов, состоявшихся в 1878 г. (Засулич и Ковальского), ясно обозначилась главная черта их поведения — самоотверженная забота о чистоте и силе революционного примера, о которой Ковальский после смертного приговора сказал своему товарищу В. С. Иличу-Свитычу: «Важно лишь то, чтобы моя смерть была продуктивной для общего нашего дела. Вот что важно»[258].

Итак, в 1866—1878 гг. царизм настойчиво пытался задушить революционное движение сакраментальным палаческим способом и ради этого с 1871 г. фактически осуществлял судебную контрреформу, последовательно изымая политические дела из общего порядка судопроизводства. Учрежденное в 1872 г. судилище по делам о «политике» в лице Особого присутствия правительствующего Сената, где судьями были сенаторы, которых назначал сам царь из

числа наиболее искушенных карателей, а сословные представители играли роль безгласных статистов, понятых,— это судилище решало дела при меньшей гласности, публичности и правомочности подсудимых, но зато с большим пристрастием и жестокостью, чем узаконенные было в 1864 г. судебные палаты.

Если царизм считал политические процессы карательным орудием и надлежаще обеспечивал такое их назначение законодательными и административными мерами, то революционеры рассматривали каждый процесс как итоговый акт борьбы и тоже готовились к этому, вырабатывая обязательные принципы поведения на случай ареста, следствия и суда. С начала 1870-х годов, когда, с одной стороны, более интенсивной и многообразной, чем когда-либо ранее, стала революционная борьба, а с другой стороны, участились и стали важной ареной этой борьбы политические процессы, русские революционные организации и занялись выработкой таких принципов, требуя в первую очередь «руководиться интересами дела, а не личными».

Судившиеся в 1866—1878 гг. пропагандисты, разночинцы-народники и рабочие, как правило, вели себя перед царским судом (особенно на двух крупнейших процессах того времени — «50-ти» и 193-х») мужественно и активно. Начиная с процесса «нечаевцев» (1871 г.), они сплошь и рядом превращали скамью подсудимых в революционную трибуну, а сами обвиняемые становились обвинителями. Если в прошлом для русских революционеров (декабристов, петрашевцев, ишутинцев), как правило, активная деятельность заканчивалась с арестом, а на суде они лишь терпели за нее муку расправы, то революционеры 70-х годов почти на каждом судебном процессе продолжали революционную борьбу, используя такие (совсем или почти не применявшиеся ранее) средства, как организованный бойкот суда, программная речь, агитационный призыв, обличительные выпады против власти.

В том, что именно с 70-х годов (конкретно с процессов 1871 г.) русские революционеры иначе — более смело, непримиримо, гордо, чем раньше,— стали относиться к царскому суду и к власти вообще, сказа-

лось совокупное, хотя и не единовременное, действие ряда новых обстоятельств. Во-первых, за 60-е годы существенно демократизировался социальный состав движения: все большее место в нем занимал и все большую роль играл разночинец с его воинствующим нигилизмом по отношению ко всем устоям, традициям и предрассудкам дореформенного мира. Во-вторых, русские революционеры в течение 50—60-х годов получили основательную идейную и нравственную закалку во многом благодаря трудам Герцена и Чернышевского. Далее, стимулировал героизм «семидесятников» начавшийся в исходе 60-х годов и с тех пор непрерывно больше десяти лет нараставший революционный подъем. Наконец, важным стимулом их активности и стойкости перед царским судом служила гласность судопроизводства, впервые допущенная в 1871 г.

Все, даже самые героические и зрелые, выступления подсудимых на политических процессах 1866—1878 гг. были отмечены печатью характерного для тех лет анархизма и аполитизма. Подсудимые отрицали свою принадлежность к революционным организациям, предпочитая выступать от имени «рабочего люда», всего народа и лишь в единичных случаях (Мышкин, Зданович) от имени партии; не выдвигали политических требований, делая упор на необходимости «социальной революции»; подчеркивали свое стремление к анархистскому началу в будущем обществе. Однако все эти выступления, поскольку они безоговорочно отрицали существующий (как социально-экономический, так и государственный) строй, имели объективно политическую направленность.

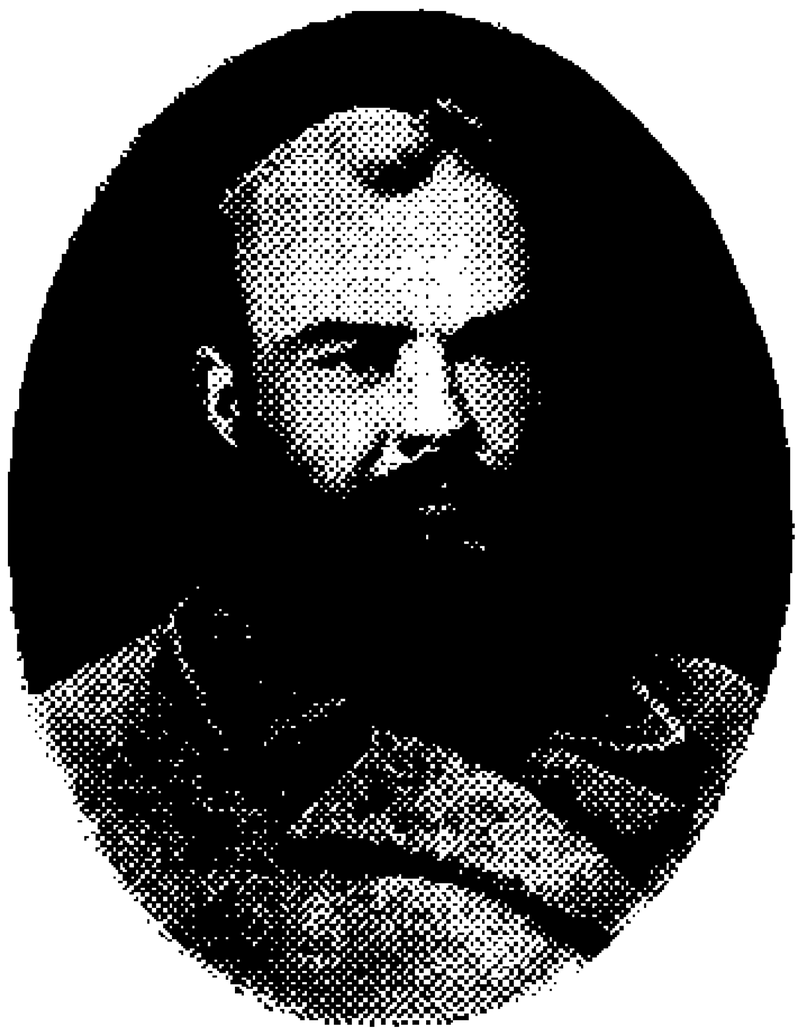
Активность революционеров на политических процессах росла вместе с ростом революционного подъема. При этом опыт процессов не только отражал в себе тактические повороты революционной борьбы, но в свою очередь и влиял на них. Сталкивая народников лицом к лицу с государственной машиной самодержавия, процессы ускоряли переход от анархистского аполитизма, довлевшего над русским революционным движением с середины 60-х до конца 70-х годов, к политической борьбе против самодержавного строя. Участники процесса «193-х», освобожденные судом (А. И. Желябов, С. Л. Перовская,

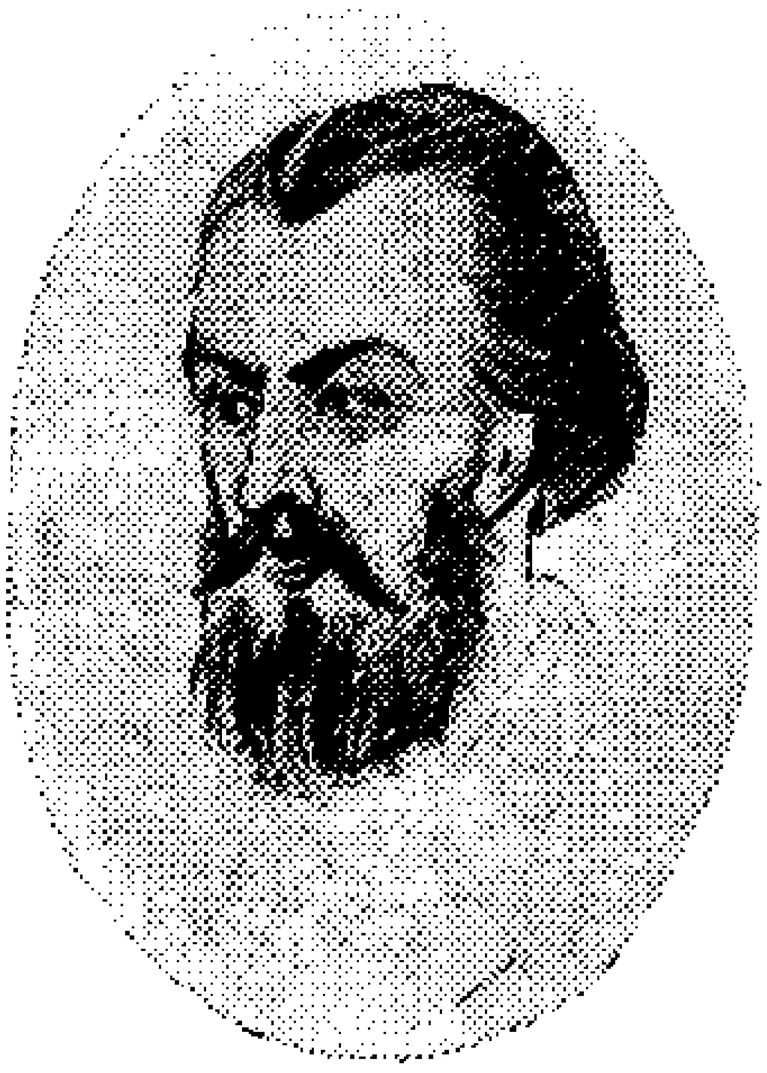
Н. А. Морозов, Л. А. Тихомиров, М. Ф. Грачевский, А. А. Франжоли, М. В. Ланганс, Т. И. Лебедева, А. В. Якимова, Н. А. Саблин), выступили в роли зачинателей и вождей политического направления в народничестве 70-х годов. К борьбе с правительством звал и пример осужденных по этому процессу (как и по другим тоже). Откликаясь на их «Завещание», редактор журнала «Община» Д. А. Клеменц в сентябре 1878 г. пророчески утверждал: «Ни казни, ни осадные положения не остановят нас на пути исполнения завещания наших товарищей — *и оно будет исполнено!*» (курсив мой. — *Н. Т.*)[259].

Часть вторая

Политические процессы 1879—1882 гг.

В. А. Осинский **В. П. Обнорский**
А. И. Желябов **С. Л. Перовская**
А. Д. Михайлов **С. Н. Халтурин**





Горсть храбрых на тьмы ополчилась врагов.
Шатались могучего трона ступени...

П. Ф. Якубович

III
Вторая революционная ситуация в России

Революционный натиск

«В России в те времена,— писал в 1894 г. Ф. Энгельс о рубеже 70—80-х годов,— было два правительства: правительство царя и правительство тайного исполнительного комитета (ispolnitel'nyj komitet) заговорщиков-террористов. Власть этого второго, тайного правительства возрастала с каждым днем. Свержение царизма казалось близким...» [1]

Энгельс, очевидно, имел в виду Исполнительный комитет «Народной воли». Но революционный натиск 70-х годов поставил царизм в осадное положение еще до возникновения «Народной воли». С 1878 г. всероссийская организация народников «Земля и воля» стала переходить от анархистской пропаганды среди крестьянства непосредственно к борьбе с правительством за политические свободы. В отпор самовластию, которое душило любую неугодную ему пропаганду, закономерно развивалось внутри аполитичного народничества политическое направление. Двоякая причина, характерная для самодержавной и полукрепостнической России, облекала его преимущественно в форму террора. С одной стороны, политическая отсталость и задавленность крестьянских масс, так и не поднявшихся на борьбу вопреки всем стараниям народников-пропагандистов поднять их, вынуждала революционное меньшинство к поискам такого (более радикального, чем пропаганда) средства, которое могло бы активизировать, возбудить массы. Восстание народа, на которое до тех пор всегда рассчитывали народники, теперь, после неудач «хождения в народ», стало казаться им, по крайней мере на ряд лет вперед, неосуществимым. Тогда, в 1870-е годы, террор народников «был результатом — а также

симптомом и спутником — неверия в восстание, отсутствия условий для восстания»[2]. С другой стороны, правительственный террор, поскольку он мешал революционерам идти «в народ» и губил их собственные силы, постольку заставлял их искать средство (тоже наиболее радикальное) отпора и самозащиты. В самодержавной и полукрепостнической стране, при полном отсутствии гражданских свобод и крайней неразвитости массового движения, таким «радикальным» средством, которое могло быть использовано и для отпора правительству, и в меньшей степени для стимулирующего воздействия на массы, оказывался в руках революционеров именно террор, «красный террор». «Когда человеку, хотящему говорить, зажимают рот, то этим самым развязывают руки»[3],— так объяснил переход от пропаганды к террору Александр Михайлов.

Начался этот переход с выстрела Веры Засулич в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова 24 января 1878 г. (Трепов был ранен и, хотя скоро выздоровел, из градоначальников уволился). В следующие месяцы народники предприняли еще ряд дерзких покушений: на главаря одесской жандармерии барона Г. Э. Гейкинга, киевского прокурора М. М. Котляревского, агента сыскной полиции А. Г. Никонова (Гейкинг и Никонов были убиты, Котляревский случайно уцелел). 4 августа 1878 г. редактор «Земли и воли» Сергей Кравчинский на многолюдной Михайловской площади в центре Петербурга, перед царским Михайловским дворцом, среди бела дня заколол шефа жандармов Н. В. Мезенцова. В 1879 г. «красный террор» продолжался. Его акты следовали один за другим — то в дальнем краю империи, то в ближнем, а то и в самой столице. 9 февраля в Харькове Григорий Гольденберг застрелил местного генерал-губернатора князя Д. Н. Кропоткина. 26 февраля в Москве Михаил Попов и два его товарища казнили провокатора-виртуоза, гордость царского сыска Н. В. Рейнштейна, который уже погубил «Северный союз русских рабочих» и подкапывался под «Землю и волю». 13 марта в Петербурге Леон Мирский на коне догнал карету, в которой ехал шеф жандармов А. Р. Дрентельн, и выстрелил в него через окно кареты. Только непостижимый промах

помешал Мирскому. А через три недели, 2 апреля, Александр Соловьев вышел с револьвером на самого царя. Долгие минуты гонялся он за самодержцем по Дворцовой площади, расстрелял в него всю обойму из пяти патронов, но лишь продырявил высочайшую шинель.

Разумеется, не террором единым жило политическое направление в народничестве конца 70-х годов. Однако все его прочие формы (агитация печатным и устным словом, демонстрации, внесение политического смысла в рабочие и студенческие «беспорядки», опыты революционного просвещения армии, попытки расширить социальную, национальную и просто территориальную базу движения, чтобы мобилизовать против царизма «всех недовольных») в 1878—1879 гг., о которых пока идет речь (о 1879—1881 гг. подробнее будет сказано ниже), отступали перед террором на второй план и служили как бы вспомогательным дополнением к нему. Зато сам террор «Земли и воли» благодаря широкой и слаженной постановке всего революционного дела обретал важное преимущество перед террористическими актами М. Геделя и К. Нобилинга против императора Германии, О. Монкаси — против короля Испании, Д. Пассананте — против короля Италии. Если покушения западных террористов представляли собой вспышки личной инициативы и воли, самопожертвование одиночек, то в России «красный террор» был делом рук революционной партии, которая не только несла ответственность за террористические акты, но также и назначала, мотивировала и даже анонсировала их, предупреждая намеченные жертвы об ожидающей их каре. Такие предупреждения отсылались, в частности, шефам жандармов Мезенцову (доставил «почти что прямо лично» Петр Моисеенко[4]) и Дрентельну, военному министру Д. А. Милютину, петербургскому градоначальнику А. Е. Зурову[5]. После каждого покушения землевольцы, как правило, выпускали специальные прокламации с разъяснением причин и значения случившегося. Такие прокламации распространялись обычно в самых различных концах страны. Например, брошюра Кравчинского «Смерть за смерть!» (по поводу убийства Мезенцова) имела

хождение в 32 губерниях[6]. Все это производило сильное впечатление как среди друзей, так и в стане врагов революции. «Решавшие одним росчерком пера вопрос о жизни и смерти человека с ужасом увидали, что и они подлежат смертной казни»[7],— писала об этом «Земля и воля» 15 декабря 1878 г.

Террор народников устрашал «верхи», конечно, не сам по себе, а в совокупности со всеми акциями революционного лагеря и в связи с нарастанием стихийного протеста народных масс. Больше всего «верхи» боялись, как бы «красный террор» не взбудоражил массы и не повлек за собой общенародного восстания[8]. Такая угроза стала для царизма особенно страшной, когда возникла и возглавила революционное движение партия «Народная воля».

Деятельность так называемой старой «Народной воли» (той, которой руководил Исполнительный комитет первого, до марта 1881 г., состава —«Великий ИК», как именовали его современники) хронологически совпадает с периодом второй революционной ситуации в России (1879—1881 гг.). В. И. Ленин в статье «Гонители земства и Аннибалы либерализма» показал, что кульминационной вехой второй революционной ситуации было цареубийство 1 марта 1881 г.: до тех пор царизм под натиском революционного лагеря и либеральной оппозиции колебался и лишь после того как «революционеры исчерпали себя 1-ым марта», а «либеральное общество... ограничилось и после убийства Александра II одними ходатайствами», «партия самодержавия» перешла в наступление и «волна революционного прибоя была отбита...»[9].

Активность масс в 1879—1881 гг. была хоть и «экстраординарной»[10], но меньшей, чем в годы первой революционной ситуации (1859—1861 гг.). Несравненно слабее выступало на этот раз крестьянство. К концу 70-х годов оно активизировалось. Его выступления приняли ярко выраженный аграрный характер. Из них 22 только за 1878—1880 гг. царизм подавил лишь с помощью войск[11]. Повсеместные слухи о всеобщем переделе земли создавали в деревне угрозу восстания. И все-таки по размаху крестьянского движения 1879—1881 гг. далеко уступали 1859—1861 гг. Если на рубеже 50—60-х годов число

крестьянских волнений выражалось ежегодно в сотнях и даже тысячах [12]:

1857 г. — 100	1861 г. — 1859
1858 г. — 378	1862 г. — 844
1859 г. — 161	1863 г. — 509
1860 г. — 186	1864 г. — 156,

то в годы второй революционной ситуации крестьянские волнения исчислялись лишь десятками [13]:

1877 г. — 21	1881 г. — 58
1878 г. — 34	1882 г. — 81
1879 г. — 43	1883 г. — 101
1880 г. — 17	1884 г. — 117.

Правда, к концу 70-х годов в России начался подъем рабочего движения, которое представляло собой качественно новый (сравнительно с 1859—1861 гг.) фактор революционной ситуации, еще более действенный и опасный для царизма, чем волнения крестьян. Но размах и воздействие рабочего движения на политику «верхов» до середины 80-х годов тоже оставались еще слабыми [14], что удостоверяют и данные о количестве стачек и волнений рабочих [15]:

1877 г. — 22	1881 г. — 27
1878 г. — 53	1882 г. — 26
1879 г. — 60	1883 г. — 31
1880 г. — 33	1884 г. — 28.

Итак, массовое движение в 1879—1881 гг. было менее сильным, чем в годы первой революционной ситуации, и ненамного превышало средний уровень 70—80-х годов. Крестьянство еще не обрело даже былой активности с тех пор, как царизм в 1861 г. открыл первый клапан реформ, умерив — отчасти и ненадолго — накал «социальной войны» между крестьянами и помещиками, а рабочий класс только начал свою «социальную войну» против капитала. Тем не менее второй после 1859—1861 гг. революционный натиск оказался в целом сильнее первого. Особую интенсивность и целенаправленность придавал ему революционно-демократический лагерь как выразитель и защитник интересов трудящихся масс, буквально приумноживший себя за 20 лет между первой и второй революционными ситуациями. Главной силой

этого лагеря в 1879—1881 гг. являлась партия «Народная воля», которая тогда вела, как выразился жандармский генерал П. А. Черевин, «guerre á mort» (войну не на жизнь, а на смерть) [16] с царизмом.

Правда, «Народная воля» резко ослабила по сравнению со своими предшественниками — народниками 70-х годов революционную работу в деревне, среди крестьян, но все-таки занималась и этой работой, считая, что «первая удача в городе может подать сигнал к бунту миллионов голодного крестьянства» и что «даже временный успех восстания в городах не окончится победой, если крестьянство сочувственным встречным восстанием не поддержит дела городов» [17].

Исполнительный комитет и местные организации «Народной воли» в специальных листовках разъясняли крестьянам, что «черный передел сделается самим народом, а на царей надеяться нечего» [18], призывали «собираться всем миром» и посылать к царю ходоков со своими требованиями, а если царь их не «уважит», идти «на смертный бой против злодеев народных» [19]. Такие листовки народовольцы распространяли (из рук в руки, по почте, расклейкой на заборах и стенах домов, в селах, на полях, огородах, постоялых дворах, в «питейных заведениях») среди крестьян Петербургской, Московской, Тверской, Ярославской, Рязанской, Нижегородской, Казанской, Самарской, Саратовской, Пензенской, Тамбовской, Курской, Воронежской, Тульской, Уфимской, Киевской, Харьковской, Одесской, Полтавской, Черниговской, Таврической, Эстляндской губерний и Области Войска Донского [20].

Как явствует из документов и «Народной воли», и царского сыска, народовольческая пропаганда находила среди крестьян сочувственный отзвук, вызывая (или усиливая начавшееся ранее) брожение. Так, в Петровском и Сердобском уездах Саратовской губернии крестьяне собирали сельские сходы для чтения прокламаций «Народной воли», а в одном селе, «когда волостной писарь, чтобы предотвратить чтение прокламации на сходе, изорвал ее, то его сильно избили» [21]. Волновались под впечатлением народовольческих прокламаций также крестьяне Воронежской, Тамбовской, Орловской и других губерний, при-

чем, как это констатировал в конце 1881 г. департамент полиции, «во многих местах»[22].

Исполнительный комитет заботился и об организационной стороне своего «крестьянского дела». Осенью 1880 г. ряд членов ИК, и в первую очередь А. И. Желябов, задумали создать наряду с рабочей, студенческой и военной сельскую организацию «Народной воли», но не успели сделать этого, отвлекшись на форсированную подготовку цареубийства[23].

Зато в городах среди интеллигенции, рабочих, военных «Народная воля» развернула пропагандистскую, агитационную и организаторскую деятельность в масштабах, невиданных ранее. Сил у «Народной воли» было неизмеримо больше, чем у любой из революционных организаций прошлого. По «самым осторожным» подсчетам С. С. Волка, она объединяла 80—90 местных, 100—120 рабочих, 30—40 студенческих, 20—25 гимназических и 20—25 военных кружков по всей стране, от Гельсингфорса до Тифлиса и от Ревеля до Иркутска[24]. Как показали дальнейшие исследования, эти подсчеты далеко не исчерпывающи. Л. Н. Годунова установила, что только военных кружков «Народной воли» было не менее 50 в 41 (как минимум) городе[25].

Все народовольческие кружки действовали энергично и не без успеха. Большим для того времени размахом отличалась их деятельность среди рабочих России. Считая, что при отсутствии революционной инициативы в массах партия «должна взять на себя почин переворота»[26], но в конечном счете победу революции обеспечат народные и главным образом крестьянские массы[27], «Народная воля» подчеркивала «особенно важное значение для революции, как по своему положению, так и по относительно большей развитости» именно рабочих, которым она отводила роль ударного отряда восставших масс: почин партии «может увенчаться успехом, если партия обеспечит себе возможность двинуть на помощь первым застрельщикам сколько-нибудь значительные массы рабочих...»[28].

В этой связи народовольцы считали, что рядом с пропагандой и агитацией среди рабочих «должна идти организация рабочих масс, имеющая целью сплотить их, развить в них сознание единства и

солидарности интересов»[29]. Уже в конце 1879 г. они создали первую рабочую группу в Петербурге, а весной 1880 г. на ее основе — Центральный рабочий кружок, вокруг которого к осени того же года «группировались многие сотни рабочих»[30] едва ли не со всех заводов столицы (Обуховского, Семянниковского, Балтийского, Чугунолитейного, Патронного, Вагонного, Нобеля, Фридланда, Голубева, Лесснера, Берда и др.[31]). Московская рабочая группа «Народной воли» охватывала 100—200 человек[32], Одесская — до 300, сильными были рабочие группы народовольцев и в Киеве, Харькове, Ростове. По данным следствия, на Юге к «Народной воле» примыкало не менее тысячи рабочих. Создавались народовольческие рабочие кружки и во многих городах других районов страны, включая Ригу, Ярославль, Владимир, Иваново-Вознесенск, Шую, Нижний Новгород, Саратов, Казань, Пермь, Тагил[33].

Все они действовали активно и разнообразно. В Петербурге народовольцы, не довольствуясь пропагандой среди рабочих (с использованием таких трудов К. Маркса и Ф. Энгельса, как «Манифест Коммунистической партии», «Капитал», «Гражданская война во Франции»), участвовали в организации стачек — на Семянниковском, Балтийском, Александровском заводах, судостроительном заводе Голубева. Местные группы «Народной воли» организовывали стачки рабочих в Перми и Киеве[34]. Вождь «Народной воли» А. И. Желябов хорошо понимал, что в России «стачка есть... факт политический»[35]. Саратовская рабочая группа в конце 1880 г. попыталась организовать даже демонстрацию «трудового населения»[36]. Широко по тому времени развертывалась пропаганда среди рабочих в Москве (на 30 предприятиях), Киеве (с охватом почти всех железнодорожных пунктов от Киева до Одессы), в Одессе (с воздействием на рабочие кружки Херсона, Севастополя, Симферополя)[37].

Действенным оружием пропаганды среди рабочих была народовольческая «Рабочая газета», которая, как явствует из жандармского дознания, распространялась по всей России[38]. Руководил ее изданием, как, впрочем, и всей деятельностью Рабочей организации «Народной воли», А. И. Желябов. Вместе с ним со-

здавали рабочие кружки и участвовали в них другие выдающиеся деятели ИК: С. Л. Перовская, В. Н. Фигнер, М. Ф. Грачевский, П. А. Теллалов, С. Н. Халтурин, М. Н. Тригони, Г. П. Исаев, А. А. Франжоли. У каждого из них «личная деятельность среди рабочих поглощала значительную часть сил даже в самый разгар террористической борьбы» [39].

Считая, что в грядущей революции «успех первого нападения всецело зависит от поведения рабочих и войска» [40], «Народная воля» с конца 1879 г. наряду с Рабочей организацией начала создавать и к концу 1881 г. создала свою Военную организацию — самую мощную в русском революционном движении после декабристов. Специальная «Программа Военно-революционной организации», представлявшая как бы раздел общей народовольческой программы, нацеливала организацию на один из двух возможных вариантов ее участия в революции: либо присоединение к народному восстанию, либо военная «инсуррекция» как пролог и начало восстания масс [41]. Организация считала себя частью партии «Народная воля» и подчинялась Исполнительному комитету. В ее руководящий Военно-революционный центр постоянно входили представители ИК (первыми были А. И. Желябов и Н. Н. Колодкевич).

Военная организация «Народной воли» до сих пор изучена недостаточно. Даже посвященная ей кандидатская диссертация Л. Н. Годуновой [42] оставляет открытым ряд вопросов, касающихся ее масштабов, сил, планов и деятельности. Во всяком случае, по ориентировочным (видимо, не исчерпывающим) подсчетам, она объединяла 400 офицеров, имела обширные связи вплоть до высших военных сфер (М. Д. Скобелев, начальник Академии Генерального штаба М. И. Драгомиров) [43] и готовила к восстанию крупные силы: весной 1882 г. глава организации А. В. Буцевич только в Кронштадте «рассчитывал на два морских экипажа (около 8 тыс. человек) и на два небольших броненосца, а также на гарнизоны девяти крепостных фортов» [44]. Вероятно, периферийные кружки Военной организации, действовавшие более чем в 40 городах, тоже рассчитывали на местные гарнизоны. По свидетельству члена Военно-

революционного центра Н. М. Рогачева, в конце 1881 г. организация решила распространить свои действия «на все части войска, расположенные в Европейской России» [45].

Наибольший, подчеркнуто общероссийский размах приняла революционная деятельность «Народной воли» среди интеллигенции, и главным образом учащейся (в первую очередь студенческой) молодежи. Партия крестьянской демократии, выражавшая и отстаивавшая прежде и больше всего интересы крестьянства, «Народная воля» по составу и методам борьбы «была в основном партией интеллигенции, преимущественно молодой» [46]. Ее связи с учащейся молодежью всей страны были превосходно налажены и организованы [47]. В Петербурге действовала Центральная университетская группа, которая объединяла и направляла усилия народовольческих кружков во всех высших учебных заведениях столицы. Подобные же центральные группы координировали деятельность многочисленных студенческих кружков в Москве, Киеве, Казани. Отдельные студенческие кружки функционировали при местных организациях «Народной воли» во всех городах, где имелись высшие учебные заведения (Одесса, Харьков, Ярославль, Вильно, Дерпт). В контакте с ними развивалась деятельность гимназических и семинаристских кружков тех же и многих других (где не было высших учебных заведений) городов.

Вся эта широко разветвленная сеть кружков действовала с большой энергией. Она вносила организующее и политическое начало в стихийные волнения учащейся (особенно студенческой) молодежи. Для этого использовались не только общепартийные документы, но и специально обращенные к студентам издания (гектографированные журналы «Студенчество» и «Свободное слово», газета «Борьба»). Прокламации народовольцев шокировали либералов-постепеновцев своей революционностью. «Прокламации сыплются градом. И какие? — ужасался, например, проф. А. Ф. Кистяковский.— Прокламации шестидесятых годов в сравнении с нынешними — верх смирения и невинной риторики» [48]. Ряд выступлений студентов, организованных народовольцами, заставил говорить о себе всю мыслящую Россию. Особенно

сильное впечатление произвела устроенная народовольцами антиправительственная демонстрация на университетском акте в Петербурге 8 февраля 1881 г. в присутствии 4 тыс. студентов, преподавателей и почетных гостей (среди которых, кстати, был Н. М. Пржевальский). Народовольцы во главе с А. И. Желябовым, С. Л. Перовской, Н. Е. Сухановым, В. Н. Фигнер разбросали по залу революционные листовки, Лев Коган-Бернштейн успел сказать с хоров краткую обличительную речь, а Папий Подбельский, шагнув в президиум, заклеймил восседавшего там министра просвещения А. А. Сабурова пощечиной [49].

Благодаря идейному и организационному руководству «Народной воли» студенческое движение в 1879—1882 гг. обрело опасные для царизма размах и силу, представляя собой важный элемент второй революционной ситуации. «Народная воля» со своей стороны черпала в нем надежное пополнение сил для партии. Наблюдательный директор департамента полиции В. К. Плеве верно подметил: «Крамола производит во время студенческих беспорядков рекрутский набор» [50].

Студенты, гимназисты, семинаристы использовались для пропаганды, агитации, организаторской работы не только в собственной сфере, но и среди крестьян, рабочих, служащих, солдат как в центре страны, так и на окраинах. «Народная воля» пыталась революционизировать все национальности Российской империи. Провозгласив в своей программе их равенство и право на самоопределение [51], она разъясняла: «Народовольство как социалистическая партия чуждо каких бы то ни было национальных пристрастий и считает своими братьями и товарищами всех угнетенных и обездоленных, без различия происхождения...» [52]

Исходя из этого и не отвлекаясь на «препирательства с праздно болтающими педантами-автономистами» [53], народовольцы создавали свои организации на Украине (которая была вся покрыта густой сетью их рабочих, военных, студенческих, гимназических, семинаристских кружков) [54], в Белоруссии (Минск, Витебск, Могилев, Гродно, Белосток), Литве (Вильно, Ковно), Латвии (Рига, Двинск, Митава, Либава),

Эстонии (Ревель, Дерпт), Молдавии (Кишинев, Аккерман), Грузии (Тифлис, Гори), Казахстане (Уральск)[55]. Все эти организации с ведома и по указаниям Исполнительного комитета объединяли вокруг себя демократические элементы национальных меньшинств, поднимая их на борьбу против самодержавия.

Помогали «Народной воле» в натиске на царизм и ее более обширные, чем у какой-либо другой из русских революционных организаций домарксистской поры, международные связи (в частности, с К. Марксом и Ф. Энгельсом[56], английскими, французскими, немецкими, итальянскими, польскими, чешскими, румынскими, болгарскими, сербскими, венгерскими, американскими и другими социалистами и радикалами[57]). «Политика партии должна стремиться к тому, чтобы обеспечить русской революции сочувствие народов» — таково было одно из программных требований «Народной воли». Следуя ему, народовольцы держали мировую общественность в курсе своих революционых дел, при случае обращались к ней с воззваниями («Исполнительный комитет европейскому обществу», «Французскому народу», послание Карлу Марксу) о поддержке, опирались на ее сочувствие и солидарность. Многое сделали в привлечении международных симпатий к «Народной воле» ее постоянные представители за границей (Л. Н. Гартман, П. Л. Лавров, Л. А. Тихомиров, М. Н. Ошанина), вся ее авторитетная эмиграция.

Такова в общих чертах картина революционной борьбы «Народной воли»[58]. В. И. Ленин усматривал «великую историческую заслугу» народовольцев именно в том, что «они постарались привлечь к своей организации *всех* недовольных и направить эту организацию на решительную борьбу с самодержавием»[59].

Все это надо учитывать при оценке народовольческого террора. Во-первых, террор был в руках «Народной воли» лишь одним из многих средств борьбы. Во-вторых, занимались им только члены и ближайшие агенты ИК плюс несколько сменявших друг друга техников, метальщиков, наблюдателей (в подготовке и осуществлении всех восьми народовольческих покушений на царя участвовали из рядовых народовольцев в общей сложности 12 человек)[60].

К тому же ИК отнюдь не довольствовался террором и не был лишь «технически-подрывной командой», как считают некоторые исследователи[61]. ИК, как уже отмечалось, вникал во все сферы деятельности партии: создавал рабочую, военную, студенческую организации и руководил ими, устраивал местные группы, рассылал в них пропагандистов и агитаторов, сам возглавлял студенческие демонстрации, офицерские сходки, рабочие стачки, издавал газету «Народная воля», «Листок «Народной воли»», «Рабочую газету», множество прокламаций с разъяснением программы и конкретных дел партии. Местные же группы «Народной воли» вообще не занимались террором.

Тем не менее террор занял в практике народовольцев первый план — не сам по себе, а как прелюдия и ускоритель народной революции, которую готовили все местные и специальные организации «Народной воли». «История движется ужасно тихо,— говорил А. И. Желябов.— Надо ее подталкивать»[62]. Посредством террора, сосредоточив на нем меньшие, но главные свои силы, цвет партии, народовольцы рассчитывали, с одной стороны, возбудить революционное настроение в массах и, с другой стороны, вызвать панику в правительственном лагере, чтобы таким образом создать удобный момент для вооруженного восстания масс[63]. В условиях России конца 1870-х — начала 1880-х годов, когда рабочий класс только формировался, а крестьянство оставалось забитым и пассивным, когда царизм обрушил на страну шквал «белого террора», «красный террор» был вынужденный, «специфически русский, исторически неизбежный способ действия...»[64] Однако расчет народовольцев не оправдался. Их трагедия заключалась в том, что народные массы в то время не были готовы к революционному выступлению, а террор силами партии оказывался средством, недостаточным ни для захвата власти, ни для возбуждения масс. Хуже того, отвлекая на себя лучшие силы партии, террор тем самым мешал развертыванию других (пропагандистских, агитационных, организаторских) форм революционной деятельности.

Иначе говоря, опыт «Народной воли» наглядно показал русским революционерам: террор, даже

самый героический и результативный, поднять массы на восстание бессилен. Террористы «Народной воли» жертвовали собой не напрасно. Но пробудить народную революцию они не могли. Опыт «Народной воли» привел русских революционеров к такому выводу. Ленин так и заявил в 1902 г.: непригодность террора «ясно доказана опытом русского революционного движения...» [65].

После «Народной воли» в условиях бурного роста массового (особенно пролетарского) движения уповать на террор было бы безрассудно. Но отсюда не следует, что «Народная воля» при отсутствии условий для восстания масс (когда, кстати, и непригодность террора еще не была доказана русским опытом) тоже могла обойтись без террора. В том фазисе, которого достигло русское революционное движение к рубежу 1870—1880-х годов, террор нельзя было просто отбросить, его можно было только преодолеть. Он оказывался тогда возможным, еще не испытанным способом борьбы, т. е. как бы собирательным примером таких действий, о которых хорошо сказал А. И. Герцен: «Как только человек видит возможность... действовать, действие становится для него физиологической необходимостью. Оно может быть преждевременно, необдуманно, даже ложно, *но не может не быть*. Никакая религия, никакая общественная теория не доходит до полноты сознания прежде начала осуществления. В приложении она узнает свои односторонности, восполняет их, отрекается от них» [66].

Сами народовольцы веско оговаривали преходящую обусловленность террора как средства борьбы. Исполнительный комитет «Народной воли» заявил протест против покушения анархиста Ш. Гито на президента США Д. Гарфилда. «В стране, где свобода личности дает возможность честной идейной борьбы, где свободная народная воля определяет не только закон, но и личность правителей,— разъяснял ИК,— в такой стране политическое убийство как средство борьбы есть проявление того же духа деспотизма, уничтожение которого в России мы ставим своей задачей. Деспотизм личности и деспотизм партии одинаково предосудительны, и насилие имеет оправдание только тогда, когда оно направляется против насилия» [67].

Поскольку народовольческий террор был делом рук революционной партии, и притом в отсутствие широкого массового движения, он при всех его слабостях (отрыв от масс, недостаток сил, обилие жертв) играл не только отрицательную, но и положительную роль. В. И. Ленин не напрасно называл его ««устрашающим» и действительно устрашавшим». С одной стороны, «красный террор» 1879—1881 гг. как гребень волны революционного натиска дезорганизовывал царизм и вынуждал его к отступлению. С другой стороны, он высоко поднимал престиж русских революционеров, создавал вокруг них героический ореол и делал их таким образом (даже при отсутствии прочных связей с массами) центром притяжения для широких демократических кругов. «Почти все в ранней юности,— свидетельствовал Ленин о своем поколении,— восторженно преклонялись перед героями террора. Отказ от обаятельного впечатления этой геройской традиции стоил борьбы...»[68]

На рубеже 70—80-х годов эта геройская традиция была в самом зените. Дело не в том, что все демократы стремились тогда стать именно террористами. Дело в том, что «красный террор», пока он развивался успешно, приумножал активность и политическую нацеленность всей революционной борьбы, тем самым мобилизуя новых борцов, стимулируя их энергию. Это сказывалось даже на идейных противниках «Народной воли» — чернопередельцах.

Деятельность «Черного передела», хотя и далеко уступавшая по размаху и продуктивности народовольческой, тоже являлась компонентом революционного натиска на самодержавие. Чернопередельцы занимались пропагандой и агитацией главным образом среди рабочих в Петербурге, Москве, Харькове, Одессе, Минске, Витебске, Могилеве, Вильно, Казани, Саратове, вели за собой часть студенчества и офицерства. Бывшие деятели «Черного передела» Е. Н. Ковальская и Н. П. Щедрин в 1880 г. создали в Киеве «Южнорусский рабочий союз» с охватом до 1 тыс. рабочих[69]. При этом чернопередельцы под впечатлением народовольческого террора постепенно склонялись к признанию политической борьбы способом «Народной воли»[70] и даже предлагали народовольцам боевой союз: «Чернопередельцы сохраняют

свою полную самостоятельность в сфере пропаганды и агитации, но в чисто боевых выступлениях они объединяются с народовольцами и всецело подчиняются руководству их генерального штаба или Исполнительного комитета»[71].

Революционная энергия «Народной воли» отчасти все-таки возбуждала и народные массы, усиливала в них стихийный протест против «верхов», о чем говорят дошедшие до нас отклики в «низах» на цареубийство 1 марта 1881 г. Часть рабочих и крестьян начала сознавать или хотя бы ощущать неустойчивость власти, а также авторитета царя. Рабочий-революционер 80-х годов Василий Панкратов вспоминал о 1 марта: «Этот удар, как набатный звон, пробудил даже ту часть рабочих, которая была равнодушна и даже враждебна революционному движению. Это не значит, что она стала революционной; нет, но она стала говорить, рассуждать: «За что убили царя? Кто убил?» Рассуждали, разумеется, вкривь и вкось, но все же рассуждали, думали»[72]. Только за восемь месяцев 1881 г. (с 1 марта по 1 ноября) власти рассмотрели свыше 4000 дел «об оскорблении величества», т. е. в 3 раза больше обычного[73]. В архиве министерства юстиции зафиксированы сотни откликов на цареубийство крестьян Петербургской, Новгородской, Казанской, Саратовской, Пензенской, Харьковской, Одесской, Минской, Сувалкской и многих других губерний: «Собаке — собачья смерть», «того государя убили, и этого надо убить», «нехай убивают царей; одного убили, другого убьют, всех побьют, тогда будут цари из нашего брата» и т. д.[74]

Героическая борьба «Народной воли» расшевелила на рубеже 70—80-х годов даже тяжелых на подъем русских либералов. Буржуазия России к концу 70-х годов экономически была уже настолько сильной, что не могла больше мириться с ничтожностью своей политической роли и добивалась для себя политических привилегий, хоть приблизительно сообразных с ее экономическим весом. Но поскольку она росла под опекой царизма и привыкла бояться его и нуждаться в нем[75], ее домогательства облекались в лояльные формы. Либералы хотели бы не ликвидировать самодержавие, а лишь выторговать у него

какую-нибудь конституцию, «хоть такую,— иронизировали революционеры-народники,— какую имеют от царя зубры в Беловежской пуще»[76], только бы оградить себя от крайностей деспотизма и произвола. Столь же умеренно проектировали они и социально-экономические реформы: не ликвидировать помещичье землевладение, а лишь несколько прирезать землю крестьянам за счет тех участков, которые были отрезаны у них помещиками в 1861 г., обеспечить минимально «достаточную норму» крестьянского надела и таким образом сгладить остроту социальных противоречий в стране, предотвратить такую крайность снизу, как возможное повторение «пугачевщины»[77].

Под стать требованиям были и средства борьбы либералов — главным образом унаследованные от 50—60-х годов адресные кампании, причем адреса, которые подносились правительству, даже либерал И. И. Петрункевич сокрушенно называл «пошлыми, униженными, вполне ничтожными»[78]. Но все-таки под впечатлением «красного террора» народников либералы, во-первых, и адресами стали беспокоить царизм чаще, настойчивее, а главное, осмелели настолько, что отважились даже на дело, неслыханное ранее,— нелегальное организационное оформление своей оппозиции. 1—2 апреля 1879 г. в Москве состоялся первый так называемый земский съезд. Здесь 30—40 левых либералов, среди которых были М. М. Ковалевский, В. А. Гольцев, И. И. Петрункевич, А. И. Чупров, обсуждали идею создания собственного тайного общества для борьбы за конституцию и, хорошенько поразмыслив, единогласно... отвергли такую идею[79]. В то же время либералы заводили связи с революционным лагерем, чтобы урезонить слишком беспокойных народников и навязать им свой темп политической борьбы. На декабрьских 1878 г. переговорах в Киеве с группой террористов (В. А. Осинским, В. К. Дебогорием-Мокриевичем и др.) Иван Петрункевич — этот самый левый, почти «красный» буржуазный либерал 70-х годов (впоследствии — председатель «Союза освобождения») — доказывал, что надо действовать «тактично», и уговаривал «бестактных» революционеров не раздражать правительство «крайностями» террора.

Революционеры его не послушались, переговоры расстроились [80].

По сути дела буржуазный либерализм противостоял в 70—80-е годы не только реакции, но и революции. Либералы вымогали у правительства уступки, во-первых, конечно, чтобы самим поживиться на этом, а во-вторых, чтобы предотвратить революцию в стране. М. Н. Катков точно определил принципиальную разницу в позиции революционера и либерала тех лет: «Революционер говорит правительству: — «Уступи, или я буду стрелять!», а либерал говорит правительству: — «Уступи, или он будет стрелять!»» [81]. Но, как бы то ни было, давление либеральной оппозиции дополняло (хотя и в малой степени) революционный натиск на самодержавие и усиливало «кризис верхов».

«Кризис верхов»

Уже к началу 1878 г. внутреннее положение в России стало напряженным. Война с Турцией усугубила бедствия и недовольство трудящихся масс. Участились крестьянские волнения, слухи о переделе земли, рабочие забастовки (с конца февраля до 20 марта в Петербурге продолжалась небывало крупная стачка на Новой Бумагопрядильне с участием 2000 рабочих). В такой обстановке переход народников от пропаганды к террору крайне обеспокоил «верхи». 31 марта 1878 г., в тот день, когда суд присяжных неожиданно для правительства оправдал Веру Засулич, впервые было созвано при царе чрезвычайное совещательное присутствие, или, как оно стало именоваться позднее, «Особое совещание для изыскания мер к лучшей охране спокойствия и безопасности в империи». Этот орган состоял из министров, так или иначе ответственных за карательную политику, под председательством П. А. Валуева и созывался лишь в экстренных случаях — как правило, после наиболее «устрашающих» актов «красного террора». Деятельность особых совещаний подробно исследована П. А. Зайончковским [82].

Опыт 1878—1879 гг. показывал, что «красный террор» не только не пасует перед «белым террором», но, напротив, усиливается в ответ на репрессии. Та-

кой оборот дела вызывал у карателей растерянность, особенно после убийства Н. В. Мезенцова, которое, по словам кн. В. П. Мещерского, «повергло в ужас правительственные сферы»[83]. Военный министр Д. А. Милютин в день убийства (4 августа 1878 г.) обеспокоенно записал в дневнике, что «сатанинский план тайного общества навести террор на всю администрацию... начинает удаваться»[84]. Действительно, в Петербурге не только среди обывателей, но и в чиновничьих кругах (вплоть до самых высших) надолго водворилась смута. По городу ползли слухи о том, что к 15 ноября революционеры готовят «варфоломеевскую ночь» своим противникам[85]. Весь благонамеренный Петербург жил в страхе. Когда и. д. шефа жандармов Н. Д. Селиверстов доложил царю (20 августа), что он рассчитывает «устранить панику в столице» лишь «в течение нескольких месяцев», да и то «при помощи божией», царь ответил: «Дай бог»[86].

Вновь подчеркну, что царизм испытывал страх не просто перед «красным террором», как таковым, а перед угрозой его соединения со стихийным протестом рабочих и крестьянских масс. Поскольку же первым своим врагом, потенциальным застрельщиком возможной революции он считал «социально-революционную партию» народников, то именно против нее главным образом и нацеливал свою карательную политику. Более того, так как «верхи» знали, что составляет эту партию «небольшое сравнительно число злоумышленников»[87], расчет подавить ее непрерывным усилением репрессий казался реальным. Поэтому в 1878—1879 гг. «белый террор» свирепел от месяца к месяцу.

За эти два года царизм, как никогда прежде, расширил и усилил свою низовую опору — полицию, и политическую, и общую. 9 июня 1878 г. была организована целая армия коннополицейских урядников (5 тыс. человек на 46 губерний), между прочим(!) и для «охранения общественной безопасности»[88], а 19 ноября того же года при общей полиции каждой из 46 губерний была учреждена специально для «политических» сыскная часть[89]. Жандармский корпус с 1878 г. стал получать сотни тысяч рублей дополнительных ассигнований[90].

Сильная численно и материально полиция к тому же имела и большую юридическую силу. «Исчисляют,— сообщала либеральная газета «Порядок»,— что в наших кодексах существует, по крайней мере, пять тысяч статей, возлагающих на полицию самые разносторонние обязанности»[91]. Если это и преувеличение, то объяснимое. Тьма обязанностей, возложенных на полицию, открывала простор для злоупотреблений обысками и арестами, а в 1878—1879 гг. такие злоупотребления стали обыденными. По данным «Земли и воли», только в Петербурге за одну зиму 1878—1879 гг. было арестовано свыше 2 тыс. человек[92].

Апогей «белого террора» 70-х годов наступил вслед за выстрелами А. К. Соловьева. Царизм был разъярен и обескуражен дерзким покушением, мстил за него и в то же время боялся его повторения (даже восстания). «Как будто самый воздух пропитан зловещими ожиданиями чего-то тревожного»,— записывал в те дни Д. А. Милютин. Петербургский гарнизон был поставлен под ружье: «В разных местах города секретно расположены части войск, полки удержаны в казармах»[93].

Из Петербурга военно-карательный психоз перекинулся на всю страну. 5 апреля 1879 г., спустя три дня после выстрелов Соловьева, Россия была расчленена на шесть сатрапий (временных военных генерал-губернаторств), во главе которых встали временщики с диктаторскими полномочиями, сразу «шесть Аракчеевых»[94]. Другими словами, в дополнение к самодержцу всея Руси воцарились еще петербургский, московский, киевский, харьковский, одесский и варшавский самодержцы, которые соперничали друг с другом в деспотизме и жестокости. О петербургском генерал-губернаторе И. В. Гурко Ф. М. Достоевский рассказывал, что ему «ничего не значит сказать: «Я сошлю, повешу сотню студентов»»[95]. Киевский «самодержец» М. И. Чертков в апреле — августе 1879 г. ежемесячно подписывал по нескольку смертных приговоров. Властью одесского «аракчеева» Э. И. Тотлебена людей «вагонами отправляли из Одессы» в административную ссылку[96]. Изо дня в день следовали все новые и новые чрезвычайные узаконения «белого террора». За 1879 г.

царизм, по подсчетам М. И. Хейфеца, сочинил (преимущественно стараниями генерал-губернаторов) 445 таких узаконений [97].

В обстановке революционной ситуации царизм неустанно изыскивал наиболее эффективные способы борьбы с «крамолой». Переходя от обычных законов к исключительным, чрезвычайным, он заново ревизовал и судебные уставы 1864 г., которые оказались «неудобными» для него после их испытания в первом же большом гласном политическом деле («нечаевцев»). Мы видели, что уже в 1872 г. политические дела в значительной степени были изъяты из общего порядка судопроизводства, предусмотренного уставами 1864 г. Но поскольку ни жандармские дознания, ни судебные процессы в ОППС не обходились без очевидных для карателей юридических «неудобств», царизм продолжал исправлять уставы 1864 г. Энергичнее прежнего он взялся за это с середины 1878 г., когда народники, как показано выше, по ходу общего усиления революционного натиска все более решительно и организованно стали отвечать на «белый террор» правительства «красным террором».

19 июля 1878 г. Александр II распорядился создать при министерстве юстиции комиссию «для тщательного обсуждения обнаруженных в законах 19 мая 1871 г. и 7 июня 1872 г. неудобств» [98]. Комиссия занялась было согласованием мер к еще большей оперативности и бесцеремонности жандармских дознаний («без выяснения подробностей»), но, прежде чем она успела выработать соответствующий законопроект, царизм решился на самое радикальное дополнение к уставам 1864 г. Все еще рассчитывая одолеть «крамолу» одними репрессиями, он задумал ради этого военизировать свою карательную систему. 9 августа 1878 г. в ответ на убийство шефа жандармов Н. В. Мезенцова был принят закон «О временном подчинении дел о государственных преступлениях и о некоторых преступлениях против должностных лиц ведению военного суда, установленного для военного времени» [99].

Такая мера, на взгляд тех, против кого она была направлена, выглядела просто лишней, ибо Сенат в руках царизма по своему составу и покорности,

казалось бы, не оставлял желать ничего лучшего для судебной расправы с революционерами. «Вот и впрямь невозможно найти разумную причину изъятия политических дел из ведения гражданского суда,— резонно заключал характеристику Особого присутствия Сената С. М. Кравчинский. — Очевидно, надеялись, что нигилисты будут устрашены грозным зрелищем военных судов, но эта надежда могла бы исполниться только в том случае, если бы нигилисты питали хоть малейшее доверие к прежнему суду. Однако дело обстояло как раз наоборот» [100].

Расчет на устрашение здесь, конечно, был. Но не только он побудил царизм передать дела о государственных преступлениях военным судам. По мере того как разгоралась борьба между революционерами и правительством, возникло столько политических дел, что сосредоточить их все в ОППС не было возможности, а другая инстанция, ведавшая политическими делами,— судебные палаты — не представлялась достаточно авторитетной и надежной. Верховный же уголовный суд мог использоваться, по высочайшему повелению, лишь в исключительных случаях и за все время с 1866 до 1895 г. созывался только два раза. Кроме того, даже Сенат, как показали процессы «50-ти» и «193-х», мог спасовать перед подсудимыми и тем самым повредить авторитету правительства. Правда, после скандала вокруг неожиданно мягкого приговора по делу «193-х» суд сенаторов никогда более не подводил царизм. Но недостаток санкций против «50-ти» и «193-х» лег пятном на репутации Сената. Военные же суды в том, как они обращались с подсудимыми и какие выносили им приговоры, всегда были безупречны перед правительством. С. М. Кравчинский имел все основания заявить, что эти суды «являются лишь узаконенными поставщиками палача; их обязанности строго ограничены обеспечением жертв для эшафота и каторги» [101].

Часть царских министров пыталась передать дела революционеров-террористов в военные суды тотчас после процесса В. И. Засулич. Уже 3 апреля 1878 г., через два дня после оправдательного приговора по делу Засулич, на заседании правительства под председательством царя министр юстиции К. И. Пален

«по предварительному соглашению с некоторыми другими министрами» предложил «взвалить дела подобного рода на военные суды» (правда, исключая из этого правила женщин). Но после долгих (двухдневных) и бурных прений, хотя сам царь, «не находя исхода, вспылил, упрекнув всех своих министров гуртом в нежелании или неумении принять какие-либо решительные меры», все-таки решено было пока «отказаться от предположения графа Палена» [102].

После убийства Мезенцова министр внутренних дел Л. С. Маков и временно исправлявший должность шефа жандармов Н. Д. Селиверстов, встревоженные донесениями своей агентуры, представили царю панический доклад: «Все до сего времени принимавшиеся меры против противоправительственной агитации не имели ни успеха и ни добрых последствий. Зло растет ежечасно. Суд уже не властен остановить разнузданные страсти»; он «подал повод лишь к публичному глумлению подсудимых над святостью закона... Нужны меры чрезвычайные». Маков и Селиверстов настаивали на передаче всех дел о террористах (не исключая и женщин) военным судам. Доклад их датирован 8 августа. В тот же день царь пометил на нем: «Исполнить» [103], а 9 августа уже последовал соответствующий высочайший указ. В происхождении этого указа наглядно проявилась та специфическая особенность царского законотворчества, которую в 1906 г. разоблачал своим острым пером Е. В. Тарле: «Так как наше самодержавие зажилось на свете дольше, нежели всякое иное, то ни в одной стране не накопилось столько законодательных авгиевых стойл, нигде решительно памятники законодательства не являются до такой степени прежде всего и больше всего памятниками страха, тревожного предвидения грядущих опасностей для правящей кучки. Никогда не поймет наших законов, новелл к этим законам, новелл к этим новеллам и т. д. тот будущий историк, который, положив на своем письменном столе текст изучаемого закона по левую руку, не положит по правую руку донесения департамента полиции за те месяцы, которые соответствуют времени зарождения и изготовления данного закона» [104].

Закон 9 августа 1878 г. передавал в ведение военных судов не все дела о государственных преступлениях, а лишь те из них, которые были сопряжены с «вооруженным сопротивлением властям»[105]. Прочие же дела оставались подведомственными судебным палатам, если не объявлялось высочайшее повеление о разбирательстве того или иного из них в ОППС. Но в условиях, когда борьба народников все сильнее разгоралась и нацеливалась против самодержавия (2 апреля 1879 г. А. К. Соловьев стрелял в царя), царизм цеплялся за чрезвычайные меры и продолжал военизировать судопроизводство. Высочайший указ от 5 апреля 1879 г. дал право временным генерал-губернаторам предавать военному суду, «когда они признают это необходимым», обвиняемых в любом государственном преступлении[106]. Теперь военные суды стали решать даже такие дела, в которых не было и намека на насилие: например, дело С. Ц. Обедзинского в Харьковском военно-окружном суде 31 января 1882 г. по обвинению в «распространении преступных сочинений»[107] или дело Н. Н. Рашевского, преданного военному суду в Москве 23 сентября 1881 г. за «имение у себя» (?!) запрещенной литературы[108].

Судили революционеров по указу от 5 апреля 1879 г. военные суды двух категорий: военно-окружные (в каждом военном округе) и временные военные (для срочного решения дел в местах, отдаленных от того города, где функционировал военно-окружной суд). Как военно-окружной, так и временный военный суд комплектовались из кадровых офицеров по назначению командующего войсками округа (для военно-окружного суда) и начальника дивизии (для суда временного). Председательствовал в военно-окружном суде непременно генерал, а в суде временном — старший офицер, командированный из состава военно-окружного суда[109].

Порядок прохождения политических дел через военные суды обеих категорий был одинаков. Его определял приказ военного министра от 8 апреля 1879 г., изданный в дополнение к военно-судебному уставу. Согласно этому приказу, любой генерал-губернатор «в тех случаях, когда преступление учинено столь очевидно, что не представляется надоб-

ности в предварительном разъяснении», мог предавать обвиняемых суду *без предварительного следствия*, сразу после жандармского дознания; военный прокурор, получив дознание, обязан был представить дело генерал-губернатору с заключением о передаче в суд *«не позже как в течение следующего дня»*; обвинительный акт прокурор должен был изготовить и предложить суду *«в течение суток»* по получении дела от генерал-губернатора; суд, получив от прокурора обвинительный акт, обязан был начать разбирательство дела *«немедленно и не позже как на следующий день* (курсив мой. — *Н. Т.)»*; наконец, приговор полагалось объявить *в течение 24 часов* от начала суда [110].

Таким образом, главной чертой военно-судебного разбирательства оказывалась чисто воинская оперативность, неминуемо сопряженная в данном случае с крайней бесцеремонностью. Показательным в этом смысле было и предоставленное военным судам право не вызывать на судебные заседания свидетелей, а использовать показания, вытребованные у них на дознании или предварительном следствии (если таковое было) [111].

Так выглядели судебные установления, где, начиная с 1879 г., проходила бóльшая часть политических процессов: в 1879 г. — 22 из 30, в 1880 г. — 25 из 32, в 1881 г. — 11 из 16, в 1882 г. — 13 из 21 и т. д. Всего с августа 1878 г. до 1 марта 1881 г. из 63 политических процессов 48 слушались в военных судах, а из 84 следующих дел о государственных преступлениях с 1 марта 1881 г. по 1889 г. еще 45 тоже были рассмотрены военными судами [112].

Царизм не прочь был бы отнести к ведению военных судов вообще все политические дела, даже самые важные. Дело о цареубийстве 1 марта 1881 г. и то предполагалось вначале решить военным судом [113]. Военный министр Д. А. Милютин вынужден был разъяснять министру юстиции Д. Н. Набокову и через посредство Набокова царю, как было бы «неудобно и неблаговидно совершить столь важное государственное дело второпях, почти втихомолку, в простом заседании военно-окружного суда» и как «прилично в подобном важном случае подвергнуть злодеев суду Сената» [114]. После этого понадобилось

специальное совещание у царя с участием вел кн. Владимира Александровича, председателя Комитета министров П. А. Валуева, четырех министров (М. Т. Лорис-Меликова, Д. А. Милютина, Д. Н. Набокова, А. В. Адлерберга) и статс-секретаря, где и «состоялось решение в пользу суда Сенатом»[115].

Интересно, что первомартовцев как 1881, так и 1887 г. не стали судить Верховным уголовным судом, который после судебной реформы 1864 г. созывался дважды именно по делам о покушениях на цареубийство (Д. В. Каракозова в 1866 г. и А. К. Соловьева в 1879 г.). Вероятно, в противоположность излишне упрощенному (для столь важного дела, как попытка или даже факт цареубийства) порядку судопроизводства в военных судах Верховный уголовный суд был неудобен для правительства из-за чрезмерной громоздкости следственного и судебного разбирательства и самого состава суда. Председателем его являлся, по уставу, председатель Государственного совета (т. е. один из великих князей), членами — председатели департаментов Государственного совета и первоприсутствующие в кассационных департаментах Сената, а прокурорские обязанности не только на суде, но и в ходе предварительного следствия возлагались на министра юстиции[116]. К тому же, как подметил С. М. Шпицер, возможно, сказалась и «сложность процесса, требовавшая особой опытности и уклона юристов»[117], чего недоставало Верховному уголовному суду (военным судам, кстати, тоже), меж тем как Особое присутствие Сената в избытке владело «должным опытом и уклоном».

Изымая из нормального законодательства и военизируя судопроизводство по делам о государственных преступлениях, царизм, конечно, еще больше прежнего стеснял гласность таких дел. Именно с 1879 г. он принял радикальные меры против гласности, которая до тех пор ограничивалась понемногу. 18 января секретный циркуляр министра внутренних дел Л. С. Макова известил всех начальников губерний: «Государь император высочайше повелеть соизволил воспретить на будущее время вообще печатание самостоятельных стенографических отчетов по делам о государственных преступлениях, с тем чтобы всякого рода издания, как повременные, так и не по-

временные, ограничивались по этим делам лишь перепечаткою того, что будет напечатано: о делах, подлежащих ведению Верховного уголовного суда и Особого присутствия Правительствующего Сената,— в «Правительственном вестнике», а о делах, подлежащих ведению судебных палат и военных судов,— в местных официальных изданиях, т. е. в губернских или областных ведомостях». Далее следовало разъяснение, содержащее самую суть циркуляра: «По смыслу вышеприведенного высочайшего повеления и по самому свойству дел о государственных преступлениях отчеты по этим делам должны в большинстве случаев ограничиваться, по возможности, краткою фактическою передачею судебного разбирательства с устранением всяких неуместных подробностей, а тем более каких-либо тенденциозных выходок со стороны обвиняемого или его защиты» [118].

Печать, привыкшая за восемь лет (со времени процесса «нечаевцев») давать подробные отчеты о политических процессах, не сразу подчинилась циркуляру Макова, тем более что оговорка «по возможности» лишала его должной категоричности. 17 октября 1879 г. Маков в специальном отношении к шефу жандармов А. Р. Дрентельну посетовал на то, что судебные отчеты печатаются все же «в полном объеме, за исключением лишь особо выдающихся резких и неудобных мест», и предложил строго обязать губернские власти «ограничиваться печатанием в полном объеме лишь обвинительного акта и приговора, судебное же следствие и речи прокурора и защиты опубликовывать в самом сжатом виде» [119]. Характерно, что речи подсудимых, которые и так уже печатались (да и то не всегда) «в самом сжатом виде», здесь не упомянуты. Дрентельн поддержал Макова, и 20 октября их согласованное мнение было сообщено по телеграфу генерал-губернаторам для руководства [120]. После этого газетные отчеты о политических процессах стали гораздо короче и тенденциознее, пока вообще не были отменены, согласно Положению об охране 14 августа 1881 г.

Наиболее реакционные силы из страха перед «красным террором» и озлобления не хотели мириться даже с той весьма ограниченной гласностью

судебных дел террористов, которая допускалась в официальных изданиях. Идеолог этих сил М. Н. Катков, тогда еще не додумавшийся до мысли вообще отменить политические процессы (эта мысль обуяла его после 1 марта 1881 г.), предлагал замалчивать любые, хотя бы и выигрышные для властей подробности, если они могли обернуться на пользу террористам. Особенно удручала Каткова судебная экспертиза, которой царизм не прочь был щеголь-нуть перед общественным мнением. В деле А. К. Соловьева, к примеру, эксперты констатировали, что Соловьев не мог попасть в царя, стреляя почти в упор, из-за высоты прицела своего дальнобойного револьвера, а в деле В. А. Осинского объяснили, что револьвер Софьи Лешерн отказал из-за элементарной неисправности, так как был куплен без предварительной пробы. Все это вошло в правительственные отчеты. «Таким образом,— язвил по этому поводу Катков,— благодаря гласности, данной ученым экспертизам суда по делам о государственных преступлениях, нигилисты целого мира должны узнать впредь, что из дальнобойного револьвера, дабы попасть в голову на близком расстоянии, надо целить в ноги и что не следует покупать револьвера без предварительного испытания» [121].

Замалчивать собственную экспертизу в судебных отчетах, пока они еще печатались, царизм не стал (помимо афиширования правосудием, здесь был расчет на изобличающую огласку «злодейств» террористов), зато «тенденциозные выходки» подсудимых против правительства отныне старался не оглашать. Больше того. Во избежание тех же «тенденциозных выходок» 6 октября 1878 г. официально был отменен в России публичный обряд гражданской казни над осужденными в каторгу и ссылку [122]. Что же касается допуска публики на судебные заседания, то его в течение 1879—1881 гг. сократили практически до нуля.

Собственно, публичность судебных заседаний по делам о государственных преступлениях после процесса «нечаевцев» (где в первый и последний раз публика допускалась свободно) всегда была относительной. Когда политические дела отошли в ведение военной юстиции, она стала почти фиктивной. Как правило, в зал суда попадали избранные лица

по именным билетам, получить которые мог далеко не каждый [123]. Большую часть этой публики составляли сановные особы, снедаемые любопытством увидеть тех самых нигилистов, которых они понаслышке воображали себе чудовищами. Адвокат и поэт А. Л. Боровиковский по этому поводу еще в дни процесса «50-ти» писал как бы от имени подсудимых:

Суд нынче мог бы хоть с балетом
Поспорить: сильные земли
Пришли смотреть нас по билетам,
На нас бинокли навели [124].

Процессы террористов (особенно же народовольцев, «цареубийц») вызывали вообще и у сановной публики в частности еще больший интерес, чем дела пропагандистов. На процессе Засулич среди публики были, например, канцлер империи кн. А. М. Горчаков, военный министр гр. Д. А. Милютин, государственный контролер Д. М. Сольский, светлейший князь А. А. Суворов, петербургский губернатор И. В. Лутковский, придворные дамы в туалетах, о которых поэт-демократ В. Р. Щиглев писал:

Что ни наряд, то недоимка
С пяти примерно деревень;

на процессе «11-ти» — принцы Петр Ольденбургский и Георгий Максимилианович, герцог Лейхтенбергский, статс-секретарь М. Н. Островский, генерал-адъютанты М. И. Чертков, А. С. Костанда, Р. Г. Бистром, английский посол, германский военный атташе и др. Сонмище вельмож (принцев царской фамилии, министров, сенаторов, генералов) являлось на процесс первомартовцев и на другие народовольческие процессы. «Крестов у нас в суде, как на кладбище, а звезд, как на небе»,— писал на волю с процесса «16-ти» А. И. Зунделевич [125].

Обычная же, «посторонняя», публика допускалась на процессы 1879—1881 гг. редко. Даже родственникам подсудимых вопреки закону иной раз (на процессах «киевских бунтарей», В. А. Осинского, О. И. Бильчанского и др.) отказывали в билетах, а зачастую в зале суда вообще «никого из посторонних лиц, за исключением свидетелей, не было» [126]. Даже на процессе «16-ти», который отличался

сравнительно широкой гласностью (во всяком случае стенографический отчет об этом процессе газеты печатали почти целиком), места для публики занимали лишь сановники, корреспонденты и близкие родственники подсудимых (мать Евгении Фигнер, отец А. И. Зунделевича, жена Я. Т. Тихонова, сестра А. А. Квятковского) [127].

Положение 14 августа 1881 г. обязало военные суды рассматривать политические дела «всегда при закрытых дверях» [128]. Право иногда закрывать двери судебных заседаний теперь превратилось в обязанность закрывать их всегда. Более того, хотя в Положении речь шла только о военных судах (если не считать оговорки о местностях, объявленных на исключительном положении, где министр внутренних дел мог объявить закрытым любой суд), принцип «закрытых дверей» был распространен и на заседания Особого присутствия Сената. Процесс первомартовцев оказался не только последним в России политическим процессом, о котором был напечатан стенографический отчет, но и последним процессом, на который допускалась нетитулованная публика. На следующем крупном процессе (в том же Особом присутствии) — «20-ти» — публика, если не считать сановных особ и родственников подсудимых, уже отсутствовала, не были допущены и корреспонденты, ни иностранные, ни русские [129]. «Процессы все при закрытых дверях происходят» [130],— писал М. Е. Салтыков-Щедрин в последние дни 1881 г. из Петербурга друзьям в Париж и Ниццу.

По-военному оперативные и бесцеремонные, чуть ли не наглухо закрытые от публики, политические процессы в военных судах были обставлены чрезвычайными строгостями в согласии с буквой закона 9 августа 1878 г., который делал акцент на подчинении политических дел военным судам, «установленным для военного времени». С подсудимыми здесь обращались, как с военнопленными, и самый суд вершился, как на войне. «Перевозили нас (из тюрьмы в суд. — Н. Т.) под непомерно усиленным конвоем,— вспоминал сопроцессник И. М. Ковальского Н. А. Виташевский. — В тюремные кареты были впряжены пожарные лошади, и мчали нас буквально как на пожар. Наши кареты оцеплены были сотнею

каких-то казаков-башкир на лошадях, с пиками, причем дверцы карет были отворены, и казаки чуть не в самые кареты вставили свои пики»[131]. Здание суда и прилегающие улицы с начала и до конца процесса были оцеплены городовыми, жандармами и войсками гарнизона (до 5 тыс. человек), а в судебном зале восемь подсудимых обступил конвой из 14 солдат, и еще 40 стражников дежурили «на случай» в соседней комнате[132].

С такими же и еще большими предосторожностями устраивались другие дела военных судов, особенно в тех случаях, когда власти предполагали, что революционеры замышляют освободить подсудимых. Так было, например, в Киеве весной 1879 г. перед открытием одного за другим двух крупных процессов («киевских бунтарей» и группы В. А. Осинского). 30 марта киевский губернатор донес министру внутренних дел, что, по слухам, «в Киев собираются из разных мест лица, принадлежащие к социально-революционной партии, с целью произвести беспорядки во время предстоящего суда... и попытаться во что бы то ни стало освободить задержанных»[133]. Поэтому к началу и в дни обоих процессов (с 30 апреля по 13 мая), как свидетельствовали очевидцы, «Киев имел вид города, в который только что вторгся сильный неприятель»: улицы, близкие к зданию суда, были забаррикадированы, далеко кругом стояли войска, патрулировали казачьи пикеты[134]. Впрочем, и малые процессы в безопасных ситуациях тоже шли по-военному. При слушании дела С. Н. Бобохова в Архангельске 12 марта 1879 г. вся местная полиция и войска блокировали здание военного суда, а подсудимый был окружен буквально стеной из 12 стражников с ружьями на плечах и саблями наголо[135].

Таким образом, в обстановке второй революционной ситуации, когда царизм переключал всю карательную политику на чрезвычайный лад, судопроизводство по делам о государственных преступлениях деформировалось сильнее прежнего. Царизм явно приспосабливал его к потребностям «белого террора» и в течение 1878—1879 гг. по существу военизировал судебную расправу с революционерами,

соответственно ограничив в те же и ближайшие (1880—1881) годы гласность политических дел.

О том, как была накалена в 1879 г. обстановка в России, красноречиво свидетельствуют компетентные современники. «Вся Россия, можно сказать, объявлена в осадном положении»,— записывает в дневник 3 декабря 1879 г. военный министр Д. А. Милютин. «Все мечутся в страхе»,— вторит ему управляющий морским министерством адмирал И. А. Шестаков. «Просто в ужас приходишь от одной мысли о том, не на Везувии ли русское государство?» — жалуется сенатор Я. Г. Есипович. «Почва зыблется, зданию угрожает падение»,— заключает председатель Комитета министров П. А. Валуев [136]. Далеко не гуманный наследник престола, будущий Александр III, и тот в январе 1880 г. на заседании Государственного совета выбранил самоуправство генерал-губернаторов, которые, мол, «творят бог весть что», и признал, что империя оказалась «в положении, почти невозможном» [137].

Действительно, режим «шести Аракчеевых» со всей очевидностью показал кризис самодержавия, длившийся (если иметь в виду весь не только явный, но и подспудный процесс его нарастания и спада) с весны 1878 до середины 1882 г. [138] И в 1878, и в 1879 г. налицо была, собственно, одна сторона кризиса — невиданный ранее (и притом нараставший) шквал репрессий. Что же касается уступок, реформ, то эта другая, тоже непременная сторона всякого «кризиса верхов» пока исчерпывалась лишь конституционными толками и неофициальными проектами (К. Н. Посьета, Г. Г. Кириллова, Е. В. Богдановича) [139] да разногласиями в действиях правительства, которые кн. Д. И. Святополк-Мирский определил как «административные прыжки в разные стороны» [140–142]. Иначе говоря, царизм в 1878—1879 гг. считал себя еще достаточно сильным и способным искоренить «крамолу» путем наращивания репрессий, не прибегая к уступкам.

Но уже с конца 1879 г. «верхи» мало-помалу стали уступать революционному натиску. 19 ноября народовольцы едва не взорвали под Москвой царский поезд, после чего центральный орган «Народной воли» объявил, что в любом случае «смерть Александ-

ра II — дело решенное и что вопрос тут может быть только во времени, в способах, вообще в подробностях»[143]. При дворе забили тревогу, громче прежнего заговорили о конституции, а два конституционных проекта — П. А. Валуева и вел. кн. Константина Николаевича — в январе 1880 г. даже подверглись обсуждению (безрезультатному) у царя[144]. Когда же народовольцы проникли в Зимний дворец и 5 февраля взорвали в нем царскую столовую, правительственный лагерь пришел в смятение. Придворная знать кликушествовала от страха[145]. «Львиростный (по выражению Н. С. Лескова) кормчий» реакции М. Н. Катков хныкал: «Бог охраняет своего помазанника. Только бог и охраняет его»[146]. Царь и министры боялись, что 19 февраля (по случаю очередной годовщины падения крепостного права) революционеры поднимут восстание. Из-за этого были даже отменены национальные празднества, назначенные на 19—20 февраля по случаю 25-летия царствования Александра II[147]. Сам царь между 5 и 19 февраля никуда не выходил из дворца. Класс имущих со дня на день ждал новых взрывов и всеобщей «резни». «Люди состоятельные выезжали за границу, ценные вещи в домах зарывали в подвалы»[148],— свидетельствовали современники. «Страшное чувство овладело нами,— плакался наследник престола.— Что нам делать?»[149]

Решено было искать спасения от революции в диктатуре. Через неделю после взрыва в Зимнем дворце, 12 февраля 1880 г., царизм сколотил Верховную распорядительную комиссию по охранению государственного порядка и общественного спокойствия из десяти самых хитроумных и находчивых (как сочли при дворе) сановников. Главным начальником комиссии был назначен граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов.

Это был, бесспорно, самый находчивый и хитроумный из царских вельмож той поры. Его таланты и заслуги впечатляли и числом, и разнообразием. В ходе русско-турецкой войны 1877—1878 гг. он штурмом взял Карс, считавшийся неприступным, а два года спустя управился с эпидемией чумы в Поволжье, когда казалось, что уже никто не сможет с нею справиться, причем удивил всю Россию, вернув

в государственную казну недорасходованные средства. Наконец, в 1879—1880 гг., будучи харьковским генерал-губернатором, Лорис-Меликов действовал достаточно энергично, чтобы заслужить одобрение правительства, и достаточно осмотрительно, чтобы не вызвать к себе особой ненависти революционеров, словом, изловчился оказаться единственным из генерал-губернаторов, кого ИК «Народной воли» не включил в список приговоренных к смерти.

Лорис-Меликов был умен и гибок. Он умел нравиться разным слоям общества и даже разным людям от крайне правых до крайне левых: в молодости дружески общался с М. С. Воронцовым (пушкинский «полумудрец, полуневежда, полуподлец») и Н. А. Некрасовым, а под старость — с прусским ретроградом Генкель фон Доннерсмарком и М. Е. Салтыковым-Щедриным (впрочем, среди «друзей» Лорис-Меликова кого только не было! Например, Хаджи-Мурат).

В феврале 1880 г. Лорис-Меликов заявил себя при дворе чуть не Христом-спасителем. Он был наделен почти неограниченной властью. Высочайший указ от 12 февраля доверял ему «делать все распоряжения и принимать вообще все меры, которые он признает необходимыми для охранения государственного порядка и общественного спокойствия как в С.-Петербурге, так и в других местностях империи» [150]. Временных генерал-губернаторов Лорис-Меликов подмял под себя. На какое-то время перед ним стушевался даже самодержец всея Руси. П. А. Валуев в дневнике иронически, но метко величал его «Михаилом I» [151]. Таким образом, если институт временных генерал-губернаторов в 1879 г. означал заметную децентрализацию власти в стране, то с учреждением Верховной распорядительной комиссии царизм ударился в другую крайность — чрезмерной централизации власти в руках некоронованной особы. Разумеется, обе крайности ущемляли принцип самодержавия и служили показателями его кризиса [152].

Смысл своей диктатуры Лорис-Меликов видел в том, чтобы создать благоприятные условия для победы над революцией путем комбинирования реп-

рессий против революционеров с послаблениями по отношению к либералам, дабы привлечь этих последних на сторону реакции и таким образом изолировать революционный лагерь [153]. В этом смысле он и действовал — расчетливо и ловко. С одной стороны, втихомолку расправлялся с революционерами: только за время с 18 марта по 21 июля 1880 г. Верховная распорядительная комиссия рассмотрела 453 дознания о «государственных преступлениях» [154]. Как правило, расправа с «государственными преступниками» вершилась в административном порядке. Лорис-Меликов старался не доводить политических дел до суда во избежание кривотолков в заграничной прессе. «Если мы будем ставить на суд множество людей,— объяснял он жандармскому генералу В. Д. Новицкому,— то напишут, что у нас в России революция» [155]. Тем не менее опасных революционеров Лорис-Меликов не стеснялся предавать суду: за 14 месяцев его диктатуры было устроено (наскоро и большей частью в закрытом порядке) 32 судебных процесса с 18 смертными приговорами. В целом репрессии при нем, как заметил еще А. А. Корнилов, «не уменьшились, а только упорядочились» [156].

С другой стороны, Лорис-Меликов шумно творил либеральные послабления. Понимая, что «у него не отвалится язык от лишней либеральной фразы» [157], он обещал расширить права земства (хотя обещанием дело и ограничилось); назначил сенатские ревизии для расследования чиновничьих злоупотреблений (хотя все злоупотребления сохранились); с помпой упразднил III отделение (хотя его функции не менее рьяно стал выполнять учрежденный без всякой помпы департамент полиции); сместил с поста министра просвещения самого ненавистного из царских министров — Дмитрия Толстого (хотя заменивший Толстого А. А. Сабуров продолжал толстовскую политику) и т. д. [158]

Либералы пришли в восторг от нового правительственного курса. Уверовав в то, что правительство отныне пойдет по пути уступок общественному мнению, они настроились на почтительное ожидание этих уступок.

Однако революционеры не были обмануты новым курсом. Газета «Народная воля» нашла для

диктатуры Лорис-Меликова меткое определение: «Лисий хвост — волчья пасть» [159]. В радикальных кругах ходила по рукам эпиграмма:

Мягко стелет — жестко спать:
Лорис-Меликовым звать [160].

«Что же, политика не глупа! — писала «Народная воля». — Сомкнуть силы правительства, разделить и ослабить оппозицию, изолировать революцию и передушить всех врагов порознь — не дурно!» [161]

Диктатура Лорис-Меликова не остановила революционной борьбы. 20 февраля 1880 г. И. О. Млодецкий стрелял в самого диктатора. Наряду с террором, как показано выше, «Народная воля» усиливала агитационную и организаторскую деятельность среди интеллигенции, рабочих, военных. В обстановке революционной ситуации она все более рассчитывала на содействие масс [162]. Осенью 1880 г. ИК обсуждал план организации крестьянского восстания в Поволжье, который был отклонен не в принципе, а только ради того, чтобы скорее довершить подготовку цареубийства [163]. Страшная для царизма угроза соединения народовольческой «инсуррекции» с восстанием народа росла. Революционный натиск при Лорис-Меликове не только не ослабевал, а, напротив, усиливался. «Кризис верхов» продолжался.

28 января 1881 г. Лорис-Меликов представил Александру II проект реформ, с помощью которых диктатор намеревался вызволить правительство из кризиса. В буржуазной литературе этот проект фигурировал под названием «Конституция Лорис-Меликова». Смысл проекта сводился к образованию в лице временных комиссий (из чиновников и выборных от «общества») совещательного органа при Государственном совете, который, как известно, сам был совещательным органом при царе [164]. Иначе говоря, так называемая «Конституция Лорис-Меликова» вовсе не являлась конституцией. По словам В. И. Ленина, «осуществление лорис-меликовского проекта *могло бы* при известных условиях быть шагом к конституции, но могло бы и не быть таковым: все зависело от того, что́ пересилит — давление ли революционной партии и либерального общества

или противодействие... партии непреклонных сторонников самодержавия»[165].

Сначала все как будто бы шло к тому, что лорис-меликовский проект будет шагом к конституции. Царизм вынужден был уступать силе революционного натиска. Люди, близкие к трону (вел. кн. Константин Николаевич, Д. А. Милютин, Е. А. Перетц, А. А. Сабуров, П. П. Шувалов), предлагали ради «спасения России» различные проекты реформ. Иные из этих проектов в течение 1880 и первых месяцев 1881 г. обсуждались с тревогой, но без толку на особых совещаниях при царе[166]. В записке к очередному совещанию Д. А. Милютин подчеркивал: «У нас постоянное осадное положение»[167]. Сам царь был удручен сложившейся ситуацией, признавался своей морганатической супруге Е. М. Юрьевской (если верить ее рассказу) в желании отречься от престола и удалиться в Каир, к «теплому климату»[168], а на уступки «крамоле» смотрел как на зло, столь же пагубное, сколь и неизбежное. «Да ведь это Генеральные штаты!» — возмутился он, прочитав «конституцию» Лорис-Меликова, но... одобрил ее и 1 марта 1881 г., за считанные часы до смерти, назначил на 4 марта заседание Совета министров для того, чтобы согласовать правительственное сообщение о предстоящей реформе[169]. Дальнейший ход событий круто изменил соотношение сил.

1 марта 1881 г. «Народная воля» привела в исполнение смертный приговор Александру II. Цареубийство, дерзко анонсированное печатным органом партии, дважды (19 ноября 1879 и 5 февраля 1880 г.) лишь чудом не удавшееся и, наконец, совершенное, как ужасался М. Н. Катков, «на публичном проезде, среди дня, в средоточии всех властей»[170], повергло в транс правительственный лагерь. «Верхи» на время потеряли ориентацию и в первые дни действовали по принципу «спасайся, кто может!». 3 марта председатель Комитета министров П. А. Валуев предложил новому царю Александру III назначить регента на случай, если его тоже убьют. Царь обиделся и около двух недель делал вид, что никогда не согласится на такое самоунижение, но 14 марта все-таки назначил регента (вел. кн. Владимира Александровича)[171], а сам, будучи не в силах более

превозмочь страх перед вездесущими террористами, сбежал из Петербурга в Гатчину.

Там, в Гатчине, божией милостью император и самодержец всероссийский, царь польский, великий князь финляндский и прочая, и прочая, и прочая обрек себя на положение «военнопленного революции», как назвали его К. Маркс и Ф. Энгельс [172]. Близкий ко двору генерал А. А. Киреев 7 апреля записывал в дневнике: «Царь сидит в Гатчине безвыездно, ничего не говорит, ничем о себе не заявляет» [173]. Между тем аристократический Петербург был в панике. «Положение, как ни взгляни, страшное» [174],— сокрушался официозный литератор Б. М. Маркевич. К. П. Победоносцев и М. Н. Катков с прискорбием констатировали «маразм власти» [175].

Действительно, царизм в марте — апреле 1881 г. был в трудном положении. Такого «кризиса верхов» Россия не знала ни раньше, ни позже вплоть до 1905 г. Другое дело, что в 1861 г. царизм пошел на бо̀льшие уступки. Ведь в 1881 г., через 20 лет после отмены крепостного права, самодержавию в сущности нечего было уступать, кроме... самодержавия. Теперь ему приходилось, как заметил Ф. Энгельс, «уже подумывать о возможности капитуляции и о ее условиях...» [176].

Таким образом, одна из двух главных функций «красного террора», а именно дезорганизация правительства, «Народной воле» удалась. Момент был удобен для того, чтобы пойти на штурм самодержавия и если не свергнуть его, то для начала вырвать у «верхов» уступки, более выгодные «низам», чем ублюдочная «конституция» Лорис-Меликова. Но в этот выигрышный момент у народовольцев не оказалось сил, которые можно было бы бросить в бой. Вопреки их ожиданиям народные массы не всколыхнулись.

Здесь важно иметь в виду, что именно в те годы (1880 — начало 1881), когда «кризис верхов» достиг апогея (лорис-меликовские маневры, паника после цареубийства), массовое — и крестьянское, и рабочее — движение уже шло на убыль по сравнению с 1879 г. [177] Рабочее движение продолжало отступать

и в последующие годы, а крестьянское с середины 1881 г. пошло опять на подъем и достигло еще большего, чем в 1879 г., размаха в 1883—1884 гг., когда революционный натиск был отбит и в стране надолго воцарилась реакция. Отсюда хорошо видна существенная особенность второй революционной ситуации в России (в отличие от первой).

В годы первой революционной ситуации лагерь революционеров-демократов практически был еще крайне малочислен и слаб. Решающей силой натиска «низов» являлось тогда массовое (почти исключительно крестьянское) движение, которое достигло вершины в 1861 г.: по числу и размаху крестьянских волнений 1861 г. в России вплоть до 1905 г. не имел себе равных. Именно крестьянское движение в первую очередь и предопределило в те годы «кризис верхов». Решающим же фактором второй революционной ситуации, который главным образом и обусловил новый (после 1861 г.) кризис самодержавия, была борьба народовольцев — этот, по выражению Ф. Энгельса, «нож деятелей, приставленный к горлу правительства...» [178]. «Благодаря этой борьбе и только благодаря ей,— подчеркивал В. И. Ленин,— положение дел еще раз изменилось, правительство еще раз вынуждено было пойти на уступки...» [179]

Разумеется, массовое движение нельзя недооценивать. Хоть оно само по себе и было в 1879—1881 гг. слабее, чем в 1859—1861 гг., тот факт, что в 1879—1881 гг. (в отличие от 1859—1861 гг.) действовала общероссийская централизованная революционная организация, которая руководствовалась интересами масс и пыталась поднять их на восстание, придавал массовому движению периода второй революционной ситуации особую значимость и опасность для царизма. П. А. Зайончковский справедливо заключает, что «политический кризис самодержавия (1879—1881 гг. — *Н. Т.*) не достиг бы такой глубины, если бы правительство не боялось соединения стихийной борьбы крестьянских масс с политической борьбой революционных народников» [180]. Это бесспорно. Стихийная борьба крестьянских масс служила социальной базой народничества, питала собой его революционный подъем.

Однако «Народная воля» переоценивала силу своего натиска и глубину «кризиса верхов». Колебания правительства она принимала за «последние предсмертные конвульсии»[181]. Даже трезвомыслящий Желябов считал в мае 1880 г., что «два-три толчка, при общей поддержке, и — правительство рухнет»[182]. Дело в том, что, с одной стороны, внешние признаки «кризиса верхов» (растерянность царя, министров и придворной камарильи) создавали у современников преувеличенное представление о глубине кризиса. Народовольцам казалось, будто смятение, начавшееся в верхнем этаже государственного устройства, свидетельствует, что революция назрела. Между тем опыт истории учит, что для революции необходим такой «кризис верхов», который «касается именно *основ* государственного устройства, а вовсе не каких-либо частностей его, касается *фундамента* здания, а не той или иной пристройки, не того или иного этажа»[183]. «Кризис верхов» в России 1879—1881 гг. был еще не настолько сильным, чтобы можно было говорить о «предсмертных конвульсиях» царизма.

С другой стороны, «Народная воля» вслед за П. Н. Ткачевым ошибочно считала, что царизм — это явление надклассовое: «русское правительство — железный колосс на глиняных ногах; оно не опирается ни на чьи интересы в стране, оно живет само для себя»[184]. Это заблуждение также дезориентировало народовольцев в истинных размерах «кризиса верхов», склоняло их к переоценке глубины и возможных последствий кризиса. Предатель Н. И. Рысаков, по его словам, слышал от Желябова, что «партия надеялась на восстание не позже этого (1881 — *Н. Т.*) года»[185]. Во всяком случае, еще до середины февраля 1881 г. ИК обсуждал вопрос о возможности немедленного восстания и лишь после тщательного подсчета своих сил на время отсрочил его[186].

На деле же, хотя царизм в 1879—1881 гг. и уступал революционному натиску, его громадные материальные силы не терпели чувствительного урона от отдельных неудач, тогда как малочисленные силы «Народной воли» с каждым ее успехом таяли. Еще до 1 марта были арестованы А. Д. Михайлов, Н. А. Морозов, А. А. Квятковский, С. Г. Ширяев, А. И. Баранников, Н. Н. Колодкевич, А. И. Зунде-

левич, Н. В. Клеточников. «Мы проживаем капитал»,— с тревогой говорил Желябов[187]. В канун 1 марта арестован был и сам Желябов. На смену выбывшим из строя бойцам ИК выдвигал новых, а это влекло за собой (в Петербурге по крайней мере) свертывание пропагандистской, агитационной и организаторской работы партии. Символичным для предмартовских дней был ответ главы Военной организации ИК Н. Е. Суханова на вопрос кронштадтских моряков, только что обращенных им в народовольчество, о правах и обязанностях членов «Народной воли»: «Бомба — вот ваше право. Бомба — вот ваша обязанность!»[188] Террор все более выпячивался на первый план и, как прожорливый циклоп, поглощал лучшие силы партии.

В таких условиях цареубийство оказалось для «Народной воли» пирровой победой. «Революционеры исчерпали себя 1-ым марта». Конечно, «Народная воля» и после 1 марта сохранила часть сил, а затем пополняла их и еще долго продолжала борьбу. Но возместить и материальные (гибель «Великого ИК»), и моральные потери (крах расчетов на то, что цареубийство повлечет за собой взрыв революционной активности масс) она уже не могла. Поскольку же рабочее движение с 1880 г. уже шло на убыль, борьба крестьян оставалась разобщенной и стихийной, а либералы и после 1 марта ограничились по старинке одними ходатайствами, царизм воспрянул духом и стал выходить из кризиса.

Событие 1 марта 1881 г. явилось кульминационной вехой второй революционной ситуации в России. Оно завершило собой восходящую фазу демократического натиска, период непосредственно революционной ситуации. После 1 марта сохранялась еще до середины 1882 г. общая революционная ситуация, но в нисходящей фазе. С каждым днем все в большей степени хозяином положения становился царизм. Однако царское правительство не сразу рискнуло перейти к открытой реакции. Некоторое время оно осматривалось и собиралось с силами.

С одной стороны, реакционная партия, которая подпирала собой трон Александра III и во главе которой стоял политический наставник царя, обер-прокурор святейшего Синода, «русский папа», как

звали его на Западе, К. П. Победоносцев,— эта партия, едва очнувшись от первомартовской контузии, выступила против лорис-меликовского режима с намерением повернуть штурвал правительства вправо до отказа. 8 марта 1881 г. состоялось историческое, «погребальное», обсуждение «конституции» Лорис-Меликова в Совете министров. Гвоздем обсуждения стала громовая речь Победоносцева, начавшаяся трагическим воплем: «Finis Russiae!» Победоносцев убеждал царя в том, что Лорис-Меликов навязывает России конституцию, а конституция погубит Россию. Он бил не только на государственный разум, но и на личное чувство царя: простирая руки к портрету Александра II, восклицал: «Кровь его на нас!» [189]

С другой стороны, Лорис-Меликов и солидарные с ним воротилы либеральной бюрократии (военный министр Д. А. Милютин, министр финансов А. А. Абаза, отчасти председатель Комитета министров П. А. Валуев) настаивали на конституционных уступках. Влияние этой группы в правительстве после 1 марта, хоть и уступало влиянию клики Победоносцева, оставалось еще весомым до конца апреля, пока царизм не убедился в том, что «девятый вал» революционного натиска схлынул.

Тон совещания 8 марта был таков, что для всех стала очевидной скорая политическая смерть и самого Лорис-Меликова, и его «конституции». Однако решения — так сказать, смертного приговора «конституции» — вынесено не было. И та и другая сторона взывала на заседании к самодержцу, но самодержец безмолвствовал [190]. Поскольку же царь отмолчался, участники совещания поговорили и разошлись ни с чем.

Таким образом, совещание 8 марта 1881 г. наглядно засвидетельствовало факт колебания правительства: одни тянули вправо, к репрессиям, другие — влево, к послаблениям. Симпатии царя, безусловно, были на стороне Победоносцева. Все сказанное «русским папой» на совещании он мотал на ус и вскоре после совещания в разговоре с петербургским градоначальником будто бы выразился так: «Конституция? Чтобы русский царь присягал каким-то скотам?» [191] Тем не менее напряженность

обстановки в стране, мнение таких авторитетов, как Лорис-Меликов и Милютин, и собственный страх пока удерживали царя от провозглашения открытой реакции.

К тому же 10 марта Исполнительный комитет «Народной воли» предъявил Александру III письмо-ультиматум [192], которое ставило царское правительство перед выбором: либо добровольное отречение от самодержавия, либо «революция, совершенно неизбежная, которую нельзя предотвратить никакими казнями». В. И. Ленин в 1901 г. отмечал, что авторы ультиматума ««преподнесли» правительству альтернативу именно такую, какую ставит перед Николаем II социал-демократия: или революционная борьба, или отречение от самодержавия» [193].

Итак, правительство колебалось. Деятельность его после 1 марта П. А. Валуев метко назвал «эрратической» (от латинского «errare» — блуждать) [194]. Между тем выяснялось, что революционный лагерь, по-видимому, не так силен, как считали «верхи», и что «крамола» идет на убыль. Все участники цареубийства к 17 марта были уже в руках полиции. С 26 по 29 марта благополучно прошел суд над цареубийцами. 3 апреля их казнили. После казни истекла неделя, другая, третья. Революционный лагерь не предпринимал каких-либо решительных акций. Победоносцев и К° еще выше подняли головы. «Русский папа» настойчиво склонял царя провозгласить особым манифестом курс на «твердую власть», предлагая в качестве образцов манифесты Николая I от 19 декабря 1825 г. (по случаю разгрома восстания декабристов) и от 13 июля 1826 г. (по случаю казни вождей декабризма). Царь осторожничал. Тогда Победоносцев сам написал манифест и предъявил царю. Тот одобрил. Так родился царский манифест от 29 апреля 1881 г. [195]

Манифест развеивал в прах все надежды либералов на конституцию и, «не обинуясь и прямо», заявлял волю царизма «утверждать и охранять» самодержавную власть «от всяких на нее поползновений» [196], другими словами, провозглашал тот принцип неограниченной власти, который сатирический герой Глеба Успенского будочник Мымрецов формулировал как «тащить и не пущать». Вслед за

обнародованием манифеста Лорис-Меликов, Милютин и Абаза получили отставку. Новым министром внутренних дел, а фактически главой правительства 4 мая был назначен граф Н. П. Игнатьев.

Царизм в то время, хоть он и провозгласил прямую реакцию, вершить ее пока еще не мог. Он собирался для начала заняться отвлекающими маневрами, чтобы мобилизовать все свои ресурсы и затем «тащить и не пущать» наверняка. Игнатьеву и предстояло «прикрыть отступление правительства к прямой реакции...» [197]. Словом, требовался на время политический камуфляж, а по этой специальности никто в России (может быть, и в Европе) не шел в сравнение с Николаем Павловичем Игнатьевым. Бывший посол в Турции, понаторевший на дипломатическом шулерстве, авантюрист по призванию, демагог и краснобай по натуре, Игнатьев был виртуозом лжи. Он лгал по всякому поводу и без всякого повода, лгал так много и с таким неподражаемым мастерством, что в Константинополе его называли не без почтения: «лгун-паша» [198].

Получив власть, Игнатьев повел двусмысленную политическую игру, рассчитанную на то, чтобы сбить с толку оппозицию, посеять в ней иллюзии, разрядить таким образом напряженность обстановки в стране и тем временем подготовить условия для решающего удара по революционным силам. Он ублажал помещиков и попечительствовал о крестьянах, мистифицировал революционеров и флиртовал с либералами («Фигаро здесь, Фигаро там»), а главное — обещал, обещал и обещал (лгал, другим словом). Кое-что из обещанного Игнатьев осуществлял — продолжавшийся (на ущербе) кризис самодержавия вынуждал его к этому. Так, 28 декабря 1881 г. был принят закон о ликвидации временно-обязанного состояния крестьян и о понижении выкупных платежей, 18 мая 1882 г. отменена подушная подать, тогда же был организован Крестьянский банк [199]. В то же время Игнатьев успевал делать все возможное для искоренения «крамолы». Именно его министерство выработало законодательные основы карательной политики самодержавия на 36 лет вперед. 14 августа 1881 г. царь утвердил подготовленное под редакцией Игнатьева «Положение о мерах

к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» (иначе — «Положение об охране»). Принято оно было на три года как чрезвычайная мера, но затем каждый раз по истечении срока возобновлялось — вплоть до крушения царизма. В оценке В. И. Ленина, это и была «фактическая российская конституция»[200].

Игнатьев был наперсником Победоносцева, и министерствовал он не только в полном согласии с «русским папой», но и, как правило, по его указке. П. А. Зайончковский подсчитал, что за 13 месяцев правления Игнатьева Победоносцев направил ему 79 писем наставительного характера[201]. К Победоносцеву же стекались в то время самодеятельные проекты истребления «нигилизма», которые особенно ревностные поборники «твердой власти» сочиняли в помощь официальным властям. Общей чертой этих проектов, буквально заполонивших архив Победоносцева первой половины 1881 г., было прямо-таки патологическое неприятие законности в борьбе с «Народной волей». Даже либерал Б. Н. Чичерин и тот в записке под названием «Задачи нового царствования» от 10 марта 1881 г., которую он представил Победоносцеву и (через Победоносцева) царю, призывал истреблять террористов как «отребье человеческого рода», не считаясь с нормами законности, ибо, мол, «всякое старание держаться пути закона будет признаком слабости»[202]. Другой корреспондент Победоносцева, граф А. Е. Комаровский, предлагал «объявить всех уличенных участников в замыслах революционной партии за совершенные ею неслыханные преступления состоящими вне закона и за малейшее их новое покушение или действие против установленного законом порядка в России ответственными поголовно, in corpore, жизнью их»[203]. Нельзя сказать определенно, знакомил ли Победоносцев Игнатьева с такими проектами и учитывал ли их Игнатьев, когда он (кстати сказать, при участии Победоносцева) редактировал Положение об охране, но, как бы то ни было, дух проектов Чичерина — Комаровского сквозит в статьях положения.

«Фактическая российская конституция», вступившая в силу 14 августа 1881 г., предоставляла министру внутренних дел и генерал-губернаторам (там, где

они были) право объявлять любой район страны «на исключительном положении». Если же таковое положение было объявлено, губернские власти могли «воспрещать всякие народные, общественные и даже частные собрания», приостанавливать периодические издания и закрывать учебные заведения, увольнять служащих местного управления, арестовывать и высылать из данной местности (с формальной санкции министра внутренних дел) кого угодно и когда угодно без суда и следствия и т. д. Все это беззаконие становилось законным при условии, весьма произвольном: если министр внутренних дел или какой-нибудь генерал-губернатор сочтет недостаточным «для охранения порядка применение действующих постоянных законов» [204].

Разумеется, такое условие открывало простор для безудержного произвола властей, поскольку губернаторами обычно являлись люди, которые, по выражению либерала-земца И. П. Белоконского, на всех жителей губернии смотрели «как на необнаруженных государственных преступников» [205] и старались только их обнаружить. Наблюдательный француз А. Леруа-Болье не без оснований заметил, что отныне в России «губернаторы были облечены всеми правами, которые обыкновенно принадлежат главнокомандующему во вражеской стране» [206].

Период отступления царизма к откровенной реакции завершился весной 1882 г. К тому времени Игнатьев уже стал для царя и Победоносцева «третьим лишним». Мавр сделал свое дело и должен был уйти, тем более что он по привычке обманывать всякого, с кем имел дело, попытался обмануть самого Победоносцева и возвыситься над ним. Оказалось, что ко дню коронации Александра III Игнатьев готовил (втайне от Победоносцева) безгласное, чисто декоративное сборище под историческим названием «Земский собор». «Лгун-паша» пытался внушить царю, будто при «виде собора» революционеры, «пораженные смелою решимостью правительства... остановят свою теперешнюю пропаганду «словом и фактом» и будут с нетерпением ждать, что́ скажут царю призванные им земские люди. А так как для себя и своего дела они от Земского собора ничего, кроме ужаса, не-

годования и беспощадного осуждения, не дождутся, то им и останется одно — сложить оружие»[207].

По мысли Игнатьева, Александр III для большего эффекта должен был обнародовать манифест о созыве «земских людей» 6 мая 1882 г. — в день 200-летия последнего настоящего Земского собора в России. Царь, однако, 4 мая показал проект манифеста Победоносцеву, а тот ужаснулся сам и привел в ужас царя, заявив ему: «Это будет революция, гибель правительства и гибель России»[208]. Перепуганный царь послал к Игнатьеву записку: «Вместе мы служить России не можем. Александр»[209].

30 мая 1882 г. пост министра внутренних дел занял граф Д. А. Толстой — личность, самая ненавидимая в России XIX в. после Аракчеева, гонитель освободительного движения, демократической мысли, просвещения и культуры[210]. Еще памятен был общероссийский восторг от недавнего удаления Толстого с поста министра просвещения, которое Лорис-Меликов устроил вроде «красного яичка» под пасху 1880 г. (в то пасхальное утро верующие приветствовали друг друга вместо традиционного «Христос воскрес!» по-новому: «Толстой сменен!»). Теперь же Толстой вновь получал власть, еще большую, чем прежде. Мыслящая Россия возмутилась, карающая — возликовала. Михаил Катков трубил: «Имя графа Толстого само по себе уже есть манифест и программа!»[211] Так оно и было. Надо только пояснить, что «манифест и программа» Толстого означали не что иное, как тот «принцип управления», который один из корреспондентов Победоносцева формулировал так: «цыц, молчать, не сметь, смирно!»[212]

Назначение Толстого свидетельствовало о том, что царизм вышел из кризиса. В середине 1882 г. «Народная воля» была уже обескровлена и обезглавлена, ее Исполнительный комитет фактически перестал существовать (из всех его членов на свободе оставалась в России одна Вера Фигнер). Военная же организация «Народной воли», которая вырастала в грозную силу и могла восстановить былую мощь партии, в то время полностью еще не сформировалась и практически опасно для царизма себя

не проявила. Другая народническая организация — «Черный передел» — под ударами царизма распалась. Рабочее и крестьянское движение тоже серьезной опасности для самодержавия тогда еще не представляло. Что же касается движения либералов, то оно при Лорис-Меликове и Игнатьеве совершенно заглохло. Таким образом, вторая революционная ситуация была исчерпана.

Итак, в конце 1870-х — начале 1880-х годов Россия пережила вторую (после 1859—1861 гг.) революционную ситуацию. Поскольку 1861 г. не разрешил задачу буржуазного преобразования России, сохранил коренные противоречия феодализма, обусловившие первую революционную ситуацию, добавив к ним противоречия растущего капитализма, поскольку трудящиеся массы после 1861 г. страдали под двойным гнетом — и капиталистическим, и остатками феодального, вторая революционная ситуация как преддверие неотвратимой революции сложилась закономерно. «1861 год породил 1905»[213], а 1879—1881 годы представили собой своеобразный промежуточный рубеж, исторический полустанок на пути от 1861 к 1905 г.

В развитии второй революционной ситуации можно выделить две фазы: восходящую и нисходящую. Все компоненты революционной ситуации (обострение нужды и бедствий «низов» в связи с разорительными последствиями русско-турецкой войны, рост массового крестьянского и рабочего движения, натиск революционной демократии, вступившей в политическую борьбу с правительством, оживление либеральной оппозиции, колебания «верхов») начали обнаруживаться с весны 1878 г. К 1879 г. революционная ситуация была уже налицо и до марта 1881 г. развивалась по восходящей линии. Ее кульминационной вехой стало цареубийство 1 марта 1881 г. После 1 марта началась ее нисходящая фаза: волна революционного прибоя постепенно спадала, царизм собирался с силами и выходил из кризиса. К середине 1882 г. реакция перешла в решительное контрнаступление.

Особенность второй революционной ситуации (в отличие от первой) заключается в том, что решающей силой натиска «низов» 1879—1881 гг. являлась, в отсутствие достаточно широкого массового движения, борьба народовольцев как выразителей и защитников воли народных масс. Именно она главным образом и обусловила в те годы кризис самодержавия. Это со всей непреложностью удостоверяют факты и документы: о динамике массового движения тех лет, о действенности борьбы «Народной воли», о колебаниях «верхов» перед лицом в первую очередь именно народовольческой «крамолы». В свое время прямо указывали на это Ф. Энгельс и В. И. Ленин.

В этой связи решается и вопрос о месте «Народной воли» в развитии народничества: как главный фактор второй революционной ситуации, «Народная воля» со всеми ее достоинствами и недостатками — высший этап народнического движения. Высказывавшееся мнение, будто «уже во второй половине 70-х годов... революционное народничество переживало не восходящий, а нисходящий период своего развития»[214], противоречит логике истории второй революционной ситуации. Ведь если считать народовольчество уже нисходящим этапом народнического движения и учитывать к тому же, что борьба рабочих и крестьян даже в момент ее относительного подъема на рубеже 70 — 80-х годов оставалась еще очень слабой, то как объяснить, из чего сложилась в 1879—1881 гг. (как раз в период «Народной воли»!) революционная ситуация? Почему вдруг царизм именно в те годы стал подумывать о возможности капитуляции? И перед кем?

Вторая революционная ситуация не переросла в революцию главным образом из-за слабости массового движения, из-за отсутствия революционного класса, способного поднять массы и повести их за собой. Именно слабость массового движения, с одной стороны, объективно выдвигала тогда революционную партию (народовольцев) на первый план как решающую силу, а с другой — обрекала ее, лишенную поддержки масс, на поражение. Партия взяла на себя роль, посильную только для целого класса, взяла и — не осилила. Кроме того, неудачу народовольцев

обусловливала теоретическая несостоятельность доктрины, которой они руководствовались. «Ошибка... их,— писал В. И. Ленин,— была в том, что они опирались на теорию, которая в сущности была вовсе не революционной теорией, и не умели или не могли неразрывно связать своего движения с классовой борьбой внутри развивающегося капиталистического общества» [215].

Царизм в условиях второй революционной ситуации пережил тяжелый кризис. Если в 1859—1861 гг. он решал задачу «уступить и остаться», то в 1879—1881 гг. оказался перед вопросом «быть или не быть». В такой ситуации он мобилизовывал на защиту своего режима все силы и средства, изыскивал для борьбы с «крамолой» самые эффективные способы, ревизуя и попирая собственную законность. Вынужденный метаться от обычных законов к исключительным, царизм в 1878—1879 гг. военизировал свою судебно-карательную систему с одновременным и последующим (1880—1881 гг.) сведением к минимуму гласности судопроизводства, т. е. почти завершил, применительно к политическим процессам, начатую еще в 1871 г. судебную контрреформу.

Могучий зов борьбы великой и отважной
Над оргией людской раздался, как набат!
П. Ф. Якубович

IV
Политические процессы 1879—1882 гг. как арена революционной борьбы

Судебный террор царизма

За 1879—1882 гг. царизм провел 99 политических процессов. К 1879 г. царизм в такой степени обкорнал судебные уставы 1864 г., что мог считать суд вполне надежным карательным орудием. Местные власти тогда почти фетишизировали это орудие и старались превзойти друг друга в устройстве как можно большего числа возможно более многолюдных процессов, видя в этом не только хороший способ раздавить «крамолу», но также и выигрышное средство сделать себе карьеру. Например, в обычае киевских карателей было устраивать каждый год по 5—10 процессов, иные из которых оказывались очень внушительными: по делу о Чигиринском заговоре в 1879 г.* судились 45 человек, а по делу о соединенном кружке народовольцев и чернопередельцев (М. Р. Попова — Д. Т. Буцинского) в 1880 г.— 21. Только за 1879—1882 гг. в Киеве прошли 22 политических процесса, тогда как даже в Петербурге — 15.

Судя по числу дознаний, жандармские власти на местах (особенно в «столицах» временных генерал-губернаторств) готовы были устроить и еще больше процессов. По данным министерства юстиции за 1879—1882 гг., в округе московской судебной палаты велось 1215 дознаний при 1255 обвиняемых, в округе харьковской палаты — 1128 (1276 обвиняемых),

* Дело участников «Тайной дружины», которую народники Я. В. Стефанович, Л. Г. Дейч и И. В. Бохановский организовали летом 1877 г. из крестьян Чигиринского уезда Киевской губернии для восстания против помещиков. Слушалось в киевской судебной палате 8—10 июня 1879 г.

одесской палаты — 796 дознаний (972 обвиняемых)[1]. Однако правящие верхи, видя, что даже самые обещающие в смысле посрамления и устрашения «крамолы» процессы (над террористами и цареубийцами) дают эффект, прямо противоположный ожидаемому, санкционировали предание революционеров суду сравнительно редко и неохотно. Это сказалось в особенности после дела 1 марта 1881 г., когда придворная знать и официозная пресса потребовали от царской Фемиды «снять повязку, бросить весы и вооружиться мечом»[2] и сам царь заявил главе своего правительства (М. Т. Лорис-Меликову): «Я желал бы, чтобы наши господа юристы поняли наконец всю нелепость подобных судов для такого ужасного и неслыханного преступления»[3].

Подавляющая часть дел о «государственных преступлениях» разрешалась, как и прежде, в административном порядке, но за 1879—1882 гг., когда революционная борьба приобрела угрожающий для царизма накал, в массе этих дел оказалось так много столь важных, что царизм стал вести судебные процессы чаще обычного. Военно-судебная реформа 1878—1879 гг. облегчила расправу с подсудимыми. Теперь революционерам приходилось иметь дело с таким судом, который и по закону мог расправляться с ними в упрощенном, более выгодном для судей и менее удобном для подсудимых порядке судопроизводства, чем в 1866—1878 гг., а главное, открывал больше простора для беззакония.

Из 99 процессов 1879—1882 гг. только два (правда, самых главных: 1 марта 1881 г. и «20-ти») слушались в ОППС и один (А. К. Соловьева *) — в Верховном уголовном суде, а 71 — в военных судах. Именно эти 74 процесса и определяют собой картину судебного террора в России тех лет. Прочие же 25 дел, которые рассматривались тогда в судебных палатах и окружных судах (12 дел), а также в губернских и полицейских судах Сибири (еще 13 дел), были гораздо менее значимыми и характерными.

---

* Дело о покушении землевольца А. К. Соловьева на царя Александра II 2 апреля 1879 г. Слушалось 25 мая 1879 г.

Началом начал судебного террора являлось последовательное (предписанное законами 9 августа 1878 г., 5 апреля 1879 г. и особенно Положением об охране 14 августа 1881 г.) ограничение гласности суда. При закрытых дверях легче было ущемлять такой обязательный принцип пореформенного судопроизводства, как состязательность сторон. Это и делалось от процесса к процессу — не в исполнение каких-либо узаконений, а в зависимости от обстановки: либо, как на процессе «20-ти», по инициативе судей, которые в общем ловко приноравливались к политической конъюнктуре, либо (в случае если суд оказывался недостаточно ловким) под прямым административным давлением сверху, как на процессе первомартовцев.

В суде по делу 1 марта председательствовал сенатор Э. Я. Фукс. Из его воспоминаний, а также из дневника государственного секретаря Е. А. Перетца мы знаем о попытке верхов (включая царя) сделать процесс более жестким, чем допускал закон. Петербургский градоначальник Н. М. Баранов пожаловался К. П. Победоносцеву «на слабость председателя, дозволившего подсудимым вдаваться в подробные объяснения их воззрений». Победоносцев донес об этом царю, царь потребовал объяснений у министра юстиции Д. Н. Набокова, министр — у Фукса. Возник скандал. Фукс потом вспоминал: «Возможна уже мысль прервать процесс и передать его в военный суд». В конце концов эту мысль оставили. Фукс получил только «высочайшее повеление не допускать разговоров среди подсудимых», да, кроме того, Набоков (тоже не по высочайшему ли повелению?) потребовал не давать слова Желябову для защитительной речи [4]. Фукс, правда, слово Желябову дал, но придирчиво (19 раз!) прерывал его речь, требуя «не впадать в изложение теории». Одергивал он и других подсудимых, а также адвокатов (7 раз вмешался в речь присяжного поверенного В. Н. Герарда). Зато обвинительную речь прокурора Н. В. Муравьева Фукс выслушал в почтительном молчании, хотя, как он сам признал это, прокурор карикатурил программу «Народной воли» «с разными передержками» [5].

На процессе «20-ти» *, который слушался уже при закрытых дверях, сенаторы норовили лишить подсудимых даже такой, крайне стесненной, возможности защищаться, какая была предоставлена первомартовцам. Председательствовал здесь сенатор П. А. Дейер — «безобразный гном» (по выражению А. Ф. Кони), в тщедушном тельце которого невесть как умещались исполинские ресурсы желчи и ненависти к революционерам, тот самый Дейер, который до процесса «20-ти» судил Сергея Нечаева, а после — Александра Ульянова и Ивана Каляева. Он не только прерывал подсудимых, но и вообще лишал их слова (не позволил А. Д. Михайлову сделать заявление о пристрастности сенаторов как судей коронных, а Г. П. Исаеву и Н. Н. Колодкевичу — изложить требования партии), с полицейской строгостью надзирал за поведением обвиняемых [6] и даже запретил было на время суда узаконенные свидания защитников с их подзащитными [7]. Допрос обвиняемых судьи вели с подчеркнутой наглостью. Дейер откровенно злобствовал, прокурор (все тот же Н. В. Муравьев) изощрялся в оскорблениях. Узнав, что подсудимый М. В. Тетерка — рабочий, Дейер стал язвить: «Какой же работой ты занимался?» — «Всякой работой, какой придется». — «А убивать можешь?» Тетерка ответил спокойно: «Я еще, собственно, никого не убил». Когда Исаев заявил, что его в канцелярии градоначальника били, прокурор рассмеялся, а первоприсутствующий под смех прокурора прикрикнул на Исаева: «Это к делу не относится!» [8] «Вертеп палачей» [9] — так назвал это судилище Александр Михайлов.

Военные суды еще меньше заботились о состязательности сторон, чем сенаторы, да и признаков ее в военных судах было меньше, чем в Сенате. На процессах 1879 и отчасти 1880 гг. внешнее подобие состязательности еще сохранялось. Речи подсудимых и адвокатов выслушивались до конца (хотя из пе-

---

* Дело по обвинению 20-ти народовольцев, в числе которых были 11 членов и 9 агентов ИК (А. Д. Михайлов, М. Ф. Фроленко, Н. А. Морозов, Н. Е. Суханов и др.), в принадлежности к социально-революционной партии и участии в террористических актах. Слушалось в ОППС 9—15 февраля 1882 г.

чатных отчетов их «тенденциозные выходки» исключались). Но и тогда судьи в лучшем случае лишь терпели зло защитительных речей, зато с готовностью принять на веру каждое слово внимали обвинительным речам, которые изобиловали солдафонской руганью по адресу как отдельных подсудимых, так и всей революционной партии. Прокурор Н. И. Кессель, к примеру, на процессе «11-ти» * уверял, что русские революционеры — «это не партия, а шайка»; «атаманы шайки хотят смуты во что бы то ни стало, смуты ради смуты — авось, придется поймать рыбку в мутной воде»; общий же идеал «шайки», мол, «одна непрерывная оргия убийства, грабежа и пожара»[10]. С конца 1880 г., после дела «16-ти» **, где прозвучали слишком призывные и потому опасные для правительства речи подсудимых, военные суды стали еще жестче. Закрыв от публики двери, они принялись инквизиторствовать с бесцеремонным пренебрежением к процессуальным правам обвиняемых. Этим больше всех отличались процессы на Украине, где как раз в 1879—1882 гг. подвизался киевский военный прокурор В. С. Стрельников — «Торквемада деспотизма», по выражению Сергея Кравчинского.

До 1881 г. Стрельников руководил дознаниями и выступал обвинителем только на процессах в Киеве, среди которых был и ряд громких дел (В. А. Осинского, «киевских бунтарей», кружка М. Р. Попова — Д. Т. Буцинского). Уже в то время он выделился даже из среды военных прокуроров пристрастием и жестокостью[11], но вполне разнуздался в 1881—1882 гг. Он не гнушался никакими приемами «застращивания» обвиняемых перед судом: например, картинно изображал, как обвиняемый будет на

---

* Дело членов «Земли и воли» (А. Д. Оболешев, А. Ф. Михайлов, О. А. Натансон и др.) и ее сотрудников по обвинению в революционно-пропагандистской и террористической деятельности. Слушалось в петербургском военно-окружном суде 6—14 мая 1880 г.

** Процесс 16-ти народовольцев, в числе которых были пять членов ИК (А. А. Квятковский, С. Г. Ширяев и др.), по обвинению в принадлежности к социально-революционной партии и террористических актах. Слушался в петербургском военно-окружном суде 25—30 октября 1880 г.

виселице высовывать язык и хрипеть (при этом Стрельников для наглядности угрозы сам высовывал язык и хрипел!) [12]. Даже отнюдь не гуманный начальник киевского ГЖУ В. Д. Новицкий 20 марта 1882 г. пожаловался в департамент полиции на то, что после допросов Стрельникова устраивать судебный процесс рискованно, ибо «на суде многие-многие арестанты заявят такие факты обращения с ними, которые могут быть невыгодны и нежелательны в смысле предания их хоть некоторой гласности» [13].

И на суде Стрельников вел себя как палач. «Будешь висеть!» — грозил он подсудимым по ходу судебных прений [14] и вел дело к виселице, полагаясь больше на свое «внутреннее убеждение», чем на юридические основания [15]. Опасен он был не столько сам по себе, сколько потому, что задавал тон процессам, на которых выступал, царил даже над судьями.

Поскольку царизм держал курс на свертывание законности судопроизводства в борьбе с «крамолой», такой обвинитель, как Стрельников («прокурор-паук», по выражению проф. А. Ф. Кистяковского [16]), был для него находкой. Не зря именно ему по высочайшему повелению от 5 августа 1881 г. было поручено «производство дознаний по делам о государственных преступлениях в губерниях, подчиненных киевскому, подольскому и волынскому, а также временному одесскому генерал-губернаторам», причем царь дал министру внутренних дел Н. П. Игнатьеву право «распространить район действий названного генерала (Стрельникова. — *Н. Т.*) и на иные местности империи» [17]. Фактически Стрельников стал после этого жандармским проконсулом всего Юга России. Теперь он мог чинить суд и расправу не только в Киеве, но и в Одессе, Николаеве, на Волыни, в Подолии. Он и взялся за это с такой ретивостью, что Исполнительный комитет «Народной воли» постановил казнить его.

Выполнить постановление поручено было члену ИК Степану Халтурину и агенту Николаю Желвакову. 18 марта 1882 г. на Приморском бульваре в Одессе среди бела дня Желваков застрелил Стрельникова, но сам был схвачен вместе с Халтуриным, который помогал ему в роли кучера заготовленной для этого случая пролетки. Оба народоволь-

ца были преданы военному суду. Этот суд вершился так палачески, что даже сам Стрельников остался бы им доволен. О какой-либо состязательности здесь не могло быть и речи. Утром 19 марта Александр III телеграфировал из Гатчины министру внутренних дел: «Очень и очень сожалею о генерале Стрельникове. Потеря трудно заменимая. Прикажите генералу Гурко судить убийц военно-полевым законом, и чтобы в 24 часа они были повешены без всяких отговорок» [18]. И. В. Гурко, бывший тогда генерал-губернатором Одессы, выполнил приказ: суд и казнь состоялись в 24 часа. В зале суда не было не только никакой (даже избранной) публики, но и свидетелей, защитников; судьи приговорили подсудимых к виселице с глазу на глаз [19]. Некогда было даже установить подлинные фамилии обвиняемых (Халтурин назвался Степановым, Желваков — Косоговским), казнили их неопознанными.

Таким образом, в годы революционной ситуации царизм, хотя и вынужден был отчасти из-за собственной неустойчивости считаться с законностью судопроизводства, всячески стеснял ее, постепенно сводя на нет (и в изменение, и в обход законов) публичность, гласность, состязательность судебного разбирательства. Непременной особенностью политических процессов была тогда и предвзятость обвинения. Видя в террористах 1879 г., а затем в народовольцах наиболее опасных врагов правительства, царский суд на каждом процессе старался определять им высшую меру наказания. В большинстве случаев приговор, особенно смертный, заранее диктовали суду верхи администрации (чаще всего генерал-губернаторы).

Так, киевский генерал-губернатор М. И. Чертков 9 мая 1879 г. уже затребовал из Петербурга «двух или трех палачей» для «совершения одновременно нескольких смертных казней» по делу В. А. Осинского, которое рассматривалось в суде с 7 по 13 мая, а 8 июля того же года, за четыре дня до начала суда над О. И. Бильчанским и А. Я. Гобетом, вновь вызвал в Киев палача, чтобы казнить Гобета и Бильчанского [20]. Точно так же одесский генерал-губернатор Э. И. Тотлебен, прежде чем назначить к слушанию в суде дело «28-ми» (за месяц вперед!), уже

запросил палача для казней по этому делу[21]. Судебный процесс в таких условиях превращался в пустую формальность, причем ни прокуроры, ни судьи не смущались этим. Символичной для того времени была обвинительная речь прокурора Маслова на процессе В. Д. Дубровина *,— речь, циничная как по содержанию, так и по своей краткости (из одного предложения!), с требованием смертной казни «ввиду очевидно доказанного поступка Дубровина, о котором *излишне будет говорить* перед судом (курсив мой.— Н. Т.)»[22].

Юридически правильные обвинительные акты и приговоры на процессах 1879—1882 гг. почти не встречались. За единичными исключениями, улик всегда было меньше, чем нужно было для поддержки обвинения, а приговоры оказывались не менее, если не более жестокими, чем требовала тяжесть обвинения (хотя бы и не доказанного). Даже в деле 1 марта 1881 г., где обвинение располагало достаточными уликами, включая вещественные доказательства (бомбы, динамит и пр.) и собственные признания подсудимых, «немало было оснований,— как подметил известный публицист Г. К. Градовский,— к замене смертной казни другим тяжким, но все же поправимым наказанием»: Желябов был арестован еще до цареубийства, Перовская, Кибальчич, Гельфман и Михайлов не убивали царя, даже Рысаков его не убил; непосредственным убийцей был Гриневицкий, но он сам погиб от бомбы, которая поразила царя[23]. Суд не принял во внимание никаких смягчающих вину обстоятельств и вынес всем подсудимым смертный приговор. Поскольку же обвинение в данном случае основывалось на очевидных уликах, резолюция суда выглядела юридически оправданной. В других процессах обвинительные акты изобиловали не столько доказательствами, сколько натяжками.

Излюбленным приемом царской прокуратуры был монтаж обвинительных актов из показаний предателей вперемежку с жандармскими домыслами. Даже

---

* Дело о революционной пропаганде в армии и вооруженном сопротивлении при аресте землевольца поручика В. Д. Дубровина слушалось в петербургском военно-окружном суде 13 апреля 1879 г.

крупные процессы готовились подобным образом Пять смертных приговоров по делу «28-ми» * в немалой степени были спровоцированы лжесвидетельством, которое жандармы смонтировали из наветов предателя Василия Веледницкого (сам Веледницкий ни в качестве подсудимого, ни в роли свидетеля на процесс не был выставлен; фигурировали лишь его «показания») [24]. Обвинительный акт по делу М. Р. Попова — Д. Т. Буцинского почти целиком был составлен из показаний провокатора Л. И. Забрамского, которые прокурор разбавлял своими измышлениями, ибо Замбрский (цитирую М. Р. Попова) «знал о наших делах немного, или, правильнее, у него были обо всем отрывочные сведения» [25]. Главным источником обвинительного акта по делу «16-ти» были предательские показания Г. Д. Гольденберга, а по делу «20-ти»— В. А. Меркулова, причем и Гольденберг (по неведению), и Меркулов (по злой воле) извращали истину.

Для поддержки обвинения важно было подобрать надежных свидетелей. Царский суд в общем умел это делать. На процессе Веры Засулич в первый и последний раз выступали свидетели защиты (вызванные за счет самой защиты). На все последующие процессы власти допускали только свидетелей обвинения, соответственно их подбирая (как это было и ранее) из дворников, жандармов, городовых. В числе 16 свидетелей по делу В. А. Осинского было 11 жандармов во главе с капитаном Г. П. Судейкиным, который тогда только начинал свое восхождение на карательном поприще [26]. Судейкин возглавлял свидетелей и по делу А. Я. Гобета, которого (вместе с его сопроцессниками) он же, Судейкин, и арестовывал [27], а на процессе «киевских бунтарей» в роли свидетеля наряду с дворниками и жандармами выступал смотритель тюрьмы, мстивший подсудимым за их стойкость в предварительном заключении [28].

На процессах народовольцев к полицейским и дворникам обычно приплюсовывали домохозяев, а также

---

* Дело по обвинению участников народнических кружков Юга России (Д. А. Лизогуб, С. Ф. Чубаров, С. Я. Виттенберг и др.) в революционной пропаганде и террористических актах. Слушалось в одесском военно-окружном суде 25 июля — 8 августа 1879 г.

избранных лиц из военных или обывателей, на которых обвинение могло положиться. К примеру, на процессе первомартовцев из 47 свидетелей оказалось 12 городовых, 11 офицеров и солдат охраны, 7 дворников, 6 домохозяев, у которых жили народовольцы, а в числе остальных фигурировали лейб-гвардейский фельдшер, камер-паж, инженер-генерал, петербургский полицмейстер и царский кучер[29]. Примерно так же (не столько из частной, сколько из «казенной» публики) комплектовался состав свидетелей на процессах «16-ти», «20-ти» и др.

Были попытки использовать в качестве свидетелей обвинения и раскаявшихся революционеров, но успеха не имели. Только Стрельникову удалось было выставить свидетелем против обвиняемых по делу Попова — Буцинского землевольца Арсения Богославского, однако в последний момент этот свидетель поставил киевского Торквемаду в поучительно глупое положение. Вот как это было.

А. А. Богославский 22 февраля 1880 г. был приговорен киевским военно-окружным судом к смертной казни через повешение. Стрельников обещал сохранить ему жизнь, если он согласится выступить свидетелем обвинения на процессе Попова — Буцинского. Тот согласился. По ходу процесса перед допросом свидетелей Стрельников отрекомендовал его судьям как знатока «закулисной стороны русских революционеров» и достойного разоблачителя их пороков. Ввели Богославского. Стрельников предложил ему «познакомить суд со всеми тайнами революции». Тот молчал. Стрельников дал ему наводящий вопрос: «Например, начните с того, что толкает наших революционеров на беззаконный путь? Корыстные цели, не так ли?» Свидетель молчал. Тогда председатель суда в свою очередь поинтересовался: «Что же толкает русскую молодежь на революционный путь?» Богославский неожиданно ответил: «Любовь к народу». «Что?» — переспросил тугой на ухо председатель. «Любовь к народу!»—громко повторил Богославский. По знаку председателя он был немедленно выведен из зала суда и больше не появлялся[30].

После этого инцидента власти не решались выставлять на процессах свидетелями даже проверенных агентов вроде Л. И. Забрамского или С. П. Дегаева,

предпочитая брать у них на предварительном следствии и потом зачитывать на суде письменные показания. Кстати, оговоры Гольденберга и Рысакова (наряду с показаниями других казненных или умерших лиц) тоже использовались как свидетельские. На процессе «20-ти» первоприсутствующий Дейер пытался запутать обвиняемого И. П. Емельянова ссылками на «свидетелей» Рысакова и Кибальчича. Емельянов предложил вызвать свидетелей в суд для допроса. Дейер: «Они не могут быть вызваны, они повешены!» Емельянов: «Это не я их вешал» [31].

Понятно, что в таких условиях, когда гласность, состязательность и прочие атрибуты законности судопроизводства последовательно сводились на нет, судебные приговоры были еще более жестокими, чем на процессах 1866—1878 гг. Студент Киевского университета И. И. Розовский 6 марта 1880 г. был повешен в Киеве по приговору военно-окружного суда только за то, что он имел у себя прокламации «Народной воли» [32]. В. И. Ленин (со ссылкой на В. И. Засулич) в 1901 г. отмечал эту казнь за найденный печатный листок как пример жестокостей царизма, «не бывавших ни раньше, ни позже» [33].

Случай с Розовским действительно из ряда вон выходящий (хотя Розовскому и было не 17 лет, как считали, по слухам, современники, а 20). Но похожие случаи в 1879—1882 гг. были. Повешенный вместе с Розовским М. П. Лозинский также был уличен только в хранении народовольческих прокламаций и еще в попытке бежать из-под ареста [34]. Д. А. Лизогуб и И. Я. Давиденко были казнены 10 августа 1879 г. по приговору одесского военно-окружного суда просто за принадлежность к «противозаконному сообществу» [35]. Под смертную казнь был подведен московским военно-окружным судом 30 июня 1881 г. за передачу народовольческой прокламации 20-летний И. Ю. Старынкевич, которому только из «снисхождения» суд в последний момент определил 20 лет каторги [36], а народовольца О. И. Нагорного тот же московский военно-окружной суд по делу об убийстве шпиона Семена Прейма приговорил 14 сентября 1882 г. к смертной казни вместе с убийцей Прейма Н. П. Евсеевым только по косвенным уликам. «Требовалось,— писала об этом драконовском приговоре

«Народная воля»,— непременно найти постороннюю интеллигентскую руку, направлявшую нож рабочего (Евсеева. — *Н. Т.*), и такая рука представилась в лице Нагорного» [37].

Всего на политических процессах 1879—1882 гг. с общим числом подсудимых в 470 человек царские суды вынесли 67 смертных приговоров. По конфирмации 29 из них были заменены вечной каторгой и 8 — срочной (как правило, 20-летней). Кроме того, к вечной каторге были приговорены еще 17 революционеров. Срочную каторгу (от 2,5 до 20 лет) присудили 160 обвиняемым (из которых 34 человека по конфирмации отделались ссылкой), ссылку — 38, прочие наказания (тюрьма, арестантские, работные, смирительные дома) — 111. Число оправданных за те годы на первый взгляд довольно внушительно (76 человек из 470), но здесь надо иметь в виду, что 58 человек из этого числа были оправданы по четырем делам, которые составляли умеренностью приговоров исключения из правила. Это два дела о Чигиринском заговоре (45 оправданных), харьковской группы «Народной воли» и Л. Ф. Мирского. На все остальные 95 процессов 1879—1882 гг., а точнее, на 12 из них остается 18 оправданных (по 83 политическим делам тех лет царские суды вообще никого не оправдывали).

Итак, только за 1879—1882 гг. в России были казнены 30 революционеров [38]. Из них 16 царские палачи повесили за один 1879 год. Самая казнь проделывалась с редким варварством. Царизм и ранее слыл нещадным и в некотором роде изобретательным палачом революционеров. Достаточно вспомнить казнь декабристов, когда трое повешенных сорвались и были вздернуты на виселицу вторично, или церемонии казней над петрашевцами в 1849 г. и Николаем Ишутиным в 1866 г. На рубеже 1870—1880-х годов жестокость и садизм царских палачей оставили гораздо большее число еще более изуверских следов. Для удавления «политических» подбирались особо квалифицированные палачи, которых министр внутренних дел командировывал из города в город. Казнить в Петербурге В. Д. Дубровина были вызваны сразу два палача — из Москвы и Варшавы. Больше того. Зная о силе и дерзости Дубровина, власти на-

значили «в помощь заплечным мастерам на случай борьбы преступника» еще четырех уголовников из Литовского замка в качестве «подручных палачей» [39]. Против одного осужденного выставили шесть палачей.

Изощрялись каратели и в таких затеях, как глумливое объявление о казни Д. А. Лизогуба («около скотобойни») [40]; виселичный обряд над Софьей Лешерн (надели саван, закрыли голову капюшоном и примерили к шее петлю) перед объявлением ей помилования [41]; садистский (видимо, заранее продуманный) ритуал казни, которому был подвергнут В. А. Осинский. Вопреки обычаю Осинскому не завязали глаза и для начала повесили перед ним одного за другим двух его самых близких друзей (голова Осинского за эти минуты побелела, как снег), а в тот момент, когда палач накинул петлю на шею самому Осинскому, оркестр по знаку прокурора Стрельникова заиграл... «Камаринскую» [42].

При исполнении смертной казни над первомартовцами Тимофей Михайлов за какие-нибудь четверть часа был повешен три раза, так как дважды, уже повешенный, он срывался с виселицы. Такого тоже не бывало — ни раньше, ни позже. Но похожий случай не заставил себя ждать. Речь идет о казни народовольца Е. Г. Легкого 19 июля 1882 г. в иркутской тюрьме. Палач уже повесил было осужденного, но веревка оборвалась, Легкий — еще живой — упал на помост и был повешен еще раз [43].

Надо подчеркнуть, что царские палачи казнили и революционеров, не достигших совершеннолетия (Рысакову было 19 лет, Розовскому и Легкому — по 20). Со времен римского права уголовные законодательства цивилизованных стран признавали обязательным смягчение наказаний для несовершеннолетних, хотя по разному определяли совершеннолетие [44]. В России оно исчислялось с 21 года и статья 146-я Уложения о наказаниях допускала применение смертной казни к несовершеннолетним только в случае, если они «после суда и наказания за преступление будут изобличены вторично в том самом, или в равном, или более тяжком преступлении» [45]. Если по отношению к Легкому, который до смертного приговора 1882 г. судился за революционную пропаганду в 1880 г., закон мог считаться соблюденным, то Розовский и

Рысаков были казнены по первому приговору в явное нарушение закона.

Политические казни 1879—1882 гг. сделали знаменитостью символичную для царского режима фигуру — палача Ивана Фролова. Душегуб-виртуоз (из уголовников), он так пленил царские власти своим палаческим даром, что ему в течение ряда лет доверялись все наиболее важные казни революционеров (через повешение), причем не только в Петербурге, но и в некоторых других городах (Киев, Одесса, Николаев). Люди, неискушенные в мотивах предпочтительной симпатии царизма к Фролову, склонны были думать, будто, кроме Фролова, в России вообще нет более палачей. Лев Толстой так и писал об этом в 1908 г.: «Недавно еще не могли найти во всем русском народе двух палачей. Еще недавно, в 80-х годах, был только один палач во всей России. Помню, как тогда Соловьев Владимир с радостью рассказывал мне, как не могли по всей России найти другого палача и одного возили с места на место. Теперь не то [46]. В действительности «не то» было и в 80-е годы. Фролов отнюдь не являлся тогда uno solo. Халтурина и Желвакова, Легкого и Лисянского, Штромберга и Рогачева, вторых первомартовцев вешали другие палачи.

Помимо карательных законов, которые сулили обвиняемым достаточно тяжелые наказания при условии, если налицо нужные (не добытые, так сочиненные) улики, особую жестокость политических процессов 1879—1882 гг. в немалой степени определяла воля царя, стоявшего над законом и властного диктовать или изменять приговор вне всякой зависимости от каких бы то ни было улик. И Александр II, и Александр III ревниво следили за каждым громким процессом, вмешиваясь в ход и результаты судебного следствия, поскольку и тот и другой считали террористов, народовольцев не только наиболее опасными государственными преступниками, но и смертельными личными своими врагами.

Александра II заслуженно прозвали «вешателем». С его санкции меньше чем за два с половиной года (с августа 1878 до конца 1880) один революционер был расстрелян и 21 повешен. Виселицу царь-«освободитель» считал более «соответственным» (чем рас-

стрел) наказанием для борцов за свободу и не преминул сообщить это своим сатрапам для руководства. 12 мая 1879 г. главный военный прокурор империи В. Д. Философов секретно уведомил всех временных генерал-губернаторов (которым тогда принадлежало право конфирмовать смертные приговоры): «Государь император, получив сведения, что некоторые из политических преступников, судившихся в Киеве военным судом (речь идет об Осинском, Брандтнере и Свириденко. — *Н. Т.*), приговорены к смертной казни расстрелянием, изволил заметить, что в подобном случае соответственнее назначать повешение. О вышеизложенном имею честь сообщить вашему высокопревосходительству для руководства при конфирмации приговоров военных судов по делам сего рода» [47]. «Не повешаешь — не поцарствуешь!» [48] — так подметили в демократических кругах смысл карательной политики Александра II.

Перед лицом революционного натиска Александр II, не обладавший ни политической твердостью, ни силой характера и к тому же буквально разлагавшийся от страха за свою жизнь («коронованная полуразвалина»,— читаем о нем в дневнике П. А. Валуева от 3 июня 1879 г. [49]), колебался, но под влиянием придворной реакции и личной злобы к «нигилистам» все-таки предпочитал наращивать «белый террор». Смертные приговоры в карательной практике своих «шести Аракчеевых» царь встречал с удовлетворением, а помилования — с недовольством. В духе виселичных симпатий царя (а может быть, и по его инициативе) петербургский временный генерал-губернатор И. В. Гурко 30 апреля 1879 г. ввел педантичную инструкцию о том, как вешать революционеров, которая, в частности, предписывала играть экзекуционный марш и бить дробь, если осужденный «будет что-либо говорить или кричать» [50]. Зато стоило тому же Гурко помиловать террориста Л. Ф. Мирского (вечной каторгой вместо виселицы), как царь кольнул его презрительным отзывом: «Действовал под влиянием баб и литераторов» [51]. Очевидно, во избежание излишка помилований Александр II 24 марта 1880 г. приказал, чтобы генерал-губернаторы впредь утверждали своей властью только смертные приговоры, а в тех случаях, когда они сочтут

возможным заменить казнь другим наказанием, испрашивали на это санкции у царя[52]. Отныне самодержец стал не только высшей, но и единственной инстанцией, правомочной миловать осужденного на смерть революционера, тогда как предавать смерти могли по-прежнему и генерал-губернаторы.

Высочайшее помилование даровалось в 1879—1882 гг. лишь в особых случаях: либо вследствие откровенных показаний осужденного (пример: И. В. Родионов в деле И. И. Розовского), либо ввиду неустойчивости правительства, когда оно боялось чрезмерно обострить казнями обстановку в стране (дело «16-ти»), либо под напором мировой общественности (дела 1 марта и «20-ти»). Царизм мог бы без ущерба, а скорее с выгодой для себя чаще снисходить к помилованию смертников. Ведь, с одной стороны, по форме оно выглядело актом милосердия и подкрепляло авторитет царской власти, а с другой — по существу не облегчало судьбу осужденного. Газета «Народная воля» верно подметила, что высочайшее помилование — «это не больше как неудачный юридический термин, обозначающий, что смерть через повешение заменена смертью через заключение»[53]. В самом деле, кроме единичных случаев, когда смертная казнь заменялась срочной каторгой, царь миловал смертников пожизненным одиночным заключением[54], которое убивало помилованных почти наверняка — медленнее, но зато и мучительнее, чем веревка палача. Достаточно заметить, что только в 1881—1884 гг. были загублены в застенках Трубецкого бастиона и Алексеевского равелина Петропавловской крепости «помилованные» народовольцы Геся Гельфман, Степан Ширяев, Николай Клеточников, Александр Баранников, Макар Тетерка, Мартин Ланганс, Александр Михайлов, Николай Колодкевич, Петр Теллалов, Людмила Терентьева.

Почему же все-таки царизм редко проявлял столь, казалось бы, безущербное для него монаршее милосердие к осужденным революционерам? Видимо, потому, что боялся их даже пленных, замурованных в каменные могилы, боялся, как бы они, и «одетые камнем», не учинили бы какую-нибудь «крамолу» и не доставили бы правительству лишних хлопот. Сумел же С. Г. Нечаев в декабре 1880 г., на восьмом

году своего заточения в Алексеевском равелине, установить связь с первым же народовольцем, только что заключенным в равелин (С. Г. Ширяевым), и при его содействии войти в регулярные сношения с ИК «Народной воли». Особенно встревожил высокие сферы тот факт, что связными служили Нечаеву и Ширяеву караульные равелина, которых Нечаев успел совершенно распропагандировать. Пришлось в самой Петропавловской крепости затевать скандальное судебное дело [55]. 1—3 декабря 1882 г. военный суд за стенами крепости, «с могильной, чисто петропавловской безгласностью» (по выражению газеты «Народная воля»), приговорил народовольцев Е. А. Дубровина и А. А. Филиппова, которые руководили связными, к различным срокам каторги и 16 караульных солдат — к ссылке в Сибирь [56].

Тяжела была участь и тех революционеров, которым суд определял каторгу или ссылку. Народовольцы-каторжане до открытия «государственной тюрьмы» в Шлиссельбурге (1884 г.) и политической каторги на Сахалине (1886 г.) содержались преимущественно в тюрьмах Карийской каторги [57], кроме тех, кого царизм считал особо опасными и упрятывал в Трубецкой бастион и Алексеевский равелин Петропавловской крепости. Всего за 18 лет существования политической каторги на Каре (1873—1890 гг.) через нее прошли 212 осужденных по разным процессам. Поступали они туда большей частью в 1880—1884 гг., т. е. в годы «Народной воли», но до того, как открылась «государева тюрьма» в Шлиссельбурге, ставшая главным обиталищем каторжан-народовольцев. Вот данные о поступлении на Кару всех ее 212 политических узников:

1873 г. — 2	1882 г. — 46
1875 г. — 2	1883 г. — 20
1877 г. — 6	1884 г. — 23
1878 г. — 7	1885 г. — 7
1879 г. — 1	1886 г. — 6
1880 г. — 57	1888 г. — 6
1881 г. — 26	1889 г. — 3 [58].

Карийский режим не был так откровенно рассчитан на последовательное умерщвление узников, как петропавловский или шлиссельбургский, но с 1880 г., как только на Кару начали поступать народовольцы, он тоже стал очень жестоким. 20 сентября 1880 г.

М. Т. Лорис-Меликов сообщил генерал-губернатору Восточной Сибири новую инструкцию, согласно которой каторжанам запрещалась всякая переписка, все они (не только на работе, но и в камерах) должны были оставаться «всегда в оковах», а «в чрезвычайных случаях, как-то: явного сопротивления, замыслов к заговорам, буде никакие благоразумные меры не будут достаточны, заведующий ссыльно-каторжными может употребить холодное и в самой крайности огнестрельное оружие, не ответствуя в таком случае за убитых и раненых» [59]. Всякое проявление протеста против каторжного режима подавлялось нещадно. В феврале 1882 г. «Народная воля» писала, что на Каре Наталья Армфельд «за непочтительность» была избита прикладами, а Григорий Попко, Иван Тищенко и Григорий Фомичев за попытку побега прикованы к тачке [60].

Ссылка в Восточной Сибири мало отличалась от каторги. Народовольцев ссылали чаще всего в Якутию. Если с 1863 по 1878 г. туда поступил 21 ссыльный, то с 1879 по 1890 г. — 292 [61]. Что касается условий, в которых жили якутские ссыльные 70—80-х годов [62], то о них коротко и ясно сказал народовольцу А. Л. Гаусману ответственный чиновник департамента полиции Н. Ф. Русинов: «О Средне-Колымске мы ничего больше не знаем, как то, что там жить нельзя. Поэтому мы туда и отправляем вас» [63].

Таковы были в 1879—1882 гг. начала и концы судебной расправы царизма с народовольцами. Посредством оргии политических процессов царские суды нагнетали в стране «белый террор», крайним выражением которого являлись тогда смертные казни революционеров. Обратившись к ним в 1878 г. после долгого (с 1866 г.) перерыва, царизм связывал с ними большие надежды: истребить вожаков революционного движения, устрашить, отшатнуть от него сочувствующих и подавить движение.

Революционная агитация со скамьи подсудимых

Политические процессы в России эпохи второй революционной ситуации (особенно важнейшие, такие, как «16-ти», первомартовцев, «20-ти») были по преимуществу народовольческими. Но тогда же часто

шли процессы и попутчиков «Народной воли» (вроде И. О. Млодецкого, Н. М. Санковского), и других народников (землевольцев, чернопередельцев), и рабочих-революционеров (В. П. Обнорского с товарищами по «Северному союзу русских рабочих», П. Ф. Лобанева, Я. И. Петлицкого и др.). В 1879 г. судились главным образом террористы — предшественники «Народной воли», зачинатели политического направления в народничестве.

Поведение террористов 1879 г. перед царским судом отличалось от того, как вели себя революционеры на процессах до и после 1879 г. С одной стороны, военные суды, введенные специально для расправы с террористами, притесняли подсудимых еще больше, чем даже суд сенаторов. Возможность юридической полемики и тем более программной революционной речи перед военным судом почти исключалась. К тому же использовать такую возможность сами подсудимые обычно не считали нужным ввиду безгласности и формальности военных судилищ. С другой стороны, революционное движение в 1879 г. тактически перевооружалось: народники изживали аполитизм и вступали в политическую борьбу против самодержавия, но еще не стали сознательными «политиками» и не выработали ясной политической программы.

Поэтому на процессах 1879 г. не слышалось программных революционных речей, таких, как речи Ипполита Мышкина или Софьи Бардиной ранее, Александра Квятковского или Андрея Желябова позднее. Как правило, не вдавались террористы 1879 г. и в разъяснение мотивов своих покушений. Пожалуй, только А. К. Соловьев счел это нужным, выдвинув (по примеру Веры Засулич) мотив протеста и мщения: «Как только проходят в моем воображении мученики за народ, фигурировавшие в целом ряде политических процессов и безвременно погибшие; затем — картины страданий братьев по убеждениям, томящихся в центральных тюрьмах, все это разжигает ненависть к врагам и побуждает к мщению» [64].

Дело Соловьева (как и дело Засулич) рассматривал не военный суд. В военных же судах террористы 1879 г. почти всегда отказывались от каких-либо процессуальных объяснений. При этом они заявляли, что считают компетентным решать политические дела

«только суд общественной совести, суд с присяжными заседателями» (В. А. Осинский)[65], а военного суда не признают, «так как этот суд состоит из слуг правительства и находится на жалованье» (А. С. Овчинников)[66]. Со скамьи подсудимых они выражали презрение к суду и словом, как С. Н. Бобохов («Вы не судьи, а палачи, вы наемные убийцы! Я презираю вас!»)[67] или К. Ф. Багряновский («С улыбкою и жестикуляцией рук сказал, что он «к суду относится с полным презрением»»[68]), и всем своим поведением, как богатырь В. Д. Дубровин: едва его ввели в судебную залу, он повернулся к судьям спиной, в ответ же на окрик председателя бросился к судейскому столу, сжав кулаки, и мог бы прибить хлипкого инквизитора, «если бы часовые не приставили ему штыков ко груди, а затем восемь человек, которым дано было приказание связать его, едва успели справиться с ним»[69].

Бойкотируя судебную военщину, не желая вступать с нею в юридический диалог, подсудимые на процессах 1879 г., за редкими исключениями (о них пойдет речь особо), открыто, с вызовом, провозглашали свои революционные и социалистические убеждения. Это делали не только твердокаменные вожаки, как, например, В. А. Осинский, который в последнем слове перед оглашением ему смертного приговора восславил социализм: «Движению этому предстоит широкое развитие и победоносная будущность. В этом я уверен и в этой уверенности почерпну силу и утешение в случае, [если] суд порадеет постановить мне смертный приговор»[70]. Так же поступали и начинающие революционеры вроде 18-летнего террориста И. Ф. Зубржицкого, подчеркнувшего на суде, что он «действовал по убеждениям, с которыми не расстанется и будет действовать в том же духе даже тогда, когда бы его освободил суд»[71].

Безусловно, такие заявления со скамьи подсудимых, широко распространявшиеся устной молвой и нелегальной прессой, служили делу революционной агитации особенно в тех случаях, когда они подкреплялись подлинными документами (письмами, завещаниями) осужденных. Процессы 1879 г. оставили ряд таких документов. Среди них предсмертное письмо С. Я. Виттенберга, написанное в день казни (10 ав-

густа 1879 г.) и переданное на волю сопроцессниками казненного. «Что наша кровь послужит удобрением для той почвы, на которой взойдет семя социализма, что социализм восторжествует и восторжествует скоро,— это моя вера»[72],— писал товарищам на прощанье Виттенберг. Такое же письмо сумел передать друзьям перед казнью Д. А. Лизогуб: «Я знаю, за что погибаю, знаю, сколько еще осталось моих товарищей; я знаю, что, несмотря на все преследования, число их увеличивается с каждым днем; наконец, я знаю, что самая правота дела говорит за его успех,— зная все это, я спокойно жду своего конца»[73].

Наибольшее же впечатление в революционном лагере произвело предсмертное письмо В. А. Осинского, бывшего тогда самым влиятельным из террористов. «Последний раз в жизни приходится писать вам, и потому прежде всего самым задушевным образом обнимаю вас и прошу не поминать меня лихом... — обращался к друзьям Осинский. — Мы ничуть не жалеем о том, что приходится умирать, ведь мы же умираем за идею, и если жалеем, то единственно о том, что пришлось погибнуть почти только для позора умирающего монархизма, а не ради чего-либо лучшего, и что перед смертью не сделали того, чего хотели... Наше дело не может никогда погибнуть — эта уверенность и заставляет нас с таким презрением относиться к вопросу о смерти...»[74]

Однако, провозглашая перед судом революционные и социалистические убеждения, террористы 1879 г. не признавали себя членами какой-либо организации, следуя традиции, оправданной для 1871—1875 гг. с их организационным анархизмом, а для периода «Земли и воли» не всегда уместной. Более того, продолжая ту же традицию, террористы отказывались признать себя даже членами революционной партии в широком смысле этого понятия, как разъяснял его на процессе «193-х» Ипполит Мышкин. Между тем, казалось бы, пример Мышкина — первого из русских революционеров, кто назвал себя со скамьи подсудимых членом революционной партии, а также пример Софьи Бардиной и Георгия Здановича, которые хотя и не объявляли себя с вызовом членами партии, но и не отрицали своей принад-

лежности к ней, а главное, превозносили партию,— эти примеры должны были увлечь революционеров, тем более что силы и авторитет партии в 1878—1879 гг. росли.

Видимо, сила традиции и связанных с ней опасений, как бы признание в принадлежности к партии не помогло карателям проникнуть в ее тайны, пока влияла на сознание подсудимых больше, чем рост сил самой партии. К тому же кризис «Земли и воли», борьба внутри ее между «политиками» и «деревенщиками» мешали подсудимым революционерам правильно сориентироваться в партийных делах и, возможно, заставляли их пока воздерживаться от провозглашения принадлежности к организации, расколотой на две противоборствующие группы. Наконец, еще сказывалась (все меньше и меньше) та особенность донародовольческого прошлого, которую сама «Народная воля» определяла так: «Еще революция не имела тех прав в глазах своих приверженцев, какие она имеет теперь, еще не считалось обязанностью честного человека становиться в ее ряды, еще члены ее не могли считать за честь принадлежать к ней, когда она только что нарождалась и ничем себя не заявляла»[75].

Отрицание принадлежности к революционной партии являлось правилом для всех террористов, судившихся в 1879 г. Исключений почти не было. Пожалуй, только В. А. Осинский дерзко и гордо провозгласил: «*Имею честь* быть членом русской социально-революционной партии» (курсив мой. — *Н. Т.*)[76], да С. А. Лешерн (сопроцессница Осинского) и А. К. Соловьев[77] признали свою принадлежность к партии.

Процессы «Народной воли» сразу же обратили на себя внимание современников новыми, отличными от прежних процессов чертами. Во-первых, бросилась в глаза внешняя корректность поведения подсудимых. М. Н. Катков в передовой статье «Московских ведомостей» по поводу процесса «16-ти» не преминул отметить: «Скандалов, какими отличались прежние процессы, не было»[78]. В этой связи Н. Ф. Анненский сделал интересное и в сущности верное, хотя и несколько шаржированное сопоставление: «В Большом процессе («193-х». — *Н. Т.*) наивные идеалисты и мечтатели ругались, потрясали решетками, наво-

дили ужас на судей. Это было в семьдесят восьмом году. А через два-три года перед теми же сенаторами, безупречно одетые в черные пары и в крахмальных воротничках, Александр Квятковский и потом Желябов давали в корректнейшей форме показания: «Я уже имел честь объяснить суду, что бомба, назначенная для покушения на императора, была приготовлена там-то и состояла из следующих частей...»» [79]

Корректность подсудимых-народовольцев в какой-то степени, вероятно, объясняет, почему царизм на первых процессах «Народной воли» был несколько снисходителен к состязательности сторон. Судьи могли рассчитывать, что сами подсудимые, поскольку они отказались чинить анархистские обструкции обвинению, в «честном» процессуальном поединке будут посрамлены коронными юристами, а что касается их террористических идей, то они лишь возмутят и отвратят от «крамолы» все слои общества.

Другой, менее заметной для постороннего глаза, но несравненно более важной особенностью народовольческих процессов было правило подсудимых заявлять о своей принадлежности к революционной партии и пропагандировать идеи и дела партии. Только со времени «Народной воли» обычными для политических процессов в России стали программные речи подсудимых от имени революционной партии. Никогда ранее царский суд не слышал таких партийных заявлений, как то, которое сделал на первом же процессе «Народной воли» член ИК С. Г. Ширяев: «Как член партии я действовал в ее интересах и лишь от нее, да от суда потомства жду себе оправдания. В лице многих своих членов наша партия сумела доказать свою преданность идее, решимость и готовность принимать на себя ответственность за все свои поступки. Я надеюсь доказать это еще раз своею смертью» [80]. Друзьям в дни того же процесса («16-ти») Ширяев писал: «Хотелось бы подольше поработать рука об руку с вами, да не пришлось, а раз попавши в когти правительства и притом по такому важному делу, могу сослужить единственную и последнюю службу дорогим интересам нашей партии,— не щадя своей шкуры и примирившись с мыслью о неизбежной смерти, не запятнать И. К.,

в этом теперь и состоит моя единственная работа»[81]. Так же были настроены и на процессе «16-ти», и на последующих процессах другие народовольцы — соратники Ширяева.

А. И. Желябов, едва суд предоставил ему слово по делу о цареубийстве, начал защитительную речь с такой преамбулы: «Гг. судьи, дело всякого убежденного деятеля дороже ему жизни. Дело наше здесь было представлено в более извращенном виде, чем наши личные свойства. На нас, подсудимых, лежит обязанность, по возможности, представить цель и средства партии в настоящем их виде»[82]. Вся речь Желябова и была образцом защиты не его «личных свойств», а целей и средств партии, образцом, который тем не менее раскрывает перед нами и его, Желябова, великолепные «личные свойства» как «убежденного деятеля». Первоприсутствующий пытался сбить его с программной декларации к частным объяснениям, одергивал, требовал говорить только о себе лично.

«Первоприсутствующий: Вы опять говорите о партии...

Подсудимый Желябов: Я принимал участие в ней!»[83]

Глубоко партийным было и выступление А. Д. Михайлова на процессе «20-ти» о том, что «Народная воля» — это не «шайка убийц», как представлял ее прокурор, а политическая партия, борющаяся за «вознесение интересов народа выше интересов единодержавия»[84]. Даже прокурор Н. В. Муравьев в обвинительной речи по делу «20-ти» оценил поведение обвиняемых: «Им надо отдать дань уважения, — они и в последнюю минуту расчета с правосудием думают не о своей личности, а об интересах сообщества, к которому принадлежат»[85].

Судебные процессы народовольцев начались с февраля 1880 г. на Украине, но только на процессе «16-ти» (Петербург, 25—30 октября 1880 г.) «Народная воля» впервые заявила о себе как партия[86]. Здесь же определилась и та линия поведения, которой подсудимые народовольцы с тех пор держались всегда, особенно на процессах 1880—1882 гг., пока в стране сохранялись признаки революционной си-

туации, а в судопроизводстве по государственным преступлениям — остатки публичности, гласности, состязательности.

Обстановка революционного подъема 1879—1881 гг. и отчасти 1882 г. не могла не повлиять на поведение как судей, так и подсудимых. Если суд в той обстановке держался неустойчиво, лавировал с оглядкой на высшую администрацию между желанным упразднением законности судопроизводства и вынужденным (до тех пор, пока правительство не вышло из кризиса) соблюдением хотя бы ее видимости, то подсудимые под впечатлением революционного подъема действовали целеустремленно и наступательно. Их выступления, будь то показание, защитительная речь или последнее слово, были полны революционного оптимизма, веры в неодолимость социалистических идей даже перед лицом смерти. Так, вслед за героями процессов 1879 г. выступали не только лидеры и трибуны «Народной воли» (Квятковский и Ширяев, Желябов и Кибальчич, Михайлов и Суханов) и не только их ближайшие помощники, например агент ИК Николай Желваков, воскликнувший перед казнью на эшафоте: «Меня повесят, но найдутся другие! Всех вам не перевешать! От ожидающего вас конца ничто не спасет вас!» [87] Так выступали и рядовые народовольцы, вроде малограмотного рабочего Якова Тихонова, который в последнем слове перед смертным приговором сказал: «Я знаю, мне и другим товарищам осталось всего несколько часов до смерти, но я ожидаю ее спокойно, потому что идея, за которую я боролся и умираю, со мной не погибнет. Ее нельзя бросить, как нас, в тюрьмы, ее нельзя повесить!» [88]

При таком настроении народовольцы считали своим долгом обосновывать и в следственных показаниях, и в судебных речах закономерность вызревания русской революции и неизбежность ее. М. Ф. Грачевский на допросе 5 августа 1882 г. подчеркивал, что революция предопределена социально-экономическими уродствами российской действительности: до 1861 г. это был «крепостной гнет во всех его проявлениях», а после 1861 г. — «недоконченность реформ», отдавшая крестьян «на съедение капиталу и представителям власти», самодержавный деспотизм и про-

извол, настойчивые усилия правительства «задушить умственную и нравственную жизнь народа» [89]. В этой связи на процессе «20-ти» Т. И. Лебедева [90] и особенно Н. Е. Суханов доказывали, что, по мере того как царизм тщится искоренить революционное движение, оно наперекор всем репрессиям вовлекает в себя все больше и больше людей. «Если не изменятся наши порядки,— говорил Суханов, обращаясь к судьям,— то на этой скамье подсудимых часто будут сидеть и ваши, господа, дети — дети лиц обеспеченных, дети, получившие самое строгое и нравственное воспитание» [91]. Неотвратимость победы революции предрекали со скамьи подсудимых А. А. Квятковский, Н. И. Кибальчич, А. Д. Михайлов, обосновывали в следственных показаниях С. Г. Ширяев, Н. Н. Колодкевич, Ю. Н. Богданович [92].

Каков должен быть характер предстоящей революции, народовольцы ни на следствии, ни на суде не объясняли, ограничиваясь ссылкой на то, что революция будет народной. Вообще доктрину народничества они в показаниях и судебных речах не излагали. Правда, все они, как правило, отводили решающую роль в грядущем обновлении России народу, провозглашая, что «дело народа может быть выиграно лишь самим народом» [93], «осуществление народных идеалов может произойти только посредством народного восстания» [94]. Говорили они и о нерасторжимом единстве идеалов партии и народа, о служении народу как высшем долге революционера.

Желябов на вопрос судей о его занятиях так и ответил: «Служил делу освобождения народа. Это мое единственное занятие, которому я много лет служу всем моим существом»[95]. Желябов особенно подчеркивал, что он «человек, из народа вышедший, для народа работавший», и что вся партия, которую он представляет,— это «партия народолюбцев-социалистов» [96].

Кибальчич в судебной речи заявил, что его идеал — свободный труд на благо народа: «Ту изобретательность, которую я проявил по отношению к метательным снарядам, я, конечно, употребил бы на изучение кустарного производства, на улучшение способа обработки земли, на улучшение сельскохозяйственных орудий и т. д.»[97] Замечательно выразил от-

ношение народовольцев к народу, к простому русскому мужику М. Ф. Грачевский: «Он, со всеми его «потрохами», для меня дороже самого себя; я живу его интересами, думаю и гадаю за него и вместе с ним страдаю за него больше, чем он, потому что понимаю больше его» [98].

Собственно, это единение целей партии с чаяниями народа народовольцы и выставляли в объяснениях на следствии и суде. «Мы решились,— говорил на суде Желябов,— действовать во имя сознанных народом интересов... Это отличительная черта народничества» [99]. Подобным же образом объясняли «программу народнической партии» Квятковский на процессе «16-ти» [100] и Юрий Богданович на дознании по делу «17-ти», причем последний в показании от 5 мая 1882 г. сделал упор на том, что ««Народная воля» по своему составу, своим целям и средствам — то же самое, чем были раньше народники, и что она, таким образом, есть тот же самый организм, только окруженный новыми условиями» [101]. Анализу этих новых условий и соответственно новых целей и средств, которые отличали «Народную волю» от ее предшественников, народовольцы уделяли особое внимание в следственных показаниях и судебных речах.

Все они доказывали, что в условиях, когда царизм всей мощью правительственной системы нещадно давил всякое, даже самое мирное, проявление недовольства, революционная партия неминуемо должна была преодолеть былой аполитизм и сосредоточить усилия на борьбе с правительством за политические свободы. Об этом говорили на следствии и суде Квятковский и Ширяев, Желябов и Перовская, Александр Михайлов и Колодкевич [102]. Суханов в своем последнем слове разъяснял, что, хотя корень всех социальных неурядиц в стране — это «крайне тяжелое экономическое положение русского народа», все же «нельзя прямо непосредственно улучшить экономическое положение, необходимо раньше добиться хоть каких-нибудь улучшений в положении политическом, получить хоть несколько политической свободы, чтобы затем уже приложить свои силы на пользу народа» [103].

Под таким углом зрения народовольцы со скамьи подсудимых излагали свою программу политического переустройства России, очищая ее от наветов обвинительной власти. Прежде всего они отвергали ходячее обвинение русских революционеров в анархизме. «Нас давно называют анархистами, но это совершенно неверно,— говорил в последнем слове Квятковский. — Мы отрицаем только данную форму государственной организации, как такую, которая блюдет интересы только незначительной части общества, интересы капиталистов, землевладельцев, чиновников и прочих и служит главной причиной бедственного положения народа. Мы утверждаем, что государство, напротив, должно служить интересам большинства, т. е. народа, что может быть исполнено только при передаче власти народу, при участии в государственной жизни самого народа» [104].

Устарелость и несостоятельность обвинения «Народной воли» в анархизме разоблачали вслед за Квятковским Желябов на процессе первомартовцев («Мы государственники, не анархисты. Анархисты — это старое обвинение...» [105]) и Богданович, который на дознании по делу «17-ти» доказывал, что клеймо анархизма переадресовывается «Народной воле» от деятелей «хождения в народ» «без всякого действительного основания» [106].

С другой стороны, подсудимые народовольцы энергично оспаривали тезис царских юристов (ссылавшихся при этом на показания Г. Д. Гольденберга) о том, что будто бы гвоздем решений Липецкого съезда и осью всей деятельности партии явилось цареубийство. И Квятковский, и Ширяев на процессе «16-ти», а на последующих процессах — Желябов и Александр Михайлов, поскольку им приходилось иметь дело с показаниями Гольденберга, указывали на «постоянный субъективизм этого умершего свидетеля», который сам «был поглощен мыслью о необходимости последовательного повторения покушений, для него не было других целей, других средств», и, как человек, «недостаточно образованный и подготовленный для обсуждения общих программных вопросов», он судил о программе партии (тогда * окон-

* Г. Д. Гольденберг был арестован еще 14 ноября 1879 г.

чательно еще не определившейся) в меру своего разумения, принимая желаемое за действительное [107]. На деле же ни расчеты «Народной воли», ни самые причины ее возникновения в недрах «Земли и воли» вовсе не были столь узкими, как понял их и представил в своих показаниях Гольденберг и как они истолкованы (по Гольденбергу) царскими властями и некоторыми историками.

«Распадение народнич[еской] партии на две фракции вышло вовсе не из-за террора и цареубийства,— говорил на суде С. Г. Ширяев,— но обусловливалось разницею во взглядах на политическую деятельность. Что же касается террора, я думаю, разногласие здесь не было принципиальным, и стремления фракций могли бы быть соглашены на этом пункте без разделения партии, ибо террор, как известно, допускался и старо-народническ[ой] организацией» [108]. Суть дела в том, объяснял Ширяев, что старая народническая программа оказалась недостаточной, поскольку она «совершенно игнорирует вопрос политический, т. е. вопрос о передаче власти в государстве в руки народа, и призывает все силы партии к деятельности, цель которой — экономический переворот». Поэтому Липецкий съезд постановил «пополнить программу «Земли и в[оли]» «требованием изменения существующего государственного строя в том смысле, чтобы власть в государстве была передана самому народу путем организации представительных политических учреждений. Это положение и сделалось основным пунктом новой программы, развивая которую съезд стал далее обсуждать средства к осуществлению намеченной цели...» [109].

Точно так же, в согласии с «Программой Исполнительного Комитета», формулировали «общую цель» партии («народоправление, переход верховной власти в руки народа») и мотивировали ее Желябов и Александр Михайлов [110]. Некоторые члены ИК (в частности, Желябов, Михайлов, Колодкевич, Исаев) пытались со скамьи подсудимых изложить программные требования «Народной воли» подробно, по пунктам, но судьи не давали им это делать, прерывая их выступления в самом начале и требуя, под угрозой лишить их слова, «не впадать в изложение теории» [111]. Поэтому подсудимые спешили провозгласить хотя

бы главные требования своей партии, выделяя при этом именно принцип народоправления.

После убийства Александра II, когда, с одной стороны, самодержавие еще находилось в состоянии крайней растерянности, но, с другой — ИК увидел, что у него нет сил для решающего удара по царизму, народовольцы из тактических соображений некоторое время пытались склонить правительство к согласию на такие требования, которые представляли собой нечто вроде программы-минимум «Народной воли», призванной подготовить условия для последующей реализации программы-максимум. Самым ярким выражением этой тактики явилось знаменитое письмо ИК к Александру III от 10 марта 1881 г., а отчасти и бесплодные переговоры отдельных членов ИК с В. К. Плеве и агентами «Святой дружины» с конца 1881 до конца 1882 г. Эта тактика проявилась и в поведении народовольцев перед царским судом. Н. И. Кибальчич в показании 20 марта 1881 г. объяснял, что «Народная воля» готова отказаться от террора при условии «полнейшей свободы слова, печати, сходок и избирательной агитации» и что «в таком именно смысле проектировано напечатать обращение к императору Александру III» [112]. На процессе «20-ти» по настоянию защиты (видимо, согласованному с подсудимыми) было прочитано вслух письмо ИК к Александру III [113], которое ставило перед царизмом во избежание «кровавой перетасовки, судорожного революционного потрясения всей России» два условия:

«1) общая амнистия по всем политическим преступлениям прошлого времени, так как это были не преступления, но исполнение гражданского долга;

2) созыв представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их сообразно с народными желаниями», причем на время выборов, «вплоть до решения народного собрания», правительство должно было гарантировать полную свободу печати, слова, сходок, избирательных программ [114].

Подсудимые, которые в большинстве своем только теперь ознакомились с письмом ИК, «пришли от него в восторг» [115] и строили свои выступления на суде в согласии с его духом и требованиями [116]. После

суда А. Д. Михайлов в письме к товарищам признал тактически правильным временно сосредоточить все усилия партии на достижении ближайших целей, выдвинутых в письме ИК: «Все отдаленное, все недостижимое должно быть на время отброшено. Социалистические и федералистические идеалы должны отступить на второй план дальнейшего будущего» [117].

Итак, политическое переустройство страны, замена самодержавия народоправлением, а для начала — общая амнистия по всем политическим делам, отмена чрезвычайных законов и обеспечение элементарных демократических свобод (слова, печати, собраний) — вот какие требования предъявляли народовольцы на судебных процессах 1880—1882 гг. от имени своей партии в первую очередь. Примечательно, что «чисто социалистические принципы» (уничтожение «частной собственности на землю и на орудия крупного производства», распределение «продуктов общего труда по решению между работниками и по потребностям каждого» и др.), которые провозглашались в программных документах «Народной воли» [118] и о которых народовольцы говорили на следствии [119], в судебных речах не фигурировали. Понять этот своеобразный тактический ход подсудимых можно только с учетом общего взгляда «Народной воли» на соотношение политического и социального переворота в России.

Дело в том, что утопический предрассудок, будто, говоря словами В. И. Ленина, «простым захватом власти можно будет совершить не политическую только, а и социальную революцию» [120], хотя и был присущ народовольчеству, но (во всяком случае применительно к 1880—1881 гг.) лишь в относительной степени. Из программных документов «Народной воли» явствует, что народовольцы, по мере того как разгоралась их схватка с царизмом за политическую свободу, частично изживали этот предрассудок и склонялись к тому, что политический переворот должен предшествовать социальному как первая и самостоятельная стадия революционного преобразования страны, причем если политическая революция посильна и для партии (через посредство «простого захвата власти»), то революция социальная осуществима только силами народа.

В «Программе ИК» (декабрь 1879 г.) провозглашался «демократический политический переворот, как средство социальной реформы» явно в том смысле, как трактовала эти явления передовая статья № 2 «Народной воли» от 15 ноября 1879 г.: «При наших государственных порядках политический и социальный переворот совершенно сливаются»[121], а в «Подготовительной работе партии» (весна 1880 г.) политический переворот рассматривается уже лишь как «первый шаг к осуществлению народных требований», вслед за которым должна быть развернута подготовка к перевороту социальному[122]. «Программа рабочих, членов партии «Народной воли»» (ноябрь 1880 г.) объединяет социалистические и общедемократические преобразования в одном перечне задач партии, но разъясняет, что «в наше время такие (социалистические. — *Н. Т.*) порядки нам не по плечу» и что «сразу и в самом близком будущем невозможно добиться полной свободы и прочного счастья народа»[123].

Мысль о политическом и социальном (экономическом) переворотах как о двух разновременных этапах грядущей русской революции налицо и в программной статье Н. И. Кибальчича «Политическая революция и экономический вопрос» для № 5 «Народной воли» от 5 февраля 1881 г., где речь идет о том, что «политическая борьба с государством для нашей партии является... могущественным средством приблизить экономический переворот и сделать его возможно более глубоким»[124]; и в передовой статье № 6 «Народной воли» от 23 октября 1881 г., которая ставит в порядок дня «политический переворот... обуздание деспотизма, замену неограниченной монархии всенародным представительством» как необходимое предварительное условие последующей социализации жизни»[125]; и в передовой статье № 8—9 «Народной воли» от 5 февраля 1882 г., где предсказывается, что «народ сумеет совершить революцию в экономической сфере» вслед за политическим переворотом, осуществляемым силами революционной партии[126].

Советские историки различают внутри народовольчества отдельные течения, из которых главными были, по терминологии Г. В. Плеханова, народо-

вольцы «желябовского толка», выступавшие за политический переворот как преддверие социального переворота, и народовольцы «тихомировского согласия», которые ратовали за социальный и политический переворот одновременно[127]. Считается, что «большинство народовольцев придерживалось идеи одновременного политического и социального переворота»[128]. Между тем только что цитированные программные заявления «Народной воли» позволяют думать, что по крайней мере в 1880—1881 гг. преобладал взгляд на политический и социальный переворот «желябовского толка», а не «тихомировского согласия». В этой связи понятным становится, почему такие лидеры «Народной воли», как Желябов, Александр Михайлов, Квятковский, Ширяев, Кибальчич, Суханов и другие пропагандировали со скамьи подсудимых буржуазно-демократические, а не социалистические требования.

Правильного понимания классовой сущности и соотношения между буржуазно-демократической и социалистической революцией у народовольцев тогда не было, да и быть не могло, поскольку в России конца 70-х годов еще не сложились в должной мере необходимые предпосылки социализма, как материальные (соответствующий уровень развития капиталистического производства), так и социальные (достаточно сформировавшийся пролетариат)[129]. Но представление о том, что совершить общедемократические и социалистические преобразования разом нельзя, что демократический переворот должен предварять, приближать и облегчать переворот социалистический,— такое представление народовольцы «желябовского толка» имели, хотя, как верно подметила В. А. Твардовская, здесь подразумевались «различия во времени, продиктованные обстоятельствами, а не различие этапов, имеющих разную социальную базу и соответствующую ей цель»[130].

Более того, народовольцы учитывали, что именно программа демократического переворота привлечет к ним наибольшее сочувствие и содействие общества — и русского (так как оно кровно заинтересовано в демократизации политического строя России), и европейского (ибо оно уже пользуется благами демократических свобод, программированных «Народной

волей», и считает их естественными для каждой цивилизованной нации). Об этом свидетельствуют прямые заявления народовольцев на следствии и суде. Например, Александр Михайлов и Грачевский в автобиографических показаниях подчеркивали, что лозунг политического освобождения народа — это «лозунг уже не социалиста только, а всякого развитого и честного русского гражданина» [131], что задачи демократического переворота «бьют в унисон с желаниями всех слоев русского народа» [132] и т. д. В «проектированной, но не конченной защитительной речи» на процессе «20-ти» Михайлов поставил в заслугу «Народной воле» нацеленность «против абсолютной монархии, которая ныне повсюду в Европе заменена народоправлением» [133].

Таким образом, народовольцы пропагандировали в судебных речах буржуазно-демократические, а не социалистические требования из соображений тактики, считая, что политический переворот — это первоочередная и вполне реальная задача, которая к тому же делает «Народную волю» центром притяжения для самых широких слоев российского и европейского общества. Естественно, что со скамьи подсудимых в условиях какой-то, хотя бы и весьма ограниченной, гласности и в расчете на гласность они обосновывали главным образом именно эту задачу, хотя отнюдь не скрывали своих социалистических убеждений и тем самым давали понять, что их демократическая программа есть программа социалистов. Такая тактика была наиболее целесообразной, ибо она ставила в порядок дня действительно назревшие в России буржуазно-демократические преобразования, временно отодвигая на второй план социалистические требования, являвшиеся тогда чистой утопией. Отсюда следует, что народовольцы, хотя они и не сознавали утопичности своей социалистической программы, на практике отдавали предпочтение ее реальному буржуазно-демократическому содержанию перед утопически-социалистическим облачением. Разумеется, все это придавало особую злободневность политическим процессам «Народной воли».

Так излагали и мотивировали народовольцы перед судом цели своей партии. Что касается средств борьбы, то прежде всего подсудимые старались до-

казать их многообразие как «организации революционных сил в самом широком смысле» [134]. Народовольцы решительно возражали против обвинения их партии в том, что она будто бы абсолютизирует террор, уповает исключительно на «борьбу с существующим порядком посредством совершения убийств правительственных лиц» [135] и вообще руководствуется «фанатическим исповеданием убийства» [136].

Отметим здесь, что у самих народовольцев (даже в составе ИК) не было полного единства взглядов на место и роль террора. Известно, что среди них были «чистые террористы» (в ИК — Н. А. Морозов, О. С. Любатович, Г. Г. Романенко), которые расценивали террор («способ Вильгельма Телля», по излюбленному выражению Морозова) как универсальное средство борьбы, считая, что «самой удобной» и даже «самой справедливой из всех форм революции» является «террористическая революция» [137]. Были среди них и «якобинцы», т. е. фактически бланкисты (в ИК — Л. А. Тихомиров, М. Н. Ошанина, Е. Д. Сергеева), далекие от фетишизации террора, но полагавшиеся на государственный переворот и захват власти все-таки заговорщическими средствами в отрыве от работы в массах.

Однако идея «чистого террора» была с самого начала отвергнута большинством «Народной воли» (кроме Морозова, Любатович и позднее примкнувшего к ним Романенко историки могут назвать в числе народовольцев еще только одного «чистого террориста» — предателя Г. Д. Гольденберга), а что касается бланкистской идеи «захвата власти», то она, во-первых, не заключала в себе принципиального расхождения с программой ИК [138], а во-вторых, хотя и получила преобладание в руководстве партии, но лишь с конца 1881 г. Словом, в годы революционной ситуации и та и другая идея представляли собой лишь отклонения от ведущей тактической линии «Народной воли», выразителями которой были такие люди, как Желябов, Александр Михайлов, Перовская, Ширяев, Квятковский, Кибальчич, Грачевский, Вера Фигнер.

Следуя этой линии, народовольцы на каждом процессе, если только представлялась возможность, разъясняли, что судить о месте террора в тактике

«Народной воли» нужно не по взглядам Н. А. Морозова, за которые партия не ответственна и которые служат лишь «отголоском прежнего направления, когда действительно некоторые из членов партии, узко смотревшие на вещи, вроде Гольденберга, полагали, что вся задача состоит в расчищении пути через частые политические убийства» [139], но на основании партийной программы, в которой террор «не составлял принципиальной части» [140], а занял «второстепенную, если не третьестепенную часть» [141]. «Средствами,— объяснял на процессе «20-ти» А. Д. Михайлов,— признаны были: пропаганда партийных идей, агитация среди рабочих и народа, разрушительная террористическая деятельность, удаление более вредных для народа людей, организация тайных обществ вокруг одного центра, усиление связей в обществе, войске, народе, организация и совершение переворота при достижении обществом известной силы» и только «среди других средств стояло цареубийство», которое в конце концов было признано под давлением «окружающих условий» «наиболее пригодным, наиболее действительным для данного времени» [142].

Признавая, что в деятельности партии террор занимает все большее место, чем это предписывается программой, подсудимые настойчиво доказывали его обусловленность. «Если вы, гг. судьи, взглянете в отчеты о политических процессах, в эту открытую книгу бытия,— говорил Желябов,— то вы увидите, что русские народолюбцы не всегда действовали метательными снарядами, что в нашей деятельности была юность, розовая, мечтательная, и если она прошла, то не мы тому виною» [143]. Желябов напоминал, что с начала 70-х годов народники долгое время вели «мирную пропаганду социалистических идей», но это движение, «совершенно бескровное», «разбилось исключительно о многочисленные преграды, которые встретило в лице тюрем и ссылок» [144]. Эту же мысль развивал в показаниях по делу «20-ти» Александр Михайлов: «Прежде чем начать кровавую борьбу, социалисты испробовали все средства, какими пользуются на Западе политические партии. Но за проповедь их карали каторгой, за книги — тюрьмой и ссылкой... Преградили все пути...» [145] Собственно, на

каждом процессе почти каждый из подсудимых, кому удавалось выступить с речью, так или иначе подтверждал вывод, который афористически сформулировал на процессе «16-ти» С. Г. Ширяев: «Красный террор Исполнительного Комитета был лишь ответом на белый террор правительства. Не будь последнего, не было бы и первого» [146].

При этом народовольцы решительно отметали обвинение в жестокости, которое предъявлялось им по каждому делу. Не отрицая жестокости террора как такового, ответственность за нее народовольцы возлагали на царизм, который своими разнузданными преследованиями заставлял прибегать к насилию, хотя бы в целях самосохранения, даже людей, казалось бы органически неспособных по своим душевным качествам на какое-либо насилие [147]. Замечательно сказал об этом в последнем слове на процессе «16-ти» А. А. Квятковский: «Чтобы сделаться тигром, не надо быть им по природе. Бывают такие общественные состояния, когда агнцы становятся ими» [148].

Откровенно излагая цели и средства партии, народовольцы ни на следствии, ни на суде не открывали ее организационных тайн. Квятковский на вопрос председателя суда об организации «Народной воли» ответил: «Я нахожу показания Гольденберга запутанными, недостаточными и неверными, но сам я отказываюсь объяснить организацию партии, так как не считаю себя вправе это сделать» [149]. Такому правилу следовали все члены ИК, которые только и знали организацию партии сверху донизу. Александр Михайлов на процессе «20-ти», подчеркнув, что он является «членом партии и организации «Народной воли»», четко разграничил понятия «партия» и «организация»: «Партия — это определенная группа людей единомыслящих, не связанных между собою никакими взаимными обязательствами. Организация же, кроме непременного условия единомыслия, предполагает уже известную замкнутость, тесную сплоченность и полную обязательность отношений. Партия заключает в себе организацию, но последняя определенно ограничена в ней самой. Партия — это солидарность мысли, организация — солидарность действия» [150]. В этой связи Михайлов по примеру

Квятковского заявил, что «переданный Гольденбергом так подробно организационный проект есть отчасти его собственные соображения, а с другой стороны — соображения кого-либо из бывших на [Липецком] съезде, высказанные ему в частных, личных с ним объяснениях; на самом же деле организация «Н[ародной] в[оли]» была результатом деятельности конца 79 и начала 80-го годов», т. е. уже после ареста Гольденберга, однако сам Михайлов отказался объяснить организационную структуру «Народной воли» [151].

Несколько по-иному держался этого правила Желябов. И на следствии, и на суде он в отличие от других членов ИК не замалчивал организацию партии, а как бы рекламировал главные принципы ее устройства, подчеркивая, что это «организация единая, централизованная, состоящая из кружков автономных, но действующих по одному общему плану, в интересах одной общей цели» [152]. Подобные заявления, не раскрывая организационных тайн партии (т. е. вопросов о том, какие именно кружки, где, как и в каком составе действуют «по одному общему плану»), с другой стороны, создавали у суда и публики впечатление внушительности революционных сил. Стремление выставить перед врагами мощь партии в ее истинном и даже несколько преувеличенном виде вообще было свойственно Желябову и на следствии, и на суде. Прокурор Н. В. Муравьев злобно, но проницательно подметил его «желание и порисоваться значением партии и отчасти попробовать запугать» [153].

Впрочем, такое (можно сказать, тоже «желябовского толка») стремление отличало многих народовольцев. Его легко увидеть в речи Я. Т. Тихонова на процессе «16-ти» [154], в показании Кибальчича по делу 1 марта от 20 марта 1881 г. [155] и особенно в объяснениях по делу «20-ти» Александра Михайлова, который подобно Желябову изображал чуть ли не всемогущими как Исполнительный комитет («это учреждение неуловимое, недосягаемое» [156]), так и партию в целом: «Интеллигенция и молодежь дали тысячи борцов, они создали партию, могучую нравственною силою, они, несмотря на преграды цензуры и преследования правительства, разгласили

и разнесли идею социализма по всем уголкам необъятной России»[157].

Дело революции народовольцы считали глубоко патриотическим делом. Служить революционной партии значило, по их мнению, наилучшим образом служить родине. Поэтому с такой страстью провозглашали они перед царскими судьями свой революционный патриотизм вопреки назойливому обвинению в том, что идеи революции и социализма — это, мол, «недуг наносный, пришлый, преходящий, русскому уму несвойственный, русскому чувству противный»[158]. В этом отношении народовольцы продолжали традицию своих предшественников — революционеров 70-х годов, которые держались взгляда, ярко выраженного, например, в майской 1879 г. прокламации «Земли и воли» по случаю казни В. Д. Дубровина: «Нас называют отщепенцами земли русской — мы, действительно, отщепенцы, но отщепенцы в смысле нравственного превосходства перед поклонниками монархизма, в смысле искренности нашей любви и преданности земле русской»[159].

И на следствии, и в суде народовольцы умели показать, что они преисполнены патриотического чувства и горды им. Вот характерная подробность суда над первомартовцами. «Я тоже имею право сказать, что я русский человек, как сказал о себе прокурор»[160],— заявил в защитительной речи Желябов. Сановная публика сочла такое заявление кощунственным и негодующе зароптала. Очевидец этой сцены граф фон Пфейль навсегда запомнил, с каким достоинством Желябов пресек ропот сановников: «Он выпрямился и почти угрожающе глядел на публику, пока опять не водворилась тишина»[161].

Пожалуй, сильнее всего патриотизм народовольцев выражался в том, как они объясняли происхождение своих взглядов. «До боли в сердце горько становится при воспоминании об упреках, которые бросают в лицо русским революционерам в том, что они набрались «своих» фантазий и утопий на Западе, что оттуда они вывезли идеи о необходимости борьбы труда с капиталом и поддерживающей его властью, что они их «вычитали», русская жизнь их не дает,— писал в показании от 19 августа 1882 г. М. Ф. Грачевский. — Мне дала эти идеи, как выводы, путем

неотвязчивых дум, бессонных ночей, путем глубоких нравственных страданий, сама русская жизнь, она наталкивала меня на эти выводы, и я их не мог не сделать, если бы даже и старался противодействовать их появлению в моей голове. Родились они в деревне в 18—19 лет, воспитались потом в городе и на железной дороге, окончательно развились и окрепли в Петербурге, доразвились в трехлетнем уединении в тюрьме... Нечего и говорить, что для меня, как и для многих мало-мальски развитых людей, кумиров в 19—20 лет уже не оставалось ни одного, последним из них пал кумир абсолютной власти» [162]. Эта декларация очень показательна для народовольцев и по содержанию, и по форме. Многие из них (например, Желябов, Александр Михайлов, Ширяев, Кибальчич, Суханов, Лебедева [163]) говорили на следствии и суде то же самое, причем (для большей наглядности) каждый о себе лично, как бы суммируя им самим пережитое и осмысленное.

Именно кровная связь идей «Народной воли» с потребностями русской жизни заставила народовольцев, как выразился на суде Н. Е. Суханов (офицер, присягавший в свое время на верность царизму), «поставить любовь к родине и народу выше остального», выше даже воинского долга перед присягой [164]. Сын генерала и внук адмирала, М. Н. Тригони поставил «любовь к родине и народу» выше семейных традиций, чиновник Клеточников — государственной службы, ученый Кибальчич — науки. Из чувства патриотизма Кибальчич не стерпел, когда эксперты суда, вставшие в тупик перед секретом устройства его метательных снарядов, заключили, будто гремучий студень (взрывчатый состав) для них доставлен из-за границы,— «я должен возразить против мнения экспертизы о том, что гремучий студень заграничного приготовления. Он сделан нами» [165].

Патриотизм Кибальчича был пылким, но чуждым национальной ограниченности; предпочтительную любовь к своему народу он сочетал в себе с любовью к другим народам мира. В преддверии неизбежного смертного приговора Кибальчич разрабатывал первый в мире проект летательного аппарата с реактивным двигателем, мечтая о благе не только Роди-

ны, но и всего человечества. «Находясь в заключении, за несколько дней до своей смерти, я пишу этот проект. Я верю в осуществимость моей идеи, и эта вера поддерживает меня в моем ужасном положении. Если же моя идея после тщательного обсуждения учеными-специалистами будет признана исполнимой, то я буду счастлив тем, что окажу громадную услугу родине и человечеству. Я спокойно тогда встречу смерть, зная, что моя идея не погибнет вместе со мной, а будет существовать среди человечества, для которого я готов был пожертвовать своей жизнью» [166].

Пример Кибальчича, как, впрочем, и другие примеры, извлеченные здесь из истории политических процессов в России 1879—1882 гг., служит веским подтверждением той, в сущности давно уже доказанной опытом человечества правды, что истинный революционер — это и есть патриот в лучшем смысле слова.

Сила и слабость революционеров перед царским судом

Все сказанное о революционной убежденности и патриотизме народовольцев помогает уяснить секрет их исключительной стойкости перед царским судом. Именно идея революции, осознанная и взятая на вооружение, давала тогда, по словам Александра Михайлова, «десяткам людей силу бороться с обладателями десятков миллионов подданных, миллионов штыков и верных слуг. Но тут уже сталкивались не человек с человеком, не слабый с сильным, а воплощенная идея с материальной силой. В таких случаях совокупность физических сил и их громадность теряют всякое значение; идея их разделяет, парализует своей неуловимостью, приводит к индивидуальному их содержанию. Люди «Народной воли», как самая их идея, не знают страха и преград» [167]. Как правило (разумеется, не без исключений, о которых речь — еще впереди), народовольцы вели себя на судебных процессах действительно, как выразился С. Г. Ширяев, «не щадя своей шкуры», вписали в историю русского освободительного движения неувядаемые образцы героизма, мужества, самопожертвования.

Юридической стороной судебного разбирательства народовольцы, как и террористы 1879 г., интересовались мало. Во-первых, они отвергали законность царского судопроизводства в принципе. С. Г. Ширяев на процессе «16-ти» заявил об этом судьям вполне откровенно: «Я не касался и не буду касаться вопроса о своей виновности, потому что у нас с вами нет общего мерила для решения этого вопроса. Вы стоите на точке зрения существующих законов, мы — на точке зрения исторической необходимости»[168]. С точки зрения «исторической необходимости» народовольцы либо заявляли, что хотя они принадлежат к революционной партии, но виновными в этом себя не считают (так поступали, например Ширяев[169], Халтурин и Желваков[170], П. Т. Лозянов на процессе М. Р. Попова — Д. Т. Буцинского[171]), либо вообще не говорили о виновности, провозглашая в ответ на вопрос суда, признают ли они себя виновными, свою принадлежность к партии (Желябов, Перовская, Александр Михайлов, Фроленко, Кибальчич, Колодкевич и другие корифеи ИК), а в тех случаях, когда они, следуя процессуальной формальности, признавали себя виновными в принадлежности к партии, обычно дополняли такое признание объяснениями, в которых противопоставляли существующей «законности» ту же «историческую необходимость» (так вели себя, например, Квятковский, Зунделевич, Суханов).

В обстановке узаконенного для политических процессов беззакония подсудимые народовольцы сознавали бесплодность юридической полемики с обвинением и поэтому затевали ее почти так же редко, как террористы 1879 г. На процессе харьковской организации «Народной воли» из 14 подсудимых вел такую полемику только В. А. Данилов, на процессе «16-ти» — Квятковский и Ширяев, на процессе «20-ти» — Михайлов. Активнее всех в этом отношении был Желябов, который, хотя и оговорился, что «в русских законах не силен»[172], сумел разоблачить юридическую несостоятельность отдельных натяжек обвинения даже с точки зрения российских законов.

Когда суд отказал ему в просьбе вызвать свидетелями по его делу А. И. Баранникова и Н. Н. Колодкевича на том основании, что «по общему смыслу

законов, относящихся до свидетелей, к числу их не могут быть отнесены такие лица, которые совместно преследуются за одно и то же деяние», Желябов обратил это основание против Г. Д. Гольденберга, предательские показания которого (в качестве свидетеля) фигурировали как важный, а в ряде случаев как главный и даже единственный источник сведений в обвинительных актах не столько по делу 1 марта, сколько по двум другим крупнейшим делам — «16-ти» и «20-ти». «Обвиняемый Гольденберг,— заявил Желябов,— находится в том же положении, как Кошурников (нелегальная фамилия Баранникова. — *Н. Т.*) и Колодкевич, т. е. состоит обвиняемым по одному со мною делу. Спрашивается: дух русского закона, распространяющийся на Кошурникова и Колодкевича, не должен ли распространяться и на Гольденберга?..» [173]

Судьи попали в щекотливое положение. Отказаться от показаний Гольденберга — значило бы лишить фактической основы значительную часть обвинения по трем громким процессам, один из которых уже завершился пятью смертными приговорами. Суд не мог пойти на это. Оставалось наспех изыскать для Гольденберга какое-то новое толкование «общего смысла законов, относящихся до свидетелей». Сенаторы прервали судебное разбирательство, удалились на совещание и выработали там новую мотивировку, которую по возвращении в зал суда и предъявили Желябову: Гольденберг, мол, «за смертью находится в ином положении, нежели лица, указанные Желябовым» [174].

Остроумно опроверг Желябов традиционную уловку царской прокуратуры подгонять взгляды подсудимых под те «вещественные доказательства» (книги, письма и пр.), которые находили у них при обысках, хотя бы тот, у кого нашли полученное им письмо или прочитанную книгу, не был согласен с прочитанным. «...Все эти вещественные доказательства,— иронизировал Желябов,— находятся в данный момент у прокурора. Имею ли я основание и право сказать, что они суть плоды его убеждений, потому у него и находятся?» [175]

Поведение Желябова перед царским судом вообще заслуживает особого внимания [176]. Надо иметь в

виду, что процесс по делу 1 марта 1881 г. был для подсудимых более трудным испытанием, чем любой из других. Беспрецедентное обвинение (убийство царя!) не оставляло им никаких шансов на сохранение жизни. При таком обороте дела для них, казалось бы, теряли всякий смысл отличия законности от беззакония. Избранная публика была настроена враждебно к подсудимым. Трудно было им рассчитывать и на сочувствие общества, шатнувшегося с перепугу после 1 марта вправо. Народные массы слишком плохо знали и еще хуже понимали мотивы убийства царя, слывшего «освободителем», чтобы оценить героизм цареубийц перед судом и стать для них хотя бы моральной опорой. К тому же прокурор Н. В. Муравьев произнес на процессе едва ли не самую трескучую в истории царского суда обвинительную речь, дабы очернить и еще более изолировать подсудимых от общества. Русских революционеров он изобразил «людьми без нравственного устоя и внутреннего содержания», их идеал, будто бы «выкроенный по образцам крайних теорий западного социализма», уподобил «геркулесовым столбам бессмыслия и наглости», а к движущим мотивам их деятельности отнес «кровожадный инстинкт, почуявший запах крови»[177]. Муравьев хвастал тем, что его оружие — это «еще дымящиеся кровью факты», клеймил «кровожадные мысли убийц» и «злодейский список» их дел («огненными клеймами сверкают на его страницах пять посягательств на жизнь усопшего монарха»), скорбными красками живописал картину цареубийства («обрывается голос, цепенеет язык и спирает дыхание, когда приходится говорить об этом...»), а затем, простерши руки к скамье подсудимых, восклицал: «Вы хотите знать цареубийц? Вот они!» Разумеется, для всех обвиняемых без исключения он требовал смертной казни: им «не может быть места среди божьего мира!»[178]

Несмотря на это, все первомартовцы, кроме Рысакова, вели себя на суде героически, но главным героем процесса был Желябов. Он и попал-то на процесс цареубийц добровольно, по собственному заявлению. Арестованный еще до цареубийства (27 февраля 1881 г.), Желябов мог бы избежать участи первомартовцев, но он, как только узнал

о событии 1 марта и об аресте Рысакова, направил из тюрьмы прокурору судебной палаты следующее заявление с пометкой «очень нужное»: «Если новый государь, получив скипетр из рук революции, намерен держаться в отношении цареубийц старой системы, если Рысакова намерены казнить, было бы вопиющею несправедливостью сохранить жизнь мне, многократно покушавшемуся на жизнь Александра II и не принявшему физического участия в умерщвлении его лишь по глупой случайности. Я требую приобщения себя к делу 1 марта и, если нужно, сделаю уличающие меня разоблачения.

Прошу дать ход моему заявлению. Андрей Желябов. 2 марта 1881 г. Д[ом] Пр[едварительного] закл[ючения]».

Опасаясь отказа властей и как бы подзадоривая их принять его заявление, Желябов приписал в постскриптуме: «Только трусостью правительства можно было бы объяснить одну виселицу, а не две» [179].

Это заявление Желябов написал, видимо, тотчас после очной ставки с Рысаковым, устроенной ему в 2 часа ночи с 1-го на 2-е марта. Он узнал тогда о цареубийстве и, обращаясь к Рысакову и присутствовавшим при этом жандармским чинам, «с большой радостью сказал, что теперь на стороне революционной партии большой праздник и что совершилось величайшее благодеяние для освобождения народа» [180]. Тогда же он и заключил, что для столь громкого процесса «Народной воли», как процесс о цареубийстве, Рысаков — фигура слишком мелкая и ненадежная [181]. ИК, по-видимому, отлично понял смысл заявления Желябова. Во всяком случае Софья Перовская, как только узнала о нем, определила: «Иначе нельзя было. Процесс против одного Рысакова вышел бы слишком бледным» [182].

На суде Желябов использовал как подсудимый все свои процессуальные права (делать заявления суду, участвовать в допросе свидетелей, оспаривать выводы прокурора, выступать с защитительной речью и последним словом) исключительно в интересах партии, нисколько не заботясь о себе лично. Для него судебный процесс был очередным актом единоборства «Народной воли» с царизмом, и Желябов, презрев уготовленный ему смертный приговор,

не только надеялся, но и судя по всему считал своим долгом выиграть этот процесс политически и морально, чтобы он еще выше поднял перед лицом России и Европы авторитет русской революционной партии и еще раз ударил по авторитету царизма. Именно с этой целью он разоблачал в ходе суда компрометирующие властей извращения законности (контрреформированную подсудность политических дел, подтасовку свидетелей и вещественных доказательств) и требовал, «чтобы речь прокурора была отпечатана с точностью. Таким образом, она будет отдана на суд общественный и суд Европы» [183]. Собственную же защитительную речь Желябов целиком употребил на разъяснение, в противовес наветам прокурора, истинных целей борьбы «Народной воли» во всей их притягательной силе.

Сознание правоты того дела, которое он отстаивал, придавало Желябову на суде избыток сил, так удивлявший (а то и восхищавший) очевидцев даже из враждебного лагеря. Держался он гордо, выступал красноречиво и с такой уверенностью в себе, какой недоставало ни прокурору, ни судьям [184]. Зная, что его ждет виселица, он был полон неиссякаемого оптимизма, который сквозил и в том, как оживленно он переговаривался с товарищами, особенно с Перовской, сидевшей рядом [185], и в том, как деловито вмешивался в допрос свидетелей и как последовательно вел свою программную речь через 19 окриков первоприсутствующего, и в том, с каким достоинством одернул он взглядом сановную публику, когда она зашикала на его слова «я русский человек». Только великий оптимист мог чуть ли не с веревкой на шее смеяться над злобой своих палачей. Когда прокурор, наращивая мстительную патетику своей речи, сказал: «Из кровавого тумана, застилающего печальную святыню Екатерининского канала, выступают перед нами мрачные облики цареубийц...», Желябов рассмеялся. Прокурор смолк, судьи и публика оцепенели; какое-то время в судебном зале под сенью громадного портрета убитого царя слышен был только звонкий смех «цареубийцы». И хотя через минуту внешне все вновь встало на свои места, а Муравьев сумел даже вверну ть в речь ловкий верноподданнический экспромт

(«когда люди плачут — Желябовы смеются»[186]), смех Желябова все-таки смазал эффект разглагольствований прокурора о клейме мрака на душах и лицах революционеров, а в значительной степени и эффект всей обвинительной речи.

Поведение Желябова на суде возвысило перед общественным мнением не только партию «Народной воли», но и его самого как лучшего ее представителя. Даже враги признали это. Составители официальной «Хроники социалистического движения в России» князь Н. Н. Голицын и жандармский генерал Н. И. Шебеко выделили Желябова из всех русских революционеров, дав ему характеристику, в которой сквозь ненависть проскальзывает невольное уважение к личности вождя «Народной воли»: «То был страшный Желябов, великий организатор новых покушений в местностях и условиях самых разнообразных и неслыханных. Он обладал удивительной силой деятельности и не принадлежал к числу дрожащих и молчащих. Невозможно допустить, чтобы хоть тень раскаяния коснулась его сердца в промежутке между организацией преступления и часом его искупления; на следствии и суде он выказал наибольшее присутствие духа и спокойное, рассудительное хладнокровие; он входил в малейшие детали и вступал в спор с судьями и прокурором; в тюрьме он себя чувствовал в нормальном состоянии и моментами проявлял веселость...»[187]

Действительно, из числа не только первомартовцев, но и всех вообще народовольцев, прошедших через горнило царского суда, Желябов был самой значительной фигурой. На каждом крупном процессе «Народной воли» один-два подсудимых всегда выделялись своей политической активностью: в деле «16-ти» — Квятковский и Ширяев, «20-ти» — Александр Михайлов, «17-ти» — Грачевский и Богданович, «14-ти» — Вера Фигнер, «21-го» — Лопатин, второго 1 марта — Александр Ульянов. Но никто из них не становился в такой степени героем процесса, как Желябов.

Впрочем, Желябов наиболее ярко выказал на суде ту линию поведения, которой в 1879—1882 гг. следовали, за малым исключением, все русские революционеры. Уступая (более или менее) Желябову

в политической зрелости и даровании трибуна, они проявляли не меньшую стойкость и способность к самопожертвованию. Как уже отмечалось, отличительной чертой их поведения перед судьями, тюремщиками и палачами было бесстрашие. Смертные приговоры не пугали их. Бывало так, что смертники, помилованные каторгой (С. А. Лешерн, И. Ю. Старынкевич, А. Д. Михайлов, А. И. Баранников), сожалели, что им не довелось разделить участь товарищей. А те, кто шел на смерть, даже собственную казнь старались превратить в оружие (теперь уже последнее) революционной борьбы, так, как подсказывал им со страниц первого номера газеты «Народная воля» герой «Последней исповеди» Н. Минского (Н. М. Виленкина):

Я не совсем бессилен,— умереть
Осталось мне, и грозное оружье
Я на врагов скую из этой смерти...
Я кафедру создам из эшафота
И проповедь могучую безмолвно
В последний раз скажу перед толпой! [188]

Не зря реакционная газета «Современные известия» ругалась: «Для наших злодеев эшафот есть своего рода трибуна» [189].

Разумеется, сказать на эшафоте или хотя бы по пути к нему какую-то речь было почти невозможно. Осип Бильчанский успел только воскликнуть у виселицы: «Да здравствует республика!» [190], голос его утонул в громе «экзекуционного марша». Владимир Дубровин, поднявшись на эшафот, попытался было обратиться с речью к солдатам конвойной роты, которой именно он командовал до ареста, но экзекуционный наряд заглушил его голос барабанной дробью, уже не смолкавшей до окончания казни [191]. Когда везли на казнь первомартовцев, Тимофей Михайлов то и дело пытался обратиться к народу (по некоторым сведениям, он, между прочим, кричал: «Нас всех пытали!» [192]), но барабанщики, непременно включавшиеся в эскорт смертников, заглушали его. Другие (кроме первомартовцев) народовольцы казнились тайно, народу возле них вообще не было. Поэтому все они выбирали своим последним оружием именно «безмолвную проповедь», т. е. всем своим видом доказывали воочию палачам, что настоящий

революционер всегда, хотя бы и лицом к лицу со смертью, остается верен себе — непреклонный, бестрепетный.

Так поступили и герои 1 марта, встретившие смерть гордо, с таким достоинством, которое будило невольное уважение к ним даже в стане врагов. Официальный отчет о казни констатирует, что «осужденные преступники казались довольно спокойными, особенно Перовская, Кибальчич и Желябов, менее — Рысаков и Михайлов», что «бодрость не покидала» их до последней минуты и что даже на эшафоте Желябов улыбался, а на лице Перовской «блуждал легкий румянец» [193].

«Они,— вспоминала преклонившаяся перед мужеством первомартовцев писательница В. И. Дмитриева,— прошли мимо нас *не как побежденные, а как триумфаторы* (курсив мой.— *Н. Т.*)» [194].

Особенно раздражал и тревожил карателей неизменный отказ революционеров принять перед смертью церковное покаяние. На этот счет большинство революционеров разночинского поколения держалось взгляда, который И. Н. Мышкин в 1875 г. сформулировал таким образом: «Священник и палач помогают друг другу. Если первому не удается запутать душу человека в расставленные им сети, запугать его адом, то второй действует на тело арестанта в надежде, что физические страдания победят упорство его» [195].

При таком взгляде на роль священника и палача революционеры доверялись первому не более, чем второму, и правильно делали. История царской тюрьмы 1825—1866 гг. знает, как часто святые отцы по заданию карателей духовно пытали арестованных (либо осужденных) борцов увещаниями, проповедями, посулами и угрозами, чтобы вырвать у них раскаяние и нужные показания. Протопоп Петр Мысловский «обрабатывал» таким образом декабристов, священник Алексей Малов — «кирилломефодиевцев», протоиерей Михаил Архангельский — М. Л. Михайлова, другой протоиерей, Василий Полисадов,— Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева, Д. В. Каракозова [196].

На заре русского революционного движения такие духовные пытки нередко приносили карателям успех.

В деле декабристов многие из обвиняемых (в том числе С. П. Трубецкой, Н. М. Муравьев, Е. П. Оболенский, П. Г. Каховский, А. П. Юшневский) испрашивали себе «прощение царя небесного» [197]. П. И. Пестель, отказавшийся было причаститься перед казнью, уже на эшафоте все-таки «принес молитву богу с прочими осужденными» и просил у попа отпущения грехов [198]. Даже И. Д. Якушкин, который с исключительной стойкостью держался перед судьями и тюремщиками, в последний момент склонился, уступая воздействию Мысловского, к церковному покаянию [199]. Со временем, однако, по мере того как движение набиралось сил и опыта, крепло идейно и социально, все реже удавались святым отцам их психологические диверсии против пленников царизма.

Революционеры 70-х годов уже почти всегда безошибочно распознавали в попах своих заклятых врагов, «жандармов во Христе», и не только не допускали их в души свои, но и вообще, как правило, отказывались иметь с ними дело. Герои политических процессов 1879—1882 гг. часто даже в ответ на формальный вопрос о вероисповедании афишировали свою нетерпимость к религии: А. К. Соловьев — «крещен в православной вере, но религии не признаю» [200], А. И. Зунделевич — «вероисповедания никакого», С. Г. Ширяев — «вероисповедания атеистического» [201]. А. И. Желябов, отвечая на этот вопрос, сумел подчеркнуть несоответствие официальной религии христианским заветам: «Крещен в православии, но православие отрицаю, хотя сущность учения Иисуса Христа признаю... Я верю в истину и справедливость этого вероучения и торжественно признаю, что вера без дела мертва есть, и что всякий истинный христианин должен бороться за правду, за права угнетенных и слабых и если нужно, то за них и пострадать. Такова моя вера» [202].

Попытки духовно разоружить революционеров, приговоренных к смерти, в 70—80-е годы ни к чему не приводили, а иногда ставили отряженное для этой цели христово воинство в неудобное положение. По свидетельству начальника киевского ГЖУ В. Д. Новицкого, В. А. Осинский, В. А. Свириденко и Л. К. Брандтнер перед казнью «не приняли свя-

щенников, прямо сказали, что ни бога, ни религии они не признают, а в загробную жизнь не верят и что, если священник явится на место казни, они ему сделают скандал. Несмотря на это, пастора и священников хотели поместить в карету с приговоренными при следовании из тюремного замка до места казни, но трое приговоренных объявили, что если с ними их посадят, то они побьют их в карете, почему и было приказано священникам ехать отдельно за каретою». В последний момент, уже на эшафоте, продолжает В. Д. Новицкий, попы еще раз подступили к смертникам, но и тогда «они приговоренными резко были прогнаны»[203]. Отстранив энергичным жестом священника с распятием, Валериан Осинский, по словам его биографа, дал понять, что он «так же мало признает небесного царя, как и царей земных»[204]. Эти слова можно отнести почти к любому из 30 революционеров, казненных за время с 1879 по 1882 г.

Правда, первомартовцы на эшафоте приложились к кресту, причем Желябов «тряхнул головою и улыбнулся»[205]. Они сделали это перед многотысячной толпой народа, чтобы поколебать, если не рассеять, ее предубеждение против них, цареубийц, как «антихристов». О церковном покаянии с их стороны (разумеется, исключая Рысакова) не могло быть и речи. Священники уже поняли это при свиданиях с ними в камерах смертников перед казнью. Как явствует из официального отчета, только Рысаков «приобщился святых тайн»; «Кибальчич два раза диспутировал со священником, от исповеди и причастия отказался. В конце концов он попросил священника оставить его. Желябов и Софья Перовская категорически отказались принять духовника»[206].

Идя на смерть, герои процессов 1879—1882 гг. не жалели о своей судьбе, а, напротив, гордились ею. Александр Михайлов так и написал родным перед оглашением ему неизбежно смертного приговора: «Прекрасна смерть в сражении!»[207] «Как бы Вы ни смотрели на мою деятельность, как бы Вы ни относились к ней,— обращался в предсмертном письме к матери Квятковский,— Вы не можете, Вы не должны краснеть за своего сына. Вы должны знать, что я действовал, что я жил так, как говорила мне моя

совесть, каковы были мои убеждения... Вы меня знаете, и, если я скажу, Вы мне поверите, что единственным мотивом моей деятельности была страстная моя любовь к народу, сильное желание быть ему полезным... Не думайте, что я страшусь решения своей судьбы... Нет, что бы то меня ни ожидало и даже самую смерть я приму спокойно, хладнокровно (не потому, что жизнь мне надоела; нет, жить еще хочется, даже ах как хочется) — в том меня поддерживает одно только сознание, что я действовал честно, что я поступал по своим убеждениям»[208]. Своего малолетнего сынишку Квятковский в том же письме напутствовал такими словами: «Мой милый, дорогой мальчик... Не могу сказать тебе — старайся походить на меня. Но скажу тебе: уважай то, что я уважал, и люби то, что я любил. Это тебе мое отцовское завещание. Мать тебе объяснит это»[209].

Многие народовольцы из числа осужденных на смерть, продолжая и умножая традицию, начатую героями политических процессов 1879 г. (Осинским, Лизогубом, Виттенбергом), пересылали на волю завещания с выражением уверенности в неминуемой победе революции и, расставаясь с жизнью, вдохновляли живых на новые подвиги борьбы и самопожертвования. «Друзья! Один лишь миг остается нам до края могилы,— писал один из героев процесса «20-ти», А. И. Баранников. — С глубокой верой в свое святое дело, с твердым убеждением в его близкое торжество, с полным сознанием, что по мере слабых своих сил служил ему, схожу со сцены... Живите и торжествуйте! Мы торжествуем и умираем»[210]. «Наполняйте землю последователями и обладайте ею»,— завещал товарищам герой процесса «16-ти» А. К. Пресняков[211].

Заботой о наиболее разумном и эффективном использовании сил и средств партии проникнуто знаменитое «Завещание» Александра Михайлова от 16 февраля 1882 г. Только что осужденный в числе героев процесса «20-ти» на смертную казнь, Михайлов предупреждал товарищей, оставшихся на воле, о нецелесообразности каких-либо попыток освобождения смертников: «Завещаю вам, братья, не расходовать силы для нас, но беречь их от всякой бесплодной гибели и употреблять их только в прямом стрем-

лении к цели». Из тех же соображений Михайлов завещал народовольцам твердо держаться на дознаниях устава ИК: «Завещаю вам, братья, установить единообразную форму дачи показаний до суда, причем рекомендую отказываться от всяких объяснений на дознании, как бы ясны оговоры или сыскные сведения ни были. Это избавит вас от многих ошибок». Учитывая свертывание гласности политических процессов, Михайлов счел важной заботой партии изыскивать новые возможности для любых сношений с арестованными и судимыми товарищами. «Завещаю вам, братья, еще на воле установить знакомства с родственниками один другого, чтобы в случае ареста и заключения вы могли поддержать хоть какие-либо сношения с оторванным товарищем. Этот прием в прямых ваших интересах. Он сохранит во многих случаях достоинство партии на суде. При закрытых судах, думаю, нет нужды отказываться от защитников» [212].

Здесь необходимо подчеркнуть, что в обстановке 1879—1881 гг., когда ИК шел во главе революционного натиска на самодержавие и пользовался таким влиянием в стране и за границей, что Ф. Энгельс назвал его «вторым, тайным правительством» России,— в той обстановке все народовольцы (исключая предателей, о которых речь пойдет особо) солидаризировались с его программой и деятельностью [213].

Как главная сила антиправительственного натиска 1879—1882 гг. «Народная воля» была естественным центром притяжения для всех революционных сил. Революционеры, еще не принятые в партию, брали пример с народовольцев, равнялись на них. Разумеется, тяготели к «Народной воле» террористы, пытавшиеся в одиночку дезорганизовать царизм политическими убийствами. Судебные процессы над ними воспринимались обычно как народовольческие, что заставляло «Народную волю» пристально следить за их поведением. В 1880—1882 гг. прошли два таких процесса. Оба они слушались в петербургском военно-окружном суде: 21 февраля 1880 г. — о покушении И. О. Млодецкого на диктатора Лорис-Меликова и 4—5 января 1882 г. — о покушении Н. М. Санковского на шефа тайной полиции П. А. Черевина.

«Народная воля» гласно определила свое отношение и к тому, и к другому покушению, подчеркнув их частный, индивидуальный характер, обусловленный не заданием партии, а инициативой одиночек. В прокламации ИК от 23 февраля 1880 г. указывалось, что покушение Млодецкого — «единоличное, как по замыслу, так и по исполнению», причем было оговорено: «Млодецкий действительно обращался к ИК с предложением своих сил на какое-нибудь террористическое предприятие, но, не выждав двух-трех дней, совершил свое покушение не только без пособия, но даже без ведома ИК. Это обстоятельство, между прочим, отразилось и на технической стороне предприятия[214]: ИК, без всякого сомнения, изыскал бы более верные средства совершения казни Меликова, если бы над ним состоялся смертный приговор»[215]. Что же касается покушения Санковского, то о нем ИК опубликовал 22 ноября 1881 г. следующее объявление: «Во избежание недоразумений Исполнительный комитет считает нужным заявить, что покушение Санковского на жизнь начальника полиции (он же и товарищ министра внутренних дел) Черевина произведено помимо всякого со стороны Комитета ведения и участия»[216]. Таким образом, ИК предусмотрительно дезавуировал и Млодецкого, и Санковского на случай, если бы власти попытались использовать их поведение во вред репутации «Народной воли».

По отношению к Санковскому это было сделано еще до суда над ним и очень кстати, поскольку на суде, он, как мы увидим далее, смалодушничал. Зато Млодецкий (23-летний мещанин, письмоводитель из г. Слуцка) своим поведением на суде поддержал честь революционного знамени.

Дело Млодецкого решилось в рекордно короткий срок. «Следствие начато 20 февраля 1880 г. Окончено 20 февраля 1880» — так обозначено на папке с его документами[217]. Иначе говоря, следствие началось и окончилось в день покушения Млодецкого. 21 февраля состоялся суд, а 22-го Млодецкий был уже казнен («Вот это дело и энергично!» — с удовлетворением записал в дневнике наследник престола, будущий Александр III[218]). Поэтому ИК не успел

выступить с оценкой покушения Млодецкого раньше суда и казни.

Как явствует из протокола суда по делу Млодецкого, подсудимый заявил о своей солидарности с народовольцами: «Я социалист, разделяю вполне их убеждения, но знакомых моих и друзей не назову»[219]. К процедуре суда Млодецкий отнесся с презрением. На вопрос о виновности он, как записано в протоколе, «сидя на скамье, отвечал, что ему надоела эта комедия. Давать более никаких объяснений не будет, а оставляет только за собою право на последнее слово». Председатель суда приказал Млодецкому встать, угрожая в противном случае удалить его из зала и рассматривать дело о нем без него. Млодецкий не встал. Его удалили. Дальнейшие формальности (допрос свидетелей, речи прокурора и защитника) наскоро провели в отсутствие подсудимого, а его вновь потребовали в зал только для того, чтобы выслушать его последнее слово (к сожалению, в протоколе оно замалчивается) и объявить смертный приговор[220].

Во время казни, судя по сохранившимся ее описаниям[221], Млодецкий держался геройски; с улыбкой поднялся на эшафот и крикнул толпе простонародья, собравшейся вокруг виселицы: «Я умираю за вас!» Поэтому ИК, отдавая должное Млодецкому, поставил его поведение рядом с лучшими примерами верности революционному долгу и не преминул использовать его в агитационных целях. «Грозен смерти час трусливому эгоисту, но непонятен страх убежденному человеку!» — гласила прокламация ИК по поводу казни Млодецкого[222].

Наряду с процессами «Народной воли» и тяготевших к ней террористов шли в России политические процессы других народников (землевольцев, чернопередельцев и близких к ним). Таких процессов было сравнительно немного (с октября 1880 по 1882 г. — 13 при 27 подсудимых)[223], и, главное, все они резко уступали народовольческим процессам как по масштабам, так и по значению. На 10 из них судились по одному человеку (большей частью за протесты и побеги из ссылки в Сибири) и лишь на одном, самом крупном (по делу о «Южно-русском рабочем союзе» 1881 г.) — сразу 10 человек.

Ни одно из этих дел не было передано в ОППС: шесть из них разбирали военные суды, три — судебные палаты и четыре — полицейские суды в Сибири (все — в закрытом порядке). Приговоры обвиняемым, не связанным с «Народной волей», выносились более мягкие: на 13 процессах — всего три смертных приговора (дважды — Н. П. Щедрину, а также А. И. Преображенскому), ни один из которых не был приведен в исполнение, тогда как за то же время на 29 процессах «Народной воли» были вынесены 30 смертных приговоров, причем 11 осужденных казнены. Граф Н. П. Игнатьев, разъясняя 26 мая 1881 г. киевскому генерал-губернатору А. Р. Дрентельну неуместность смертных приговоров для Щедрина и Преображенского (по делу о «Южно-Русском рабочем союзе»), прямо указал: «Приведение смертных приговоров над кем-либо из обвиняемых в Киеве поставит правительство в необходимость на будущее время прибегать к смертной казни весьма часто, так как пред судом предстанет значительное количество лиц (имеется в виду народовольческое дело «20-ти». — *Н. Т.*), степень виновности коих несравненно сильнее виновности киевских подсудимых»[224]. Известный своей жестокостью прокурор Н. В. Муравьев на процессе по делу о типографии «Черного передела» — второму по числу подсудимых (четыре человека) и значению из 13 процессов, о которых идет речь,— внушал судьям, сколь газета «Черный передел» умереннее, чем «Народная воля»: «...листки газеты не пропитаны кровью, от них не пахнет динамитом...»[225]

Не только в сравнении с крупными и громкими процессами «Народной воли», но и сами по себе ненародовольческие процессы 1880—1882 гг. проходили безбурно. Так, о процессе типографии «Черного передела» агент III отделения доносил: «Во время разбора дела ничего особенно выдающегося не произошло»[226]. Ни на этом, ни на других процессах из 13 не было острых столкновений между обвиняемыми и судьями, не слышалось программных речей и вообще каких-либо революционных деклараций. В этом сказались и безгласность процессов, и разрозненность подсудимых, но, кроме того, по-видимому, и недостаток революционного авторитета,

а также меньшая боевитость чернопередельцев, бывших землевольцев, не примкнувших к «Народной воле», и других народников по сравнению с народовольцами.

Что же касается стойкости поведения, то обвиняемые на процессах, о которых ведется речь, не уступали народовольцам. Только один из 27 (чернопередел Яков Петлицкий) дал угодные карателям показания, открещиваясь от революции и клевеща на нее[227]. Все остальные вели себя вполне достойно. Наиболее показателен в этом отношении процесс «Южно-Русского рабочего союза», где пятеро из десяти подсудимых (Н. П. Щедрин, А. И. Преображенский, Е. Н. Ковальская, И. Н. Кашинцев, С. Н. Богомолец[228]) объявили, что все они—социалисты и революционеры, правительственного суда не признают и участвовать в нем не желают[229].

Особого внимания заслуживают судившиеся тогда на политических процессах рабочие. Всего их прошло перед царским судом с 1879 до середины 1882 г. 32 человека: 12 слесарей, 7 столяров, кузнецы, типографские рабочие, токарь, котельщик, жестянщик, ткач, машинист парохода и пр. Трое из них (В. П. Обнорский, П. Н. Петерсон, Я. П. Смирнов) были членами «Северного союза русских рабочих», все остальные — участниками народнических организаций. Больше всего оказалось рабочих-народовольцев — 12 человек, в том числе член ИК «Народной воли» С. Н. Халтурин, бывший, как известно, до вступления в «Народную волю» руководящим членом «Северного союза русских рабочих», и четыре агента ИК: А. К. Пресняков, Т. М. Михайлов, М. В. Тетерка, В. А. Меркулов.

Только семеро рабочих из 32 судились отдельно от интеллигентов-народников (Обнорский, Петерсон и Смирнов — втроем, В. И. Татаринчик, П. Ф. Лобанев-Лобанчук-Гудзь, Я. С. Потапов, Я. И. Петлицкий — порознь), остальные же шли под суд вместе с народниками. В то время, с одной стороны, рабочее движение еще не выделилось из общедемократического потока, а с другой — царизм намеренно замазывал «рабочий вопрос», стараясь показать современникам, что для устойчиво-самодержавной России в противоположность мятущемуся Западу он не харак-

терен. Поэтому и чисто рабочих политических процессов в России после дела о «Южнороссийском союзе рабочих» 1875 г., знаменательного в данном случае именно как исключение, долгое время не было. Даже Обнорский, Петерсон и Смирнов судились в 1880 г. за участие отнюдь не в «Северном союзе русских рабочих» 1878—1880 гг. (о нем на суде и не упоминалось), а в народническом Большом обществе пропаганды 1871—1874 гг., хотя о роли Обнорского в «Северном союзе» власти могли знать очень многое от провокатора Н. В. Рейнштейна. Правда, Яков Петлицкий был предан суду за пропаганду среди рабочих в качестве члена «Южно-Русского рабочего союза» 1881 г., но этот союз в отличие от «Южнороссийского» и «Северного» являлся детищем и опорой народников. Показательно, что на особом процессе «Южно-Русского союза» среди 10 подсудимых (народников) был только один рабочий (В. Э. Кизер).

Кроме злостного предателя Меркулова и двух совсем юных, 19-летних пропагандистов С. Ф. Строганова и Я. И. Петлицкого, принужденных карателями к раскаянию и «откровенному сознанию», все рабочие держались на процессах 1879—1882 гг. стойко. Мне уже приходилось называть в ряду имен героев этих процессов народовольцев Степана Халтурина, Андрея Преснякова, Тимофея Михайлова, Якова Тихонова, террориста 1879 г. Ивана Зубржицкого. Все они были рабочими. Мужественно вел себя на суде бывший знаменосец Казанской демонстрации 1876 г. ткач Я. С. Потапов. Он с 1877 г. содержался «для исправления» в тюрьме Соловецкого монастыря, где на богослужении в память об убиенном Александре II 19 марта 1881 г. «в присутствии всей братии, богомольцев, военной команды и арестантов» дал по уху архимандриту с возгласом: «Теперь свобода!» За это Архангельская судебная палата приговорила неисправимого демонстранта к ссылке на поселение в отдаленнейшие места Сибири[230]. Буквально восстал против иезуитства царского суда киевский жестянщик П. Ф. Лобанев-Лобанчук-Гудзь. После того как ему заменили 15 лет каторги шестью ввиду будто бы выраженного им раскаяния, он подал в суд следующее заявление: «...смягчение наказания, благодаря «раскаянию», произошло неправильно... Не только

не раскаивался в «содеянных мною поступках», но на суде я заявил, что принадлежу к русской социально-революционной партии, которой я обязан как умственным, так и нравственным своим развитием. Ежели в фактах обвинения нет обстоятельств смягчения, то я решаюсь воспользоваться первым приговором, чем такою ценою купить себе смягчение. Такой со стороны суда поступок уничтожает всякую возможность принимать какое бы то ни было участие в суде и относиться к нему с должным уважением»[231].

Рабочие — члены «Народной воли» обвинялись, как правило, в самых тяжелых преступлениях (вплоть до цареубийства) и держали себя перед судом наиболее открыто, дерзко, активно. Все шесть рабочих-революционеров, приговоренных к смертной казни с 1879 до середины 1882 г., были народовольцами. С. Н. Халтурин, А. К. Пресняков, Т. М. Михайлов были повешены, а троим (И. Ф. Окладскому, Я. Т. Тихонову и М. В. Тетерке) царь заменил виселицу каторгой без срока.

Лишь некоторые из народовольцев предпочитали тактику запирательства, которой держалось большинство рабочих, не принадлежавших к «Народной воле». Так вели себя М. Я. Геллис на процессе по делу о его кружке, Г. Н. Иванченко и С. И. Феохари на процессе «киевских бунтарей», Н. В. Левченко, Ф. М. Филатов и народоволец С. Е. Ильяшенко-Куценко на процессе кружка Попова — Буцинского, В. П. Обнорский и его товарищи по «Северному союзу русских рабочих» и др. Их тактика определялась недостатком улик в руках обвинения и надеждой выпутаться из дела. Однако суд мало считался с уликами, если политическая конъюнктура, а тем более прямое давление «верхов» подсказывали ему палаческий приговор. В результате Геллис был осужден на вечную каторгу, а Иванченко, Феохари, Филатов, Ильяшенко, Обнорский получили каждый от 5 до 15 лет каторги.

Особо следует сказать и о поведении на политических процессах 1879—1882 гг. женщин. За 3,5 года, с 1879 до середины 1882 г., 53 женщины (из них Е. Н. Южакова — трижды) судились по политическому обвинению — больше, чем за все оставшиеся 18 лет XIX в. В революционной стойкости они не

уступали мужчинам, а может быть, даже и превосходили их. Во всяком случае на процессах тех лет среди женщин не оказалось ни одной, которая предала бы своих товарищей и вообще как-то смалодушничала. Между тем царский суд выносил им приговоры не менее свирепые, чем мужчинам. Достаточно сказать, что на процессе первомартовцев обе судившиеся там женщины (С. Л. Перовская и Г. М. Гельфман), а на процессе «20-ти» две из трех бывших под судом женщин (Т. И. Лебедева и А. В. Якимова) были приговорены к смертной казни. Еще ранее — в 1879 г., по делу В. А. Осинского — была осуждена на смертную казнь (первой из женщин русской революции) Софья Лешерн. Правда, казнить царизм отважился в XIX в. только одну женщину — Софью Перовскую. Остальных губили на Каре, в Шлиссельбурге и Петропавловской крепости. За 3,5 года, о которых идет речь, кроме пяти смертных приговоров еще 14 женщинам царский суд определил каторгу (в том числе Е. И. Россиковой и Е. Н. Ковальской — вечную).

В качестве примера героизма русских женщин перед царским судом можно было бы сослаться на поведение чуть ли не каждой из революционерок, судившихся в 1879—1882 гг. (за исключением разве М. В. Грязновой, которая на процессе «16-ти» не проявила должной, по народовольческим меркам, смелости). Все они держались мужественно и с достоинством.

Софья Лешерн, например, отказавшаяся от каких бы то ни было показаний и от защиты, в последнем слове заявила: «Я могу только выразить полнейшее презрение к суду и прокурору»[232]. Выслушав смертный приговор, Лешерн, по свидетельству очевидца-жандарма, сказала, «что она первая покажет, как женщины умирают», а после конфирмации «очень осталась недовольною тем, что жизнь ей дарована». Точно так же вели себя на других процессах и Наталья Армфельд, которая во всеуслышание назвала суд «позорным», не дрогнула перед суровым приговором (14 лет 10 месяцев каторги), а смягчение кары не хотела принять: когда ей объявляли о конфирмации, она «стояла, заткнувши пальцами уши»[233]; и Мария Ковалевская, заявившая от имени товарищей:

«Мы считаем ниже своего достоинства говорить что-либо в свою защиту»[234]; и женщины процесса «11-ти» (Мария Ковалик, Александра Малиновская, Мария Коленкина), отказавшиеся от всяких показаний, причем Коленкина прервала обвинительную речь прокурора негодующим возгласом: «Какая наглая ложь!», объявила, что не желает слушать такую речь и потребовала увести ее из суда обратно в тюрьму[235].

Женщины «Народной воли», судившиеся в 1880—1882 гг., достойно продолжили традицию 1879 г. Они уже не только бойкотировали суд, но и утверждали перед ним свое кредо, а в стойкости не уступали предшественницам. «Единственное мое желание,— заявила судьям на процессе «16-ти» Софья Иванова,— заключается в том, чтобы меня постигла та же участь, какая ожидает моих товарищей, хотя бы даже это была смертная казнь»[236]. Татьяна Лебедева на процессе «20-ти» смело оправдывала цареубийство, подчеркивая, что она «вполне сознательно и совершенно добровольно принимала в нем участие»[237]. Самоотверженно вела себя Софья Шехтер и на суде (процесс кружка Попова — Буцинского), и затем на каторге, где в 1883 г., когда ее по случаю коронационного манифеста амнистировали, она уведомила тюремщиков: «Я не считала царское правительство вправе меня наказывать, не считаю его вправе меня миловать, от амнистии отказываюсь»[238]. Безупречно стойкими были Евгения Фигнер на процессе «16-ти», Геся Гельфман на процессе первомартовцев, Анна Якимова и Людмила Терентьева на процессе «20-ти». Александр Михайлов в письме к друзьям перед приговором по делу «20-ти» так отозвался о женщинах этого процесса: «Терентьева — розовый бутон, невинный и свежий, но беспощадно колющий своими шипами враждебную, бесцеремонную руку. Лебедева — сильная, решительная и самоотверженная натура. Якимова — простой цельный человек, до конца отдавшийся делу»[239]. Что же касается Софьи Перовской, то пример ее жизни и смерти выделяется даже в ряду самых выдающихся примеров подвижничества русских женщин.

История нередко строит поистине мефистофельские гримасы. Вот одна из них: прокурор по делу 1 марта Н. В. Муравьев был другом детства Софьи

Перовской. В 1856—1859 гг. отец Муравьева служил губернатором, а отец Перовской — вице-губернатором в Пскове. Семьи губернатора и вице-губернатора жили тогда по соседству, и дети их постоянно играли друг с другом. Однажды маленькая Соня с помощью брата Васи и сестры Маши даже спасла жизнь своему будущему обвинителю, вытащив его из глубокого пруда, в котором он чуть было не утонул [240].

На процессе первомартовцев Муравьев требовал виселицы для Перовской с таким озлоблением, какого он не имел даже к Желябову. Именно Перовскую силился он представить олицетворением безнравственности и жестокости, вообще будто бы свойственных революционерам. «Обыкновенное нравственное чувство отказывается понимать», негодовал он, как могла женщина встать «во главе заговора» и «с циничным хладнокровием» распоряжаться «злодеянием» [241]. Перовская вела себя на процессе сдержанно (хотя и с таким самообладанием и достоинством, что государственный секретарь Е. А. Перетц, наблюдая за ней в дни суда, заключил: «Она должна владеть замечательной силой воли и влиянием на других» [242]). На выпады прокурора против нее лично она не отвечала, но попытка выставить всех вообще народовольцев жестокими и безнравственными отщепенцами общества возмутила ее настолько, что она все свое — очень краткое — «последнее слово» целиком употребила на отповедь этой попытке: «Много, очень много обвинений сыпалось на нас со стороны г. прокурора. Относительно фактической стороны обвинений я не буду ничего говорить,— я все их подтвердила на дознании,— но относительно обвинения меня и других в безнравственности, жестокости и пренебрежении к общественному мнению, относительно всех этих обвинений я позволю себе возражать и сошлюсь на то, что тот, кто знает нашу жизнь и условия, при которых нам приходится действовать, не бросит в нас ни обвинения в безнравственности, ни обвинения в жестокости» [243].

Революционная убежденность Перовской, благородство, несокрушимая сила и вместе с тем детская нежность ее характера наиболее впечатляюще отразились в ее предсмертном письме к матери (от 22 марта 1881 г.). Обычным путем (через департамент по-

лиции) такое письмо не дошло бы до адресата. Подобные же письма Квятковского, Александра Михайлова, Баранникова и других были задержаны и остались в полицейских архивах. Перовская смогла переслать письмо матери через своего адвоката Е. И. Кедрина, который заслуженно пользовался ее доверием[244]. Текст письма вскоре был передан и за границу, где впервые он был опубликован в 1882 г. «Красным крестом» «Народной воли»[245], а затем обошел прессу многих стран мира. Английский журнал «Атенеум» назвал это письмо «самым замечательным и трогательным из всех известных миру произведений эпистолярной литературы»[246].

На русском языке письмо Софьи Перовской печаталось многократно[247], и здесь нет необходимости вновь приводить его текст. Отмечу только, что в нем просто и скромно, без малейшей рисовки сказалось качество, характерное для подлинного революционера,— самоотверженная преданность революционному долгу. «Я жила так, как подсказывали мне мои убеждения,— писала Перовская,— поступать же против них я была не в состоянии, поэтому со спокойной совестью ожидаю все, предстоящее мне».

Революционная стойкость народников — как мужчин, так и женщин — даже в карателях будила чувства, близкие к уважению. Киевский «прокурор-паук» Стрельников, обычно старавшийся всячески унизить свои жертвы, и тот на процессе А. Я. Гобета вынужден был признать «замечательное самообладание» подсудимых и «отсутствие даже и тени раскаяния» в их поведении[248]. Сам Александр II, по словам близкого к нему генерала П. А. Черевина, как-то в дни процесса «11-ти» сказал о народниках: «Да, странные это люди, в них есть нечто рыцарское»[249]. Главное же, признавая «замечательную», «рыцарскую» стойкость революционеров, каратели отчаивались сломать ее. Откровенно подчеркнул это в письме к Александру III (тогда еще наследнику престола) от 31 июля 1880 г. «полуимператор» М. Т. Лорис-Меликов: «...на исцеление людей, заразившихся социальными идеями, не только трудно, но и невозможно рассчитывать. Фанатизм их превосходит всякое вероятие; ложные учения, которыми они

проникнуты, возведены у них в верования, способные довести их до полного самопожертвования и даже до своего рода мученичества»[250].

До сих пор речь шла о сильных сторонах поведения русских революционеров перед судом царизма в 1879—1882 гг., т. е. именно о том, что было показательно для них, как правило. Заметим, однако (прежде чем пойдет речь об исключениях из этого правила), что и сильное у них имело свои, закономерно обусловленные слабости. Прежде всего сказывалась узость их социальной базы. Народовольцы не были так далеки от народа, как декабристы или даже деятели первой революционной ситуации. Они имели деловые связи не только с обществом, но отчасти и с крестьянами, а в особенности с рабочими, рассчитывали на поддержку крестьян и рабочих и черпали в этом какую-то долю сил под арестом, на суде и у виселицы. Тем не менее политическая активность крестьянства и даже рабочего класса тогда оставалась еще столь низкой и поэтому возможность опереться на них оказывалась столь малой, что народовольцы перед царским судом предпочитали выступать от имени своей организации. Именно на организацию, а не на класс они главным образом и опирались в единоборстве (как политическом, так и моральном) с царскими судьями, тюремщиками и палачами. Подобная опора, конечно, не могла быть для народовольцев таким надежным источником революционной стойкости, каким стала для деятелей следующего, пролетарского этапа освободительной борьбы опора на класс, и притом самый революционный.

Объективно вредила народовольцам их искренняя, но не всегда целесообразная (хотя и эффектная), склонность к самопожертвованию. М. Горький верно подметил «качества, свойственные лучшей революционной интеллигенции,— самоограничение, часто восходящее до самоистязания, самоуродования, до Рахметовских гвоздей...»[251] Истоком и основой этого самоограничения была идея «долга народу», а также связанная с ней традиция революционного ригоризма, которая возникла еще в 60-е годы (под влиянием «Что делать?» Н. Г. Чернышевского), но особенно

развилась после выхода «Исторических писем» П. Л. Лаврова (1869 г.), уже в 70-х и 80-х годах[252]. У подсудимых народовольцев преувеличенный ригоризм выражался, как мы видели, в том, что они, ради того чтобы избежать какого-либо «снисхождения» и разделить участь товарищей по делу, признавали за собой «преступления», даже не доказанные следствием, протестовали против смягчения приговора и чуть ли не требовали себе смертной казни, хотя бы улик против них для этого явно недоставало. Такое самопожертвование иной раз (когда оно не было продиктовано политическими соображениями)[253] оказывалось неблагоразумным и вредным, поскольку оно влекло за собой гибель борцов, сохранявших возможность спастись, а врагам давало повод изображать его как проявление фанатизма дикарей. Все сказанное относится и к провозвестникам «Народной воли»— террористам 1879 г.

Узость социальной базы во многом обусловливала тогда случаи малодушия и предательства в заключении и на суде среди революционеров, хотя, разумеется, эти случаи объяснялись не только социальными и политическими, но также и психологическими мотивами (тяготами заключения, изобретательностью и силой карательного воздействия, личными качествами обвиняемых).

Оговоримся сразу: таких случаев в 1879—1882 гг. было очень мало, но все-таки больше, чем на процессах пропагандистов 1871—1878 гг. Главным образом они относятся к тем процессам, где судились террористы — предшественники «Народной воли». За 1879—1880 гг. на 27 таких процессах при 148 подсудимых просили о помиловании и снисхождении 24 человека. Правда, настоящих революционеров, членов организаций в числе 24 было чуть больше половины. На процессе «11-ти» подали прошения члены центра «Земли и воли» Ольга Натансон (уже смертельно больная), В. Ф. Трощанский и Адриан Михайлов. Просили смягчить наказание член южного ИК В. П. Лепешинский[254], четверо киевских (И. В. Дробязгин, В. А. Малинка, В. Ф. Костюрин, А. А. Богославский) и двое елизаветградских (Л. О. Майданский, К. П. Янковский) «бунтарей»[255], двое участников харьковского кружка Д. Т. Буцинского

(В. С. Ефремов и Н. В. Яцевич) и И. И. Тищенко из николаевского кружка С. Я. Виттенберга. Остальные 11 человек (С. Ф. Строганов, Н. И. Волянский, И. И. Орловский, Л. Ф. Мирский, И. А. Головин, Г. А. Тархов, А. К. Семенская, М. П. Лозинский[256], И. А. Рашко, П. А. Родин, Е. И. Савенко) не были членами революционных организаций, хотя Мирский и Лозинский участвовали в крупных антиправительственных актах.

Итак, террористы 1879—1880 гг. (арестованные до возникновения «Народной воли») пасовали перед карателями чаще, чем пропагандисты 1871—1878 гг. Между тем, по мере того как росли силы и авторитет революционной организации и, с другой стороны, падал в глазах революционеров престиж власти, народники становились все более требовательными к революционной этике. В конце 70-х годов просьба о помиловании считалась большим грехопадением, чем в начале десятилетия. Почему же все-таки на процессах, где судились террористы, случаи малодушия и раскаяния участились сравнительно с процессами пропагандистов? Естествен вопрос, не из страха ли перед смертью? Ведь на 54 процессах пропагандистов 1871—1878 гг. не было ни одного смертного приговора, а здесь на 27 процессах — 28. Но оказывается, из 28 смертников смалодушничали только восемь[257]. Раскаивались и просили помилования на процессах террористов преимущественно люди, осужденные не на виселицу, а на каторгу и в ссылку. По-видимому, обусловили это следующие причины.

Во-первых, романтика террора вовлекала в движение много совсем еще юных, энергичных, но нестойких людей. Эти люди и составили тогда добрую половину раскаявшихся. Иным из них (Мирскому, Тархову, Волянскому, Яцевичу, Савенко, Строганову, Родину) было по 18—20 лет, причем в революционные организации они, как правило, не входили.

Во-вторых, отрицательно сказывался на поведении революционеров в царском плену идейный кризис 1878—1879 гг. Хотя силы движения, безусловно, росли, кипевшие в нем тактические разногласия осложняли политическую ориентировку и порождали у иных народников фракционные настроения. Отдельные, даже опытные, революционеры поэтому чув-

ствовали себя перед угрозой жестокой расправы с ними политически неустойчиво, ибо представляли не всю организацию, а лишь какую-то одну ее фракцию и должны были отмежевываться от другой фракции, как это делали, например, Алексей Оболешев, Адриан Михайлов, Виктор Костюрин, объявлявшие себя «социалистами, но не террористами»[258].

Наконец, следует учитывать, что и каратели с годами разнообразили и совершенствовали методы воздействия на сознание и психологию своих пленников. Прогремевшие на всю Россию в 80-е годы такие виртуозы развращения человеческих душ, как Г. П. Судейкин, А. Ф. Добржинский, М. М. Котляревский, подвизались уже в 1878—1879 гг. Изощренными мастерами нравственной пытки зарекомендовали себя в конце 70-х годов такие прокуроры, как В. С. Стрельников, Н. К. Голицынский, В. М. Савинков, П. П. Прохоров. В частности, жертвами иезуитства Прохорова стали террористы Иван Дробязгин, Виктор Малинка, Лев Майданский, согласившиеся подать просьбы о помиловании (может быть, с расчетом сохранить жизнь для продолжения революционной борьбы), тем самым бросившие тень на свою репутацию и все же казненные.

Народовольцы, которые выступали при всей узости их социальной базы все-таки от имени небывалой прежде в России по масштабам, сплоченности, мощи и славе революционной организации, естественно, оступались перед карателями гораздо реже своих предшественников. Из 29 судебных процессов 1880—1882 гг. с участием народовольцев только на пяти (И. И. Розовского, харьковской группы «Народной воли», «16-ти», 1 марта 1881 г. и «20-ти») оказывались среди подсудимых единичные отступники и предатели. На процессе харьковской организации из 14 подсудимых двое (Я. И. Кузнецов и М. А. Блинов) раскаялись и подали прошения о помиловании[259]. По делу «16-ти» прошение о помиловании подал А. А. Зубковский, который, впрочем, не был народовольцем (член киевской организации «Земли и воли»)[260], и сразу после суда стал предателем И. Ф. Окладский. Среди первомартовцев оказался предатель Н. И. Рысаков. Вместе с ним подал прошение о помиловании и Тимофей Михайлов[261] — один

из вожаков Рабочей организации «Народной воли». Учитывая, что Михайлов и на суде, и после суда (по дороге к месту казни, а также на эшафоте) держался мужественно, его прошение следует расценивать как юридический демарш перед царем против суда, ибо Михайлов был единственным из первомартовцев, кого суд фактически не смог уличить в причастности к цареубийству[262]. Наконец, в числе подсудимых по делу «20-ти» тоже был один предатель (В. А. Меркулов) и еще трое подали прошения (Г. М. Фриденсон — о помиловании, А. Б. Арончик и Ф. О. Люстиг — о смягчении наказания)[263]. Всего, таким образом, из 130 революционеров, судившихся на 29 народовольческих процессах 1880—1882 гг., оказалось лишь три предателя и семь «подаванцев» (как называли тогда подавших прошения о помиловании).

Кроме того, еще прежде, чем начались судебные процессы «Народной воли», царские каратели склонили к предательству небезызвестного Г. Д. Гольденберга. Землеволец и народоволец Григорий Гольденберг — пылкий террорист, который 9 февраля 1879 г. застрелил харьковского генерал-губернатора князя Д. Н. Кропоткина,— был арестован 14 ноября того же года. На дознании он проявил большую стойкость; наотрез отказавшись назвать кого-либо из «соучастников», смело мотивировал свое покушение («Ты имел несчастье родиться в монархической стране, где слово преследуется так, как нигде в мире, бей же [их] их же оружием, иди и убей Кропоткина») и по-народовольчески пригрозил правительству: «Так пусть же правительство знает, что мы не остановимся ни перед какими виселицами, что револьверные выстрелы не перестанут за нас говорить и защищать, пока в России не будет конституции... «Carthago delenda est»»[264].

Прокурор А. Ф. Добржинский, понаторевший на вымогательстве показаний у заключенных, понял, что такой узник не уступит силе, но может раскрыться перед хитростью. После долгой моральной пытки[265] он подкупил Гольденберга химерической идеей: открыть правительству истинные цели и кадры революционной партии, после чего, мол, правительство, убедившись в том, сколь благородны и цели партии, и ее люди, перестанет преследовать такую партию.

9 марта 1880 г. Гольденберг написал обширное (80 страниц убористой рукописи) показание, а 6 апреля составил к нему приложение на 74 страницах с характеристикой всех упомянутых в показании (143!) деятелей партии. Тут были и Желябов, и Александр Михайлов, и Перовская, и Плеханов, и Морозов, и Кибальчич — словом, цвет революционного лагеря, и о каждом из 143 сообщались биографические сведения, обрисовывались их взгляды, личные качества, даже внешние приметы[266]. Добржинский и все жандармские власти ликовали, предвкушая поголовное истребление революционной партии. Гольденберг же в июне 1880 г. из разговора с арестованным членом ИК А. И. Зунделевичем понял, что̀ он натворил, и впал в отчаяние. На очередном допросе он «пригрозил» Добржинскому: «Помните, если хоть один волос упадет с головы моих товарищей, я себе этого не прощу». «Уж не знаю, как насчет волос,— цинично отрезал прокурор,— ну а что голов много слетит, это верно»[267].

Гольденберг не вынес мук совести. 15 июля 1880 г. он повесился в тюремной камере на полотенце. Перед смертью этот единственный в своем роде предатель написал «Исповедь»: «Я думал так: сдам на капитуляцию все и всех, и тогда правительство не станет прибегать к смертным казням, а если последних не будет, то вся задача, по-моему, решена. Не будет смертных казней, не будет всех ужасов, два-три года спокойствия,— конституция, свобода слова, амнистия; все будут возвращены, и тогда мы будем мирно и тихо, энергично и разумно развиваться, учиться и учить других, и все были бы счастливы»[268].

Историки «Народной воли» интересовались судьбой Гольденберга и объясняли причины его падения разочарованием в действенности террора, позерством и болтливостью, влиянием родителей и пр.[269] Все это верно. Но не это, по-моему, главное. Погубил Гольденберга главным-то образом тот недостаток, на который указывали еще народовольцы, лично знавшие его,— недостаток революционной зрелости. «Молодой, порывистый, неустойчивый», как характеризовал его М. Ф. Фроленко[270], «исключительно человек чувств, да еще, кроме того, совершенно не умеющий ими владеть»; по словам Александра Михайлова,

Гольденберг был честен, но политически наивен. «Когда чувство в нем направлялось партией, оно двинуло его на подвиг. Но отрезанный от нее и не имея в себе самом руководящей, он, совершив неизмеримо бесчестный поступок, бесславно погиб»[271].

Несколько по-иному надо оценивать предательство Окладского, Рысакова, Меркулова. Если Гольденберг стал предателем неосознанно, по наивности и сам себя наказал за это, то Меркулов, Окладский и Рысаков сознательно пожелали стать не только предателями, но и провокаторами[272]. Между тем последние двое, как и Гольденберг, до своего предательства успели показать себя людьми мужественными. Окладский 18 ноября 1879 г. помогал Желябову взрывать царский поезд под Александровском. Рысаков же 1 марта 1881 г. бросил первую бомбу в Александра II, а радостное восклицание царя: «Слава богу, я уцелел!» отпарировал историческим: «Еще слава ли богу?»

Видимо, пали Рысаков и Окладский по той же причине, которая погубила Гольденберга. Все они были людьми увлекающимися, но незрелыми, без должной идейной закалки и силы характера. Рысаков был вовлечен в «Народную волю» Желябовым и под руководством Желябова выглядел достойным народовольцем. Воля Желябова и его преемницы Перовской толкнула Рысакова на подвиг. «Человек отраженного света», по меткому определению Ларисы Рейснер, Рысаков ответил царю «Слава ли богу?» «желябовскими, а не своими словами»[273]. В заключении же, один на один с палачами, когда от него потребовался героизм не романтического порыва ради славы, а стоического упорства во имя идеи, он оказался слабым для этого и пал. Точно так же и Окладский под Александровском, рядом с Желябовым, и даже на процессе «16-ти», рядом с Ширяевым и Квятковским, мог казаться героем, а после суда, в камере смертника, купил себе жизнь ценой жизней товарищей[274]. 37 лет после этого он нес позорную службу провокатора; был заочно разоблачен вскоре же после краха царизма и еще шесть лет хоронился от революционного правосудия; опознан и арестован в 1924 г., судим теперь уже революционным, советским судом и вновь приговорен к смертной казни — на этот раз

как царский холуй за низменную борьбу против революционеров[275]. Судьба Окладского — поучительный пример жизненного сальто человека без твердых убеждений, вовлеченного в круговорот политических катаклизмов.

Что касается В. А. Меркулова, то в его предательстве нет никакой загадки. Малограмотный человек, не блиставший ни умом, ни энергией, он был принят народовольцами в партию, по-видимому, из-за недостатка в людях (особенно «из народа»). Когда он был арестован (27 февраля 1881 г.), жандармы быстро смекнули, что он труслив и продажен. Последовал сеанс обычных угроз, и Меркулов сам предложил, если ему позволят, под надзором полиции указать в лицо всех известных ему в Петербурге революционеров. На докладе об этом генерала А. В. Комарова царь оставил помету: «Надеюсь, что воспользовались его предложением»[276].

Став предателем, трус Меркулов боялся мести своих бывших товарищей, с которыми ему предстояло еще сесть на одну скамью подсудимых (по делу «20-ти»). Перед началом суда он даже подал на имя прокурора особое прошение о том, чтобы его не сажали рядом с другими подсудимыми[277]. Опасения предателя не были напрасными. На последнем заседании суда подсудимый Макар Тетерка (тоже рабочий) заклеймил его пощечиной[278].

Вредили делу и репутации «Народной воли» также случаи предательства людей, которые хотя и не принадлежали к партии, но входили с ней в какие-то (пусть самые мимолетные) сношения и за это оказывались иногда на одной с народовольцами скамье подсудимых. Таков был гимназист Иван Родионов, который на процессе И. И. Розовского выдал товарища, доверившего ему, Родионову, прокламации ИК «для распространения». По делу «16-ти» судились двое таких сопроцессников «Народной воли» — земский врач А. П. Булич и управляющий имением землевольца Д. А. Лизогуба В. В. Дриго, обвиненные в принадлежности к партии и в передаче денег террористам. Оба они малодушествовали, подали слезливые прошения о помиловании, а Дриго, кроме того, оставил жалкую исповедь с такой концовкой: «Если когда бы то ни было, хотя бы после моей

смерти, рассказ этот мой будет прочтен и прочитавший скажет, что «да, Дриго не был революционером и сослан без вины», то я буду совершенно вознагражден»[279].

Наконец, из террористов, судившихся в 1880—1882 гг. отдельно от народовольцев, смалодушничал после смертного приговора и подал прошение о помиловании Н. М. Санковский. «Решительно не имел намерения убить генерала Черевина,— уверял он,— а просто сделал это[280] с целью манифестации в совершенно бессознательном состоянии и под влиянием полного расстройства моего организма от падучей болезни»[281].

Среди всякого рода попутчиков «Народной воли» со временем оказывались и провокаторы, но за 1880—1882 гг. известен только один из них — киевский портной, уголовный арестант Леонтий Забрамский. В тюрьме он познакомился с политическими заключенными, а по выходе на волю стал агентом Г. П. Судейкина[282], сумел втереться в доверие к участникам объединенного кружка народовольцев и чернопередельцев (М. Р. Попова — Д.Т. Буцинского), которых и выдал.

Как ни редки были в 1880—1882 гг. случаи отступничества и предательства среди народников, они все же свидетельствовали (особенно если учесть, что в последующем их стало гораздо больше) и об умении царского сыска идейно и морально развращать людей, и о недостатке революционной бдительности и взаимоконтроля у народовольцев, которые могли довериться таким людям, как Забрамский, а таких, как Меркулов, даже принять в организацию. Не случайно Александр Михайлов в предсмертном обращении писал: «Завещаю вам, братья, контролируйте один другого во всякой практической деятельности, во всех мелочах, в образе жизни... Надо, чтобы контроль вошел в сознание и принцип, чтобы он перестал быть обидным, чтобы личное самолюбие замолкло перед требованиями разума. Необходимо знать всем ближайшим товарищам, как человек живет, что он носит с собой, как записывает и что записывает, насколько он осторожен, наблюдателен, находчив. Изучайте друг друга. В этом сила, в этом совершенство отправлений организации»[283]. Но в

условиях, когда «Народная воля» несла тяжелые потери в людях, а восполнять их, по узости социальной базы, было крайне трудно, каждый новый боец ценился так дорого, что соблюсти по отношению к нему должную меру бдительности и контроля не всегда представлялось возможным.

Мы видели, что случаи раскаяния революционеров на политических процессах 1879—1882 гг. оставались, по традиции, утвердившейся в 70-е годы, исключением из правила. Как правило же, обвиняемые продолжали вести себя перед царским судом героически и тем самым давали отличный материал для революционной агитации. Революционная партия со своей стороны продуктивно использовала этот материал, откликаясь по возможности на каждый из политических процессов. Естественным для таких откликов был и мотив отмщения за погибших товарищей. Он налицо в призывах «Земли и воли» к «правой мести» за И. М. Ковальского[284] и за С. Н. Бобохова («Ты не останешься без отмщения, пока в нас есть хоть капля крови!»)[285] и в отклике «Народной воли» на казнь А. А. Квятковского и А. К. Преснякова: «Смерть за смерть! Кровь за кровь! Месть за казни!»[286]

Но не этот мотив был главным для революционного лагеря. Больше всего революционеры заботились о разъяснении и призывном воздействии героического примера осужденных. Сами осужденные проникались той же заботой. Д. А. Лизогуб в предсмертном письме на волю просил товарищей: «Если не будет печататься процесс («28-ми».—*Н. Т.*) подробно... добыть стенографический отчет каким-нибудь путем. В высшей степени было бы важно изобразить наше дело в надлежащем виде»[287]. «Земля и воля» еще до процесса «28-ми», изобразив «в надлежащем виде» дело А. К. Соловьева, заключала: «Пусть же борьба на жизнь и на смерть с произволом... будет нашим ответом врагам»[288]. Несколько позднее, печатая завещание В. А. Осинского, землевольцы поклялись со страниц своего органа: «Над свежими могилами наших казненных товарищей мы даем клятву продолжать святое дело освобождения народа!»[289]

Отметим здесь важную роль печати в освещении хода политических процессов. В 1878 г. возникла внутрирусская подпольная пресса (легальная печать из-за цензурных препон менее подробно и более тенденциозно освещала процессы террористов, чем дела пропагандистов 1871—1877 гг.). С марта 1878 г. стала выходить газета «Начало» (первый нелегальный периодический орган внутри России), а с 25 октября — журнал «Земля и воля» и в качестве приложения к журналу «Листок «Земли и воли»». Эти издания еще до возникновения «Народной воли» не только печатали правду о политических процессах и разъясняли их смысл, но и обобщали уроки процессов и увековечивали память их жертв. Так, в передовой статье «Листка «Земли и воли»» от 22 марта 1879 г. прославлялись герои «красного террора»: «Эти люди были последовательны до конца. Гордые борцы за свободу всех, они не могли позволить никому наложить руку и на свою свободу. Свобода была им дороже жизни, и только с жизнью они хотели отдать ее... Это первые застрельщики революции, осужденные на гибель, но необходимые для дела. Будущее — время массовых движений. Когда страсти улягутся... когда дела предстанут в надлежащем свете, перед этими людьми будут преклоняться, их будут считать за святых» [290].

Особенно широко и действенно освещала политические процессы «Народная воля», которая владела бо́льшими, чем ее предшественники, источниками и средствами информации, да и сами процессы 1880—1882 гг., как мы помним, были по преимуществу народовольческими.

Громкий резонанс в революционном лагере вызвал процесс «16-ти». Исполнительный комитет «Народной воли» подробно информировал о нем партию, определил его смысл и место, подчеркнув в редакционной статье своего органа «По поводу процесса 16-ти» (1880, № 4), что если на прежних процессах речь шла о революционном лагере, даже о партии, но «партии неорганизованной», то теперь всенародно «установлено существование революционной организации, действующей по определенному плану, определившей свои ближайшие и отдаленные задачи»; «партия как борющаяся сторона в государстве по-

лучила право гражданства»[291]. О героях процесса ИК писал как о «светочах народа»: «Счастлив народ, в недрах которого таятся эти титаны, глубоко знаменательна эпоха, рождающая их десятками. Эти десятки предвещают близкое наступление нового мира на развалинах тронов...»[292]

В том же духе «Народная воля» откликалась и на последующие процессы. Для этого использовались все возможные источники информации, от правительственных отчетов до конспиративных записей подсудимых. Почти в каждом номере газеты «Народная воля» и «Листка «Народной воли»» печаталась какая-нибудь информация о каком-либо процессе: то скупая заметка (как, например, о суде над И. Ю. Старынкевичем), то содержательная корреспонденция (как о деле И. И. Майнова и др.), то подробный отчет (как о процессе «20-ти»). В 1883 г. на страницах «Вестника» и «Календаря» «Народной воли» был опубликован перечень политических процессов в России с 1826 по март 1883 г.[293]

Правда, перечень этот неполон. Иные дела царизм сумел-таки сохранить в тайне от современников. Но за 1879—1882 гг. таких дел оказалось немного (26 из 98)[294], и все они были столь малозначащи по сравнению с учтенными, что в общем осведомленность «Народной воли» в те годы о политических процессах надо признать хорошей. В перечне названы до полутора десятка дел, о которых легальная пресса молчала, причем в ряде случаев (о делах В. И. Тулисова, П. Ф. Лобанева, В. В. Демьяновского, Е. Г. Легкого, О. И. Нагорного, Е. А. Дубровина и др.) «Вестник» и «Календарь» не только называли подсудимых и сообщали приговор, но излагали и суть дела.

Во время суда по крупному делу, а также до и после него ИК старался держать связь с подсудимыми — и ради наиболее точной информации о судебном процессе, и в надежде на возможность освободить товарищей, а главное, для того, чтобы согласовывать поведение подсудимых с тактической линией партии. Особенно много хлопотал об этом ИК в дни процесса «16-ти», поскольку здесь «Народная воля» впервые заявила о себе перед судом как политическая партия. Через адвокатов и родственников

подсудимые пересылали в ИК «для ясного представления о суде» свои уточнения и дополнения к официальному отчету, запрашивали, «что́ проводить» в защитительных речах: «программу ли 3-го номера газеты (т. е. программу ИК. — *Н. Т.*) или что новое»[295]? ИК со своей стороны давал указания, но, по-видимому, не всегда успевал это сделать своевременно. Евгения Фигнер в письме на имя сестры Веры сразу после приговора, оценивая защитительные речи подсудимых, посетовала: «Ваше послание слишком поздно пришло в этом отношении»[296].

Связь с подсудимыми ИК устанавливал и по другим делам. Мы уже знаем, что через адвоката Е. И. Кедрина он получил устное предупреждение об адресах явок и предсмертное письмо Софьи Перовской. С процесса «20-ти» в ИК доходили письма Александра Михайлова «конспиративным путем», как вспоминала Вера Фигнер[297] (возможно, через того же Кедрина, который защищал Михайлова на суде и пользовался глубоким уважением своего подзащитного[298]). Гораздо труднее было хотя бы только попытаться освободить товарищей, обвиняемых или уже осужденных. Власти, раздосадованные дерзкими побегами революционеров 70-х годов (П. А. Кропоткина, В. С. Ивановского, В. Ф. Костюрина, А. К. Преснякова, Л. Г. Дейча, Я. В. Стефановича), охраняли народовольцев и в предварительном заключении, и на суде, и по дороге на казнь так, что устраивать побеги стало почти невозможно.

Тем не менее народовольцы строили планы освобождения арестованных и даже осужденных товарищей. Самым смелым был план освобождения первомартовцев по пути их к месту казни 3 апреля 1881 г. Вот что рассказывал об этом плане член Военного центра «Народной воли» Э. А. Серебряков: «Предполагалось собрать человек триста петербургских рабочих, разделить их на три группы: две — человек по пятидесяти, а одну — в двести. Во главе этих групп должны были находиться все петербургские и кронштадтские офицеры[299]. Группы предполагалось распределить на трех выходящих на Литейный проспект параллельных улицах: на крайних — малые группы, на средней — большую. И вот, когда процессия (осужденных. — *Н. Т.*) проходила бы сред-

нюю группу, все три группы по сигналу должны были броситься вперед, увлекая в своем порыве толпу, и одновременно прорвать шпалеры войск; боковые группы произвели бы замешательство, а средняя окружила бы колесницы, вскочив на которые, офицеры обрезали бы веревки на осужденных и увлекли бы их в толпу, с которой вместе отхлынули бы обратно в боковую улицу, где должны были ожидать две кареты с платьем и всем нужным для переодевания.

Не знаю, кем был выработан этот план, но когда нас (кружок морских офицеров в Кронштадте.— *Н. Т.*) о нем извещали, то вместе с тем сообщили, что инициатива освобождения принадлежит рабочим, распропагандированным Рысаковым, что нужное число рабочих уже есть. Мы тоже были согласны. Но почему этот план не состоялся и насколько серьезно им занимались, я не знаю»[300].

Наличие такого плана косвенно подтверждают и воспоминания рабочего-народовольца В. С. Панкратова[301]. «Не состоялся» же он, думается, главным образом потому, что сами народовольцы сочли этот план нереальным, как только выяснилось, какой невиданно громадный конвой снарядили власти для пяти осужденных. Колесницы «цареубийц» конвоировали два эскадрона кавалерии и две роты пехоты, жандармы, околоточные, городовые; на всех уличных перекрестках вдоль пути следования колесниц дежурили еще четыре роты войск, усиленные наряды конной жандармерии и местная полиция; всего на Семеновском плацу корреспондент «Таймс» насчитал тысяч 10—12 солдат и жандармов[302]. «Не было только артиллерии»,— вспоминала А. В. Якимова[303].

Вообще за 1879—1882 гг. народовольцам удались только два побега: 17 августа 1882 г. член Военной организации «Народной воли» подпоручик А. П. Тиханович под видом караульного начальника вывел из киевской тюрьмы В. Г. Иванова, а 19 декабря 1882 г. из той же тюрьмы бежал с помощью товарищей по заключению В. И. Бычков. Предпринятая же 16 августа 1882 г. в Саратове попытка освобождения из тюрьмы М. Э. Новицкого закончилась неудачей и стоила одному участнику этой попытки (М. Д. Райко) жизни, а двум остальным (П. С. Поливанову и самому Новицкому) — смертного

приговора, замененного позднее каторгой. Естественно, что Александр Михайлов, как уже сказано, по окончании процесса «20-ти» передавал на волю товарищам: «Не расходовать силы для нас, но беречь их от всякой бесплодной гибели» [304].

Зато память об осужденных и погибших борцах «Народная воля» чтила как святыню — не только в знак уважения к жертвам царизма, но и с целью воспитания на их примере новых революционных кадров. До своего ареста, 28 ноября 1880 г., больше всех заботился об этом Александр Михайлов. Он бережно собирал все, что могло увековечить память павших героев, и, кстати, арестован был в тот час, когда пришел в казенную фотографию взять заказанные им карточки А. А. Квятковского и А. К. Преснякова (незадолго перед тем казненных). Из тюрьмы, сам осужденный на смерть, Михайлов завещал народовольцам: «Старайтесь увековечить, прославить наших незабвенных великих товарищей Андрея Ивановича Желябова, Софью Львовну Перовскую и других, с ними погибших. Предлагаемое мною издание документов Исполнительного комитета посвятите их имени; учредите во имя их ежегодное празднество, обязательное для всей организации или даже партии, посредством обращения к общественному мнению. Вы этим не только заплатите по достоинству этим великим могучим людям, но и морально окажете сильное влияние на партию, поднимете дух партии, вызовете многих на самопожертвование» [305].

Сделать все, завещанное Михайловым, «Народная воля» не смогла. В условиях обозначившегося в 1882 г. спада революционной борьбы ей было уже не до учреждения «ежегодных празднеств». Не сумела она в тех же условиях и подготовить издание документов ИК. Но материалы о героях судебных процессов собирались и печатались. Только в течение 1882 г. народовольцы издали в своей женевской типографии отдельными книгами биографии Желябова, Перовской, Кибальчича, Александра Михайлова, которые позднее переиздавались и служили важным средством революционной агитации. Ту же агитационную роль играли и материалы, печатавшиеся на страницах периодических изданий, например биография Квятковского в № 4 газеты «Народная воля», воспоми-

пания о Н. Е. Суханове и некролог Я. Т. Тихонова в № 3 и 5 «Вестника «Народной воли»», передовая статья № 1 «Листка «Народной воли»» с прощальным словом о И. И. Розовском, М. П. Лозинском, И. О. Млодецком и др. Типографски и на гектографе печатались судебные речи народовольцев (Желябова, Суханова, Исаева) и прочие документы («На смерть Желябова», «На смерть Квятковского»), которые имели хождение от Петербурга до Иркутска [306].

Итак, политические процессы 1879—1882 гг. в России представили собой своеобразный, очень важный для того времени фронт борьбы с царизмом. Обстановка революционной ситуации стимулировала политическую активность обвиняемых (землевольцев, чернопередельцев, особенно же народовольцев), укрепляя в них сознание возможности и близости победы над самодержавием. Теория и тактика народничества сохраняли в то время большую притягательную силу потому, что народничество оставалось знаменем движения, развивавшегося еще по восходящей линии. До тех пор пока не была исчерпана революционная ситуация, казались в представлении большинства современников неисчерпанными и возможности народничества как революционной идеологии, хотя объективно в России уже сложились условия для распространения марксизма.

Судившиеся на политических процессах революционеры-народники (а среди них были представители всех сословий, включая фабрично-заводских рабочих, военных, десятки женщин) вели себя смело и наступательно, даже перед угрозой заведомо предрешенной виселицы, удивляя самих карателей своей отвагой. Генерал А. А. Киреев еще в 1879 г. проницательно усматривал главную опасность для царизма в том, что революционеры «убеждены в правоте их теорий, в законности их преступлений (это явствует из всех показаний их на суде) [307]. Вот это-то убеждение в их правоте, в законности их теорий и нужно поколебать. В этом главнейше и заключается задача. В этом, и почти исключительно в этом, весь вопрос» [308].

Время революционного подъема стало и временем особого, почти всеобщего героизма среди тех, кто

проходил перед царским судом. Но все же народовольцы на процессах 1880—1882 гг. выступали более зрело, последовательно, активно и стойко, чем их предшественники — террористы 1878—1879 гг. В этом сказалось оформление самостоятельной, образцовой для того времени организации революционеров-«политиков» и выработка довольно четкой политической программы, т. е. наличие именно тех принципиальных условий, которых так недоставало террористам 1878—1879 гг.

Правда, узость социальной базы «Народной воли» наряду с другими причинами (чрезмерным увлечением романтикой «красного террора», недостатком контроля за кадрами революционеров, воздействием царского сыска и шпионажа) обусловливала частичное засорение партии недостойными элементами, случаи малодушия, отступничества, предательства, но в условиях революционного натиска 1879—1881 и части 1882 г. такие случаи были всего лишь единичными исключениями из правила.

В целом герои процессов 1879—1882 гг. достойно поддержали авторитет русского революционного движения и помогли борющейся России поднять его на небывалую ранее высоту. Они продемонстрировали перед общественным мнением страны и всего мира такую идейную зрелость, благородство и силу духа, что попытки царского суда выставить их программу как «социальные бредни» [309], а их самих — «бойцами всемирного разрушения и всеобщего дикого безначалия» [310] оказались абсолютно несостоятельными. Зато революционный лагерь с каждым процессом обретал новое оружие, будь то программная речь обвиняемого, его завещание, последняя улыбка на эшафоте или просто еще один факт «святой нераскаянности» перед царским судом. Весь опыт политических процессов 1879—1882 гг. утверждал неодолимость революционного движения в России, как это и констатировала передовая статья № 8—9 органа «Народной воли» от 5 февраля 1882 г.: «Если отдельных лиц легко выхватить из наших рядов, то задавить неумирающую идею не сможет никакая адская сила,— идея снова соберет под свое знамя более многочисленных приверженцев» [311].

Вместо заключения

Итоги исследования всех политических процессов в России от вступления в силу пореформенных судебных уставов до конца XIX в. с оценкой их статистики, опыта и уроков будут суммированы в другой монографии, работа над которой продолжается. Здесь же попытаемся выделить главные, наиболее общие и характерные особенности поведения обвиняемых перед царским судом, утвердившиеся в революционной практике на политических процессах 1866—1882 гг.

Первая особенность — это сознательное стремление революционеров, как правило, на каждом судебном процессе превращать скамью подсудимых в трибуну для обличения существующего строя и пропаганды революции, а самый процесс — в акт революционной борьбы. На дворянском этапе освободительного движения политические процессы были карательным орудием в руках царизма и только. Революционеры, оказавшиеся в неволе, преданные суду, лишь терпели (с большей или меньшей стойкостью) муку расправы с ними. О том, чтобы использовать скамью подсудимых в качестве революционной трибуны, тогда не могло быть и речи. С 60-х годов, по мере того как демократизировался социальный состав и обогащался (идейно, нравственно, практически) опыт движения, стал возможным для революционеров взгляд на политические процессы как на своеобразную арену революционной борьбы. Такой взгляд проявился отчасти в поведении некоторых шестидесятников на процессах «32-х» (Н. А. Серно-Соловьевич), М. Д. Муравского, ишутинцев (И. А. Худяков, П. Ф. Николаев). «Нечаевцы» на своем процессе летом 1871 г. впервые превратили скамью подсудимых в трибуну для пропаганды

революционных идей. Их примеру последовали герои малых процессов 1871—1876 гг., а на больших процессах 1877—1878 гг. («50-ти» и «193-х») подсудимые положили начало традиции выступать перед судом от имени революционной партии с программными речами. Политические процессы 1879—1882 гг., т. е. времени второй революционной ситуации в России, почти все отличались героическими схватками пленных борцов с карательной мощью самодержавия, представив собой как бы второй фронт революционной борьбы.

Вторая особенность поведения обвиняемых на политических процессах 1866—1882 гг. — их безграничная и бескорыстная, далеко не всегда «целесообразная» самоотверженность. Русские революционеры тех лет, стремясь «руководиться интересами дела, а не личными», поступали зачастую «непрактично»: шли, как мы видели, даже на разлад с буквой собственного устава, если она мешала им представить революционное дело в самом впечатляющем духе; жертвовали собой ради идеи, ради принципа революции, а не только ради успеха. Но, возвеличивая революцию наперекор заведомой каторге или виселице, отказываясь от помилования и вообще от какого бы то ни было снисхождения, чтобы не пятнать им свою революционную совесть, завещая перед смертью живым продолжать дело павших так же самозабвенно, они тем самым побуждали современников и потомков уверовать в правоту, святость и бессмертие этого дела. «Без таких... «неоправданных» действий, преступающих законы наличной целесообразности,— справедливо замечает советский философ О. Г. Дробницкий,— наверное, не могла бы совершаться человеческая история»[1]. Именно такие действия М. Горький назвал **«безумством храбрых»**. В горьковской «Песне о Соколе», несомненно, был учтен героический пример поколения революционеров 1870-х годов. Сам Горький так определил смысл этого примера: «Герой был разбит и побежден? Да. Но разве это уничтожает необходимость и красоту борьбы?.. Герой был побежден — слава ему вовеки! Он сделал все, что мог»[2].

Условные сокращения

АВПР	— Архив внешней политики России (Москва)
Архив АН СССР	— Архив Академии наук СССР (Москва)
ГАИО	— Государственный архив Иркутской области
ГАОО	— Государственный архив Одесской области
ГАСО	— Государственный архив Саратовской области
ГБЛ РО	— Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Москва)
ГИМ ОПИ	— Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (Москва)
ГПБ РО	— Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград)
ИРЛИ РО	— Рукописный отдел Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом) в Ленинграде
ФЦГИА УССР	— Филиал Центрального государственного исторического архива Украинской ССР (Харьков)
ЦГА ВМФ	— Центральный государственный архив Военно-Морского Флота СССР (Ленинград)
ЦГАЛИ СССР	— Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (Москва)
ЦГА г. Москвы	— Центральный государственный архив г. Москвы
ЦГАОР СССР	— Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР (Москва)
ЦГВИА СССР	— Центральный государственный военно-исторический архив СССР (Москва)

ЦГИА Латв. ССР	— Центральный государственный исторический архив Латвийской ССР (Рига)
ЦГИА СССР	— Центральный государственный исторический архив СССР (Ленинград)
ЦГИА УССР	— Центральный государственный исторический архив Украинской ССР (Киев)
ЦТМ	— Архив Центрального театрального музея им. А. А. Бахрушина (Москва)
ГЖУ	— Губернское жандармское управление
ОППС	— Особое присутствие Правительствующего Сената
ПСЗ	— Полное собрание законов Российской империи

Примечания

Введение (с. 5—26)

[1] *Коваленский М. Н.* Русская революция в судебных процессах и мемуарах, кн. 1. М., 1923, с. 9.

[2] *Медведь Н. Т.* Материалы периодической печати о политических процессах конца XIX — начала XX вв. в России. Автореф. канд. дис. М., 1968, с. 7.

[3] Не учитываются политические процессы в Польше, которая входила тогда в состав Российской империи (их было там за 1866—1900 гг. около десяти).

[4] *Лемке М. К.* Политические процессы 60-х годов. М.—Пг., 1923.

[5] Вестник «Народной воли» (Женева), 1883, № 1, с. 135.

[6] *Шакол А. Т.* Казнь Дубровина. — «Каторга и ссылка», 1929, № 5; *Берман Л. Л.* Киевский процесс «21-го» в 1880 г. — «Каторга и ссылка», 1931, № 8—9; *Выдря М. М.* Суд над Александром Ульяновым. — «Советская юстиция», 1957, № 9; *Панухина Н. Б.* Процесс «50-ти» как акт революционной борьбы. — «История СССР», 1971, № 5; *Негретов П. И.* К спорам вокруг процесса Веры Засулич. — «Вопросы истории», 1971, № 12.

[7] *Итенберг Б. С.* Движение революционного народничества. М., 1965, с. 6; *Седов М. Г.* Героический период революционного народничества. М., 1966, с. 21; *Снытко Т. Г.* Русское народничество и польское общественное движение 1865—1881 гг. М., 1969, с. 15.

[8] Обзор социально-революционного движения в России. СПб., 1880.

[9] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 539, д. 185.

[10] *Татищев С. С.* История социально-революционного движения в России (1861—1881). СПб., 1882.

[11] ЦГИА СССР, ф. 1093, оп. 1, д. 362, л. 2—5.

[12] *Гиляров Ф. А.* 15 лет крамолы (4 апреля 1866 — 1 марта 1881). М., 1883; *Голицын Н. Н.* История социально-революционного движения в России 1861—1881 гг., гл. X. СПб., 1887; Chronique du mouvement socialiste en Russie 1878—1887. Rédigée sous la direction... Shebeko, 1890 (русский перевод: Хроника социалистического движения в России 1878—1887 гг. Официальный отчет. М., 1906).

[13] *Драгоманов М. П.* Собр. политических соч., т. 2. Paris, 1906, с. 719. Ср.: *Корнилов А. А.* Общественное движение при Александре II (1855—1881). М., 1909, с. 193, 259—260; *Богучарский В. Я.* Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX в. Партия «Народной воли», ее происхождение, судьбы и гибель. М., 1912, с. 2; *Глинский Б. Б.* Революю-

ционный период русской истории (1861—1881), ч. 2. СПб., 1913, с. 103.

[14] См. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Судебный процесс «Neue Rheinische Zeitung». — Соч., т. 6, с. 235—253; *Маркс К.* Разоблачения о Кельнском процессе коммунистов. — Соч., т. 8, с. 423—491; *Энгельс Ф.* Предисловие к брошюре «Карл Маркс перед судом присяжных в Кельне». — Соч., т. 21, с. 206—212.

[15] См. *Энгельс Ф.* Августу Бебелю в Борсдорф. — *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 36, с. 447.

[16] См. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих. — Соч., т. 18, с. 388—424; Маркс — Женни Лонге в Аржантей. — Соч., т. 35, с. 147; Энгельс — Карлу Гиршу в Париж. — Соч., т. 34, с. 254, 454.

[17] *Плеханов Г. В.* Соч., т. III, с. 113, 166; т. XII, с. 427; т. XXIV, с. 314—315.

[18] См. *Ленин В. И.* Случайные заметки. — Полн. собр. соч., т. 4, с. 397—428; *его же.* Предисловие к брошюре «Докладная записка директора Департамента полиции Лопухина». — Полн. собр. соч., т. 9, с. 331—334; *его же.* Три запроса. — Полн. собр. соч., т. 21, с. 114.

[19] См. *Ленин В. И.* Каторжные правила и каторжный приговор. — Полн. собр. соч., т. 5, с. 294; *его же.* Предисловие к речам нижегородских рабочих на суде. — Полн. собр. соч., т. 7, с. 65; *его же.* Письмо Е. Д. Стасовой и товарищам в московской тюрьме. — Полн. собр. соч., т. 9, с. 169—173; *его же.* Что доказал суд над РСДР Фракцией? — Полн. собр. соч., т. 26, с. 171.

[20] *Шилов А. А.* Каракозов и покушение 4 апреля 1866 г. Пб., 1920, с. 43—49; *Клевенский М. М.* Ишутинский кружок и покушение Каракозова. М., 1928, с. 47—52.

[21] *Кункль А. А.* Долгушинцы. М., 1932, гл. VII—IX; *Итенберг Б. С.* Движение революционного народничества. М., 1965, с. 134—137, 392—400; *его же.* Южнороссийский союз рабочих. М., 1974, гл. III; *Антонов В. Ф.* Революционное народничество. М., 1965, с. 193—201; *Левин Ш. М.* Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX в. М., 1958, с. 442—444, 476—479. В статье Ш. М. Левина «Две демонстрации» («Исторические записки», 1955, т. 54) есть интересные суждения и о процессе И. М. Ковальского.

[22] *Левицкий В. О.* Партия «Народная воля». Возникновение. Борьба. Гибель. М.—Л., 1928.

[23] *Волк С. С.* «Народная воля» (1879—1882). М.—Л., 1966.

[24] *Седов М. Г.* Героический период революционного народничества. М., 1966.

[25] *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы, т. 3. М., 1961, гл. 2, с. 57—130.

[26] *Виленский Б. В.* Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969, гл. V, § 2, с. 232—265.

[27] *Колосов Е. Е.* Государева тюрьма — Шлиссельбург. Пг., 1924; *Щеголев П. Е.* Алексеевский равелин. М., 1929; *Венедиктов Д. Г.* Палач Иван Фролов и его жертвы. М., 1930; *Сенченко И. А.* Революционеры России на Сахалинской каторге.

Южно-Сахалинск, 1963; *Дворниченко Н. Е.* Во глубине сибирских руд. Иркутск, 1968.

[28] *Баум Я. Д.* Израиль-Арон Гобет (Гобст). Материалы для биографии. М., 1930; *Каржанский Н. С.* Московский ткач Петр Алексеев. М., 1954; *Антонов В. С.* И. Мышкин — один из блестящей плеяды революционеров 70-х годов. М., 1959; *Виленская Эм.* Худяков. М., 1969; *Уросва А. В.* Великое пророчество русского рабочего-революционера Петра Алексеева. М., 1977.

[29] *Bazulow L.* Dzialalność narodnictwa rosyjskigo w latach 1878—1881. Wroclaw, 1960; *Baumgarten L.* Marzyciele i carobójcy. Warszawa. 1960; *Wawrykowa M.* Rewolucyjne narodnictwo w latach 70-ch XIX wieku. Warszawa, 1963.

[30] *Venturi F.* Il populismo russo, v. 1—2. Torino, 1952. К сожалению, историографическое предисловие к новейшему изданию труда Ф. Вентури (Paris, 1972) грешит неоправданными нападками на советскую историографию, в особенности на ее марксистско-ленинские методологические основы.

[31] *Venturi F.* Op. cit., p. 1141—1142, 1158—1160.

[32] *Footman D.* Red Prelude. The Life of the Russian Terrorist Zhelyabov. New Haven, 1945.

[33] *Seth R.* The Russian Terroristes. London, 1966.

[34] *Florinsky M.* Russia. A History and an Interpretation, v. 2. N. Y., 1953; *Tarsaidzé A.* Czars and Presidents. N. Y., 1958; *Puskarev S.* The Emergence of Modern Russia (1801—1917). N. Y., 1963.

[35] Ср.: «Народная воля» перед царским судом, вып. 2. М., 1931, с. 158—159; *Гернет М. Н.* Указ. соч., с. 129; *Сенченко И. А.* Указ. соч., с. 185.

[36] Ср.: Вестник «Народной воли», № 5, Современное обозрение, с. 162; Литература партии «Народная воля». М., 1930, с. 283.

[37] Ср.: *Колосов М. П.* О. А. Варенцова. Иваново, 1952, с. 7; *Большевиков П. К., Горбунов Г. И.* О. А. Варенцова. М., 1964, с. 10.

[38] Ср.: *Мишко Д. І.* Ювеналій Мельников. Київ, 1959, с. 42; *Мирошников И., Рюмшин Н.* Ювеналий Мельников. Харьков, 1963, с. 45.

[39] ЦГИА Латв. ССР, ф. 4568, оп. 9, д. 23, л. 59; ЦГА г. Москвы, ф. 131, оп. 43, д. 74, т. 2, л. 15, 18 — 18 об.; ЦГАОР СССР, ф. 102, 3 д-во, 1890, д. 880, л. 6 об.

[40] Дело 1 марта 1881 г. СПб., 1906, с. 337.

[41] Процесс 16-ти террористов (1880 г.). СПб., 1906, с. 235.

[42] Шесть из них (по делам С. Г. Нечаева, долгушинцев, В. М. Дьякова, участников Казанской демонстрации, «50-ти» и «193-х») изданы в сборнике «Государственные преступления в России» (т. 1—3. СПб., 1906). Еще пять отчетов о процессах 70-х годов вышли отдельными книгами: в 1879 г. — по делам А. К. Соловьева, В. А. Осинского, А.-Я. Гобета, Н. Ф. Крыжановского и в 1906 г. — по делу Веры Засулич. Из процессов «Народной воли» даже в неполном виде удалось издать при царизме отчеты только о четырех: Процесс «21-го». Женева, 1888; Дело 1 марта 1881 г. СПб., 1906; Процесс 16-ти террористов. СПб., 1906; Процесс 20-ти народовольцев в 1882 г. Ростов н/Д., 1906.

[43] 1 марта 1887 г. Дело П. Шевырева, А. Ульянова и др. М.—Л., 1927; Покушение Каракозова. Стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др., т. 1—2. М., 1928—1930. Близка по форме к отчету запись очевидца о процессе «Южнороссийского союза рабочих», опубликованная в сборнике «Южно-русские рабочие союзы» (М., 1924).

[44] В 1878 г. группа адвокатов попыталась было на свои средства опубликовать полный стенографический отчет о процессе «193-х», но первый же том этого издания (примерно 1/3 отчета) был запрещен и уничтожен цензурой. Уцелело лишь около 10 экземпляров, один из которых хранился у Н. П. Смирнова-Сокольского и описан им в «Рассказах о книгах».

[45] Речи подсудимых в процессе «17-ти». — «Былое», 1906, № 12.

[46] Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932, с. 235—248.

[47] «Советские архивы», 1970, № 6 (публикация О. А. Сайкина).

[48] 1 марта 1881 г. по неизданным материалам. Под ред. П. Е. Щеголева. Пг., 1918; *Ульянова-Елизарова А. И.* (сост.). А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г. М.—Л., 1927; Нечаев и нечаевцы. Под ред. Б. П. Козьмина. М., 1931.

[49] Автобиографическое заявление А. А. Квятковского. — «Красный архив», 1926, т. 1; Автобиографические показания М. Ф. Грачевского. — Там же, т. 5; Из народовольческих автобиографических документов. — Там же, 1927, т. 1; П. Л. Антонов в Петропавловской крепости. — Там же, 1928, т. 6; К истории процесса «21-го». — Там же, 1929, т. 5—6; 1930, т. 1.

[50] *Герцен А. И.* Собр. соч. в 30 томах, т. 8, с. 290.

[51] Тюремные письма русских революционеров печатались главным образом после 1917 г. во многих изданиях. Вот наиболее крупные их публикации: Письма осужденных якутян. — «Былое», 1906, № 9; Кладбище писем. — «Былое», 1918, № 4—5; Письма участников процесса «193-х». — «Красный архив», 1924, т. 5; Письма народовольцев из Трубецкого бастиона. — «Каторга и ссылка», 1925, № 3; Письма участников процесса «16-ти». — «Каторга и ссылка», 1930, № 3; Письма народовольца А. Д. Михайлова. М., 1933; Народоволец А. И. Баранников в его письмах. М., 1935.

[52] *Валуев П. А.* Дневник, т. 2 (1865—1876). М., 1961, с. 155; *его же.* Дневник 1877—1884 гг. Пг., 1919, с. IV, 37, 58, 173.

[53] *Фигнер В. Н.* Процесс «50-ти». М., 1927.

[54] *Тарле Е. В.* Значение архивных документов для истории. — «Вопросы архивоведения», 1961, № 3, с. 101.

[55] «Народная воля» перед царским судом. Под ред. А. В. Якимовой-Диковской и др., вып. 1—2. М., 1930—1931.

[56] См., например: [*Лавров П. Л.*] Процесс. — «Вперед!» (Лондон), 1874, т. 3; Как отзовется в народе последний суд! — «Работник» (Женева), 1875, № 9; Герои-мученики. — «Набат» (Лондон), 1881, № 2; *Тихомиров Л.* Памяти честно погибших. — Вестник «Народной воли» (Женева), 1885, № 4; Шлиссельбургская крепость. — «Наше время» (Лондон), 1897, № 1.

[57] *Périviér A.* Les nihilistes. — «Le Figaro», 1881, 27 mars.

[58] *Morley J.* Home and foreign affairs. — «The Fortnightly Review» (London), 1881, v. 29, N 173.

[59] *O-n.* Der Prozess der «Einundzwanzig» in Petersburg. — « Der Sozialdemocrat», 1887, 23 júni.

[60] С либерально-демократических позиций написаны очерки: *Arnaudo J.-B.* Le nihilisme et les nihilistes. Paris, [1879]; *Lavigne E.* Introduction à l'histoire du nihilisme russe. Paris, 1880; *Кеннан Дж.* Сибирь и ссылка, ч. 1—2. СПб., 1906. С черносотенных: *Karlowitsch N.* Die Entwicklung des Nihilismus. Berlin, 1879.

[61] ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. 1, д. 788—803.

[62] ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 1, д. 436.

[63] Только по делу «193-х» дознание и следствие составили 211 томов: ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. 1, д. 204—414. Следствие по делу «14-ти» заняло 33 тома (ЦГВИА СССР, ф. 1351, оп. 3, д. 51, ч. 1—33), по делу «16-ти» — 32 (ЦГВИА СССР, ф. 1351, оп. 2, д. 525, ч. 1—32).

[64] ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. 1, д. 92, л. 295.

[65] ЦГВИА СССР, ф. 1351, оп. 4, д. 298, т. 2, ч. 1, л. 81—81 об.

[66] ЦГИА УССР, ф. 316, оп. 1, д. 51, л. 81.

[67] ГБЛ РО, ф. 218, карт. 1281, д. 1, л. 1.

[68] ГИМ ОПИ, ф. 282, д. 396, л. 243 и сл.

[69] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 535, д. 68.

[70] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 534, д. 1206.

[71] ЦГАОР СССР, ф. 102, 3 д-во, 1882, д. 977.

[72] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 692.

[73] ЦГАОР СССР, ф. 102, 3 д-во, 1882, д. 983.

[74] ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 201.

[75] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 75, д. 7104.

[76] [*Тихомиров Л. А.*] К статистике государственных преступлений в России. — «Народная воля», 1880, № 4; 1881, № 5.

[77] Архив АН СССР, ф. 543, оп. 3, д. 64. Заявление сделано в связи с тем, что В. Л. Бурцев указал (по данным, нуждавшимся в проверке) на связь бывшего народовольца Н. П. Стародворского с охранкой.

[78] АВПР, ф. Посольства в Париже, оп. 524, д. 1577.

[79] См., например, адрес от 825 итальянских женщин на имя императрицы Марии Федоровны с просьбой помиловать Гесю Гельфман: ЦГАЛИ СССР, ф. 1744, оп. 1, д. 80.

[80] *Головнин А. В.* Заметки о правлении П. А. Шувалова; *его же.* Материалы для будущих историков России. — ЦГИА СССР (ф. 851). Мемуары И. А. Шестакова «Полвека обыкновенной жизни» хранятся в ГПБ РО (ф. 856).

[81] ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 1, д. 373.

[82] ЦГАЛИ СССР, ф. 525, оп. 1, д. 23, 72, 92.

[83] ИРЛИ РО, ф. 627, оп. 2, д. 1.

[84] *Троицкий Н. А.* Царские суды против революционной России. Саратов, 1976; *его же.* «Народная воля» перед царским судом. Саратов, 1971.

Глава I (с. 29—70)

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 94.

[2] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 304.

[3] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 257; т. 25, с. 94.

Герцен, как известно, разрабатывал доктрину народничества в обширном цикле произведений, начиная со статьи «Россия» (1849), «Русский народ и социализм» (1851), «Repetitio est mater studiorum» (1861), «Письма к путешественнику» (1865) и многих других. Чернышевский продолжал обоснование народничества в трудах «О поземельной собственности» (1857), «Критика философских предубеждений против общинного владения» (1858), «Суеверия и правила логики» (1859) и др.

[4] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 305, 304.

[5] Ср.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 403; т. 1, с. 272; т. 16, с. 309; т. 8, с. 77.

[6] О хронологии первой революционной ситуации нет единого мнения. Некоторые исследователи относят ее начало к 1854 и даже 1848 г. (ср.: Революционная ситуация в России 1859—1861 гг. М., 1960, с. 29—30; *Миллер И. С.* О некоторых проблемах первой революционной ситуации в России. — «История СССР», 1974, № 5, с. 34).

[7] *Федоров В. А.* Лозунги крестьянской борьбы в 1861—1863 гг. — В сб. Революционная ситуация в России 1859—1861 гг. М., 1963, с. 241.

[8] *Найденов М. Е.* Классовая борьба в пореформенной деревне (1861—1863 гг.). М., 1955, с. 303 и сл.

[9] Крестьянское движение в России в 1861—1869 гг. Сб. документов. М., 1964, с. 798—800.

[10] *Козьмин Б. П.* Из истории революционной мысли в России. М., 1961, с. 60—61.

[11] Подробно об этом см. там же, с. 32 и сл.

[12] *Филиппов Р. В.* К вопросу о кризисе революционно-демократической идеологии в России середины 60-х годов XIX в. — Уч. зап. Башкирского гос. ун-та, 1970, вып. 54, с. 59.

[13] *Лемке М. К.* Очерки освободительного движения 60-х годов. СПб., 1908, с. 359.

[14] «Молодая Россия». Листовка П. Г. Заичневского. — В сб. Очерки по истории философии в России. М., 1960, с. 141—142.

[15] Ср.: *Зайцев В. А.* Избр. соч., т. 1. М., 1934, с. 96, 201; *Писарев Д. И.* Соч., т. 3. М., 1956, с. 68; т. 2. М., 1955, с. 362—363; *Салтыков-Щедрин М. Е.* Полн. собр. соч., т. 7. Л., 1935, с. 261; «Современник», 1864, № 3, с. 118—119; 1865, № 5, с. 2.

[16] *Виленская Э. С.* Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). М., 1965, с. 463—464.

[17] «Молодая Россия». — В сб. Очерки по истории философии в России, с. 141—142.

[18] Ср.: *Виленская Э. С.* Указ. соч., с. 409; *Филиппов Р. В.* Революционная народническая организация Н. А. Ишутина — И. А. Худякова. Петрозаводск, 1964, с. 70.

[19] *Козьмин Б. П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». М., 1929, с. 143.

[20] *Писарев Д. И.* Соч., т. 3, с. 68.

[21] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 539.

[22] Наиболее обстоятельный («без гнева и пристрастия», как говорил Тацит) анализ субъективной социологии народников

см. в книге В. А. Малинина «Философия революционного народничества» (М., 1972, гл. 4—8).

[23] *Ионова Г. И., Смирнов А. Ф.* Революционные демократы и народники. — «История СССР», 1961, № 5, с. 140; История СССР. Под ред. Б. Д. Дацюка, ч. 1. М., 1970, с. 250; История политических учений, ч. 1. М., 1971, с. 337.

[24] «Отечественные записки», 1882, № 1—2.

[25] Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР, т. 2. М., 1956, с. 403; История политических учений. М., 1960, с. 702; История СССР. Под ред. Б. Д. Дацюка, ч. 1, с. 250.

[26] Наша общественная жизнь. — «Современник», 1864, № 1, с. 21, 25, 26, 28.

[27] *Герцен А. И.* Собр. соч. в 30 томах, т. 14, с. 8—9, 33; т. 16, с. 28—29, 225.

[28] *Серно-Соловьевич Н. А.* Публицистика. Письма. М., 1963, с. 238.

[29] Революционная ситуация в России 1859—1861 гг., с. 538.

[30] Ср.: *Виленская Э. С.* Указ. соч., с. 455—456; *Филиппов Р. В.* Революционная народническая организация Н. А. Ишутина — И. А. Худякова, с. 193—196.

[31] «Земля и воля», 1878, № 1. — В сб. «Революционная журналистика 70-х годов». Ростов н/Д. [б. г.], с. 74—75. Ср. подобное же мнение Н. А. Ишутина («Красный архив», 1926, т. 4, с. 127).

[32] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 183.

[33] См. там же, с. 284.

[34] *Шелгунов Н. В.* Женское безделье. — «Русское слово», 1865, № 7; *его же.* Сила нужды и бессилие филантропии. — «Дело», 1869, № 2.

[35] Революционная журналистика 70-х годов, с. 93. Основной буржуазный характер реформы 1861 г. понимал и Чернышевский, но в начале 60-х годов для этого «нужна была именно гениальность Чернышевского» (См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 291).

[36] Ср.: Программа «Набата». — В кн. *Ткачев П. Н.* Избр. соч., т. 3, с. 219; Программа «Земли и воли». — В сб. Революционное народничество 70-х годов, т. 2. М.—Л., 1965, с. 31; Программа рабочих, членов партии «Народная воля». — Там же, с. 186; «Вперед!», 1876, № 27, с. 66 (передовая статья).

[37] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 541.

[38] Революционное народничество 70-х годов, т. 1. М., 1964, с. 102—113; т. 2, с. 32.

[39] Там же, т. 2, с. 184—191; Рабочее движение в России в XIX в., т. 2, ч. 2. М., 1950, с. 56—58.

[40] *Плеханов Г. В.* Соч., т. 1. М. — Пг. [б. г.], с. 67, 69.

[41] *Седов М. Г.* Героический период революционного народничества. М., 1966, с. 188—197; *Твардовская В. А.* Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1969, гл. 5; *Малинин В. А.* Указ. соч., гл. 5—11.

[42] *Пантин И. К.* Социалистическая мысль в России... М., 1973.

[43] Эти две точки зрения обособились на дискуссии 1966 г. о периодизации разночинского этапа в Институте истории АН

СССР (см. отчет о дискуссии в журнале «История СССР», 1966, № 4) и сосуществуют поныне.

[44] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 262, 271—272, 283, 353, 378, 413, 414; т. 6, с. 372; т. 8, с. 77.

[45] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 263; т. 24, с. 320; т. 25, с. 94.

[46] *Герцен А. И.* Собр. соч. в 30 томах, т. 19, с. 128.

[47] Историко-статистический обзор промышленности России, т. 1. СПб., 1883, с. 9—10.

[48] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 174.

[49] *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР, т. 2. М., 1956, с. 104.

[50] См. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 9.

[51] Крестьянское движение в России в 1861—1869 гг. Сб. документов. М., 1964, с. 800; Крестьянское движение в России в 1870—1880 гг. Сб. документов. М., 1968, с. 524—529.

[52] Ср.: Крестьянское движение в России в 1857 — мае 1861 гг. Сб. документов. М., 1963, с. 736; Крестьянское движение в России в 1861—1869 гг., с. 798—800.

[53] *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1964, с. 13.

[54] Рабочее движение в России в XIX в., т. 2, ч. 1. М., 1950, с. 35, 45.

[55] Ср.: *Итенберг Б. С.* «Южнороссийский союз рабочих». М., 1974, с. 136, 138; *Першина Э. В.* Очерки истории революционного движения на Юге Украины. Киев — Одесса, 1975, с. 157—158.

[56] *Корольчук Э. А.* «Северный союз русских рабочих» и рабочее движение 70-х годов XIX в. в Петербурге. М., 1971, с. 102—113.

[57] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 72.

[58] Там же.

[59] *Шелгунов Н. В.* Соч. в 3 томах, т. 3. СПб. [б. г.], стб. 1074.

[60] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 33, с. 147.

[61] Революционное народничество 70-х годов, т. 1, с. 374—375.

[62] *Степняк-Кравчинский С.* Соч., т. 1. М., 1958, с. 375.

[63] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 165.

[64] «...Позволительно и даже естественно было впадать в эту иллюзию в 60-х и 70-х годах,— когда еще так мало было сравнительно точных сведений об экономике деревни, когда еще не обнаруживалось так ярко разложение деревни...» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 263).

[65] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 271—272.

[66] Подробно см. *Троицкий Н. А.* Народническая организация т. н. «чайковцев» и революционная пропаганда среди рабочих России в начале 70-х годов. — Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, 1962, т. 187.

[67] Тезисы Культпропа ЦК ВКП(б) к 50-летию «Народной воли», М., 1931, с. 26.

[68] *Линков Я. И.* Революционная борьба А. И. Герцена и Н. П. Огарева и тайное общество «Земля и воля» 60-х годов. М., 1964, с. 169—172, 430.

[69] *Покровский М. Н.* Избр. произв. в 4 книгах, кн. 2. М., 1965, с. 442.

[70] *Итенберг Б. С.* Движение революционного народничества. М., 1965, с. 292—293.

[71] Общее число революционных кружков 70-х годов никто точно не подсчитал, но, судя по тому, что к началу «хождения в народ» 1874 г. в каждом губернском и даже уездных городах было по нескольку кружков, можно насчитать их только в первой половине десятилетия не одну и не две сотни.

[72] Дознание по делу «193-х» учло 37 губерний, захваченных «хождением в народ» только 1874—1875 гг., еще четыре губернии были выявлены последующими дознаниями и десять — советскими исследователями (подробнее об этом см.: *Троицкий Н. А.* Царские суды против революционной России. Саратов, 1976, с. 42).

[73] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 173.

[74] *Парасунько О. А.* Положение и борьба рабочего класса Украины (60—90-е годы XIX в.). Киев, 1963, с. 281.

[75] Революционно-народническое и рабочее движение 70-х годов на Украине за последнее время обстоятельно исследованы рядом историков, экономистов, философов УССР (Н. П. Рудько, В. С. Дмитриченко, А. К. Волощенко, О. А. Парасунько, В. С. Жученко, А. Н. Катренко). Проблема сочетания народнического и рабочего движения Украины в русле общероссийского революционного процесса особенно удачно, по-моему, решена в монографии Э. В. Першиной «Очерки истории революционного движения на Юге Украины» (Киев — Одесса, 1975).

[76] История СССР с древнейших времен, т. 5. М., 1968, с. 415, 420; История Молдавской ССР, т. 1. Кишинев, 1965, с. 510—512; История Латвийской ССР, т. 2. Рига, 1954, с. 135—136; История Эстонской ССР, т. 2. Таллин, 1966, с. 214; *Швелидзе Э. Л.* Содружество русских и грузинских революционных народников в 70—80-х годах XIX в. — «Вопросы истории», 1957, № 12; *Меркис В.* Развитие промышленности и формирование пролетариата Литвы в XIX в. Вильнюс, 1969, с. 398—399; *Лосинский Н. Б.* Революционное народническое движение Белоруссии 1870—1884 гг. Минск, 1972, с. 10—11; *Галиев В. Э.* Из истории революционной деятельности народников в Казахстане. — «Известия АН Казахской ССР». Серия общественных наук, 1976, № 4, с. 70—76.

[77] Революционное народничество 70-х годов, т. 1, с. 359.

[78] Подробнее см. *Троицкий Н. А.* Царские суды против революционной России, с. 48—49.

[79] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 33, с. 411.

[80] См. там же, с. 395, 402, 414.

[81] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 34, с. 380.

[82] *Снытко Т. Г.* Русское народничество и польское общественное движение 1865—1881 гг. М., 1969, с. 141.

[83] Подробнее см. *Троицкий Н. А.* Указ. соч., с. 50—53.

[84] *Киперман А. Я.* Главные центры русской революционной эмиграции 70—80-х годов XIX в. — «Исторические записки», 1971, т. 88.

[85] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 8.

[86] Трудно согласиться с теми иследователями, которые полагают, что в 70-е годы движение претерпевало не поступательный, а попятный процесс. *Мелентьев Ю. С.* Предтечи свободы. М., 1976, с. 14. То же см. у И. И. Черного (Сб. научных

работ преподавателей философии вузов Харькова, вып. 2. Харьков, 1962, с. 92) и Я. Е. Эльсберга («Вопросы литературы», 1960, № 2, с. 142). Дискуссия о внутренней периодизации разночинского этапа русского революционного движения. — «История СССР», 1966, № 4; *Галактионов А. А., Никандров П. Ф.* Идеологи русского народничества. Л., 1966, с. 11.

[87] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 176.

[88] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 261; т. 19, с. 52; т. 9, с. 332.

[89] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 135.

[90] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 172.

[91] См. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 32, с. 549.

[92] См. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 252.

[93] См. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 34, с. 130, 230.

[94] См. там же, с. 347.

[95] См. там же, с. 344.

[96] См. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 305.

[97] Военная реформа продолжалась с 1862 г., новый университетский устав был принят 18 июня 1863 г., закон о земстве — 1 января 1864 г., новые судебные уставы — 20 ноября т. г., цензурный устав — 6 апреля 1865 г., проект городской реформы поступил в Государственный совет 31 марта 1866 г.

[98] *Валуев П. А.* Дневник, т. 1. М., 1961, с. 241.

[99] *Валуев П. А.* Дневник, т. 2. М., 1961, с. 74—75.

[100] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 30.

[101] *Чуковский К. И.* Поэт и палач. — В кн. *Чуковский К.* Некрасов. Статьи и материалы. Л., 1926, с. 12.

[102] *Герцен А. И.* Собр. соч. в 30 томах, т. 18, с. 34.

[103] Цит. по: *Шилов А. А.* Каракозов и покушение 4 апреля 1866 г. Пб., 1920 с. 12—13.

[104] Цит. по: *Половцов А. А.* Дневник, т. 1. М., 1966, с. 445.

[105] *Герцен А. И.* Собр. соч. в 30 томах, т. 19, с. 137.

[106] *Худяков И. А.* Опыт автобиографии. Женева, 1882, с. 171.

[107] *Герцен А. И.* Собр. соч. в 30 томах, т. 19, с. 90.

[108] Цит. по: *Оржеховский И. В.* Администрация и печать между двумя революционными ситуациями (1866—1878). Горький, 1973, с. 30.

[109] *Валуев П. А.* Дневник, т. 2, с. 127.

[110] *Гуревич П.* К характеристике реакции 60-х годов. — В сб. О минувшем. СПб., 1909, с. 109.

[111] Цит. по: *Макаров В. П.* Формирование общественно-политических взглядов Н. К. Михайловского. Саратов, 1972, с. 18.

[112] *Салтыков-Щедрин М. Е.* Полн. собр. соч., т. 10. М., 1936, с. 93.

[113] ПСЗ, собр. 2, т. 46, отд. 1, с. 547.

[114] *Кони А. Ф.* Собр. соч. в 8 томах, т. 5, с. 285.

[115] *Милютин Д. А.* Дневник, т. 1. М., 1947, с. 119; ЦГИА СССР, ф. 851, оп. 1, д. 36, л. 4—4 об.

[116] *Тютчев Ф. И.* Стихотворения. Письма. М., 1957, с. 300.

[117] ЦГАОР СССР, ф. 583, оп. 1, д. 8, л. 106.

[118] Три века, т. 6. М., 1913, с. 223.

[119] *Плансон А. А.* Былое и настоящее. СПб., 1905, с. 284.

[120] *Милютин Д. А.* Дневник, т. 3. М., 1950, с. 139. Ярко-разоблачительные портреты министров Александра II см. в

дневнике П. А. Валуева (т. 2, с. 367, запись 24 мая 1876 г.).

[121] *Милютин Д. А.* Дневник, т. 1, с. 119.

[122] *Водовозов В.* В. Д. Новицкий.— «Былое», 1917, № 5-6, с. 84.

[123] Д. Ф. Трепов был одно время фактическим диктатором России в 1905 г., А. Ф. Трепов — председателем Совета Министров империи в 1915—1916 гг.

[124] *Кони А. Ф.* Собр. соч. в 8 томах, т. 2, с. 68, 176.

[125] ЦГАОР СССР, ф. III отд., секр. архив, оп. 1, д. 725, л. 16.

[126] Ср.: «Московские ведомости», 10 декабря 1876 г. (передовая статья); «Киевлянин», 26 июня 1879 г., с. 2; «Русь», 4 апреля 1881 г. (передовая статья).

[127] Записки сенатора Есиповича. — «Русская старина», 1909, № 5, с. 304. Ср. *Катков М. Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей», (1876 г.). М., 1897, с. 648, 649.

[128] *Татищев С. С.* Император Александр II, т. 2. СПб., 1911, с. 550 (цитируется журнал Комитета министров от 18—26 марта 1875 г.).

[129] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, 1869, д. 286, л. 188—190 об.

[130] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, 1874, д. 325, л. 103 об., 108.

[131] ГАСО, ф. 53, оп. 1, 1874, д. 14, т. 3, л. 211—226 об. (перечень около 300 вещественных доказательств «крамолы», изъятых в мастерской).

[132] *Мещерский В. П.* Мои воспоминания, ч. 2 (1865—1881). СПб., 1898, с. 401, 402.

[133] *Кони А. Ф.* Собр. соч., т. 2, с. 317.

[134] *Таганцев Н. С.* Пережитое, вып. 2. Пг., 1919, с. 40.

[135] Цит. по: *Филиппов Р. В.* Из истории народнического движения на первом этапе «хождения в народ» (1863—1874). Петрозаводск, 1967, с. 288.

[136] *Антонов В. Ф.* Революционное народничество. М., 1965, с. 183; *Филиппов Р. В.* Указ. соч., с. 288; *Итенберг Б. С.* Движение революционного народничества, с. 373.

[137] *Новицкий В. Д.* Из воспоминаний жандарма. Л., 1929, с. 77; [*Венюков М. И.*] Исторические очерки России, т. 4. Прага, 1880, с. 88.

[138] Цит. по: *Филиппов Р. В.* Указ. соч., с. 294—295.

[139] *Итенберг Б. С.* Указ. соч., с. 338—345.

[140] Цит. по: *Кони А. Ф.* Собр. соч., т. 5, с. 285.

[141] *Милютин Д. А.* Дневник, т. 1, с. 158, 159—160.

[142] *Чернуха В. Г.* Проблема политической реформы в правительственных кругах России в начале 70-х годов XIX в. — Труды ЛОИИ АН СССР, вып. 13. Л., 1972, с. 184—187.

[143] *Валуев П. А.* Дневник, т. 2, с. 312.

[144] Дело Чернышевского. Сб. документов. Саратов, 1968, с. 37—41.

[145] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 75, д. 7208, л. 3; ф. 1263, оп. 1, д. 3772[а], л. 4.

[146] ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, д. 3772[а], л. 5 и сл.

[147] Успехи революционной пропаганды в России. Записка министра юстиции графа Палена. Женева, 1875, с. 17.

[148] ЦГАОР СССР, ф. III отд., секр. архив, оп. 1, д. 714, л. 18—20.

[149] Революционная журналистика 70-х годов. СПб., 1906, с. 10.

[150] Цит. по: *Итенберг Б. С.* Указ. соч., с. 392.

[151] [*Венюков М. И.*] Исторические очерки России, т. 4, с. 28.

[152] Подробно о жандармском терроре 70-х годов см. *Степняк-Кравчинский С. М.* Россия под властью царей. М., 1964, гл. 10—11.

[153] Доклады ген.-лейт. Селиверстова и ген.-адъют. Дрентельна Александру II (август — декабрь 1878 г.). — «Красный архив», 1931, т. 6, с. 114.

[154] Государственные преступления в России в XIX в., т. 1. СПб., 1906, с. 253—254.

[155] В числе привлеченных к дознанию о «хождении в народ» было до 100 человек, учившихся в Швейцарии (*Киперман А. Я.* Русская эмигрантская колония в Цюрихе и ее связи с Россией в начале 70-х годов XIX в. — Уч. зап. Шуйского пед. ин-та, 1963, вып. 10, с. 238).

[156] *Баум Я. Д.* Борьба царского правительства против права убежища. — «Каторга и ссылка», 1928, № 5.

[157] Подробно см. *Фейгин Я.* Выдача политических преступников.— Журнал гражданского и уголовного права», 1884, № 4.

[158] Все перечисленные соглашения опубликованы в ПСЗ (собр. 2).

[159] Этот закон был принят по случаю покушения в Бельгии некоего Жакэна (французского эмигранта) на Наполеона III.

[160] *Кантор Р. М.* В погоне за Нечаевым. Л., 1925, с. 131—132.

[161] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 539, д. 60, л. 3 об. — 4, 8 об. (донесения товарища министра юстиции О. В. Эссена гр. К. И. Палену).

[162] ЦГАОР СССР, ф. III отд., секр. архив, оп. 1, д. 892, л. 25, 26.

[163] *Валуев П. А.* Дневник, т. 2, с. 387, 388.

[164] *Кони А. Ф.* Собр. соч., т. 2, с. 262.

[165] *Короленко В. Г.* Избранные письма, т. 2. М., 1932, с. 194; *Жаворонков А. З.* Полицейское дело о секретном надзоре за Ф. М. Достоевским в Старой Руссе (1872—1876 гг.). — «Известия АН СССР». Серия лит. и яз., 1965, т. 24, вып. 4.

[166] *Зайончковский П. А.* Указ. соч., с. 73—74.

[167] Цит. по: «Красный архив», 1931, т. 6, с. 127.

[168] ПСЗ, собр. 2, т. 46, отд. 1, с. 594.

[169] Здесь и далее цитируется журнал Комиссии: ЦГАОР СССР, ф. 564, оп. 1, д. 485, л. 1—18 об.

[170] ЦГАОР СССР, ф. III отд., секр. архив, оп. 1, д. 714, л. 15—17.

[171] Циркуляры по корпусу жандармов за 1876—1884 гг. — Библиотека ЦГИА СССР.

[172] *Татищев С. С.* Император Александр II, т. 2, с. 554.

[173] *Милютин Д. А.* Дневник, т. 3, с. 128—129.

[174] Секретный циркуляр шефа жандармов от 25 сентября 1878 г. регламентировал «направление дела в административном порядке» следующими условиями: «1) Когда уличающие

сведения добыты путем совершенно секретным и не могут быть подтверждены фактически; 2) Когда уличающие сведения, хотя и не секретны, но, однако, не могут быть точно установлены, ускользая от проверки» (Цит. по: *Зайончковский П. А.* Указ. соч., с. 77).

[175] Ряд примеров такой ссылки см. в кн. *С. М. Степняка-Кравчинского* «Россия под властью царей», с. 191—192.

[176] ИРЛИ РО, ф. 294, оп. 4, д. 382, л. 1—2.

[177] *Короленко В. Г.* История моего современника. М., 1964, с. 477, 618; *Степняк-Кравчинский С. М.* Россия под властью царей, с. 193.

[178] Административные ссыльные. — «Страна», 11 января 1881 г.

[179] *Степняк-Кравчинский С. М.* Россия под властью царей, с. 189.

[180] ЦГАОР СССР, ф. 569, оп. 1, д. 60, л. 6.

[181] *Степняк-Кравчинский С. М.* Россия под властью царей, с. 235—236.

[182] *Салтыков-Щедрин М. Е.* Полн. собр. соч., т. 19. М., 1939, с. 219.

[183] *Милютин Д. А.* Дневник, т. 3, с. 246.

[184] *Л-дм-р.* Тюрьмы, ссылка, преступления и юстиция на крайнем Севере. — «Юридический вестник», 1883, № 10, с. 332—333.

[185] Цит. по: *Зайончковский П. А.* Указ. соч., с. 167.

[186] ГПБ РО, ф. 856, д. 7, л. 31.

[187] *Зайончковский П. А.* Указ. соч., с. 185—186.

[188] *Мещерский В. П.* Мои воспоминания, ч. 2, с. 399—400.

[189] *Степняк-Кравчинский С. М.* Россия под властью царей, с. 227—228.

[190] ПСЗ, собр. 3, т. 1, с. 266.

[191] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 535, д. 250[б], л. 7.

[192] Ср.: ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 201. Обзоры жандармских дознаний за 1885—1890 гг.; ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 530, д. 1022, л. 30—30 об.

[193] *Соломон А. П.* Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. СПб., 1900, с. 135.

[194] *Марголис А. Д.* О численности и размещении ссыльных в Сибири в конце XIX в. — В кн.: Ссылка и каторга в Сибири (XVIII — начало XX вв.). Новосибирск, 1975, с. 233, 235.

[195] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 94.

Глава II (с. 71—132)

[1] Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны, ч. 2. СПб., 1867, с. 388—390, 394.

[2] Там же, с. 390, 401, 522.

[3] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 64, д. 7634, л. 12—12 об.

[4] *Щеголев П. Е.* Алексеевский равелин. М., 1929, с. 54.

[5] [*Вормс Н. А.*] Белый террор или выстрел 4 апреля 1866 г. Лейпциг, [1875], с. 8—9.

[6] *Черевин П. А.* Записки. Кострома, 1918, с. 5.

[7] *Худяков И. А.* Опыт автобиографии. Женева, 1882, с. 131, 137.

[8] Там же, с. 131.

[9] Покушение Каракозова. Стенографический отчет... т. 2. М. — Л., 1930. с. 47—48.
[10] ЦГАОР СССР, ф. 272, оп. 1, д. 33, л. 74—85.
[11] Записки сенатора Есиповича. — «Русская старина», 1909, № 1, с. 133.
[12] «Русская старина», 1909, № 2, с. 261, 273.
[13] Покушение Каракозова, т. 2, с. 356.
[14] «Русская старина», 1909, № 1, с. 134.
[15] «Русская старина», 1909, № 3, с. 562.
[16] *Валуев П. А.* Дневник, т. 2. М., 1961, с. 144—145.
[17] Покушение Каракозова, т. 1. М.—Л., 1930, с. 267.
[18] *Стасов Д. В.* Каракозовский процесс. — «Былое», 1906, № 4, с. 289.
[19] ПСЗ, собр. 2, т. 46, отд. 1, с. 591—594.
[20] «Порядок», 2(14) февраля 1881 г. (передовая статья).
[21] *Кони А. Ф.* Собр. соч. в 8 томах, т. 5, с. 284.
[22] Там же, с. 156.
[23] Материалы о нем в ЦГАОР, ф. III отд., 3 эксп., 1870, д. 124.
[24] Этот традиционный взгляд на процесс «нечаевцев» свойствен и моим работам до 1976 г.
[25] ЦГАОР СССР, ф. III отд., 3 эксп., 1870, д. 124, л. 116—116 об., 129.
[26] ЦГАОР СССР, ф. 124, оп. 1, 1871, д. 1, л. 78.
[27] ПСЗ, собр. 2, т. 47, отд. 1, с. 808—812.
[28] Учреждение Правительствующего сената, т. I, ч. 2. СПб., 1886, с. 15, 13.
[29] *Лавров П. Л.* Избр. соч. на социально-политические темы, т. 4. М., 1935, с. 39.
[30] *Кони А. Ф.* Собр. соч., т. 2, с. 216, 217, 313, 328; т. 8, с. 100.
[31] *Кони А. Ф.* Собр. соч., т. 2, с. 28, 38, 314.
[32] Там же, с. 33—34.
[33] Устав уголовного судопроизводства. СПб., 1883, ст. 1061 [4].
[34] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 407.
[35] *Куперник Л. А.* О судебном преобразовании. Одесса, 1894, с. 25.
[36] *Кони А. Ф.* Собр. соч., т. 2, с. 59, 64.
[37] ПСЗ, собр. 2, т. 47, отд. 1, с. 811.
[38] Узаконения, изданные в пояснение и дополнение к судебным уставам 20 ноября 1864 г. СПб., 1883, с. 311.
[39] Устав уголовного судопроизводства, ст. 1061 [7].
[40] Процесс. — «Вперед!» (Лондон), 1874, т. 3, с. 194.
[41] *Кони А. Ф.* Собр. соч., т. 2, с. 36.
[42] См. об этом в кн.: *Антонов В. С.* И. Мышкин — один из блестящей плеяды революционеров 70-х годов. М., 1959, с. 51; *его же.* К «процессу 193-х». —«Вопросы архивоведения», 1961, № 1, с. 98—100.
[43] *Чернавский М. М.* Демонстрация 6 декабря 1876 г. — «Каторга и ссылка», 1926, № 7—8, с. 18.
[44] *Биберталь А. Н.* Воспоминания о демонстрации на Казанской площади. — «Каторга и ссылка», 1926, № 7-8, с. 26.
[45] ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. 1, д. 170, л. 3—4.
[46] *Победоносцев К. П.* Письма к Александру III, т. I. М., 1925, с. 86.

[47] *Татищев С. С.* Император Александр II, т. 2. СПб., 1911, с. 549.
[48] Там же, с. 550—551.
[49] Рабочее движение в России в XIX в., т. 2, ч. 2. М., 1950, с. 103.
[50] Государственные преступления в России в XIX в., т. 1. СПб., 1906, с. 310; т. 2. СПб., 1906, с. 78, 279, 289, 302.
[51] Южно-русские рабочие союзы. М., 1924, с. 168—169.
[52] Рабочее движение в России в XIX в., т. 2, ч. 2, с. 158—161.
[53] Южно-русские рабочие союзы, с. 168—169 (прокурор Е. Ф. де-Росси на процессе «Южнороссийского союза рабочих»).
[54] Государственные преступления... т. 1, с. 336 (прокурор Н. Н. Шрейбер на процессе В. М. Дьякова и др.).
[55] Государственные преступления в России в XIX в., т. 3. СПб., 1906, с. 104 (прокурор В. А. Желеховский на процессе «193-х»).
[56] Государственные преступления... т. 2, с. 303 (прокурор К. Н. Жуков на процессе «50-ти»).
[57] ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. 1, д. 92, л. 295.
[58] Государственные преступления... т. 1, с. 276, 288.
[59] Там же, с. 274—275, 278, 284—288.
[60] Там же, с. 340.
[61] Государственные преступления ... т. 2, с. 6.
[62] Там же, с. 25—29, 33—34, 103, 107; т. 1, с. 340.
[63] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 18, с. 551.
[64] Рабочее движение в России в XIX в., т. 2, ч. 2, с. 97 и сл.
[65] Так называемое дело об «охотнорядском побоище», т. е. о студенческой демонстрации в Москве 3 апреля 1878 г., участники которой были избиты при попустительстве полиции торговцами Охотного ряда. Власти квалифицировали это дело как «уличные беспорядки» и доверили его мировому суду. Политический характер дела вскрыли на суде обвиняемые П. В. Гортынский, М. А. Поммер и др. (ЦГАОР СССР, ф. III отд., 3 эксп., 1878, д. 143, ч. 2, л. 44—53).
[66] Судебные уставы 20 ноября 1864 г. ... ч. 2, с. 391.
[67] *Салтыков-Щедрин М. Е.* Полн. собр. соч., т. 15. М., 1940, с. 254.
[68] ИРЛИ РО, ф. 7, д. 109, л. 1 об. (письмо Е. М. Феоктистова к П. В. Анненкову, любезно указанное мне И. В. Порохом).
[69] *Щеголев П. Е.* Алексеевский равелин, с. 209.
[70] *Кони А. Ф.* Собр. соч., т. 2, с. 72, 85—86, 170—171.
[71] *Победоносцев К. П.* Письма к Александру III, т. 1, с. 119.
[72] *Валуев П. А.* Дневник 1877—1884 гг. Пг., 1919, с. 26.
[73] *Федоров М.* Из воспоминаний по управлению С.-Петербургским домом предварительного заключения. — «Русская старина», 1905, № 1, с. 92—93.
[74] *Перетц Е. А.* Дневник (1880—1883). М.—Л., 1927, с. 50.
[75] *Куделли П. Ф.* Финал дела о Вере Засулич.— «Красная летопись», 1926, № 2, с. 145.
[76] ПСЗ, собр. 2, т. 53, отд. 1, с. 335.

[77] ЦГИА СССР, ф. 908, оп. 1, д. 331 (материалы Комиссии Э. В. Фриша); Министерство юстиции за 100 лет. СПб., 1902, с. 165.

[78] Цитируется итальянская формулировка преступления. Английская, французская и немецкая формулировки, расходясь с итальянской в букве, одинаковы с ней по смыслу.

[79] ЦГИА СССР, ф. 908, оп. 1, д. 331, л. 80 об. — 81, 83, 89, 92 об.

[80] *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы, т. 3. М., 1961, с. 303.

[81] *Салтыков-Щедрин М. Е.* Полн. собр. соч., т. 19. М., 1939, с. 80.

[82] *Левин Ш. М.* Финал процесса «193-х». — «Красный архив», 1928, т. 5.

[83] Восстание декабристов. Материалы, т. 1. М.—Л., 1925 (дела С. П. Трубецкого, К. Ф. Рылеева, Е. П. Оболенского, А. А. Бестужева, П. Г. Каховского, Никиты Муравьева), с. 30—33, 46—47, 152—155, 189, 199—202, 237, 296, 363—364, 428, 442—448; т. 4. М., 1927 (П. И. Пестеля, С. И. Муравьева-Апостола), с. 126, 256—261; т. 9. М., 1950 (М. П. Бестужева-Рюмина), с. 43, 123; т. 10. М., 1953 (А. П. Юшневского, С. Г. Волконского), с. 51, 115—136 и др.

[84] Восстание декабристов, т. 1, с. X.

[85] Восстание декабристов, т. 10, с. 10.

[86] *Нечкина М. В.* Движение декабристов, т. 2. М., 1955, с. 397—398. В нашей историографии есть тенденция не объяснять, а затушевывать слабости первых русских революционеров, представлять их поведение на следствии и суде вполне достойным (см., например, *Артемьев С. А.* Следствие и суд над декабристами. — «Вопросы истории», 1970, № 2).

[87] *Короленко В. Г.* История моего современника. М., 1965, с. 773.

[88] *Лурье Л. Я.* Некоторые особенности возрастного состава участников освободительного движения в России. — «Освободительное движение в России», вып. 7. Саратов, 1978, с. 71.

[89] Дело петрашевцев, т. 1. М.—Л., 1937, с. 182, 194, 389, 427; т. 3. М.—Л., 1951, с. 25, 128, 252; *Семевский В. И.* Следствие и суд по делу петрашевцев. — «Русские записки», 1916, № 10, с. 29, 31.

[90] *Герцен А. И.* Собр. соч. в 30 томах, т. 18, с. 284, 286.

[91] *Лемке М. К.* Очерки освободительного движения 60-х годов. СПб., 1908, гл. «Процесс 32-х».

[92] И. С. Тургенев в воспоминаниях современников, т. 1. М., 1969, с. 437.

[93] *Козьмин Б. П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». М., 1929, с. 110.

[94] Государственные преступления... т. 1, с. 20, 26, 27, 34, 35, 39, 44, 105, 108, 129.

[95] Упомянутый в следственном досье декабриста П. Ф. Выгодовского «проект наставления, как действовать на допросах» (Восстание декабристов, т. 13. М., 1975, с. 16, 389), до нас не дошел, и судить о том, имел ли он какое-либо значение для декабристов, трудно. Во всяком случае практически декабристы его не использовали — об этом свидетельствует разнобой в их показаниях, даже на очных ставках.

[96] *Серно-Соловьевич Н. А.* Публицистика. Письма. М., 1963. с. 236—237.

[97] Государственные преступления... т. 1, с. 138.

[98] Покушение Каракозова, т. 1. М.—Л., 1930, с. 48.

[99] Пропаганда и организация. — «Народное дело», 1868, № 2—3, с. 50.

[100] *Лавров П. Л.* Избр. соч. на социально-политические темы, т. 4, с. 87; «Вперед!» (Лондон), 1874, т. 3, с. 228, 230.

[101] «Вперед!», 1874, т. 3, с. 230.

[102] Газета «Работник» (1875—1876). М., 1933, с. 80.

[103] Цит. по: *Зайцев В. А.* Революционные народники о нравственности революционера. — Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской, т. 246, вып. 14. М., 1969, с. 5.

[104] Там же.

[105] *Короленко В. Г.* Указ. соч., с. 773.

[106] Г. В. Плеханов и демонстрация на Казанской площади 6 декабря 1876 г. — «Пролетарская революция», 1924, № 4, с. 257.

[107] Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932, с. 89.

[108] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 36, с. 447.

[109] *Морозов Н. А.* Повести моей жизни, т. 2. М., 1947, с. 513 (липецкий вариант устава дошел до нас только в изложении на память Н. А. Морозова).

[110] *Плеханов Г. В.* Соч., т. 12, с. 427.

[111] *Гедеоновский А. В.* Ярославский революционный кружок 1881—1886 гг. — «Каторга и ссылка», 1926, № 3, с. 96.

[112] *Морозов Н. А.* Повести моей жизни, т. 2, с. 515.

[113] Там же.

[114] ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. 1, д. 505, л. 341 об. — 342.

[115] ЦГАЛИ СССР, ф. 1185, оп. 1, д. 805, л. 72 об.

[116] ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. 1, д. 509, л. 262.

[117] Члены ИК С. А. Иванова и Н. К. Бух тоже не давали никаких показаний (по делу «16-ти»), пока властям не удалось опознать их (ЦГВИА СССР, ф. 1351, оп. 2, д. 525, т. 10, л. 23—24 об., 26—27, 55, 82).

[118] ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. 1, д. 504, ч. 2, л. 486.

[119] Показания Колодкевича от 12 февраля 1881 г. — ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. 1, д. 504, ч. 2, л. 510—511.

[120] *Серебряков Э. А.* Революционеры во флоте. Пг., 1920, с. 44—45.

[121] Речи подсудимых в процессе «17-ти». — «Былое», 1906, № 12, с. 243.

[122] Еще М. В. Буташевич-Петрашевский уличал царских юристов в склонности к этому методу (Дело петрашевцев, т. 1, с. 12).

[123] Письма народовольца А. Д. Михайлова. М., 1933, с. 195, 210.

[124] Из писем В. Г. Короленко к А. Г. Горнфельду. — «Русское прошлое», 1923, № 3, с. 138—139.

[125] Письмо Н. С. Тютчева к Э. К. Пекарскому. — «Каторга и ссылка», 1924, № 3, с. 218.

[126] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, изд. 8-е, т. 1 (1898—1917). М., 1970, с. 72.

[127] Резолюции и постановления IV Всесоюзного съезда Общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. М., 1931, с. 29.
[128] Покушение Каракозова, т. 2. М.—Л., 1930, с. 322—340.
[129] Покушение Каракозова, т. 1, с. 71.
[130] Покушение Каракозова, т. 1, с. 154; т. 2, с. 262—263.
[131] *Базанов В. Г.* И. А. Худяков и покушение Каракозова. — «Русская литература», 1962, № 4, с. 147.
[132] Покушение Каракозова, т. 1, с. 284—285.
[133] «Каторга и ссылка», 1924, № 3, с. 217.
[134] *Черевин П. А.* Записки. Кострома, 1918, с. 35.
[135] Покушение Каракозова, т. 2, с. 185—206.
[136] *Стасов Д. В.* Каракозовский процесс.—«Былое», 1906, № 4, с. 286.
[137] Покушение Каракозова, т. 1, с. 213—214, 311.
[138] Там же, с. 31, 81, 83, 85, 103, 154 и др.
[139] *Виленская Э. С.* Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). М., 1965, гл. 6—7.
[140] «Каторга и ссылка», 1924, № 3, с. 217—218.
[141] Подробно см. *Троицкий Н. А.* Дело нечаевцев. — «Освободительное движение в России», вып. 4. Саратов, 1975.
[142] ЦГАОР СССР, ф. ОППС ,оп. 1, д. 490, л. 130 — 130 об.
[143] ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. 1, д. 492, л. 141.
[144] ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. 1, д. 495, л. 202 об.
[145] «Правительственный вестник», 4(16) июля 1871 г., с. 2.
[146] ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. 1, д. 490, л. 128 (показание на следствии П. М. Кошкина).
[147] ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. 1, д. 492, л. 211 (показание на следствии А. С. Бутурлина); «Правительственный вестник», 6(18) июля 1871 г., с. 4 (речь на суде Ф. В. Волховского); «Правительственный вестник», 21 июля (2 августа) 1871 г., с. 3 (речь на суде В. Н. Черкезова).
[148] «Правительственный вестник», 4 (16) июля 1871 г., с. 3.
[149] Материалы для биографии П. Н. Ткачева. — «Былое», 1907, № 8, с. 159.
[150] *Спасович В. Д.* За много лет. СПб., 1872, с. 431, 437.
[151] Там же, с. 426, 427.
[152] «Правительственный вестник», 10(22) июля 1871 г., с. 3.
[153] *Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г.* Нечаевщина и ее современные буржуазные «исследователи». — «История СССР», 1960, № 6, с. 185.
[154] *Чарушин Н. А.* О далеком прошлом. М., 1973, с. 101. Ср.: *Аптекман О. В.* Общество «Земля и воля» 70-х годов. Пг., 1924, с. 60; *Дебогорий-Мокриевич В. К.* От бунтарства к терроризму, т. 1. М.—Л., 1930, с. 88.
[155] Покушение Каракозова, т. 1, с. 311; т. 2, с. 16.
[156] Революционное народничество 70-х годов XIX в., т. 1. М., 1964, с. 23 (из программы журнала «Вперед!»).
[157] *Кропоткин П. А.* Анархия и ее место в социалистической эволюции. М., 1917, с. 29.
[158] Государственные преступления... т. 1, с. 233.
[159] *Щеголев П. Е.* Алексеевский равелин. М., 1929, с. 192.
[160] Государственные преступления... т. 1, с. 248.
[161] Там же, с. 251.
[162] Там же, с. 252.
[163] Там же, с. 230.

[164] *Щеголев П. Е.* Указ. соч., с. 228—229, 262, 285—289; *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы, т. 3, с. 196—197.

[165] *Кункль А. А.* Долгушинцы. М., 1932, с. 148—157.

[166] Там же, с. 140. Л. А. Дмоховский 15 февраля 1874 г. писал из тюрьмы матери: «Прошу тебя еще раз быть вполне спокойной за мое настоящее и будущее. То и другое совершенно гарантируются мнением, в котором я все более и более убеждаюсь и которое говорит, что страдания и смерть отдельных личностей в борьбе за осуществление более истинного и справедливого вполне окупаются, так как служат основанием для подготовки и укрепления других для той же борьбы». Шеф жандармов препроводил это письмо министру юстиции как «один из важных аргументов к обвинению Дмоховского» (ЦГАОР СССР, ф. III отд., 3 эксп., 1873, д. 414, т. 3, л. 129—134).

[167] Все шесть прошений опубликованы в указанном сочинении А. А. Кункля, с. 223—226.

[168] *А. А. Кункль.* Указ. соч., с. 182—183.

[169] Там же, с. 184—185.

[170] ЦГАОР СССР, ф. III отд., секр. архив, оп. 1, д. 669, л. 1—1 об.

[171] Государственные преступления... т. 1, с. 330, 340, 344.

[172] ЦГАОР СССР, ф. III отд., 3 эксп., 1874, д. 144, ч. 66, т. 1, л. 192 об.

[173] *Богданов С. П.* Помощник присяжного поверенного Е. С. Семяновский — один из первых карийцев. — «Былое», 1906, № 11, с. 108.

[174] Дело таксатора Альбова. — «Вперед!», 1877, № 5, с. 28.

[175] ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. 1, д. 124, л. 13 об; д. 141, л. 208 и сл.; д. 133, л. 6 об., 113 об; д. 114, л. 8—9; д. 139, л. 8—13 об.

[176] ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. 1, д. 121, л. 69; д. 107, л. 148 об; д. 102, л. 50 об., 55.

[177] «Виселица» — революционные листовки о Парижской Коммуне. — Литературное наследство, 1931, т. 1, с. 160—161.

[178] «Правительственный вестник», 25 февраля (8 марта) 1872 г.

[179] Литературное наследство, 1931, т. 1, с. 160.

[180] ЦГАОР СССР, ф. III отд., 3 эксп., 1871, д. 141, л. 127 об. — 128.

[181] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 369.

[182] *Покровский М. Н.* Избр. произведения, кн. 4. М., 1967, с. 74.

[183] Это казуистическое решение, легшее в основу последующих судебных решений по делам о политических демонстрациях в России, см. в сб. Государственные преступления... т. 2, с. 119—127.

[184] Там же с. 14.

[185] ЦГАОР СССР, ф. III отд., 3 эксп., 1876, д. 253, ч. 1, л. 176 об.

[186] К злобе дня. — «Вперед!», 1877, т. 5, с. 143.

[187] ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. 1, д. 170, л. 375—376 об. Другой участник процесса — Я. Е. Гурович покаялся перед департаментом полиции пять лет спустя, из сибирской ссылки (Первая рабочая демонстрация в России, М.—Л., 1927, с. 51).

[188] *Покровский М. Н.* Избр. произведения, кн. 4, с. 74.
[189] Процессу «50-ти» посвящена обстоятельная статья Н. Б. Панухиной («История СССР», 1971, № 5) и глава в ее книге «Москвичи» (М., 1974). Подробно освещается он и в моей книге «Царские суды против революционной России» (Саратов, 1976, гл. 2, § 5). Здесь речь пойдет лишь о главных особенностях поведения обвиняемых на процессе в связи с предыдущими и последующими процессами.
[190] *Джабадари И. С.* Процесс «50-ти». — «Былое», 1907, № 10, с. 188—189, 190.
[191] ЦГАОР СССР, ф. III отд., 3 эксп., 1874, д. 144, ч. 127, т. 2, л. 129—129 об., 137, 173—173 об. (агентурные донесения о процессе «50-ти»).
[192] *Джабадари И. С.* Указ. соч., с. 192—195.
[193] Текст ее речи в сб. Революционное народничество 70-х годов, т. 1, с. 352—357.
[194] Текст речи Г. Ф. Здановича см. там же, с. 357—363.
[195] *Панухина Н. Б.* К истории речи Петра Алексеева. — «Вестник МГУ», 1965, сер. 9, № 5.
[196] Революционное народничество 70-х годов, т. 1, с. 366—367.
[197] Там же, с. 366.
[198] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 377.
[199] Государственные преступления... т. 2, с. 272.
[200] ЦГАОР СССР, ф. III отд., 3 эксп., 1874, д. 144, ч. 127, т. 2, л. 142.
[201] Еще к процессу «50-ти». — «Вперед!», 1877, т. 5, с. 161.
[202] *Фигнер В. Н.* Процесс «50-ти». М., 1927, с. 25.
[203] ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. 1, д. 144, л. 489—490 об.
[204] Речи Бардиной (с. 356) и Здановича (с. 361).
[205] Подробнее о процессе «193-х» см. в моей книге «Царские суды против революционной России» (Саратов, 1976, гл. 2, § 5).
[206] ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. 1, д. 161, л. 60—60 об.
[207] *Чарушин Н. А.* О далеком прошлом, с. 254.
[208] Государственные преступления... т. 3. СПб., 1906, с. 4.
[209] Там же, с. 244.
[210] ГПБ РО, ф. 473, д. 14, л. 2 об. (Объяснение протеста на суде, написанное одним из подсудимых, листовка «Земли и воли»).
[211] Государственные преступления... т. 3, с. 248.
[212] Там же, с. 255.
[213] Там же, с. 268.
[214] Там же, с. 251.
[215] Там же, с. 254.
[216] Там же, с. 3.
[217] *Кони А. Ф.* Собр. соч. в 8 томах, т. 2, с. 62.
[218] Государственные преступления... т. 3, с. 244—245.
[219] *Фигнер В. Н.* Запечатленный труд. Воспоминания в 2 томах, т. 2. М., 1964, с. 22—23.
[220] *Базанов В.* Ипполит Мышкин и его речь на процессе «193-х». — «Русская литература», 1963, № 2, с. 150—151.
[221] С. Степняк-Кравчинский об Ипполите Мышкине (публикация В. С. Антонова). — «Русская литература», 1963, № 2, с. 161.

[222] *Короленко В. Г.* Указ. соч., с. 715.
[223] «Русская литература», 1963, № 2, с. 162.
[224] *Тихомиров Л. А.* Заговорщики и полиция. М., 1930, с. 89—90.
[225] *Короленко В. Г.* Указ. соч., с. 712.
[226] *Базанов В.* Указ. статья. — «Русская литература», 1963, № 2.
[227] Стенограмма речи Мышкина опубликована полностью (с приведением основных вариантов) в сб. Революционное народничество 70-х годов, т. 1, с. 371—391.
[228] Революционное народничество 70-х годов, т. 1, с. 255, 268, 383.
[229] Там же, с. 372.
[230] Там же, с. 391.
[231] Там же, с. 431.
[232] *Антонов В. С.* К процессу «193-х». — «Вопросы архивоведения», 1961, № 1, с. 99.
[233] Революционное народничество 70-х годов, т. 1, с. 391.
[234] *Короленко В. Г.* Указ. соч., с. 708.
[235] Революционное народничество 70-х годов, т. 1, с. 392.
[236] «Русская литература», 1963, № 2, с. 162.
[237] ЦГАОР СССР, ф. III отд., секр. архив, оп. 1, д. 711, л. 2.
[238] Даже А. В. Низовкин, Н. Е. Горинович и П. Ф. Ларионов, хотя и подтвердили на суде свои предательские показания, не унижались перед властью. Ларионов был приговорен к ссылке в Сибирь, но просить о помиловании не стал.
[239] Завещание подписали П. И. Войнаральский, Ф. В. Волховский, С. А. Жебунев, С. П. Зарубаев, Т. А. Квятковский, С. Ф. Ковалик, В. Ф. Костюрин, Ф. Н. Лермонтов, А. И. Ливанов, А. О. Лукашевич, П. М. Макаревич, М. Д. Муравский, В. А. Осташкин, Д. М. Рогачев, М. П. Сажин, С. С. Синегуб, И. О. Союзов, В. А. Стаховский, С. А. Стопане, Н. А. Чарушин, И. Н. Чернявский, С. Л. Чудновский, Л. Э. Шишко, Е. К. Брешко-Брешковская. Подписи И. Н. Мышкина нет здесь потому, что он был отправлен на каторгу раньше всех осужденных, еще в апреле 1878 г.

Фотокопия завещания хранится в ГИМ ОПИ (ф. 282, д. 327, л. 290). Впервые текст его был опубликован в № 6-7 журнала «Община» за 1878 г. (с. 1). Новейшая публикация — в сб. Революционное народничество 70-х годов, т. 1, с. 399—400.
[240] К злобе дня.—«Вперед!», 1877, т. 5, отд. 1, с. 144—145.
[241] «Вперед!», 1877, т. 5, отд. 2, с. 163.
[242] Процесс «Южнороссийского рабочего союза». — «Вперед!», 1877, т. 5, отд. 2, с. 141.
[243] Южно-русские рабочие союзы. М., 1924, с. 125, 157.
[244] Там же, с. 126.
[245] ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. 1, д. 190, л. 354—355 об., 360 об. — 361 (прошения Курганского и Лущенко); ЦГАОР СССР, ф. III отд., 3 эксп., 1874, д. 144, ч. 166, лит. «Б», л. 83—84 об. (прошение Силенко).
[246] *Файнштейн А.* Марк Малиновский — рабочий-пропагандист начала 70-х годов. М., 1923, с. 123.
[247] «Набат», 1876, № 7-8, с. 13.
[248] *Фигнер В. Н.* Полн. собр. соч., т. 4. М., 1932, с. 48.

[249] *Волховский Ф. В.* Ткач Петр Алексеевич Алексеев. СПб., 1906, с. 8—9.
[250] «Правительственный вестник», 1(13) августа 1871 г., с. 3.
[251] *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. 12, кн. 1. М.—Л., 1966, с. 103.
[252] ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. 1, д. 491, л. 422—439 об.
[253] *Кункль А. А.* Долгушинцы, с. 146.
[254] Государственные преступления... т. 3, с. 104—107.
[255] *Лион С. Е.* Первая вооруженная демонстрация. — «Каторга и ссылка», 1928, № 8-9, с. 69.
[256] По приказу Трепова в Доме предварительного заключения был высечен розгами землеволец А. С. Емельянов (Боголюбов) за то, что он не снял шапку перед градоначальником.
[257] Процесс Веры Засулич. СПб., 1906, с. 48.
[258] *Илич-Свитыч В. С.* Мое знакомство с И. М. Ковальским. — «Былое», 1906, № 8, с. 154.
[259] «Община», 1878, № 8-9, с. 4.

Глава III (с. 135—184)

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 449.
[2] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 180.
[3] *Прибылева-Корба А. П.* и *Фигнер В. Н.* Народоволец А. Д. Михайлов. Л.—М., 1925, с. 157.
[4] *Моисеенко П. А.* Воспоминания старого революционера. М., 1966, с. 21.
[5] Революционная журналистика 70-х годов. Ростов н/Д., 1907, с. 290; *Милютин Д. А.* Дневник, т. 3. М., 1950, с. 85.
[6] ЦГАОР СССР, ф. III отд., 3 эксп., 1878, д. 32, л. 1 и сл.
[7] Революционная журналистика 70-х годов, с. 103.
[8] См. об этом журнал Особого совещания при царе от 10 июля 1879 г. (*Середонин С. М.* Исторический обзор деятельности Комитета министров, т. 3, ч. 1. СПб., 1902, с. 146).
[9] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 44, 45. В. И. Ленин указывает здесь, что самодержавие и после 1 марта 1881 г. «не сразу еще стало показывать все свои когти» и что некоторое время (до назначения 30 мая 1882 г. министром внутренних дел гр. Д. А. Толстого) осуществлялось «прикрытие правительственного перехода на решительно новый курс...» (см. Полн. собр. соч., т. 5, с. 46, 47).

Уточнить датировку второй революционной ситуации в России помогает тезис, сформулированный XIV конференцией РКП(б): «Следует различать между: а) революционной ситуацией вообще, б) *непосредственно*-революционной ситуацией и в) прямой революцией» (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, изд. 8, т. 3 (1924—1927). М., 1970, с. 208). Если непосредственно революционная ситуация прямо предшествует революции, то общая революционная ситуация может длиться дольше, чем непосредственная, и сохраняется даже после того, как революция не совершилась и революционное движение в целом пошло на убыль. Таким образом, можно считать (в согласии с фактами), что ситуация 1879—1881 гг. (точнее, до марта 1881 г.) была непо-

средственно революционной, тогда как общая революционная ситуация сохранялась несколько дольше.

[10] «Экстраординарную активность» масс В. И. Ленин считал необходимым признаком всякой революционной ситуации (см. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 26, с. 379).

[11] Крестьянское движение в России в 1870—1880 гг. Сб. документов. М., 1968, с. 529.

[12] Ср.: Крестьянское движение в России в 1857 — мае 1861 гг. Сб. документов. М., 1963, с. 736; Крестьянское движение в России в 1861—1869 гг. Сб. документов. М., 1964, с. 798—800.

[13] *Анфимов А. М.* Крестьянское движение в России во второй половине XIX в.— «Вопросы истории», 1973, № 5, с. 23, 26.

[14] *Горякина В. С.* «Рабочий вопрос» в России в период революционной ситуации 1879—1881 гг. — «Вопросы истории», 1963, № 6, с. 43.

[15] Рабочее движение в России в XIX в. Документы и материалы, т. 2, ч. I. М., 1950, с. 45—56.

[16] ЦГА ВМФ, ф. 26, оп. 1, д. 11, л. 153.

[17] Литература партии «Народная воля». М., 1930, с. 109.

[18] *Эвенчик С. Л.* Из истории народовольческой пропаганды среди крестьянства после 1 марта 1881 г. — В сб.: Общественное движение в пореформенной России. М., 1965, с. 108.

[19] Революционное народничество 70-х годов XIX в. Сборник документов и материалов в 2 томах, т. 2. М.— Л., 1965, с. 234, 240.

[20] Ср.: *Волк С. С.* «Народная воля» (1879—1882). М., 1966, с. 369—373; *Эвенчик С. Л.* Указ. статья. — В сб.: Общественное движение в пореформенной России, с. 108; *Серебренникова В. Г.* О народовольческих листовках «социалистов черноземной полосы». — В сб.: Из истории общественно-политического движения в России XIX в. М., 1967.

[21] Крестьянское движение в России в 1881—1889 гг. М., 1960, с. 70.

[22] Общественное движение в пореформенной России, с. 116—119.

[23] *Волк С. С.* «Народная воля» (1879—1882), с. 368.

[24] Там же, с. 272—273 (карта), 276.

[25] *Годунова Л. Н.* Военная организация народовольцев. — «Вопросы истории», 1973, № 9, с. 123. Все города (41) здесь перечислены.

[26] Революционное народничество 70-х годов, т. 2, с. 174.

[27] Там же, с. 189; Литература партии «Народная воля», с. 93.

[28] Революционное народничество 70-х годов, т. 2, с. 176.

[29] Там же, с. 181. Читатель должен учитывать здесь, что народовольцы понимали рабочий класс как более восприимчивую к революционным идеям, развитую и активную, но небольшую и в целом менее значимую, чем крестьянство, часть народа (см., например, «Революционное народничество 70-х годов», т. 2, с. 189). Оставаясь в рамках народнической доктрины, они не могли подняться до осознания интересов и миссии пролетариата как особого и притом самого передового класса.

[30] Литература партии «Народная воля», с. 217—218.

[31] *Волк С. С.* Деятельность «Народной воли» среди рабочих в годы второй революционной ситуации. — «Исторические записки», 1963, т. 74, с. 199, 204.

[32] *Твардовская В. А.* Организационные основы «Народной воли». — «Исторические записки», 1960, т. 67, с. 126.

[33] «Исторические записки», 1963, т. 74, с. 210, 207—208.

[34] Там же, с. 199, 215.

[35] *Плеханов Г. В.* Соч., т. XXIV, с. 137.

[36] «Исторические записки», 1960, т. 67, с. 126—127.

[37] «Исторические записки», 1963, т. 74, с. 208, 210.

[38] Там же, с. 198.

[39] Литература партии «Народная воля», с. 218.

[40] Революционное народничество 70-х годов, т. 2, с. 181.

[41] Там же, с. 196.

[42] *Годунова Л. Н.* Военная организация партии «Народная воля» (1880—1884). М., 1971 (Автореф. канд. дис.).

[43] В опубликованных источниках сохранились косвенные данные о влиянии Военной организации «Народной воли» на М. Д. Скобелева, М. И. Драгомирова и других «лиц высшей военной иерархии» (*Иванов С. А.* К характеристике общественных настроений в России в начале 80-х годов. — «Былое», 1907, № 9, с. 198—199; *Серебряков Э. А.* Революционеры во флоте. Пг., 1920, с. 59; *Валуев П. А.* Дневник 1877—1884 гг. Пг., 1919, с. 238; Революционное народничество 70-х годов, т. 2, с. 296). Их подтверждает свидетельство М. А. Тихоцкой (Балавенской) о том, что ее брат, видный деятель Военной организации, майор Н. А. Тихоцкий, который был близок к М. И. Драгомирову, ввел в круг своих «больших и сильных связей» М. Ф. Грачевского, фактически возглавлявшего в первой половине 1882 г. всю деятельность «Народной воли» (ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 4, д. 648, л. 1—2).

[44] *Ашенбреннер М. Ю.* Военная организация «Народной воли» и другие воспоминания. М., 1924, с. 97.

[45] Революционное народничество 70-х годов, т. 2, с. 291.

[46] *Седов М. Г.* Героический период революционного народничества. М., 1966, с. 243.

[47] Подробно см.: *Волк С. С.* «Народная воля» (1879—1882), гл. 11; *Твардовская В. А.* Указ. статья. — «Исторические записки», 1960, т. 67, с. 127—129.

[48] Из истории общественной мысли и общественного движения в России. Саратов, 1964, с. 195.

[49] Официальные материалы об этой демонстрации с приложением подлинной листовки хранятся в ЦГАОР, ф. 102, 3 д-во, оп. 1, 1881, д. 59.

[50] Цит. по: *Выдрин Р.* Основные моменты студенческого движения в России. М., 1908, с. 27.

[51] Революционное народничество 70-х годов, т. 2, с. 188.

[52] Литература партии «Народная воля», с. 165—166.

[53] Там же, с. 166.

[54] См., например, *Рудько Н. П.* Революційні народники на Україні. Київ, 1973; *Катренко А. Н.* Революционное народничество конца 70-х — начала 80-х годов XIX в. на Украине. Киев, 1969.

[55] См.: История Латвийской ССР, т. 2. Рига, 1954, с. 136—139; История Молдавской ССР, т. 1. Кишинев, 1965, с. 509—

512; *Самбук С. М.* Революционные народники Белоруссии (70-е — начало 80-х годов XIX в.). Минск, 1972; *Merkys V.* Narodnikai ir pirmieji marksistai Lietuvoje. Vilnius, 1967, p. 47—52; *Швелидзе Э. Л.* Содружество русских и грузинских революционных народников в 70—80-х годах XIX в. — «Вопросы истории», 1957, № 12, с. 133—134; *Исаков С.* Тартуское студенчество 1880-х годов и движение народников. — Учен. зап. Тартуского ун-та, 1972, вып. 290; *Галиев В. З.* Народовольческие кружки в Казахстане. — «Освободительное движение в России». Саратов, 1978, № 8.

[56] Подробно см.: *Волк С. С.* Карл Маркс, Фридрих Энгельс и «Народная воля». — В сб.: Общественное движение в пореформенной России. М., 1965.

[57] *Снытко Т. Г.* Русское народничество и польское общественное движение 1865—1881 гг. М., 1969; *Иванова Н. В.* Из истории русско-английских общественных связей в 80—90-х годах XIX в. — Уч. зап. Курского пед. ин-та, 1969, т. 60; *Виноградов В. Н.* Влияние народников России на румынское революционное движение 70-х годов XIX в. — «Новая и новейшая история», 1971, № 4; *Меринг Ф.* История германской социал-демократии, т. 4. М.—Пг., [б. г.], с. 158, 160; *Раджоньери Э.* Итало-русские общественные связи (1860—1900). М., 1968; *Бакалов Г.* Русская революционная эмиграция среди болгар. — «Каторга и ссылка», 1930, № 3; *Очак И.* Из истории русско-сербских революционных связей в 80-х годах XIX в. — В сб.: Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М., 1957; *Нире Л.* Отклики в Венгрии на деятельность русских революционных демократов. — В сб.: Венгерско-русские литературные связи. М., 1964; *Corbet Ch.* A l'ère des nationalismes l'opinion française face à l'inconnue Russie (1799—1894). Paris, 1967; *Měchýř J.* Ohlasy narodnictvi v českém dělnickěm hnuti v osmdesátých letech minulého stoleti.— Acta Universitatis Carolinae, 1964, Philosophica et Historica, 3.

[58] После всего сказанного трудно согласиться с бытующим в литературе мнением, будто народовольцы «работой в деревне не занимались вовсе», их «деятельность в рабочей среде была весьма ограниченной», «не получила широкого развития и работа в армии», а вся (или почти вся) революционная практика «Народной воли» сводилась к террору (Очерки истории СССР (1861—1904). М., 1960, с. 200; Борьба В. И. Ленина против мелкобуржуазной революционности и авантюризма. М., 1966, с. 73; *Кузнецов И. В.* История СССР. Эпоха капитализма (1861—1917). М., 1971, с. 185).

[59] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 135.

[60] Г. Д. Гольденберг, И. И. Гриневицкий, И. П. Емельянов, В. А. Меркулов, Т. М. Михайлов, И. Ф. Окладский, Н. И. Рысаков, Е. М. Сидоренко, М. В. Тетерка, Я. Т. Тихонов, А. В. Тырков, П. Н. Тычинин.

[61] Имеются в виду Д. О. Заславский (А. И. Желябов. М.—Л., 1925, с. 106—107) и солидаризировавшийся с ним С. С. Волк («Народная воля» (1879—1882), с. 115), хотя он в этой же монографии подробнейшим образом (гл. 8—11) рассматривает разнообразные формы деятельности ИК.

[62] *Семенюта П. И.* Из воспоминаний об А. И. Желябове. — «Былое», 1906, № 4, с. 219.

[63] Ср.: Программа Исполнительного комитета. — В сб. Революционное народничество 70-х годов, т. 2, с. 173; Подготовительная работа партии. — Там же, с. 176.

[64] См. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 35, с. 148; ср. т. 19, с. 158; т. 21, с. 197.

[65] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 380.

[66] *Герцен А. И.* Собр. соч. в 30 томах, т. 17, с. 108.

[67] Литература партии «Народная воля», с. 127.

[68] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 180—181.

[69] Рабочее движение в России в XIX в., т. 2, ч. 2. М., 1950, с. 427.

[70] *Ш. М. Левин.* «Черный передел» и проблема политической борьбы. — В сб. Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961.

[71] *Аксельрод П. Б.* Пережитое и передуманное, кн. 1. Берлин, 1923, с. 364.

[72] *Панкратов В. С.* Воспоминания (1880—1884). М., 1923, с. 8.

[73] Литература партии «Народная воля», с. 145, 170.

[74] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 540, д. 8, л. 16; д. 30, л. 200; д. 33, л. 297; д. 62, л. 8, 42. 206, и др. Ср. ГАСО, ф. 9, оп. 1, д. 231, 244, 257, 262, 273, 286, 291, 306 и др.

[75] «Европейской буржуазии самодержавие — помеха, нашей буржуазии оно — опора»,— писал Н. К. Михайловский в № 2 газеты «Народная воля» (Литература партии «Народная воля», с. 29).

[76] Революционная журналистика 70-х годов, с. 80. Обоснование политической программы либерализма 70-х годов см. в соч. К. Д. Кавелина (Политические призраки. Berlin, 1878, с. 59, 69) и А. И. Кошелева (Что же теперь делать? Berlin, 1879, с. 63—71).

[77] Экономическое обоснование этой программы см. в соч. Ю. Э. Янсона «Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах» (СПб., 1877).

[78] Юбилейный земский сборник (1864—1914). СПб., 1914, с. 430. Н. А. Карышев насчитал 599 земских ходатайств перед правительством за 1875—1879 гг. и 538 — за 1880—1882 (*Карышев Н.* Земские ходатайства (1865—1884). М., 1900, с. 2).

[79] *Белоконский И. П.* Земское движение. М., 1914, с. 16; *Пирумова Н. М.* Земское либеральное движение. М., 1977, с. 184—185.

[80] *Дебогорий-Мокриевич В. К.* Воспоминания. СПб., 1906, с. 373—374.

[81] Цит. по: *Веселовский Б. Б.* Земские либералы. СПб., [1906], с. 9.

[82] *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1964, гл. I.

[83] *Мещерский В. П.* Мои воспоминания, ч. 2 (1865—1881). СПб., 1898, с. 408.

[84] *Милютин Д. А.* Дневник, т. 3, с. 85.

[85] ЦГАОР СССР, ф. III отд., секр. архив, оп. 1, д. 836.

[86] Доклады ген.-лейт. Селиверстова и ген.-адъют. Дрентельна Александру II (август — декабрь 1878 г.). — «Красный архив», 1931, т. 6, с. 115.

[87] Доклад П. А. Валуева царю об итогах Особого совещания от 24 мая 1879 г. (цит. по указ. соч. П. А. Зайончковского, с. 99).
[88] ПСЗ, собр. 2, т. 53, отд. 1, с. 398.
[89] ПСЗ, собр. 2, т. 53, отд. 2, с. 240—241.
[90] Там же, с. 239; *Валуев П. А.* Дневник 1877—1884 гг., с. 299.
[91] «Порядок», 5(17) мая 1881 г. (передовая статья).
[92] Революционная журналистика 70-х годов, с. 269.
[93] *Милютин Д. А.* Дневник, т. 3, с. 136.
[94] Подробно о них см. *Зайончковский П. А.* Указ. соч., с. 85—147.
[95] Цит. по: «Голос минувшего», 1914, № 4, с. 124.
[96] *Фроленко М. Ф.* Собр. соч., т. 1. М., 1932, с. 195.
[97] *Хейфец М. И.* Вторая революционная ситуация в России. М., 1963, стр. 83.
[98] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 535, д. 68, л. 43—183 (журнал комиссии).
[99] ПСЗ, собр. 2, т. 53, отд. 2, с. 89—90.
[100] *Степняк-Кравчинский С. М.* Россия под властью царей. М., 1964, с. 126.
[101] Там же, с. 131.
[102] *Милютин Д. А.* Дневник, т. 3, с. 41—43.
[103] *Богучарский В. Я.* В 1878 г. — «Голос минувшего», 1917, № 7-8, с. 132, 135.
[104] *Тарле Е. В.* Соч. в 12 томах, т. 4. М., 1958, с. 429—430.
[105] ПСЗ, собр. 2, т. 53, отд. 2, с. 90.
[106] ПСЗ, собр. 2, т. 54, отд. 1, с. 298.
[107] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 540, д. 37, л. 224.
[108] ЦГА г. Москвы, ф. 16, оп. 113, д. 256, л. 58.
[109] Военно-судебный устав. СПб., 1867, разд. 2, гл. I.
[110] «Правительственный вестник», 10(22) апреля 1879 г.
[111] Там же.
[112] Проф. Н. Н. Полянский, очевидно, ошибался, утверждая, что политические процессы в военных судах «до 1881 г. были сравнительно редким, а после 1881 г. даже исключительным явлением» вплоть до 1905—1907 гг. (*Полянский Н. Н.* Царские военные суды в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1958, с. 43).
[113] *Валк С. Н.* Вокруг 1 марта 1881 г. — «Красный архив», 1930, т. 3.
[114] *Милютин Д. А.* Дневник, т. 4. М., 1950, с. 30.
[115] *Валуев П. А.* Дневник 1877—1884 гг., с. 150.
[116] Устав уголовного судопроизводства. СПб., 1883, ст. 1062—1065.
[117] *Шпицер С. М.* Как судили первомартовцев (по неизданным материалам). — «Суд идет!», 1926, т. 4, стб. 205.
[118] К истории ограничения гласности судопроизводства. — «Былое», 1907, № 4, с. 230.
[119] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 495, л. 9—9 об.
[120] Там же.
[121] «Московские ведомости», 16 июля 1879 г. (передовая статья).
[122] Собрание узаконений и распоряжений правительства, 1878, второе полугодие. СПб., 1878, с. 1210.

[123] В зал суда по делу 1 марта 1881 г. впускались через подъезд по Шпалерной улице судьи, свидетели и высокопоставленные особы с белыми билетами, а с другого подъезда (по Литейному проспекту) — прочие (тоже избранные) лица с коричневыми билетами. На каждом билете значились фамилия, имя и отчество, а также звание владельца, подписи инспектора здания судебных установлений и прокурора судебной палаты, сургучная печать. Полицейские посты и судебные пристава трижды проверяли билеты: у подъезда, в аванзале и у входа в зал («Московские ведомости», 27 марта 1881 г., особое прибавление к № 86).

[124] Поэты-демократы 1870—1880-х годов. Л., 1968, с. 489.

[125] Письма участников процесса «16-ти». Сообщила В. Н. Фигнер. — «Каторга и ссылка», 1930, № 3, с. 100.

[126] ЦГАОР СССР, ф. III отд., 3 эксп., 1874, д. 144, ч. 246, л. 11.

[127] ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 5, д. 44, л. 1 об.

[128] ПСЗ, собр. 3, т. 1, с. 263.

[129] Из представителей печати на процессе «20-ти» присутствовал только редактор «Правительственного вестника», популярный романист Г. П. Данилевский (ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. 1, д. 512, л. 282).

[130] *Салтыков-Щедрин М. Е.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 249, 250.

[131] *Виташевский Н. А.* Первое вооруженное сопротивление — первый военный суд (процесс И. М. Ковальского). — «Былое», 1906, № 2, с. 237.

[132] Одесса во время суда над Ковальским. — В сб. Революционная журналистика 70-х годов, с. 122; *Лион С. Е.* Первая вооруженная демонстрация. — «Каторга и ссылка», 1928, № 8-9, с. 67, 70.

[133] ЦГИА УССР, ф. 442, оп. 829, д. 29, л. 22 об. Такие же слухи беспокоили карателей и в Одессе перед процессом И. М. Ковальского. О числе и вооружении приезжих революционеров говорила тогда вся Одесса, кто-то «видел» даже, как «один приезжий тащил пушку на своих плечах» (*Шехтер А. Н.* Революционная Одесса 1877—1878 гг. — «Каторга и ссылка», 1923, № 6, с. 49).

[134] Революционная журналистика 70-х годов, с. 299. Ср. «Молва», 18 мая 1879, с. 3.

[135] Суд над Бобоховым. — В сб. Революционная журналистика 70-х годов, с. 284.

[136] *Милютин Д. А.* Дневник, т. 3, с. 187; ГПБ РО, ф. 856, оп. 1, д. 6, л. 583; Записки сенатора Есиповича. — «Русская старина», 1909, № 4, с. 154; *Валуев П. А.* Дневник 1877—1884 гг., с. 38.

[137] ЦГАОР СССР, ф. 677, оп. 1, д. 134, л. 17 об.

[138] *Зайончковский П. А.* Указ. соч., с. 475.

[139] ЦГАОР СССР, ф. III отд., секр. архив, оп. 1, д. 725, л. 1—47; д. 773, л. 3—14; д. 1013, л. 10 об.

[140-142] ФЦГИА УССР, ф. 791, оп. 1, д. 189, л. 4—4 об.

[143] Литература партии «Народная воля», с. 48.

[144] *Валуев П. А.* Дневник 1877—1884 гг., с. 40, 47, 48, 50—55; *Милютин Д. А.* Дневник, т. 3, с. 184, 186—187,

[145] «Нервы так настроены, что поминутно рассчитываешь взлететь на воздух»,— записывал 6 февраля 1880 г. в дневнике вел. кн. Константин Константинович (ЦГАОР СССР, ф. 660, оп. 1, д. 16, л. 101).

[146] «Московские ведомости», 6 февраля 1880 г. (передовая статья «А»).

[147] *Воейков В. В.* Последние дни императора Александра II и воцарение императора Александра III. — «Известия Тамбовской ученой археографической комиссии», вып. 54. Тамбов, 1911, с. 67.

[148] Граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов. — «Русская старина», 1889, № 1, с. 69. Ср. *Де-Воллан Г. А.* Очерки прошлого. — «Голос минувшего», 1914, № 4, с. 139.

[149] ЦГАОР СССР, ф. 677, оп. 1, д. 79, л. 320.

[150] ПСЗ, собр. 2, т. 54, отд. 2, с. 450—451.

[151] *Валуев П. А.* Дневник 1877—1884 гг., с. 92, 120, 142 и др. Надо было сказать: «Михаил II». Валуев запамятовал, что в России уже был царь Михаил. Сам Лорис-Меликов говорил о себе А. Ф. Кони: «Ни один временщик — ни Меншиков, ни Бирон, ни Аракчеев — никогда не имели такой всеобъемлющей власти» (*Кони А. Ф.* Собр. соч. в 8 томах, т. 5, с. 195).

[152] *Зайончковский П. А.* Указ. соч., с. 156.

[153] Программное воззвание М. Т. Лорис-Меликова «К жителям столицы».— «Правительственный вестник», 15(27) февраля 1880 г.

[154] *Зайончковский П. А.* Указ. соч., с. 182.

[155] *Новицкий В. Д.* Из воспоминаний жандарма. Л., 1929, с. 179.

[156] *Корнилов А. А.* Общественное движение при Александре II. М., 1909, с. 252.

[157] Литература партии «Народная воля», с. 71.

[158] Подробно о диктатуре Лорис-Меликова см. в указ. соч. П. А. Зайончковского (гл. 2—3).

[159] Литература партии «Народная воля», с. 79.

[160] *Кизеветтер А. А.* На рубеже двух столетий. Прага, 1929, с. 94.

[161] Литература партии «Народная воля», с. 72.

[162] *Твардовская В. А.* Вторая революционная ситуация в России и борьба «Народной воли». — В сб. Общественное движение в пореформенной России. М., 1965.

[163] Народовольцы. Сб. 3. М., 1931, с. 17—20.

[164] Подробно о проекте Лорис-Меликова см. указ. соч. П. А. Зайончковского и М. И. Хейфеца.

[165] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 43.

[166] *Зайончковский П. А.* Указ. соч., с. 40—42, 131—146, 192—203.

[167] ГБЛ РО, ф. 169, оп. 1, карт. 39, д. 33, л. 1.

[168] *Laferté V.* Alexandre II. Details inedits sur sa vie intime et sa mort. Paris, 1882, p. 59.

[169] См. об этом рассказ П. А. Валуева (в записи М. И. Семевского): ИРЛИ РО, ф. 274, оп. 1, д. 16, л. 553 об. — 554. Проект правительственного сообщения опубликован в «Русском архиве», 1916, кн. 1, с. 21—26.

[170] «Московские ведомости», 1 марта 1882 г. (передовая статья).

[171] *Д. А. Милютин.* Дневник, т. 4, с. 28, 41.
[172] См. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 305.
[173] ГБЛ РО, ф. 126, карт. 2, д. 8, л. 227.
[174] ГБЛ РО, ф. 120, карт. 28, д. 2, л. 45.
[175] «Московские ведомости», 16 апреля 1881 г. (передовая статья). Ср. «Русский архив», 1907, № 5, с. 90.
[176] См. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 451.
[177] См. выше (с. 139) данные о числе крестьянских и рабочих волнений.
[178] См. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 36, с. 105; т. 22, с. 449.
[179] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 39.

Эта прямая ленинская оценка зачастую неоправданно замалчивается. В специальном исследовании М. И. Хейфеца решающей силой второй революционной ситуации сочтено крестьянское движение, тогда как борьба народовольцев расценивается лишь как вспомогательный элемент, «усиливавший кризис верхов и дезорганизацию правительства» (*Хейфец М. И.* Указ. соч., с. 46, 51, 68—69). Такова же точка зрения Ш. М. Левина, И. В. Кузнецова (ср.: В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX — начала XX в. Л., 1969, с. 221; *Кузнецов И. В.* История СССР. Эпоха капитализма (1861—1917). М., 1971, с. 195). С. С. Волк называет схватку «Народной воли» с царизмом «одним из существенных элементов второй революционной ситуации» (*Волк С. С.* «Народная воля», с. 458).
[180] *Зайончковский П. А.* Указ. соч., с. 474.
[181] Литература партии «Народная воля», с. 16.
[182] Письмо А. И. Желябова к М. П. Драгоманову. — «Былое», 1906, № 3, с. 72.
[183] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 300—301.
[184] Литература партии «Народная воля», с. 4.
[185] *Валк С. Н.* Из показаний Н. И. Рысакова. — «Красный архив», 1926, т. 6, с. 188.
[186] *Фигнер В. Н.* Запечатленный труд. Воспоминания в 2 томах, т. 1. М., 1964, с. 260—261.
[187] *Тихомиров Л. А.* «Начала и концы» (либералы и террористы). М., 1890, с. 46.
[188] *Фигнер В. Н.* Портреты народовольцев. — «Былое», 1918, № 4—5, с. 79.
[189] Письма К. П. Победоносцева из Петербурга в Москву к Е. Ф. Тютчевой. — «Русский архив», 1907, № 5, с. 95.
[190] Если не считать того, что царь трижды поддакнул ораторам, когда выступали К. П. Победоносцев и его единомышленник С. Г. Строганов.
[191] *Суворин А. С.* Дневник. М.—Пг., 1923, с. 166.
[192] Этот документ нередко (даже в учебниках) оценивается как показатель слабости «Народной воли», а то и как признак уже начавшегося «вырождения народничества в либеральное течение». Такая оценка противоречит и духу, и букве письма ИК. Действительно, «Народная воля» после 1 марта быстро слабела. Но ее ультиматум царю от 10 марта говорил не о том, что она уже слаба, а о том, что она еще сильна. Что же касается либерализма, то его в письме ИК нет и следа. Письмо представляет собой ультиматум революционной партии (ср.: *Левин Ш. М.* Общественное движение в России в 60—70-е го-

ды XIX в. М., 1958, с. 507; История СССР, т. 2 (1861—1917). Период капитализма. Под ред. А. Л. Сидорова. М., 1959, с. 234; там же, изд. 2. М., 1965, с. 215; История СССР. Учебное пособие, изд. 2. Под ред. Б. Д. Дацюка. М., 1963, с. 265; там же, изд. 3. М., 1970. с. 261).

[193] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 56.

[194] *Валуев П. А.* Дневник 1877—1884 гг., с. 157.

[195] Подробнее об этом см. *Зайончковский П. А.* Указ. соч., с. 367—370.

[196] ПСЗ, собр. 3, т. 1, с. 54.

[197] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 46.

[198] *Перетц Е. А.* Дневник (1880—1883 гг.). М.—Л., 1927, с. 57.

[199] Подробно о министерстве Игнатьева см. в указ. соч. П. А. Зайончковского (гл. 5).

[200] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 114.

[201] *Зайончковский П. А.* Указ. соч., с. 381.

[202] К. П. Победоносцев и его корреспонденты, т. 1, ч. I. М.—Пг., 1923, с. 108—109, 113—114.

[203] Там же, с. 181.

[204] ПСЗ, собр. 3, т. 1, с. 262.

[205] *Белоконский И. П.* В годы бесправия. М., 1930, с. 44.

[206] *Leroy-Beaulieu A.* L'empire des Tsars et les Russes, v. 2. Paris, 1882, p. 151.

[207] ЦГАОР СССР, ф. 730, оп. 1, д. 1530, л. 2 об.

[208] Письма Победоносцева к Александру III, т. I. М., 1925, с. 381.

[209] Цит. по: *Игнатьев А. А.* Пятьдесят лет в строю, т. 1. М., 1955, с. 14.

[210] Рассказывали, будто Толстой, перед тем как принять от царя руководство внутренней политикой, предупреждал, что он непопулярен в обществе. Александр III успокоил его: «Я этим не стесняюсь» (*Кизеветтер А. А.* Указ. соч., с. 124—125).

[211] *Катков М. Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей» (1882 г.). М., 1898, с. 280.

[212] К. П. Победоносцев и его корреспонденты, т. 1, ч. I, с. 216.

[213] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 177.

[214] *Ионова Г. И., Смирнов А. Ф.* Революционные демократы и народники. — «История СССР», 1961, № 5, с. 138—139.

[215] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 135.

Глава IV (с. 185—264)

[1] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 535, д. 48, л. 53, 69, 75.

[2] *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. М., 1929, с. 230. Ср.: К. П. Победоносцев и его корреспонденты, т. I, ч. 1. М.—Пг., 1923, с. 214, 215; «Московские ведомости», 26, 28, 30 марта 1881 г. (передовые статьи).

[3] *Половцов А. А.* Дневник государственного секретаря, т. 2. М., 1966, с. 142.

[4] Ср.: Воспоминания Э. Я. Фукса, цит. С. М. Шпицером в изд. «Суд идет!», 1926, № 4, стб. 207—208; *Перетц Е. А.* Дневник (1880—1883). М.—Л., 1927, с. 55.

[5] «Суд идет!», 1926, № 4, стб. 208.

[6] Стоило, например, А. И. Баранникову знаком попросить у защитника обвинительный акт, как Дейер вспылил: «Подсудимый, никаких знаков я делать не позволю! Если это еще раз повторится, вы будете удалены из залы!»

[7] Процесс 20-ти народовольцев в 1882 г. Ростов н/Д., 1906, с. 58—59, 75, 79, 118—120.

[8] Процесс 20-ти народовольцев, с. 64, 92, 96.

[9] Письма народовольца А. Д. Михайлова. М., 1933, с. 216.

[10] «Новое время», 1 (13) июня 1880 г., с. 5. Ср. подобные же филиппики прокуроров В. М. Савинкова (отца Б. В. Савинкова-Ропшина) и Н. К. Голицынского на других процессах: «Харьковские губернские ведомости», 14 июля 1879 г., с. 3; «Ведомости Одесского градоначальства», 13 октября 1879 г., с. 1—2.

[11] *Троицкий Н. А.* Царские суды против революционной России. Саратов, 1976, с. 221—222, 227—229.

[12] См.: *Спандони А. А.* Страница из воспоминаний. — «Былое», 1906, № 5, с. 26; *Надин П.* Стрельниковский процесс 1883 г. в Одессе. — «Былое», 1906, № 4, с. 87—88.

[13] ЦГАОР СССР, ф. 102, 3 д-во, 1882, д. 983, л. 9.

[14] ЦГИА СССР, ф. 1093, оп. 1, д. 34, л. 127 (воспоминания Ф. Г. Богдановича).

[15] «Как некогда наш известный историк Погодин чувствовал, что наши предки были варяги, хотя данных для этого никаких не имел, так ныне г-н Стрельников чувствует, что подсудимые виновны, хотя доказать этого никак не может»,— разоблачала прокурорскую манеру Стрельникова листовка Южнорусского рабочего союза 1880 г. (Южно-русские рабочие союзы. М., 1924, с. 272).

[16] ЦГИА УССР, ф. 263, оп. 1, д. 26, л. 41.

[17] *Седой.* Из архивных раскопок. Миссия Стрельникова. — «Каторга и ссылка», 1924, № 2, с. 58—60.

[18] ЦГАОР СССР, ф. 677, оп. 1, д. 599, л. 1. Ср.: *Соболев В. А.* Степан Халтурин. Киров, 1973, с. 98.

[19] Из Одессы. —«На родине» (Женева), 1883, № 3, с. 57—58.

[20] *Венедиктов Д. Г.* Палач Иван Фролов и его жертвы. М., 1930, с. 28, 41.

[21] *Семенов А.* Соломон Виттенберг (Материалы к биографии). — «Былое», 1925, № 6, с. 68—69.

[22] Революционная журналистика 70-х годов. Ростов н/Д., 1907, с. 299.

[23] *Градовский Г. К.* Итоги (1862—1907). Киев, 1908, с. 85.

[24] *Морейнис М. А.* С. Я. Виттенберг и процесс «28-ми». — «Каторга и ссылка», 1929, № 7, с. 54, 59—60.

[25] *Попов М. Р.* Записки землевольца. М., 1933, с. 252.

[26] ЦГИА УССР, ф. 315, оп. 2, 1879, д. 1, л. 35—35 об.

[27] ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. 1, д. 506, л. 73.

[28] *Феохари С. И.* Дело о вооруженном сопротивлении в Киеве 11 февраля 1879 г. — «Каторга и ссылка», 1929, № 4, с. 50.

[29] Дело 1 марта 1881 г. СПб., 1906, с. 105—206.

[30] *Попов М. Р.* Записки землевольца, с. 256—257. А. А. Богославский в том же 1880 г. (22 ноября) был загублен в тюрьме.

[31] *Бурцев В. Л.* Процесс «20-ти».— «Былое» (Лондон), [1902], № 2, с. 120.

[32] ЦГИА УССР, ф. 316, оп. 1, д. 75, л. 131—133.
[33] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 44.
[34] ЦГИА УССР, ф. 316, оп. 1, д. 73, л. 154—156.
[35] «Ведомости Одесского градоначальства», 3 августа 1879 г., с. 2; 9 августа, с. 1.
[36] ЦГА г. Москвы, ф. 131, оп. 37, д. 179, т. 2, л. 14 об.
[37] Литература партии «Народная воля». М., 1930, с. 192. Царь заменил Нагорному смертную казнь вечной каторгой.
[38] Вот их имена (в хронологическом порядке казней): В. Д. Дубровин, В. А. Осинский, В. А. Свириденко, Л. К. Брандтнер, А. К. Соловьев, О. И. Бильчанский, П. Г. Горский, А. Я. Гобет, Д. А. Лизогуб, С. Ф. Чубаров, И. Я. Давиденко, С. Я. Виттенберг, И. И. Логовенко, И. В. Дробязгин, В. А. Малинка, Л. О. Майданский, И. О. Млодецкий, И. И. Розовский, М. П. Лозинский, А. А. Квятковский, А. К. Пресняков, А. И. Желябов, С. Л. Перовская, Н. И. Кибальчич, Т. М. Михайлов, Н. И. Рысаков, Н. Е. Суханов, С. Н. Халтурин, Н. А. Желваков, Е. Г. Легкий.
[39] *Венедиктов Д. Г.* Указ. соч., с. 12—13.
[40] «Ведомости Одесского градоначальства», 9 августа 1879 г., с. 1.
[41] Революционная журналистика 70-х годов, с. 301.
[42] *Степняк-Кравчинский С.* Соч., т. 1. М., 1958, с. 415.
[43] ЦГАЛИ СССР, ф. 1158, оп. 1, д. 106, л. 16 (корреспонденция из Томска о казни Е. Г. Легкого).
[44] Например, 20-летний убийца австрийского престолонаследника Франца Фердинанда Гаврило Принцип был осужден лишь на 20 лет каторги.
[45] *Кистяковский А. Ф.* Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть общая. Киев, 1891, с. 432—434, 450—453.
[46] *Толстой Л. Н.* Не могу молчать.— Полн. собр. соч., т. 37, с. 86.
[47] *Венедиктов Д. Г.* Указ. соч., с. 27.
[48] «Общее дело» (Женева), 1879, № 26, с. 5.
[49] *Валуев П. А.* Дневник 1877—1884 гг. Пг., 1919, с. IV.
[50] *Ушерович С. С.* Смертные казни в царской России, Харьков, 1933, с. 164.
[51] ЦГАОР СССР, ф. III отд., секр. архив, оп. 1, д. 977, л. 10 об.
[52] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 640, л. 79—80.
[53] Литература партии «Народная воля», с. 173.
[54] Собственно, именовалась эта царская милость вечной каторгой, но отбывали ее помилованные народовольцы в одиночных казематах, главным образом Петропавловской, а с 1884 г. — Шлиссельбургской крепостей.
[55] «Более постыдного дела для военной команды и ее начальства, я думаю, не бывало до сих пор» — гласит резолюция Александра III на докладной записке об этом деле (*Гернет М. Н.* История царской тюрьмы, т. 3. М., 1961, с. 197—198).
[56] Протокол суда по делу Е. А. Дубровина и др. хранится в ЦГВИА СССР, ф. 1351, оп. 2, д. 650, л. 128—134.

[57] В Забайкалье на р. Каре (приток Шилки, впадающей в Амур).

[58] Подсчет сделан по списку карийцев из статьи: *Осмоловский Г. Ф.* Карийцы (Материалы для статистики русского революционного движения). — «Минувшие годы», 1908, № 7. В трех изданиях «Истории царской тюрьмы» М. Н. Гернета (т. 3, гл. 5, § 49) аналогичный подсчет сильно искажен неоговоренными опечатками (под 1880 г. там значатся 25 узников, под 1889—56 и т. д.).

[59] ЦГАОР СССР, ф. III отд., 3 эксп., 1880, д. 701, л. 2 об.. 6—6 об.

[60] Литература партии «Народная воля», с. 174.

[61] 100 лет Якутской ссылки. М., 1934, с. 175—176.

[62] Подробно см. *Кротов М. А.* Якутская ссылка 70—80-х годов. Исторический очерк по неизданным материалам. М., 1925.

[63] «Былое», 1906, № 9, с. 132—133.

[64] ЦГИА СССР, ф. 1252, оп. 1, д. 6, л. 13.

[65] Процесс социалистов В. Осинского, С. Лешерн фон-Герцфельд и И. Волошенко. [Женева], 1879, с. 5.

[66] ЦГИА УССР, ф. 274, оп. 1, 1878, д. 164, л. 212.

[67] Революционная журналистика 70-х годов, с. 285.

[68] ЦГАОР СССР, ф. III отд., 3 эксп., 1878, д. 497, л. 138 (жандармский доклад царю).

[69] ГБЛ РО, ф. 120, папка 33, л. 87 об. (письмо Б. М. Маркевича М. Н. Каткову).

[70] Литература партии «Народная воля», с. 34.

[71] ЦГИА УССР, ф. 274, оп. 1, 1878, д. 164, л. 212.

[72] Литература партии «Народная воля», с. 5.

[73] Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932, с. 107.

[74] Революционная журналистика 70-х годов, с. 304—305

[75] Литература партии «Народная воля», с. 34.

[76] «Киевлянин», 3 июля 1879 г., с. 2.

[77] Покушение А. К. Соловьева на цареубийство 2 апреля 1879 г. — «Былое», 1918, № 1, с. 149.

[78] «Московские ведомости», 6 ноября 1880 г.

[79] *Короленко В. Г.* Собр. соч. в 10 томах, т. 6. М., 1954, с. 197.

[80] Процесс 16-ти террористов. СПб., 1906, с. 228.

[81] «Каторга и ссылка», 1930, № 3, с. 99.

[82] Дело 1 марта 1881 г., с. 332.

[83] Там же, с. 340.

[84] Цит. по: Письма народовольца А. Д. Михайлова. М., 1933, с. 220.

[85] Там же, с. 211.

[86] Подробно см. *Троицкий Н. А.* «Народная воля» перед царским судом. Саратов, 1971, с. 56—57.

[87] Из Одессы. — «На родине» (Женева), 1883, № 3, с. 58.

[88] Процесс 16-ти террористов, с. 228.

[89] Автобиографические показания М. Ф. Грачевского. — «Красный архив», 1926, т. 5, с. 151—156. О бедственном положении масс как о главной предпосылке русской революции народовольцы говорили и в судебных речах, например Квятковский на процессе «16-ти», Суханов на процессе «20-ти» (ср.: Процесс 16-ти террористов, с. 226; Процесс 20-ти

народовольцев, с. 96). Рассуждения Желябова на процессе первомартовцев о бедствиях крестьянства были изъяты цензурой из официального отчета, но дошли до нас в записи корреспондента «Таймс» (*Footman D.* Red Prelude. A. Life of A. I. Zhelyaboy. 2 ed. London, 1968, p. 213).

[90] Процесс 20-ти народовольцев, с. 102—104.

[91] ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 1, д. 391, л. 10. Речь Суханова цитируется по гектографированному изданию «Народной воли», несколько отличному от текста, опубликованного в неофициальном отчете по делу «20-ти» и в эмигрантских газетах «Вольное слово» и «Общее дело».

[92] Процесс 16-ти террористов, с. 226; Дело 1 марта 1881 г., с. 348; Процесс 20-ти народовольцев, с. 70; Автобиографическая записка Степана Ширяева. — «Красный архив», 1924, т. 7, с. 78—79; Из народовольческих автобиографических документов. — «Красный архив», 1927, т. 1, с. 211, 220—221.

[93] «Красный архив», 1924, т. 7, с. 78.

[94] Процесс 16-ти террористов, с. 226 (последнее слово А. А. Квятковского).

[95] Дело 1 марта 1881 г., с. 7.

[96] Там же, с. 92, 93.

[97] Там же, с. 88.

[98] «Красный архив», 1926, т. 5, с. 154—155.

[99] Дело 1 марта 1881 г., с. 339.

[100] Процесс 16-ти террористов, с. 225.

[101] «Красный архив», 1927, т. 1, с. 219.

[102] Процесс 16-ти террористов, с. 225; Дело 1 марта 1881 г., с. 342; Процесс 20-ти народовольцев, с. 67—68; «Былое», 1918, № 4-5, с. 287; «Красный архив», 1927, т. 1. с. 210.

[103] Процесс 20-ти народовольцев, с. 96.

[104] Процесс 16-ти террористов, с. 226.

[105] Дело 1 марта 1881 г., с. 333.

[106] «Красный архив», 1927, т. 1, с. 218.

[107] Процесс 16-ти террористов, с. 113; Дело 1 марта 1881 г., с. 336; Процесс 20-ти народовольцев, с. 68.

[108] Революционное народничество 70-х годов, т. 2. М.—Л., 1965, с. 251.

[109] Там же, с. 249—250.

[110] Дело 1 марта 1881 г., с. 340, 342—343; Процесс 20-ти народовольцев, с. 68. Ср.: Программа Исполнительного Комитета. — В сб.: Революционное народничество 70-х годов, т. 2, с. 171—172.

[111] Дело 1 марта 1881 г., с. 332—333, 340; Процесс 20-ти народовольцев, с. 119, 120.

[112] Показания первомартовцев. Из актов предварительного следствия. — «Былое», 1918, № 4-5, с. 295.

[113] Письма народовольца А. Д. Михайлова, с. 216.

[114] Революционное народничество 70-х годов, т. 2, с. 195.

[115] Письма народовольца А. Д. Михайлова, с. 195.

[116] См., например, выступления А. Д. Михайлова, Н. Е. Суханова, М. Н. Тригони, Г. П. Исаева, Л. Д. Терентьевой (Процесс 20-ти народовольцев, с. 86—87, 93, 96, 99; ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 1, д. 389, конв. 3, л. 1—4).

[117] Письма народовольца А. Д. Михайлова, с. 217.

[118] Ср.: Программа Исполнительного Комитета. — В сб.: Революционное народничество 70-х годов, т. 2, с. 172; Программа рабочих, членов партии «Народной воли». — Там же, с. 184; Передовая статья № 8-9 «Народной воли». — В сб. Литература партии «Народная воля», с. 159.

[119] Ср.: Автобиографическая записка С. Г. Ширяева. — «Красный архив», 1924, т. 7, с. 78; Показания Н. И. Кибальчича. — «Былое», 1918, № 4-5, с. 292; Автобиографические показания А. Д. Михайлова. — В кн.: *Прибылева-Корба А. П.* и *Фигнер В. Н.* Народоволец А. Д. Михайлов. Л.—М., 1925, с. 89.

[120] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 286.

[121] Революционное народничество 70-х годов, т. 2, с. 173; Литература партии «Народная воля», с. 25.

[122] Революционное народничество 70-х годов, т. 2, с. 175, 181.

[123] Там же, с. 185.

[124] Литература партии «Народная воля», с. 107.

[125] Там же, с. 130—131, 134.

[126] Там же, с. 159. Заметим, что цитируемые здесь передовые статьи написаны разными авторами: в № 6 — Л. А. Тихомировым, в № 8-9 — В. С. Лебедевым.

[127] *Левин Ш. М.* Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX в. М., 1958, с. 495—496; *Твардовская В. А.* Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1969, с. 159—163. Пожалуй, здесь точнее было бы говорить не о течениях в народовольчестве, а об оттенках народовольчества как народнического течения.

[128] *Волк С. С.* «Народная воля». М.—Л., 1966, с. 197, 198—199.

[129] Правда, Г. В. Плеханов уже в 1883 г. (в работе «Социализм и политическая борьба») пришел к выводу о том, что Россия стоит перед буржуазно-демократической революцией и что только после победы этой последней возможен переход к революции социалистической. Но, во-первых, хотя 1883 г. отделяют от 1879-го всего четыре года, с ними ушла в прошлое целая эпоха: именно в те четыре года были исчерпаны революционные возможности народничества, и вследствие этого революционная мысль в России с удвоенной зоркостью стала искать новые, ненароднические пути к победе. А во-вторых, и вывод Плеханова был еще незрелым, ибо он неправильно определял расстановку классовых сил в буржуазно-демократической революции (единственно возможным союзником пролетариата объявлялась буржуазия, а крестьянство как революционная сила сбрасывалось со счета).

[130] *Твардовская В. А.* Указ. соч., с. 159.

[131] Цит. по: *Прибылева-Корба А. П.* и *Фигнер В. Н.* Указ. соч., с. 156.

[132] Автобиографические показания М. Ф. Грачевского. — «Красный архив», 1926, т. 5, с. 162.

[133] Письма народовольца А. Д. Михайлова, с. 220.

[134] Дело 1 марта 1881 г., с. 342 (речь А. И. Желябова).

[135] Процесс 16-ти террористов, с. 166 (обвинительная речь прокурора И. Д. Ахшарумова).

[136] Дело 1 марта 1881 г., с. 209 (обвинительная речь Н. В. Муравьева).

[137] *Морозов Н.* Террористическая борьба. Лондон [Женева], 1880, с. 8.

[138] «Захват власти» предполагалось осуществить с целью передачи ее народу, после чего ожидалась «революция в экономической сфере» силами народа. «Содействие народа» не исключалось и при «захвате власти» (Программа военно-революционной организации. — В сб. Революционное народничество 70-х годов, т. 2, с. 196; Письмо ИК заграничным товарищам. — Там же, с. 316, 319; Передовая статья № 8-9 «Народной воли». — В сб.: Литература партии «Народная воля», с. 159).

[139] Дело 1 марта 1881 г., с. 336 (речь А. И. Желябова).

[140] Процесс 16-ти террористов, с. 216 (речь С. Г. Ширяева).

[141] Там же, с. 226 (речь А. А. Квятковского).

[142] Процесс 20-ти народовольцев, с. 87.

[143] Дело 1 марта 1881 г., с. 337.

[144] Там же. Ср. заявление на следствии С. Л. Перовской («Былое», 1918, № 4-5, с. 287).

[145] Цит. по: *Прибылева-Корба А. П.* и *Фигнер В. Н.* Указ. соч., с. 157.

[146] Процесс 16-ти террористов, с. 227.

[147] Именно этот тип людей чуть ли не преобладал в столь страшном для царизма «Великом ИК». Назову, для примера, Перовскую, Морозова, Колодкевича, Кибальчича, Богдановича, Лебедеву, Зунделевича, Савелия Златопольского, Клеточникова.

[148] Процесс 16-ти террористов, с. 226, 227.

[149] Там же, с. 116.

[150] Процесс 20-ти народовольцев, с. 69. С этой точки зрения называть партией в современном смысле слова можно лишь организацию «Народной воли».

[151] Там же, с. 69, 70.

[152] Дело 1 марта 1881 г., с. 93, 342—343; «Былое», 1918, № 4-5, с. 280—281.

[153] Дело 1 марта 1881 г., с. 275.

[154] Процесс 16-ти террористов, с. 228.

[155] «Былое», 1918, № 4-5, с. 295—296. «Оставшиеся после меня на свободе техники,— говорил Кибальчич,— могут, если бы это понадобилось, выполнить технические работы с таким же успехом и без моего участия».

[156] Процесс 20-ти народовольцев, с. 69.

[157] Цит. по: *Прибылева-Корба А. П.* и *Фигнер В. Н.* Указ. соч., с. 101.

[158] Дело 1 марта 1881 г., с. 291 (фрагмент обвинительной речи Н. В. Муравьева, характерный и для других обвинительных речей).

[159] ЦГИА УССР, ф. 385, оп. 1, д. 129, л. 163 об. — 164 (жандармская копия).

[160] Дело 1 марта 1881 г., с. 336.

[161] Гр. *фон-Пфейль.* Последние годы императора Александра II. — «Новый журнал литературы, искусства и науки», 1908, № 4, с. 56.

[162] «Красный архив», 1926, т. 5, с. 155—156.

[163] Дело 1 марта 1881 г., с. 336—340; *Прибылева-Корба А. П.* и *Фигнер В. Н.* Указ. соч., с. 81—86; «Красный архив», 1924, т. 7, с. 75—76; «Былое», 1918, № 4-5, с. 296; Процесс 20-ти народовольцев, с. 96, 102—104.

[164] ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 1, д. 373, конв. 2, л. 10.

[165] Дело 1 марта 1881 г., с. 170.

[166] Пионеры ракетной техники. Кибальчич. Циолковский. Цандер. Кондратюк. Избранные труды. М., 1964, с. 15.

[167] Показание А. Д. Михайлова по делу «20-ти» от 14 января 1881 г. (*Прибылева-Корба А. П.* и *Фигнер В. Н.* Указ. соч., с. 136).

[168] Процесс 16-ти террористов, с. 227.

[169] Там же, с. 76.

[170] ЦГИА УССР, ф. 385, оп. 1, т. 1, д. 174, л. 495, 496.

[171] ЦГАОР СССР, ф. III отд., 3 эксп., 1880, д. 291, ч. 2, л. 130.

[172] Дело 1 марта 1881 г., с. 10.

[173] Там же, с. 11.

[174] Там же, с. 12.

[175] Там же, с. 336.

[176] Подробнее см. *Троицкий Н. А.* «Служил делу освобождения народа...» (Андрей Желябов на процессе 1 марта 1881 г.). — «Человек и закон», 1974, № 3.

[177] Дело 1 марта 1881 г., с. 284—285, 287—288, 292.

[178] Там же, с. 211, 214, 217, 286, 291, 296, 357.

[179] «Былое», 1918, № 4-5, с. 279.

[180] Там же, с. 23 (рапорт начальника петербургского ГЖУ А. В. Комарова в департамент полиции от 3 марта 1881 г.).

[181] Для такого заключения не требовалось, чтобы Желябов уже на очной ставке с Рысаковым понял (как считает М. Г. Седов), что «нравственно Рысаков пал» (*Седов М. Г.* Героический период революционного народничества. М., 1966, с. 297). На допросе 1 марта Рысаков держался еще молодцом. Выдавать он начал 2 марта, после очной ставки с Желябовым (Показания первомартовцев. —«Былое», 1918, № 4-5, с. 234—237).

[182] *Степняк-Кравчинский* С. Соч., т. 1, с. 512 (из рассказа Анны Эпштейн, встречавшейся с Перовской в мартовские дни 1881 г. в Петербурге).

[183] Дело 1 марта 1881 г., с. 338.

[184] Враги по неразумению видели в этой уверенности Желябова какую-то фанатическую рисовку. «Желябов рисуется героем своих доктрин»,— записывал в дневнике 28 марта 1881 г. П. А. Валуев (Дневник 1877—1884 гг., с. 159). Как «наглость и нахальство» фанатика воспринял поведение Желябова на процессе М. Н. Катков (Собрание передовых статей «Московских ведомостей» (1881 г.). М., 1898, с. 162, 163).

[185] К. П. Победоносцев в дни суда уведомлял царя: «Желябова оставили сидеть рядом с Перовскою, так как уже считают их за отпетых людей» (Письма Победоносцева к Александру III, т. 1. М., 1925, с. 324).

[186] Этот инцидент запечатлен и в официальном отчете о процессе (Дело 1 марта 1881 г., с. 210—211).

[187] Хроника социалистического движения в России (1878—1887 гг.). М., 1906, с. 160.

[188] Литература партии «Народная воля», с. 11.
[189] «Современные известия», 27 марта 1881 г.
[190] ЦГИА УССР, ф. 274, оп. 1, 1878, д. 164, л. 208.
[191] *Ушерович С. С.* Смертные казни в царской России. Харьков, 1933, с. 163.
[192] «Набат» (Лондон), 1881, № 1, с. 1. Слухи о том, что первомартовцев перед казнью пытали, были очень упорными (ср.: *Кропоткин П. А.* В русских и французских тюрьмах. СПб., 1906, с. 33—34; *Любатович О. С.* Далекое и недавнее. М., 1930, с. 108; *Попов И. И.* Минувшее и пережитое. М., 1933, с. 94). Б. М. Маркевич еще 14 марта 1881 г. писал М. Н. Каткову, что Перовскую и ее товарищей «к понуждению их говорить» пытали «гальваническими батареями тока, которых не в состоянии долго выдержать никакой организм» (ГБЛ РО, ф. 120, папка 33, л. 204). Точных данных об этом нет.
[193] Суд и казнь первомартовцев. — «Былое», 1918, № 4-5, с. 320, 322. Корреспондент лондонского «Таймса» тоже сообщал своим читателям: «Перовская была спокойнее всех и даже, что стоит отметить, до конца сохранила легкий румянец на щеках» (1 марта 1881 г. М., 1933, с. 250).
[194] *Дмитриева В. И.* Так было. М., 1930, с. 203.
[195] Цит. по: *Антонов В. С.* И. Мышкин — один из блестящей плеяды революционеров 70-х годов. М., 1959, с. 46.
[196] Подробно см. *Венедиктов Д. Г.* Попы: провокаторы, тюремщики, погромщики. М., 1930.
[197] Восстание декабристов. Материалы, т. 1. М.—Л., 1925, с. 11, 237, 296, 341, 377; т. 10. М., 1953, с. 51.
[198] Из записной книжки протоиерея П. Н. Мысловского. — Щукинский сборник, вып. 4. М., 1905, с. 39.
[199] Восстание декабристов, т. 3. М., 1927, с. 60.
[200] Заседание Верховного уголовного суда, происходившее 25 мая 1879 г. по делу об А. К. Соловьеве. СПб., 1879, с. 2.
[201] Процесс 16-ти террористов, с. 1.
[202] Дело 1 марта 1881 г., с. 6—7.
[203] *Б[аум] Я. Д.* Суд и казнь Л. К. Брандтнера, В. А. Свириденко и В. А. Осинского (в освещении жандарма Новицкого). — «Каторга и ссылка», 1929, № 7, с. 71.
[204] *Степняк-Кравчинский С.* Соч., т. 1, с. 415.
[205] Суд и казнь первомартовцев. — «Былое», 1918, № 4-5, с. 322.
[206] Там же, с. 316.
[207] Письма народовольца А. Д. Михайлова, с. 199.
[208] Предсмертные письма Александра Квятковского. — «Каторга и ссылка», 1927, № 2, с. 208.
[209] Там же, с. 209.
[210] Народоволец А. И. Баранников в его письмах. М., 1935, с. 133.
[211] Архив «Земли и воли» и «Народной воли», с. 254.
[212] Письма народовольца А. Д. Михайлова, с. 238—240.
[213] Нельзя согласиться с мнением С. С. Волка, будто Александр Михайлов (вторая по значению фигура в «Народной воле», после Желябова) «в феврале 1882 года с разочарованием и горечью признал несостоятельность и ошибочность деятельности Исполнительного комитета» (*Волк С.* Историче-

ские факты и логика их исследования. — «Коммунист», 1968, № 11, с. 119; *его же*. «Народная воля», с. 460). В судебных заметках Михайлова, на которые ссылается С. С. Волк, речь идет не о том, что деятельность ИК несостоятельна и ошибочна, а о том, что ей недоставало организационной слаженности и что необходима «более совершенная организация», «если общество «Народная воля» желает, чтобы его будущее было настолько же успешно, насколько славно прошлое» (ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. 1, д. 531, л. 877—878).

Кроме того, еще в 1933 г. были опубликованы февральские 1882 г. письма Михайлова к товарищам (написанные в дни суда по делу «20-ти», а также до и после него), в которых он горячо одобряет деятельность ИК и советует «так держать» далее. Вот несколько выдержек. Из письма от 15 февраля (перед оглашением приговора): «Я радуюсь, что могу сказать убежденно: вы стоите, братья, на верном пути, вы идете к цели прямою дорогою». Из письма от 15—16 февраля (после приговора): «Высоким, исцеляющим всякие страдания, утешением служит нам ваша работа». Совет в письме от 12 февраля: «Успех, один успех достоин вас после 1 марта. Единственный путь — это стрелять в самый центр. На очереди оба брата (т. е. Александр III и великий князь Владимир Александрович. — *Н. Т.*), но начать надо с Владимира». В письме от 15—16 февраля о том же: «Необходимо своротить еще зараз две головы,— и вы победите» (Письма народовольца А. Д. Михайлова, с. 194, 201, 215, 217).

[214] Млодецкий вышел на Лорис-Меликова (когда тот подъезжал в экипаже к парадному подъезду своего дома) с револьвером «возле двух стоявших у подъезда часовых, вблизи двух верховых казаков, конвоировавших экипаж, и торчавших тут же городовых» (*Милютин Д. А.* Дневник, т. 3. М., 1950, с. 223).

[215] «Народная воля» в документах и воспоминаниях. М., 1930, с. 95.

[216] Литература партии «Народная воля», с. 147.

[217] ЦГВИА СССР, ф. 1351, оп. 1, д. 145.

[218] ЦГАОР СССР, ф. 677, оп. 1, д. 307, л. 328.

[219] ЦГВИА СССР, ф. 1351, оп. 1, д. 145, л. 12 об.

[220] Там же, л. 33 об. — 34 об.

[221] Литература партии «Народная воля», с. 71; «Народная воля» в документах и воспоминаниях, с. 95; *Энгельмейер А. К.* Казнь Млодецкого. — «Голос минувшего», 1917, № 7-8.

[222] «Народная воля» в документах и воспоминаниях, с. 95.

[223] Народовольческих процессов за то же время было 29 при 133 подсудимых.

[224] *Ковальская Е. Н.* «Южно-русский рабочий союз». М., 1926, с. 92.

[225] Литература партии «Народная воля», с. 170.

[226] ЦГАОР СССР, ф. III отд., 3 эксп., 1880, д. 144, ч. 2, л. 82.

[227] ЦГАОР СССР, ф. 102, 7 д-во, 1883, д. 37, т. 2, л. 43.

[228] Мать выдающегося советского ученого академика А. А. Богомольца.

[229] *Ковальская Е. Н.* Указ. соч., с. 88.

[230] ЦГАОР СССР, ф. 102, 3 д-во, 1881, д. 1260, л. 3, 6.

[231] ЦГИА УССР, ф. 316, оп. 1, д. 51, л. 81.

[232] Процесс социалистов В. Осинского, С. Лешерн-фон-Герцфельд и И. Волошенко, с. 12.
[233] «Каторга и ссылка», 1929, № 7, с. 70—71.
[234] Революционная журналистика 70-х годов, с. 300.
[235] ЦГВИА, ф. 1351, оп. 2, 1880, д. 241, т. 1, л. 4 об., 19, 480.
[236] Процесс 16-ти террористов, с. 228.
[237] Процесс 20-ти народовольцев, с. 102.
[238] *Берман Л. Л.* Киевский процесс «21-го» в 1880 г. — «Каторга и ссылка», 1931, № 8-9, с. 89.
[239] Письма народовольца А. Д. Михайлова, с. 204.
[240] Об этом и других эпизодах детства С. Л. Перовской см. *Перовский В. Л.* Воспоминания о сестре. М.—Л., 1927.
[241] Дело 1 марта 1881 г., с. 277—278.
[242] *Перетц Е. А.* Дневник (1880—1883). М.—Л., 1927, с. 54.
[243] Дело 1 марта 1881 г., с. 349.
[244] Кроме Перовской Кедрин защищал (талантливо и смело) Александра Михайлова на процессе «20-ти», А. В. Якимову на процессе «193-х», А. В. Буцевича и Я. В. Стефановича на процессе «17-ти». О доверии Перовской к Кедрину говорит тот факт, что именно Кедрин по ее просьбе предупредил ИК «Народной воли», что в записной книжке, отнятой у Перовской при аресте, зашифрованы адреса явок для связи ИК с С. Г. Нечаевым в Алексеевском равелине (*Фигнер В.* Запечатленный труд, т. 1. М., 1964, с. 255—256).
[245] София Львовна Перовская. Лондон, 1882, с. 23—24.
[246] Цит. по кн.: *Таратута Е.* Подпольная Россия. Судьба книги С. М. Степняка-Кравчинского. М., 1967, с. 175.
[247] Последний раз в изд.: *Степняк-Кравчинский С. М.* Избранное. М., 1972, с. 470—471.
[248] ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. 1, д. 506, л. 76.
[249] ЦГАЛИ СССР, ф. 1744, оп. 1, д. 3, л. 5.
[250] Переписка Александра III с гр. М. Т. Лорис-Меликовым (1880—1881 гг.). — «Красный архив», 1925, т. 1, с. 114.
[251] *Горький М.* В. И. Ленин. М., 1968, с. 63.
[252] Народники 70-х годов готовы были заключить, что «нельзя пользоваться тем, что не составляет достояния всех людей»; «возникали даже вопросы, честно ли есть мясо, когда народ питается вообще растительною пищею» (*Ковалик С. Ф.* Революционное движение семидесятых годов и процесс «193-х». М., 1928, с. 108, 109).
[253] Такие примеры самопожертвования, как заявление Желябова о его причастности к цареубийству или протест П. Ф. Лобанева-Лобанчука против смягчения ему приговора (из-за лживой мотивировки: «ввиду раскаяния»), были, конечно, политически оправданы.
[254] ГАОО, ф. 5, оп. 1, д. 124, л. 27.
[255] ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. 1, д. 480, л. 184—190 об.
[256] Факт покаяния М. П. Лозинского, в печатных источниках не отмеченный, удостоверяется его прошением на имя киевского самодержца М. И. Черткова: ЦГИА УССР, ф. 442, оп. 830, 1880, д. 68, л. 29.
[257] В. С. Ефремов, И. В. Дробязгин, В. А. Малинка, Л. О. Майданский, Л. Ф. Мирский, А. А. Богославский, М. П. Лозинский, А. Ф. Михайлов.

[258] ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. 1, д. 480, л. 188 об.; «Новое время», 11 (23) июня, 1880, с. 4.

[259] ЦГИА УССР, ф. 733, оп. 1, д. 9, л. 66, 67.

[260] Прошение Зубковского на имя М. Т. Лорис-Меликова с заверением: «Я теперь протестую и буду вечно протестовать против действий террористической партии» — хранится в ЦГАОР, ф. III отд., 3 эксп., 1880, д. 705, ч. 1, л. 67—68.

[261] Текст прошения хранится в ЦГАОР, ф. ОППС, оп. 1, д. 515, л. 229—230.

[262] Ввиду отсутствия прямых улик против Михайлова другие подсудимые (кроме Рысакова) настойчиво его выгораживали, желая спасти от петли (Дело 1 марта 1881 г., с. 86, 90, 91, 95—96).

[263] ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. 1, д. 512, л. 434—438. Среди тех, кто подал прошения о смягчении наказания по делу «20-ти», был и Н. Е. Суханов. Однако его прошение так оговорено (по просьбе и «ради просьбы матери») и столь сдержанно по тону (ни слова раскаяния!), что оно, как и поданное пять лет спустя, тоже ради матери, прошение Александра Ульянова, не пятнает репутацию подсудимого (ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. 1, д. 512, л. 439).

[264] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 77, д. 7935, л. 79 об., 80.

[265] К Гольденбергу подсаживали в камеру мать, которая умоляла сына не губить себя ради семьи; сочувственно показывали ему панические письма старика отца, прощупывали степень его стойкости в «задушевных» беседах, которые вел с ним провокатор Федор Курицын.

[266] Показание Гольденберга хранится в ЦГВИА, ф. 1351, оп. 2, д. 525, ч. 5-а, л. 1—40. Приложение см. там же, л. 75—111.

[267] *Якимова А. В.* Процесс 16-ти террористов. — В кн. «Народная воля» перед царским судом. М., 1930, с. 21.

[268] «Исповедь» Гольденберга опубликована Р. М. Кантором («Красный архив», 1928, т. 5, с. 137—174).

[269] *Седов М. Г.* Героический период революционного народничества, с. 216—217.

[270] *Фроленко М. Ф.* О Гольденберге. — Собр. соч., т. 2. М., 1932, с. 67.

[271] *Прибылева-Корба А. П.* и *Фигнер В. Н.* Указ. соч., с. 97 (показание А. Д. Михайлова на следствии по делу «20-ти»).

[272] Рысакову не довелось стать провокатором, но он вызвался быть им 2 апреля 1881 г., перед самой казнью (допрашивали его и на следствии, и в дни суда, и после смертного приговора — только не на эшафоте!). См. об этом: *Щеголев П. Е.* Последнее признание Рысакова. — «Былое», 1918, № 4-5. Власти, однако, выжав из Рысакова все, что он знал, предпочли повесить его.

[273] *Рейснер Л.* Окладский. Избранное. М., 1965, с. 484.

[274] В литературе бытует версия о том, что Окладский стал провокатором еще до суда, а его последнее слово на суде цензуровал департамент полиции (*Кон Ф.* Окладский как предатель и его поведение на суде. — «Каторга и ссылка», 1925, № 2, с. 143; *Ваксберг Арк.* Последняя страница. — «Знание — сила», 1964, № 1, с. 40).

Однако документальных подтверждений этой версии нет. Известно, что раскрыл предательство Окладского только в 1918 г. Н. С. Тютчев (В статье «Судьба Ивана Окладского». — «Былое», 1918, № 4-5). До тех пор лишь ходили неясные слухи о том, что Окладский «давал откровенные показания» (*Тютчев Н. С.* Революционное движение 1870—1880-х гг. М., 1925, с. 115; с. 182, прим. ред. А. В. Прибылева). Правда, агент ИК П. С. Ивановская в 1926 г. засвидетельствовала, будто еще «в 1881 г. Н. Клеточников передал Исполнительному комитету... объемистую тетрадь с обширнейшими предательскими показаниями Окладского», но вслед за тем напечатала поправку: «Сведения о предательстве Окладского были получены не в 1881 г. и не от Клеточникова, а позднее, через жандармов, передававших от С. Златопольского письма на волю» (*Ивановская П. С.* Первые типографии «Народной воли». — «Каторга и ссылка», 1926, № 3, с. 39; Письма в редакцию. — «Каторга и ссылка», 1926, № 4, с. 291). Это свидетельство, даже с поправкой, вызывает сомнения. Никто из народовольцев не подтвердил его, а столь авторитетный член ИК, как Вера Фигнер, удостоверяет, что предательство Окладского обнаружилось только «после открытия полицейских архивов» (*Фигнер В.* Запечатленный труд, т. 1, с. 269).

Как бы то ни было, опубликованная в 1918 г. Н. С. Тютчевым «Справка» Особого отдела департамента полиции за 1903 г. об Окладском (своеобразный послужной список провокатора) позволяет заключить, что Окладский начал предавать после суда по делу «16-ти» (*Тютчев Н. С.* Указ. соч., с. 115—116). В пользу такого заключения говорит и доклад начальника петербургского жандармского управления А. В. Комарова в департамент полиции от 5 ноября 1880 г. Комаров докладывал, что 3 ноября того же года (т. е. три дня спустя после объявления Окладскому смертного приговора) он побывал в камерах каждого из смертников с целью выведать у них «некоторые пояснения» к прежним их показаниям, причем, как явствует из текста доклада, Окладский был тогда для жандармов такой же загадкой, как Ширяев или Квятковский (ЦГАОР СССР, ф. III отд., 3 эксп., 1880, д. 705, ч. 2, л. 10 об. — 11).

[275] Процесс предателя-провокатора Окладского-Петровского в Верховном суде. Л., 1925; За давностью преступления и ввиду преклонного возраста Окладского Верховный уголовный суд РСФСР заменил ему смертную казнь тюремным заключением на 10 лет.

[276] *Щеголев П. Е.* К делу 1 марта 1881 г. — «Былое», 1918, № 4-5, с. 55, 60.

[277] ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. 1, д. 512, л. 234.

[278] *Фроленко М. Ф.* Собр. соч., т. 2, с. 143. Этот эпизод отмечен и в издании «Процесс 20-ти народовольцев» (с. 120).

[279] ЦГАОР СССР, ф. III отд., 3 эксп., 1880, д. 705, ч. 1, л. 192—201.

[280] Санковский добился приема у Черевина и выстрелил в него, но промахнулся.

[281] ЦГВИА СССР, ф. 1351, оп. 2, д. 17, ч. 1, л. 131.

[282] Судейкин заведовал тогда агентурной службой киевского ГЖУ. Забрамский — его первая крупная жертва.

[283] Письма народовольца А. Д. Михайлова, с. 240.
[284] Революционная журналистика 70-х годов, с. 113.
[285] Там же, с. 285.
[286] Литература партии «Народная воля», с. 98.
[287] Архив «Земли и воли» и «Народной воли», с. 109.
[288] Революционная журналистика 70-х годов, с. 296.
[289] Там же, с. 304.
[290] Там же, с. 284.
[291] Литература партии «Народная воля», с. 96.
[292] Там же, с. 98.
[293] Вестник «Народной воли», 1883, № 1, с. 130—134; Календарь «Народной воли» на 1883 г. Женева, 1883, с. 138—143.
[294] В 1879 г. — 9, в 1880 г. — 7, в 1881 г. — 4 и в 1882 г.— 6 дел.
[295] Архив «Земли и воли» и «Народной воли», с. 251, 252; *Фигнер В. Н.* Письма участников процесса «16-ти». — «Каторга и ссылка», 1930, № 3, с. 97.
[296] Архив «Земли и воли» и «Народной воли», с. 256.
[297] *Прибылева-Корба А. П.* и *Фигнер В. Н.* Указ. соч., с. 175.
[298] Письмо А. Д. Михайлова к Е. И. Кедрину от 14 марта 1882 г. — В кн. *Прибылева-Корба А. П.* и *Фигнер В. Н.* Указ. соч., с. 260—263.
[299] В народовольческих кружках Петербурга и Кронштадта было не меньше 40 офицеров.
[300] *Серебряков Э. А.* Революционеры во флоте. Пг., 1920, с. 49—50.
[301] *Панкратов В. С.* Из деятельности среди рабочих в 1880—84 гг. М., 1906, с. 7.
[302] 1 марта 1881 г. М., 1933, с. 251.
[303] «Народная воля» перед царским судом. М., 1930, с. 87.
[304] Письма народовольца А. Д. Михайлова, с. 239.
[305] Там же, с. 233.
[306] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 540, д. 30, л. 294; ф. 908, д. 436, л. 7—7 об.
[307] Здесь, печатая записку в 1882 г., Киреев сделал следующее примечание: «С какой страшной силой подтвердилось это на суде преступников 1 марта!»
[308] *Киреев А. А.* Избавимся ли мы от нигилизма? Записка, представленная в 1879 г. СПб., 1882, с. 28. Ср. письмо члена Государственного совета М. Н. Островского к брату Александру Николаевичу (драматургу) о процессе А. К. Соловьева (ЦТМ, ф. 200, д. 20854, л. 1—1 об.).
[309] «Киевлянин», 28 октября 1880 (обвинительная речь В. С. Стрельникова).
[310] Дело 1 марта 1881 г., с. 296 (обвинительная речь Н. В. Муравьева).
[311] Литература партии «Народная воля», с. 160.

Вместо заключения (с. 265—266)

[1] *Дробницкий О. Г.* Научная истина и моральное добро. — В кн. Наука и нравственность. М., 1971, с. 316.
[2] *Горький М.* Собр. соч. в 30 томах, т. 24, с. 52.

Приложение

Политические процессы в России 1866—1895 гг.[1]

№№ п/п	Дата	Процесс	Суд	Число подсудимых
1	**1866.** 18.08—24.09	Ишутинцев	Верховный уголовный	36
2	18.08	А. С. Суворина	СПб окружной	1
3	18.08	Н. А. Неведомского	Московская судебная палата	1
4	24.09	В. С. Кувязева	СПб генерал-аудиторнат	1
5	?	Дядина	»	1
6	**1867.** (?).02	В. П. Нечмирова	»	1
7	2.06	Н. В. Соколова	СПб судебная палата	2
8	**1871.** 23.06	Петрозаводских пропагандистов	Олонецкая соединенная палата	4
9	1.07—11.09	«Нечаевцев»	СПб судебная палата	79
10	13.08	П. Н. Ткачева	»	1
11	**1872.** 16.02	Н. П. Гончарова	СПб судебная палата	1
12	**1873.** 8.01	С. Г. Нечаева	Московский окружной	1
13	29.11	П. Т. Попова	»	1
14	**1874.** 21.03	В. И. Серебренникова	СПб судебная палата	1
15	9—15.07	Долгушинцев	ОППС	12
16	12.10	Л. Н. и Н. Л. Варзиных	»	2
17	14.10	М. П. Малиновского	»	1
18	**1875.** 5.04	В. Ф. Донецкого	ОППС	1
19	16—17.05	В. М. Дьякова — А. И. Сирякова	»	8
20	17.11	И. И. Лебедева	Вологодский окружной	1
21	?	Михаила Федоренко	(?) военный	1
22	**1876.** 23—24.02	Н. А. Шевелева	ОППС	1
23	26.05	А. О. Осипова — Л. И. Иванова (Абраменкова)	»	2

24		21.09	А. А. Горбачева	ОППС
25		21.09	И. И. Крапачева	»
26		22.09	А. А. Бутовской	»
27		26—27.10	Е. С. Семяновского и др.	»
28		7.12	А. П. Альбова	»
29		8.12	И. И. Тефтула — М. Д. Терентьева	»
30		9.12	В. И. Тельэ	»
31		14.12	И. П. Розанова	»
32		16.12	Н. Я. Аникеева	»
33	**1877.**	18—25.01	О Казанской демонстрации	ОППС
34		21.02—14.03	«50-ти»	»
35		23.04	М. Е. Державина и др.	»
36		23—29.05	Южнороссийского союза рабочих	»
37		1—2.06	А. А. Быдарина и др.	»
38		3.06	К. Я. Лебедева	»
39		4.06	П. Я. Калашникова	»
40		6.06	В. М. Ионова — В. П. Павлова	»
41		7.06	Г. О. Бредихина	»
42		8—10.06	С. И. Сергеева и др.	»
43		18.10—23.01	«193-х»	»
44	**1878.**	30.01	Н. С. Кларка	Херсонский окружной
45		9.03	Г. И. Фомичева и др.	Одесский военно-окружной
46		31.03	В. И. Засулич	СПб окружной
47		29.04	А. Л. Теплова	ОППС
48		1.05	Н. Ф. Вишневецкого	»
49		1.05	Н. И. Кибальчича	»
50		2.05	Д. Г. Любовцева и др.	»
51		3.05	И. А. Глушко	»
52		3.05	М. В. Морозова	»

Продолжение

№№ п/п	Дата	Процесс	Суд	Число подсудимых
53	4.05	И. А. Любимова	ОППС	1
54	4.05	А. И. и К. В. Хохловых	»	2
55	18.05	Об «охотнорядском побоище»	Московский мировой	8
56	13.06	Ф. С. Коновалова	ОППС	1
57	14.06	А. Н. Аверкиева — Н. А. Кузнецова	»	2
58	27.06	П. Я. Кифоренко	Киевская соединенная палата	1
59	12.07	Г. Я. Опришко	Николаевский военный	1
60	13.07	Саратовских землевольцев	Саратовский окружной	4
61	16.07	О. С. Любатович	Тобольский губернский	1
62	19—24.07	И. М. Ковальского и др.	Одесский военно-окружной	8
63	(?).08	Г. А. Мачтета	Архангельская соединенная палата	1
64	1879. 21—22.02	А. Ф. Медведева	Харьковский военно-окружной	1
65	12.03	С. Н. Бобохова	Архангельский военный	1
66	13.04	В. Д. Дубровина	СПб военно-окружной	1
67	30.04—4.05	«Киевских бунтарей»	Киевский военно-окружной	14
68	2.05	Кружка «Наши»	Харьковская судебная палата	7
69	7—13.05	В. А. Осинского и др.	Киевский военно-окружной	3
70	8—9.05	В. И. и Г. Л. Избицких	»	2
71	22.05	С. П. Швецова	СПб судебная палата	1
72	25.05	А. К. Соловьева	Верховный уголовный	1
73	(?).06	И. Н. Гарманова («Цыплова»)	Тобольский военный	1
74	8—10.06	О Чигиринском заговоре	Киевская соединенная палата	45
75	16.06	И. Л. Линева	Нижегородский окружной	1
76	26.06	Е. И. Минакова — А. Ф. Говорухина	Одесский военно-окружной	2

77		3—6.07	В. С. Ефремова и др.	Харьковский военно-окружной	6
78		6—8.07	В. Е. Малавского и др.	Киевская соединенная палата	12
79		7—14.07	Кружка И. И. Басова	Киевский военно-окружной	11
80		10.07	Ф. Г. Богдановича	»	1
81		12—14.07	А.—Я. Гобета и др.	»	3
82		25.07—5.08	«28-ми»	Одесский военно-окружной	28
83		(?).09	В. А. Невского	Киевская соединенная палата	1
84		(?).09	А. В. Охременко—Э. Л. Улановской	Олонецкая судебная палата	2
85		6—8.09	Л. Р. Войцеховского и др.	Харьковский военно-окружной	3
86		16—20.10	Н. Ф. Крыжановского и др.	Киевский военно-окружной	9
87		20.10	В. И. Татаринчика	»	1
88		15—17.11	Л. Ф. Мирского и др.	СПб военно-окружной	8
89		26.11	Т. Г. Гаврилова	Одесский военно-окружной	1
90		30.11—3.12	«Южных бунтарей»	»	7
91		20.12	А. А. Ольховского	»	1
92		?	В. А. Бондарева	Архангельский военный	1
93		?	И. С. Яковлева	Киевский (?) военный	1
94	**1880.**	10—14.01	Е. И. Россиковой и др.	Одесский военно-окружной	13
95		18.01	И. К. Тюрина—М. С. Ронесса	»	2
96		21.02	И. О. Млодецкого	СПб военно-окружной	1
97		21—22.02	А. А. Богославского	Киевский военно-окружной	1
98		23.02	М. П. Лозинского	»	1
99		25.02	А. Ф. Андрузского	»	1
*100		27.02	И. И. Розовского—И. В. Родионова	»	2
101		22—24.03	С. В. Ястремского и др.	Харьковский военно-окружной	7
102		26—30.03	«19-ти»	Одесский военно окружной	19
*103		11.04	Н. А. Антушева и др.	Московский военно-окружной	5
*104		12.04	И. Я. Лихачева и др.	»	8
105		7.05	Г. А. Глико	Одесский военно-окружной	1

Продолжение

№№ п/п	Дата	Процесс	Суд	Число подсудимых
106	**1880.** 6—14.05	«11-ти»	СПб военно-окружной	11
107	4.06	К. П. Елисеевой	Харьковский военно-окружной	1
108	11.06	В. П. Обнорского и др.	СПб военно-окружной	3
*109	14—26.07	Кружка М. Р. Попова — Д. Т. Буцинского	Киевский военно-окружной	21
110	30.07	В. П. Лепешинского	Одесский военно-окружной	1
*111	19.08	Каменец-Подольской группы «Народной воли»	Киевский военно-окружной	4
112	20.08	А. Я. Притцкера	»	1
113	(?).09	Г.-Р. Гумовского — К. Ф. Игнатьева	Николаевский военно-морской	2
114	8.09	Н. Ф. Верстакова	Московская судебная палата	1
115	9.09 (?)	А. О. Лукашевича	Иркутский губернский	1
116	17.09	О побеге из Иркутской тюрьмы	»	19
*117	18.09	О побеге из Енисейской ссылки	Енисейский губернский	4
*118	22.09—2.10	Харьковской группы «Народной воли»	Харьковский военно-окружной	14
119	25.09	В. И. Зака — Н. Н. Смецкой [2]	Иркутский губернский	2
120	10.10	А. Б. Шадрина — М. А. Садовникова	Архангельская соединенная палата	2
*121	18.10	В. И. Тулисова и др.	Харьковский военно-окружной	7
*122	25—30.10	«16-ти»	СПб военно-окружной	16
123	31.10	А. Н. Воронова	»	1
124	(?).11	Е. Ф. Пылаева	Иркутский губернский	1
*125	18.12	Ф. Я. Гавриленко	Одесский военно-окружной	1
126	**1881.** 10—11.01	Э. К. Пекарского	Московский военно-окружной	1
*127	26—29.03	1 марта	ОППС	6

128		26—29.05	Южно-Русского рабочего союза	Киевский военно-окружной	10
*129		30.06	И. Ю. Старынкевича	Московский военно-окружной	1
*130		13.08	П. А. Хворостянского	Воронежский военно-окружной	1
*131		25.08	П. Ф. Лобанева-Лобанчука-Гудзя	Киевский военно-окружной	1
132		4.09	Я. С. Потапова	Архангельская соединенная палата	1
*133		15—19.09	Курской группы «Народной воли»	Курский военный	7
*134		23.09	А. В. Троицкого	Московский военно-окружной	1
*135		23.09	И. И. Майнора и др.	»	3
*136		23.09	Н. Н. Рашевского	»	1
137		29.09	Типографии «Черного передела»	СПб судебная палата	4
*138		2.10	С. И. Мартыновского	Иркутский полицейский	1
139		9.10 (?)	Е. Н. Южаковой	»	1
*140		5.11	И. П. Гурмаженко—М. Е. Головко	Харьковский военно-окружной	2
141		15.12	Я. И. Петлицкого	Одесский военно-окружной	1
142	**1882.**	4—5.01	Н. М. Санковского	СПб военно-окружной	2
*143		28—31.01	В. А. Данилова—А. А. Сиповича	Харьковский военно-окружной	9
*144		3.02	В. В. Демьяновского	»	1
*145		9—15.02	«20-ти»	ОППС	20
146		(?).02	И. Н. Мышкина	Иркутский губернский	1
147		13.03	Н. П. Щедрина	Иркутский военно-полевой	1
*148		20.03	Н. А. Желвакова—С. Н. Халтурина	Одесский военно-окружной	2
*149		14—15.04	К. К. Айзупа	Рижский временный военный	1
*150		17.07	Е. Г. Легкого	Иркутский временный военный	1
151		31.08	А. В. Долгушина	Красноярский полицейский	1
152		31.08	В. Е. Малавского	»	1
*153		13—14.09	Об убийстве С. И. Прейма	СПб военно-окружной	4
*154		23.09	П. С. Поливанова—М. Э. Новицкого	Казанский военно-окружной	2
*155		26.10	М. В. Грязновой	Енисейский губернский	1
*156		11.11	И. В. Фоменко и др.	Киевский военно-окружной	3
*157		17.11	М. И. Кутитонской	Читинский военный	1

Продолжение

№№ п/п	Дата	Процесс	Суд	Число подсудимых
158	22.11	Н. Л. Геккера	Одесский военно-окружной	1
*159	24.11	Л. П. Буланова и др.	Иркутский губернский	6
*160	1—3.12	Е. А. Дубровина и др.	СПб военно-окружной	18
*161	4.12	В.-Л. Ф. Гинтовта-Дзевалтовского	Московский окружной	1
*162	?	И. Ю. Старынкевича	Нерчинский полицейский (?)	1
163	1883. 7.02	П. М. Федорова	Иркутский губернский	1
164	15.03	Е. П. Сарандович	Нерчинский полицейский	1
*165	26.03—3.04	«23-х»	Одесский военно-окружной	23
*166	28.03—5.04	«17-ти»	ОППС	17
167	8.07	П. О. Иванова	Енисейский губернский	1
*168	19.07	О побеге с Кары	Забайкальский окружной	5
169	25.07	С. А. Стопане	Якутский окружной	1
*170	8—13.08	Киевской группы «Народной воли»	Киевский военно-окружной	7
*171	14.08	А. А. Фомина	СПб военно-окружной	1
*172	(?).08	П. И. Торгашова	Красноярский окружной	1
*173	5.11	К. Г. Неустроева	Иркутский военно-полевой	1
*174	(?).12	М. Н. Чекоидзе	Киренский окружной	1
*175	1884. (?).01	М. Ф. Лаговского	Мариинский окружной	1
*176	19.03	С. Е. Новаковской	Енисейский губернский	1
*177	1.04	С. Г. Власова и др.	Новочеркасский военный	4
*178	29.08	М. В. Калюжной	Одесский военно-окружной	1
179	7.09	Е. И. Минакова	Шлиссельбургский военный	1
*180	24—28.09	«14-ти»	СПб военно-окружной	14
181	26.09	Л. Г. Дейча	Одесский военно-окружной	1

*182		1—9.11	«12-ти»	Киевский военно-окружной	12
183		?	Е. Н. Ковальской	Иркутский губернский	1
184	**1885.**	15.01	И. Н. Мышкина	Шлиссельбургский военный	1
185		25.01	С. Н. Богомолец	Нерчинский полицейский	1
*186		25.04	Е. П. Провоторова	СПб военно-окружной	1
*187		(?).05	И. И. Майнова — М. А. Колосова	Иркутский окружной	2
*188		10.06	С. А. Лисянского	Харьковский военно-окружной	1
*189		10.10	И. Н. Телепнева	Одесская судебная палата	1
*190		16.12	И. Л. Манучарова	Одесский военно-окружной	1
*191		?	Н. Т. Немировского	Киевский военно-окружной	1
192	**1886.**	7—8.02	Участников Морозовской стачки	Владимирский окружной	19
193		23.05	В. Х. Тюшева	Тобольский губернский	1
194		23—27.05	Участников Морозовской стачки	Владимирский окружной	32
*195		(?).06	В. Г. Лазарева и др.	Тобольский губернский	12
*196		26.06(?)	Н. А. Блинова	Тобольско-Сургутский окружной	1
*197		10—13.10	Н. П. Котова	»	1
*198	**1887.**	26.01	С. М. Дудина — А. К. Тарковского	Елизаветградский окружной	2
*199		31.01	П. А. Ковалева	Харьковская судебная палата	1
*200		15—19.04	«Второго 1 марта»	ОППС	15
*201		26.05—5.06	«21-го»	СПб военно-окружной	21
*202		19.07	И. И. Мейснера — С. Ф. Хроновского	Харьковский военно-окружной	3
*203		22.09	Н. Л. Перлашкевича	»	1
*204		13—18.10	Военных кружков «Народной воли»	СПб военно-окружной	18
*205		20.10	К. С. Гаврилова	Казанский военно-окружной	1
*206		20.11	«15-ти»	Иркутский губернский	15
*207		8—9.12	«Донской»	ОППС	7
*208	**1888.**	10.11	Б. Д. Оржиха	»	1
*209		22—23.11	«22-х»	Тобольский губернский	22
*210	**1889.**	27.01	В. Г. Георгиевского и др.	Иркутский губернский	3
*211		(?).03	Ф. Е. Егорова	»	1

Продолжение

№№ п/п	Дата		Процесс	Суд	Число подсудимых
*212	**1889.**	17.05	В. И. Скляревича	Киевский военно-окружной	1
*213		31.05	Н. К. Паули	Енисейский губернский	1
*214		6—13.06	Жертв Якутской трагедии	Якутский военный	29
*215	**1890.**	10.03	И. И. Майнова и др.	Якутский окружной	3
*216		4—5.05	А. С. Холопова — И. П. Каменского	Виленский военно-окружной	2
*217		19.09	А. И. Бычкова	СПб окружной	1
*218		30.10	С. М. Гинсбург и др.	ОППС	5
219	**1891.**	(?).06	К. Ф. Багряновского	Якутский окружной (?)	1
220		(?).08	Ф. И. Цобеля	»	1
*221		30.09	А. И. Бородзича	Березовский окружной	1
*222		8.11	В. П. Кранихфельда и др.	Иркутский губернский	6
*223	**1892.**	8.02	Н. И. Кочурихина — А. И. Архангельского	Казанский военно-окружной	2
224	**1893.**	12.09	В. А. Вейнштока	СПб военно-окружной	1
225		30.09	Б. И. Еллинского — С. С. Солодовникова	СПб судебная палата	2
*226	**1894.**	28.09	А. А. Зороастровой и др.	Якутский окружной	4

[1] Списки подсудимых на процессах 1871—1891 гг. приложены к моим книгам «Царские суды против революционной России (Политические процессы 1871—1880 гг.)». Саратов, 1976, и ««Народная воля» перед царским судом (1880—1891 гг.)». Саратов, 1971.

[2] Самый факт и содержание этого дела (о побеге из иркутской ссылки), а также подробности дел № 138, 139, 151 с уточнением их дат, судебных инстанций и приговоров установил по материалам ГАИО и любезно сообщил мне И. С. Вахрушев.

* Отмечены процессы по делам «Народной воли».

Указатель имен *

Абаза А. А. 176, 178
Абраменков Л. И. см. Иванов Л. И.
Аверкиев А. Н. 316
Агапов С. И. 115, 117
Айзуп К. К. 319
Аксельрод П. Б. 294
Александр II 5, 24, 48, 50, 52, 74, 79, 80, 86, 87, 138, 155, 167, 170, 176, 186, 198, 199, 214, 242, 247, 280
Александр III 22, 175—177, 180, 181, 191, 198, 214, 238, 247, 301, 308
Александров В. П. 115
Александров П. А. 20
Александровская В. В. 104, 128
Алексеев П. А. 15, 28, 95, 114—117, 126, 271, 288, 290
Алексеева О. Г. 120
Альбов А. П. 109, 315
Андреевский С. А. 24, 25
Аникеев Н. Я. 109, 315
Анненков П. В. 90, 283
Анненский Н. Ф. 206
Антонов В. С. 12, 271, 282, 288, 289, 307
Антонов В. Ф. 11, 36, 270, 279
Анфимов А. М. 291
Аптекман О. В. 9, 18, 67, 286
Аракчеев А. А. 181, 297
Арендт В. Б. 45
Армфельд Н. А. 202, 244
Арончик А. Б. 252
Арсеньев К. К. 20, 24
Артамонов А. К. 119
Артемьев С. А. 284
Афанасьева А. В. 128
Ахшарумов Д. Д. 91
Ахшарумов И. Д. 304
Ашенбреннер М. Ю. 292

Багряновский К. Ф. 204, 322
Базанов В. Г. 101, 121, 286, 288, 289
Базылев Людвик (Bazylow L.) 12, 107, 271
Бакунин М. А. 31, 43, 57
Баранников А. И. 16, 174, 200, 226, 227, 232, 236, 272, 300
Баранов Н. М. 52, 64, 65, 187
Бардина С. И. 28, 95, 114, 115, 117, 128, 203, 205, 288
Бардовский Г. В. 20
Баринов И. В. 84
Бартенева Е. Г. 45, 127
Басов И. И. 317
Бассинова Н. А. 26
Баум Я. Д. 12, 271, 280, 307
Баумгартен Леон (Baumgarten L.) 12, 271
Бебель Август 96, 270
Белоконский И. П. 180, 294, 299
Беляева Е. И. 106
Берви-Флеровский В. В. 21, 83
Березовский А. И. 50
Берман Л. Л. 269, 309
Бестужев А. А. 90, 284
Бестужев-Рюмин М. П. 90, 284

* Составил Д. Н. Троицкий.

Бибергаль А. Н. 112, 113, 282
Бильчанский О. И. 163, 191, 232, 301
Благоев Д. Н. 67
Бланки Луи Огюст 19
Блинов М. А. 251
Бобохов С. Н. 165, 204, 257, 296, 316
Бобринский А. А. 17
Богданов С. П. 109, 287
Богданович А. В. 17
Богданович Е. В. 166
Богданович Ф. Г. 300, 317
Богданович Ю. Н. 15, 20, 210—212, 231, 305
Боголюбов А. И. см. Емельянов А. С.
Богомолец А. А. 308
Богомолец С. Н. 241, 321
Богораз-Тан В. Г. 67
Богославский А. А. 194, 249, 309, 317
Богучарский (Яковлев) В. Я. 9, 269, 295
Бондарев В. А. 317
Боровиковский А. Л. 17, 163
Бохановский И. В. 185
Брандтнер Л. К. 199, 234, 301
Бредихин Г. О. 315
Брешко-Брешковская Е. К. 119, 121, 128, 289
Булич А. П. 255
Бурцев В. Л. 14,23,273, 302
Буташевич - Петрашевский М. В. 91, 285
Бутовская А. А. 109, 128, 315
Бутурлин А. С. 286
Бух Н. К. 17, 285
Буцевич А. В. 143, 309
Буцинский Д. Т. 20, 185, 189, 193, 194, 226, 243, 245, 249, 256, 318
Быдарин А. А. 315
Бычков А. И. 17, 18, 322
Бычков В. И. 261

Ваврыкова Мария (Wawrykowa M.) 12, 271
Ваксберг Арк. 310
Валк С. Н. 15, 110, 295, 298
Валуев П. А. 16, 17, 48, 49, 51, 55, 62, 74, 88, 152, 160, 166—168, 171, 176, 177, 199, 272, 278—280, 282, 283, 292, 295—297, 299, 301, 306
Варенцова О. А. 13, 271
Варзин Л. Н. 314
Варзин Н. Л. 314
Васильев А. В. 84, 108, 109, 125
Вахрушев И. С. 322
Вейншток В. А. 322
Веледницкий В. Г. 21, 193
Венедиктов Д. Г. 11, 270, 300, 301, 307
Вентури Франко (Venturi F.) 12, 271
Венюков М. И. 279, 280
Верстаков Н. Ф. 317
Виленкин Н. М. 232
Виленская Э. С. 12, 36, 271, 274, 275, 286
Виленский Б. В. 11, 270
Виташевский Н. А. 17, 88, 164, 296
Виттенберг С. Я. 16, 193, 204, 205, 236, 250, 301
Вишневецкий Н. Ф. 315
Владимир Александрович, вел. кн. 160, 171, 308
Водовозов В. В. 279
Воейков В. В. 297
Войнаральский П. И. 120, 289
Волк С. С. 11, 141, 270, 291—293, 298, 304, 307
Волкенштейн Л. А. 17
Волконский С. Г. 90, 284
Воллан де Г. А. 297
Волошенко И. Ф. 302
Волощенко А. К. 277
Волховский Ф. В. 24, 286, 289, 290
Волянский Н. И. 250
Вормс Н. А. 281
Воронов А. Н. 318
Ворошилов К. Е. 101
Выгодовский П. Ф. 284
Выдря М. М. 269

Гаврилов К. С. 321
Гавриленко Ф. Я. 318
Гагарин П. П. 50, 73, 74 101, 102
Гаевский В. П. 17, 92
Галиев В. З. 277, 293

Гамбаров А. И. 107
Гамкрелидзе А. Е. 115
Гамов Д. И. 108
Гарибальди Джузеппе 19
Гарманов (Цыплов) И. Н. 318
Гартман Л. Н. 17, 146
Гарфилд Джеймс 148
Гаусман А. Л. 202
Гед Жюль 23
Гедель Макс 137
Гедеоновский А. В. 97, 285
Гейер И. И. 21
Гейкинг Г. Э. 136
Геккер Н. Л. 322
Геллис М. Я. 243
Гельфман Г. М. 192, 200, 244, 245, 273
Герард В. Н. 20, 187
Герасимов В. Г. 83
Гервасий И. А. 113
Гернет М. Н. 11, 86, 270, 271, 284, 301, 302
Герцен А. И. 16, 29—31, 34, 35, 37, 41—43, 49, 68, 69, 92, 109, 131, 148, 272, 274—276, 278, 284, 294
Герценштейн Д. М. 18
Гиляров Ф. А. 9, 269
Гинсбург С. М. 10, 322
Гинтовт-Дзевалтовский В.-Л. Ф. 320
Гирс Н. К. 23
Гито Шарль 148
Глаголь С. С. 17
Глико Г. А. 317
Глинский Б. Б. 9, 269
Глушко И. А. 315
Гобет А.-Я. 191, 193, 247, 271, 301, 319
Говорухин А. Ф. 318
Годунова Л. Н. 141, 143, 291, 292
Голицын Н. Н. 9, 231, 269
Голицынский Н. К. 251, 300
Головин И. А. 250
Головин К. Ф. 18
Головнин А. В. 24, 50, 273
Гольденберг Г. Д. 136, 193, 195, 212, 213, 219, 221, 222, 227, 252—254, 293, 310
Гольденберг Л. Б. 76
Гольдсмит И. А. 63
Гольцев В. А. 151
Гончаров Н. П. 20, 110, 316
Горбачев А. А. 317
Горинович Н. Е. 84, 289
Горский П. Г. 301
Гортынский П. В. 283
Горчаков А. М. 163
Горчаков М. А. 58
Горький А. М. 248, 266, 309, 312
Градовский Г. К. 18, 24, 192, 300
Грачевский М. Ф. 15, 22, 24, 63, 132, 143, 209, 211, 218, 219, 223, 231, 272, 292, 302
Григорьев М. Г. 112
Гринберг Х. Г. 15
Гриневицкий И. И. 16, 192, 293
Грязнова М. В. 244, 321
Гурко И. В. 154, 191, 199
Гурмаженко И. П. 321
Гурович Я. Е. 112, 287
Гюго Виктор 19

Давиденко И. Я. 195, 301
Даниельсон Н. Ф. 45
Данилевский Г. П. 23, 296
Данилов В. А. 22, 226, 321
Дацюк Б. Д. 275, 299
Дворжицкий А. И. 19
Дворниченко Н. Е. 11, 271
Дебогорий-Мокриевич В. К. 151, 286
Дегаев С. П. 194
Дейер П. А. 77, 78, 86, 188, 195, 300
Дейч Л. Г. 17, 18, 185, 260, 322
Дементьева А. Д. 105, 128
Демьяновский В. В. 259, 319
Державин Г. Р. 109
Державин М. Е. 109, 315
Джабадари И. С. 17, 114, 288
Диковский А. М. 26
Диковский М. А. 26
Дмитриева В. И. 18, 233, 307
Дмитриева Е. Л. 45, 127
Дмоховский Л. А. 21, 287
Добржинский А. Ф. 251—253

Добролюбов Н. А. 31, 35, 41
Добрускина Г. Н. 17, 26
Долгоруков В. А. 72
Долгушин А. В. 28, 108, 319
Донецкий В. Ф. 314
Достоевский Ф. М. 17, 59, 154, 280
Драгоманов М. П. 9, 269
Драгомиров М. И. 143, 292
Дрей М. И. 17, 18
Дрентельн А. Р. 58, 62, 136, 161, 240, 280
Дриго В. В. 255, 256
Дробницкий О. Г. 266, 312
Дробязгин И. В. 249, 251, 301, 309
Дружинин Н. М. 38
Дубровин В. Д. 16, 192, 196, 223, 232, 269, 301, 316
Дубровин Е. А. 201, 259, 302, 320
Дудин С. М. 321
Дурново И. Н. 23
Дьяков В. М. 35, 83, 94, 109, 271, 283, 314
Дядин, солдат 75, 316

Евсеев Н. П. 195, 196
Егоров Ф. Е. 115, 117, 321
Елисеев Г. Э. 32
Елисеева К. П. 320
Еллинский Б. И. 322
Елпатьевский С. Я. 18
Елько П. А. 21
Емельянов А. С. (Боголюбов А. И.) 112, 113, 290
Емельянов И. П. 195, 293
Енкуватов Д. А. 105
Ермолов П. Д. 102
Есипович Я. Г. 17, 166
Ефремов В. С. 17, 250, 309, 317

Жаворонков А. З. 280
Жебунев В. А. 67, 120
Жебунев С. А. 289
Желваков Н. А. 190, 191, 209, 226, 301, 319
Желеховский В. А. 78, 123, 283
Желябов А. И. 12, 14, 21, 97, 99, 131, 134, 141—143, 145, 147, 174, 175, 187, 192, 203, 207—213, 217, 219, 220, 222—224, 226—231, 233—235, 246, 253, 254, 262, 263, 301, 303, 304, 306, 307, 309
Жихарев С. С. 53, 54
Жорес Жан 23
Жуков К. Н. 78, 86, 283
Жученко В. С. 277

Забрамский Л. И. 21, 193, 194, 256, 311
Загибалов М. Н. 102
Заичневский П. Г. 33, 42, 274
Зайончковский П. А. 152, 173, 179, 276, 280, 281, 294—299
Зайцев В. А. 95, 285
Зайцев Варф. А. 32, 42, 274
Зайцев Т. Е. 109, 110
Зак В. И. 318
Замятнин Д. Н. 72, 73
Зарубаев С. П. 126, 289
Заславский Д. О. 293
Заславский Е. О. 82, 125
Засулич В. И. 6, 8, 11, 12, 28, 58, 85, 87, 88, 111, 128, 129, 136, 152, 156, 193, 195, 203, 269, 271, 315
Зданович Г. Ф. 45, 114, 115, 117, 131, 205, 288
Златопольский С. С. 15, 305, 311
Золя Эмиль 20
Зороастрова А. А. 6, 322
Зосимский С. В. 76
Зотов Н. Л. 16
Зубковский А. А. 251, 310
Зубржицкий И. Ф. 204, 242
Зунделевич А. И. 163, 164, 174, 226, 234, 253, 305
Зуров А. Е. 52, 137

Иванов В. Г. 261
Иванов В. Я. 112
Иванов И. И. 58, 75, 86, 104
Иванов (Абраменков) Л. И. 126, 314
Иванов С. А. 292
Иванова Н. В. 293
Иванова С. А. 127, 245, 285

Ивановская П. С. 311
Ивановский В. С. 260
Иванченко Г. Н. 243
Игнатьев А. А. 299
Игнатьев К. Ф. 318
Игнатьев Н. П. 23, 178—182, 190, 240, 299
Избицкий В. И. 316
Избицкий Г. Л. 316
Илич-Свитыч В. С. 88, 129, 290
Ильяшенко-Куценко С. Е. 243
Ионов В. М. 315
Ионова Г. И. 275, 299
Исаев Г. П. 20, 143, 188, 213, 263, 303
Итенберг Б. С. 11, 36, 43, 269, 270, 276, 277, 279, 280
Ишутин Н. А. 32, 49, 72—74, 89, 101, 102, 196

Кавелин К. Д. 20, 294
Калашников П. Я. 315
Калюжная М. В. 320
Каляев И. П. 188
Кантор Р. М. 280, 310
Карабчевский Н. П. 18
Каракозов Д. В. 12, 32, 48—50, 68, 72—75, 89, 101, 102, 160, 233, 270
Каржанский Н. С. 12
Карякин Ю. Ф. 286
Катков М. Н. 20, 23, 152, 162, 167, 171, 172, 181, 206, 279, 299, 306, 307
Катренко А. Н. 277, 292
Каховский П. Г. 90, 234, 284
Квятковский А. А. 15, 16, 99, 164, 174, 189, 203, 207, 209—212, 217, 219, 221, 222, 226, 231, 235, 236, 247, 254, 257, 262, 263, 272, 301—303, 305, 311
Квятковский Т. А. 289
Кедрин Е. И. 25, 247, 260, 309, 312
Кельсиев В. И. 92, 93
Кеннан Джордж 273
Кессель Н. И. 189
Кибальчич Н. И. 192, 195, 209, 210, 214, 216, 217, 219, 222, 224—226, 233, 235, 253, 262, 301, 305, 315
Кизеветтер А. А. 297, 299
Кизер В. Э. 242
Киперман А. Я. 277, 280
Киреев А. А. 20, 24, 172, 263, 312
Кириллов Г. Г. 52, 166
Кистяковский А. Ф. 24, 144, 190, 301
Кифоренко П. Я. 126, 316
Кичин К. Ф. 101
Клевенский М. М. 11, 270
Клемансо Жорж 23
Клеменц Д. А. 54, 67, 132
Кленов В. Д. 88
Клеточников Н. В. 175, 200, 224, 305, 311
Кноп К. Г. 81
Кобылин А. А. 74, 101, 102
Ковалев В. О. 84, 116
Ковалев П. А. 321
Ковалевская М. П. 244
Ковалевская С. В. 17
Ковалевский М. Е. 63, 65, 87
Ковалевский М. М. 151
Коваленский М. Н. 269
Ковалик М. Ф. 245
Ковалик С. Ф. 289, 309
Ковальская Е. Н. 17, 149, 241, 244, 308, 321
Ковальский И. М. 88, 89, 111, 128, 129, 164, 257, 270, 290, 296, 316
Коган-Бернштейн Л. М. 145
Козьмин Б. П. 31, 36, 92, 272, 274, 284
Коленкина М. А. 245
Колодкевич Н. Н. 15, 99, 143, 174, 188, 200, 210, 211, 213, 226, 227, 285, 305
Колосов Е. Е. 11, 270
Комаров А. В. 255, 306, 311
Кон Ф. Я. 17, 310
Кони А. Ф. 18, 52, 53, 77, 79, 87, 88, 188, 278—280, 282, 283, 297
Константин Константинович, вел. кн. 24, 297
Константин Николаевич, вел. кн. 167, 171

Корба А. П. см. Прибылева-Корба А. П.
Корвин-Круковская А. В. 45, 127
Корнилов А. А. 9, 169, 269, 297
Корнилова А. И. 110
Королев Е. Ф. 20, 25
Короленко В. Г. 17, 18, 63, 91, 120, 280, 281, 284, 285, 289, 302
Короленко М. Р. 124
Костюрин В. Ф. 249, 251, 260, 289
Котляревский М. М. 136, 251
Кошелев А. И. 20, 54, 294
Кошкин П. М. 105, 286
Кравченко Ф. И. 82, 125
Кравчинский С. М. см. Степняк-Кравчинский С. М.
Кранихфельд В. П. 322
Красовский А. А. 42
Кропоткин А. А. 54
Кропоткин Д. Н. 136, 252
Кропоткин П. А. 19, 23, 72, 260, 286, 307
Кротов М. А. 302
Крыжановский Н. Ф. 271, 317
Кувязев В. С. 75, 314
Кузнецов И. В. 293, 298
Кузнецов Н. А. 316
Кузнецов Я. И. 251
Кункль А. А. 11, 270, 287, 290
Куперник Л. А. 78, 282
Курганский М. Ф. 124, 125, 289
Курицын Ф. Е. 21, 310
Кутитонская М. И. 319

Лавров П. Л. 9, 17, 23, 24, 33, 43, 45, 54, 57, 77, 79, 94, 95, 124, 146, 249, 272, 282, 285
Лаговский М. Ф. 320
Ланганс М. В. 132, 200
Лапкин Ф. П. 73, 104
Ларионов П. Ф. 84, 289
Лебедев В. С. 304
Лебедева Т. И. 132, 210, 224, 244, 245, 305
Левин Ш. М. 11, 36, 270, 284, 294, 298, 304
Левицкий В. О. 11, 270
Левченко Н. В. 243
Легкий Е. Г. 197, 198, 259, 301, 319
Лемке М. К. 6, 269, 274, 284
Ленин В. И. 10, 29, 34, 37, 41, 46, 47, 78, 116, 138, 146, 148, 149, 170, 173, 177, 179, 183, 184, 195, 215, 270, 273—278, 281, 282, 287, 288, 290, 291, 293, 294, 297, 298, 299, 301, 304
Лепешинский В. П. 249, 318
Лермонтов Ф. Н. 119, 289
Леруа-Болье Анатоль (Leroy-Beaulieu A.) 180, 299
Лесков Н. С. 17, 167
Лешерн - фон - Герцфельд С. А. 119, 128, 162, 197, 206, 232, 244, 302
Ливанов А. И. 289
Лизогуб Д. А. 16, 193, 195, 197, 205, 236, 255, 257, 301
Лион С. Е. 18, 290, 296
Лисянский С. А. 198, 321
Лобанев -Лобанчук-Гудэь П. Ф. 21, 203, 241, 242, 259, 309, 319
Логовенко И. И. 301
Лозинский М. П. 195, 250, 263, 301, 309, 317
Лозянов П. Т. 226
Лопатин Г. А. 15, 21, 26, 45, 57, 92, 231
Лопатина Е. Б. 26
Лорис-Меликов М. Т. 17, 23, 64, 65, 160, 167—172, 176—178, 181, 182, 186, 202, 237, 247, 297, 308, 310
Лукашевич А. О. 289, 318
Лунин В. И. 105
Лурье Л. Я. 91, 284
Лущенко С. Д. 125, 289
Любатович В. С. 114
Любатович О. С. 114, 127, 128, 219, 307, 316
Люстиг Ф. О. 98, 252

Маевский П. П. 102
Майданский Л. О. 249, 251, 301, 309

Майнов И. И. 259, 319, 321, 322
Макаревич П. М. 289
Макаров В. П. 278
Маков Л. С. 62, 157, 160, 161
Малавский В. Е. 317, 319
Малинин В. А. 36, 275
Малинин О. В. 101
Малинка В. А. 249, 251, 301, 309
Малиновская А. Н. 245
Малиновский М. П. 110, 125, 126, 289, 314
Мальшинский А. П. 8
Манучаров И. Л. 17, 21, 321
Маркевич Б. М. 23, 172, 307
Маркс Карл 10, 38, 40, 41, 45—47, 84, 142, 146, 172, 270, 276—278, 283, 285, 290, 294, 298
Мартыновский С. И. 319
Мачтет Г. А. 316
Медведев А. Ф. 316
Медведь Н. Т. 6, 269
Мезенцов Н. В. 58, 59, 136, 137, 153, 155, 157
Мельников Ю. Д. 13, 271
Меркулов В. А. 21, 98, 193, 241, 242, 252, 254—256, 293
Мещерский В. П. 53, 65, 153, 279, 281, 294
Милютин Д. А. 17, 50, 62, 64, 65, 137, 153, 154, 159, 160, 163, 166, 171, 176—178, 278—281, 290, 294—296, 298, 308
Минаков Е. И. 316, 320
Минский Н. М. см. Виленкин Н. М.
Мирский Л. Ф. 107, 136, 137, 196, 199, 250, 309, 317
Михайлов А. Д. 9, 15, 16, 20, 21, 97, 99, 100, 112, 134, 174, 188, 192, 200, 208—213, 215, 217—222, 224—226, 231, 232, 235—237, 245, 247, 253, 256, 262, 272, 285, 293, 303, 304, 307, 309, 312
Михайлов А. Ф. 26, 189, 249, 251, 309
Михайлов М. Л. 31, 35, 92, 233
Михайлов Т. М. 197, 232, 233, 241—243, 251, 252, 301, 310
Михайлов Ф. А. 26
Михайловский Н. К. 33, 50, 294
Мишель Луиза 19
Млодецкий И. О. 170, 203, 237—239, 263, 301, 308, 317
Моисеенко П. А. 112, 137, 290
Момбелли Н. А. 91
Монкаси Олива 137
Морозов Н. А. 17, 18, 23, 98—101, 132, 174, 188, 219, 220, 253, 285, 305
Мотков О. А. 101
Мрачковский В. Я. 124
Муравский М. Д. 92, 265, 289
Муравьев М. Н. 48, 49, 72—74
Муравьев Н. В. 8, 187, 188, 208, 222, 230, 240, 245, 246, 305, 312
Муравьев Н. М. 90, 234, 284
Муравьев-Апостол С. И. 48, 90, 284
Мысловский П. Н. 233, 234, 307
Мышкин И. Н. 15, 28, 40, 95, 118, 120—123, 126, 131, 203, 205, 233, 289, 319, 321

Набоков Д. Н. 89, 159, 160, 187
Нагорный О. И. 195, 196, 259
Надсон С. Я. 20
Налбандян М. Л. 44, 92
Натансон М. А. 67, 110, 112
Натансон (Шлейснер) О. А. 189, 249
Неведомский Н. А. 75, 314
Невский В. А. 317
Негретов П. И. 269
Незабитовский И. К. 84
Некрасов Н. А. 5, 20, 168
Неустроев К. Г. 16, 320

Нечаев С. Г. 58, 75, 85—87, 95, 103, 105—107, 188, 200, 201, 271, 314
Нечкина М. В. 91, 284
Нечмиров В. П. 74, 314
Низовкин А. В. 21, 84, 289
Никитенко А. В. 17
Никифоров Ф. А. 72
Николаев П. Ф. 101, 102, 265
Никольский А. М. 102
Никонов А. Г. 136
Нобилинг Карл 137
Новицкий В. Д. 18, 21, 52, 54, 169, 190, 234, 235, 279, 297
Новицкий М. Э. 261, 319
Новорусский М. В. 17

Обедзинский С. Ц. 158
Обнорский В. П. 15, 134, 241—243, 320
Ободовская А. Я. 120, 127
Оболенский Е. П. 90, 234, 284
Оболешев А. Д. 189, 251
Обручев В. А. 31, 92, 94
Овчинников А. С. 204
Огарев Н. П. 31, 35, 57, 92
Окладский И. Ф. 243, 251, 254, 255, 293, 310
Ольхин А. А. 63
Ольховский А. А. 317
Опришко Г. Я. 318
Орджоникидзе Г. К. 101
Оржеховский И. В. 278
Оржих Б. Д. 20, 24
Орлов В. Ф. 106
Орловский И. И. 250
Осинский В. А. 14, 16, 134, 151, 162, 163, 165, 189, 191, 193, 197, 199, 204—206, 234—236, 244, 257, 271, 301, 302, 309, 316
Осипов А. О. 126, 316
Осташкин В. А. 289
Островский А. Н. 312
Островский М. Н. 163, 312
Охременко А. В. 317
Ошанина М. Н. 146, 219

Пален К. И. 23, 51, 56, 76, 77, 79, 86, 88, 156, 157
Панкратов В. С. 17, 150, 261, 294, 312
Пантелеймонов Я. Н. 84
Пантин И. К. 36, 275
Панухина Н. Б. 8, 269, 288
Папин И. И. 108
Парасунько О. А. 277
Пассананте Джиованни 137
Пекарский Э. К. 285, 318
Перетц Е. А. 17, 171, 187, 246, 283, 299, 309
Перлашкевич Н. Л. 321
Перовская С. Л. 16, 97, 99, 110, 131, 134, 143, 145, 192, 211, 219, 226, 229, 230, 233, 235, 244—247, 253, 254, 260, 262, 301, 305—307, 309
Першина З. В. 276, 277
Пестель П. И. 90 234, 284
Петерс К. К. 119
Петерсон А. Н. 112, 241, 242
Петлицкий Я. И. 203, 241, 242, 319
Петрашевский М. В. см. Буташевич - Петрашевский М. В.
Петрункевич И. И. 151
Пирумова Н. М. 294
Писарев Д. И. 31, 32, 35, 42, 233, 274
Плансон А. А. 19, 278
Плеве В. К. 9, 23, 113, 145, 214
Плеханов Г. В. 10, 35, 43, 95, 97, 112, 216, 253, 270, 275, 285, 292, 304
Плимак Е. Г. 286
Плотников Н. А. 108, 109
Победоносцев К. П. 17, 80, 87, 172, 176, 177, 179—181, 187, 282, 283, 298, 306
Подбельский П. П. 145
Покровский М. Н. 42, 91, 113, 276, 287, 288
Поливанов П. С. 17, 261, 319
Полисадов В. П. 233
Половцов А. А. 17, 51, 278, 299
Польгейм И. О. 128
Полянский Н. Н. 295
Попко Г. А. 202

Попов И. И. 67, 307
Попов М. Р. 17, 20, 136, 185, 189, 193, 194, 226, 243, 245, 256, 300, 318
Порох И. В. 283
Потапов А. Л. 55, 58, 107, 108
Потапов Я. С. 84, 112, 241, 242, 317
Прейм С. И. 195, 321
Преображенский А. И. 240, 241
Пржевальский Н. М. 145
Пресняков А. К. 16, 236, 241—243, 257, 260, 262, 301
Прибылев А. В. 17
Прибылева-Корба А. П. 15, 22, 290, 304—306, 310, 312
Принцип Гаврило 301
Притцкер А. Я. 318
Прохоров П. П. 251
Пустовойтова А. Т. 45
Пушкин А. С. 59
Пфейль фон гр. 19, 223, 305
Пылаев Е. Ф. 318

Рабинович М. А. 122
Райко М. Д. 261
Рашевский Н. Н. 158, 319
Рашко И. А. 250
Ребицкий (Рыбицкий) И. О. 82, 125
Рейнгардт В. В. 76
Рейнштейн Н. В. 136, 242
Рейснер Л. М. 254, 310
Рипман Ф. Ф. 106
Рогачев Д. М. 289
Рогачев Н. М. 15, 144, 198
Родин П. А. 250
Родионов И. В. 200, 255, 317
Розанов И. П. 109, 317
Розовский И. И. 195, 197, 200, 251, 255, 263, 301, 317
Романенко Г. Г. 219
Росси де Е. Ф. 283
Россикова Е. И. 244, 317
Рудько Н. П. 277, 292
Ружевский В. П. 76
Русинов Н. Ф. 202
Рылеев К. Ф. 90, 284
Рысаков Н. И. 21, 174, 192, 195, 229, 233, 235, 251, 254, 261, 293, 301, 306, 310

Саблин Н. А. 132
Сабуров А. А. 145, 169, 171
Савенко Е. И. 250
Савинков (Ропшин) Б. В. 300
Савинков В. М. 251, 300
Сажин М. П. 45, 289
Салтыков-Щедрин М. Е. 17, 32, 33, 42, 50, 63, 85, 90, 164, 168, 274, 278, 281, 283, 284, 296
Санковский Н. М. 203, 237, 238, 256, 311, 319
Сарандович Е. П. 320
Сахарова Т. П. 128
Свириденко В. А. 199, 234, 301
Святополк-Мирский Д. И. 166
Седов М. Г. 11, 36, 269, 270, 275, 292, 306, 310
Селиверстов Н. Д. 57, 59, 153, 157, 280
Семевский В. И. 284
Семевский М. И. 23, 297
Семенская А. К. 250
Семяновский Е. С. 21, 109, 287, 315
Сенченко И. А. 11, 270, 271
Сергеев С. И. 317
Сергеева Е. Д. 219
Серебренников В. И. 314
Серебряков Э. А. 260, 285, 292, 312
Серно-Соловьевич А. А. 31, 92
Серно-Соловьевич Н. А. 31, 34, 92—94, 265, 275, 285
Сет Рональд (Seth R.) 12, 271
Сидоренко Е. М. 293
Силенко П. М. 124, 125, 289
Синегуб С. С. 119, 289
Сипович А. А. 319
Сиряков А. И. 83, 109, 316
Сквери М. П. 17, 125
Скляревич В. И. 322
Скобелев М. Д. 143, 292
Слезкин И. Л. 53, 54, 106

Сливицкий П. М. 92
Смецкая Н. Н. 318
Смирнов А. Ф. 36, 275, 299
Смирнов Я. П. 241, 242
Смирнов-Сокольский Н. П. 272
Снытко Т. Г. 269, 277, 293
Соколов Н. В. 75, 314
Соколов С. С. 24
Соловцовский М. Г. 80
Соловьев А. К. 137, 154, 158, 160, 162, 186, 203, 206, 234, 257, 271, 301, 312, 316
Солодовников С. С. 324
Соломон А. П. 66, 281
Сольский Д. М. 163
Союзов И. О. 126, 289
Спандони А. А. 17, 300
Спасович В. Д. 24, 105, 106, 286
Спешнев Н. А. 91
Стадольский А. А. 78
Сталин И. В. 101
Стародворский Н. П. 23, 273
Старынкевич И. Ю. 232, 259, 319, 320
Стасов Д. В. 18, 22, 63, 102, 282, 286
Стаховский В. А. 289
Степняк-Кравчинский С. М. 9, 17, 19, 23, 58, 59, 63, 65, 120, 123, 136, 137, 156, 189, 276, 280, 281, 295, 301, 306, 307, 309
Стефанович Я. В. 20, 185, 260, 309
Столыпин П. А. 113
Стопане С. А. 122, 289, 322
Странден Н. П. 101, 102
Стрельников В. С. 22, 189—191, 194, 197, 247, 251, 300, 312
Строганов С. Ф. 242, 250
Суворин А. С. 17, 75, 298, 314
Судейкин Г. П. 193, 251, 256, 311
Судзиловская Е. К. 120
Суханов Н. Е. 22, 99, 145, 175, 188, 209, 210, 217, 224, 226, 263, 301, 302, 310
Таганцев Н. С. 18, 54, 279
Танеев В. И. 45
Таратута Е. А. 309
Тарковский А. К. 321
Тарле Е. В. 18, 157, 272, 295
Тарсаидзе Александр (Tarsaidzé A.) 12, 271
Тархов Г. А. 250
Татаринчик В. И. 241, 317
Татищев С. С. 9, 269, 279, 280, 283
Твардовская В. А. 36, 217, 275, 292, 297, 304
Твен Марк 19
Телепнев И. Н. 323
Теллалов П. А. 15, 22, 99, 143, 200
Телье В. И. 110, 315
Теплов А. Л. 317
Терентьев М. Д. 109, 315
Терентьева Л. Д. 200, 245, 303
Тетерка М. В. 188, 200, 241, 243, 255, 293
Тефтул И. И. 315
Тизенгаузен Н. О. 78
Тимашев А. Е. 51, 53
Тисельский П. С. 84
Тиханович А. П. 261
Тихомиров Л. А. 132, 146, 219, 272, 273, 289, 298, 304
Тихонов Я. Т. 164, 209, 222, 242, 243, 263, 293
Тихоцкая (Балавенская) М. А. 292
Тихоцкий В. А. 21
Тихоцкий Н. А. 292
Тищенко И. И. 202, 250
Ткачев П. Н. 43, 57, 174, 275, 314
Толстой Д. А. 22, 51, 56, 62, 169, 181, 290, 299
Толстой Л. Н. 5, 17, 20, 198, 301
Толстоносов П. Г. 84
Томилова Е. Х. 106
Торгашов П. И. 17, 320
Тотлебен Э. И. 154, 191
Точисский П. В. 67
Трепов Ф. Ф. 52, 74, 80, 87, 129, 136, 290
Тригони М. Н. 17, 143, 224, 303

Троицкий А. В. 319
Трощанский В. Ф. 249
Трубецкой С. П. 90, 234, 284
Трувеллер В. В. 92
Тулисов В. И. 259, 318
Тургенев И. С. 5, 17, 20, 92, 127, 290
Тырков А. В. 293
Тычинин П. Н. 293
Тюрин И. К. 317
Тютчев Н. С. 18, 100, 101, 103, 285, 311
Тютчев Ф. И. 17, 51, 278
Тютчева А. Ф. 17, 299

Уайльд Оскар 20
Украинка Леся 20
Улановская Э. Л. 317
Ульянов А. И. 188, 231, 269, 272, 310
Ульянова-Елизарова А. И. 272
Уроева А. В. 12, 271
Успенский Г. И. 95, 177
Успенский П. Г. 105, 106
Утин Е. И. 127
Утин Н. И. 31, 45, 57
Утина (Корсини) Н. И. 127
Ушерович С. С. 301, 307

Фадеев Р. А. 20, 24
Фалин Н. Я. 112
Федоров В. А. 274
Федоров М. А. 19, 88, 283
Федоров П. М. 320
Федоренко Михаил 314
Федосеев Н. Е. 67
Феоктистов Е. М. 18, 24, 86, 283
Феохари С. И. 243, 300
Фигнер В. Н. 15, 17, 23, 101, 112, 116, 120, 126, 143, 145, 181, 219, 231, 260, 272, 288—290, 298, 304, 305, 309—312
Фигнер Е. Н. 164, 245, 260
Фигнер Л. Н. 114
Филатов Ф. М. 243
Филиппов А. А. 201
Филиппов Р. В. 32, 36, 274, 275, 279
Философов В. Д. 199
Флоринский И. И. 106
Фоменко И. В. 319
Фомин А. А. 320
Фомичев Г. И. 202, 315
Фофанов К. М. 24
Франкель Лео 19
Франжоли А. А. 132, 143
Фриденсон Г. М. 252
Фриш Э. В. 80, 89, 283
Фроленко М. Ф. 17, 23, 98, 100, 101, 188, 226, 253, 295, 310, 311
Фролов Иван 198
Фукс Э. Я. 77, 78, 80, 187, 299
Футмен Дэвид (Footman D.) 12, 271, 303

Хаджи-Мурат 168
Халтурин С. Н. 112, 134, 143, 190, 191, 198, 226, 241—243, 301, 319
Ханыков А. В. 91
Хворостянский П. А. 319
Хвостов Б. Н. 78, 79
Хейфец М. И. 155, 295, 298
Холопов А. С. 322
Хохлов А. И. 316
Хохлов К. В. 316
Хроновский С. Ф. 321
Худяков И. А. 17, 32, 72, 74, 101, 265, 271, 278, 281

Церетели А. Р. 20
Цицианов А. К. 115
Цобель Ф. И. 322
Цыплов И. Н. см. Гарманов И. Н.

Чайковский П. И. 5, 17
Чарушин Н. А. 17, 286, 288, 289
Чекоидзе М. Н. 115, 322
Черевин П. А. 19, 58, 72, 102, 140, 237, 238, 247, 256, 281, 286, 312
Черкезов В. Н. 21, 286
Чернавский М. М. 113, 282
Чернуха В. Г. 55, 279
Чернышевский Н. Г. 28—31, 33—36, 41—43, 68, 69, 92, 94, 131, 233, 248, 274, 275
Чернявский И. Н. 119, 289
Чертков М. И. 23, 154, 163, 191, 309

Чичерин Б. Н. 18, 24, 179
Чубаров С. Ф. 193, 301
Чудновский С. Л. 289
Чуйко В. И. 17
Чуковский К. И. 278
Чупров А. И. 151

Шадрин А. Б. 318
Шакол А. Т. 269
Швелидзе З. Л. 277, 293
Швецов С. П. 316
Шебалин М. П. 17, 18
Шебеко Н. И. 9, 231
Шевелев Н. А. 45, 314
Шевченко Т. Г. 31
Шевырев П. Я. 272
Шелгунов Н. В. 31, 35, 275, 276
Шестаков И. А. 24, 64, 65, 166, 273
Шефтель Ф. И. 112, 113, 128
Шехтер С. Н. 245
Шилов А. А. 11, 270, 278
Ширяев С. Г. 15, 99, 174, 189, 200, 201, 207—213, 217, 219, 221, 224—226, 231, 234, 254, 311
Шишко Л. Э. 289
Шмидова Р. А. 17
Шпицер С. М. 160, 295
Шрейбер Н. Н. 283
Штакеншнейдер Е. А. 17
Штернберг Л. Я. 67
Штромберг А. П. 198
Шувалов П. А. 50—56, 58, 62, 69, 76, 273
Шувалов П. П. 171

Щеголев П. Е. 11, 107, 270, 272, 281, 283, 286, 287, 310, 311
Щедрин Н. П. 149, 240, 241, 319
Щиглев В. Р. 163

Эвенчик С. Л. 291
Элпидин М. К. 31
Эльсберг Я. Е. 36, 278
Энгельмейер А. К. 308
Энгельс Фридрих 10, 45, 47, 96, 97, 135, 142, 146, 172, 173, 183, 237, 270, 276—278, 283, 285, 290, 294, 298
Эпштейн А. М. 306
Эссен О. В. 280

Ювачев И. П. 17
Южакова Е. Н. 243, 321
Юрасов Д. А. 101, 102
Юрьевская (Долгорукова) Е. М. 171
Юшневский А. П. 90, 234, 284

Якимова А. В. 26, 98, 101, 132, 244, 245, 261, 272, 309, 310
Яковлев И. С. 319
Якубович П. Ф. 15, 22, 29, 71, 135, 185
Якушкин И. Д. 234
Янковский К. П. 249
Янсон Юрий 109
Янсон Ю. Э. 294
Ясинский И. И. 18
Яцевич Н. В. 250

Arnaudo J.-B. 273
Corbet Ch. 293
Karlowitsch N. 273
Laferté V. 297
Lavigne E. 273
Měchýr J. 293
Morley J. 273
Périviér A. 272

Оглавление

Введение
5

Литература
8

Источники
14

I

Царизм и революционное движение 1866—1878 гг.
29

От первой революционной ситуации ко второй
29

Реакция против революции
48

Соотношение административной и судебной расправы в карательной политике царизма
59

II

Революционная Россия перед судом царизма
71

Царский суд и политические процессы 1866—1878 гг.
71

Принципы поведения революционеров после ареста
90

Русские революционеры на политических процессах 1866—1878 гг.
101

III

Вторая революционная ситуация в России
135

Революционный натиск
135

«Кризис верхов»
152

IV

Политические процессы 1879—1882 гг. как арена революционной борьбы
185

Судебный террор царизма
185

Революционная агитация со скамьи подсудимых
202

Сила и слабость революционеров перед царским судом
225

Вместо заключения
265

Условные сокращения
267

Примечания
269

Приложение
313

Указатель имен
323

Троицкий Н. А.

Т 70 Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866—1882 гг. М., «Мысль», 1978.

335 с.

В книге исследуются политические процессы в России от вступления в силу буржуазных судебных уставов 1864 г. до конца 1882 г., т. е. условно от первой до второй революционной ситуации включительно, на широком фоне освободительной борьбы и карательной политики царизма.

Рассматривая общие принципы и тактические особенности поведения революционеров в царском плену, воссоздавая эпопею их многолетнего героического противоборства царизму (под арестом, в тюрьме, на суде, каторге и эшафоте), автор открывает перед читателем как бы второй фронт русского революционного движения 60—80-х годов XIX в., до сих пор еще мало изученный.

$Т\frac{10604\text{-}111}{004(01)\text{-}78}105\text{-}78$ 9(С)16

ИБ № 685

Троицкий Николай Алексеевич

БЕЗУМСТВО ХРАБРЫХ

Русские революционеры и карательная политика царизма 1866—1882 гг.

Заведующий редакцией *В. С. Антонов*
Редактор *Ю. В. Мочалова*
Младший редактор *В. М. Кузнецова*
Оформление художника *А. А. Брантмана*
Художественный редактор *В. А. Захарченко*
Технический редактор *Е. А. Данилова*
Корректоры *Э. В. Одина* и *И. В. Равич-Щербо*

Сдано в набор 08.12.77. Подписано в печать 18.05.78. А05265. Формат 84×100 1/32. Бумага типографская, № 1. Академическая гарнитура. Высокая печать. Усл. печатных листов 16,38. Учетно-издательских листов 18,69. Тираж 75 000 экз. Заказ № 1661. Цена 80 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Гатчинская ул., 26.